

3 (30)

2015

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Электронный журнал

**№ 3 (30)
2015**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН, зам. директора по науке; Бужилова А.П., чл.-кор. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова, директор; Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН, г.н.с.; Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия); Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США); Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН, зав. отделом; Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), директор; Яблонский Л.Т., д.и.н., Ин-т археологии РАН, зав. отделом

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия); Дегтярева А.Д. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Зах В.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. лабораторией; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН, ст.н.с.; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН, г.н.с.; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН, учен. секретарь; Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зам. директора по науке

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2015

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Илюшина В.В., Еньшин Д.Н. Гончарное производство козловской культуры по материалам поселения Мергень 7.....	4
Калиева С.С., Логвин В.Н. Первое жилище поселения Пыхты I.....	15
Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Завитки в орнаментации срубной культуры.....	23
Дегтярева А.Д., Нескоров А.В. Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация).....	32
Глушкова Т.Н., Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Текстильные материалы из погребальных памятников раннего железного века и средневековья лесостепного Притоболья.....	42
Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья.....	51
Рафикова Т.Н. Керамический комплекс костяца Песьянка-1 (к проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры).....	61
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Сведения европейцев XV — начала XVIII в. об особенностях культур тюркских и монгольских номадов в Западной и Южной Сибири.....	72

Антропология

Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. К проблеме формирования антропологического состава киргизов.....	82
Кишкурно М.С., Зубова А.В. Краниология носителей верхнеобского варианта каменной культуры по материалам могильника Верх-Сузун-5.....	92
Комаров С.Г. Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии.....	104

Этнология

Боукал Т. Этническая экология священных мест манси.....	116
Степанова О.Б. Селькупы села Совречка.....	126
Квашнин Ю.Н. Вавлэ Ненянг (опыт обобщения материалов и составления родословной).....	135
Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий у коми Западной Сибири.....	146
Нам И.В. Иоганн Локкенберг — последний томский пастор.....	154
Федоров Р.Ю., Фишер Т.А., Петров С.А. Социокультурные и психоиммунные аспекты адаптации детей лесных ненцев к урбанизированным условиям.....	161

Палеоэкология

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин А.С. Новые данные о среде обитания населения Зауралья в начале средневековья.....	170
---	-----

Рецензии

Адаев В.Н. Рецензия на книгу Е.И. Гололобова «Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930 гг.): исторические корни современных экологических проблем».....	177
Барыкин А.В. Рецензия на книгу: Шмидт В.А. В свете личного знания чрезвычайной истины / Темплинг В.Я., Никулина Н.А.: Сост., вступ. слово и коммент.	182

Информация для авторов	186
Список сокращений	188

На передней стороне обложки: в интернате с. Харампур Пуровского р-на ЯНАО (фото Р.Ю. Федорова); брошенный священный лабаз на р. Пелым (фото Т. Боукала); бронзовый наконечник копья из Ростовкинского клада (Омская обл.).

Contents

Archaeology

Ilyushina V.V., Yen'shin D.N. Pottery industry with population of the Kozlov culture from Mergen' 7 settlement.....	4
Kaliyeva S.S., Logvin V.N. The first dwelling from Pykhty I settlement.....	15
Polidovich Yu.B., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Scrolls in ornamentation of the Timber-grave culture.....	23
Degtyareva A.D., Neskorov A.V. Rostovka buried treasure of bronze tools of the Bronze Age (cultural interpretation).....	32
Glushkova T.N., Masluzhenko D.N., Ryabinina Ye.A. Textile materials from burial sites of the Early Iron Age and Middle Ages from the forest-steppe Low Tobol basin	42
Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P. A material complex and a dating problem of the Karym stage of the taiga Low Ob' basin	51
Rafikova T.N. A pottery complex from Pesyanka-1 bone bed (on chronology and periodization of the Yudino culture)	61
Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Evidences of Europeans of XV — early XVIII c. on cultural distinctions of Turkic and Mongolian nomads in West and South Siberia.....	72

Anthropology

Khodzhaiov T.K., Khodzhaiova G.K. On formation of an anthropological composition of the Kirghiz	82
Kishkurno M.S., Zubova A.V. Craniology of bearers of the Upper Ob' variant of the Kamenskaya culture after materials of Verkh-Suzun-5 burial site.....	92
Komarov S.G. The population of the Golden Horde Khadzhi-Tarkhan town after craniological data	104

Ethnology

Boukal T. Ethnic ecology of Mansi sacred places.....	116
Stepanova O.B. The Selkups from Sovrechka village	126
Kvashnin Yu.N. Vavlyo Nenyang (an experience of summarizing materials and compiling a genealogy)	135
Liskevich N.A., Masharipova A.Kh. Practices of influencing weather and protection from natural disasters with Komi of West Siberia	146
Nam I.V. Johann Lokkenberg — the last Tomsk pastor	154
Fyodorov R.Yu., Fisher T.A., Petrov S.A. Sociocultural and psycho-immune aspects of adapting forest Nenets children to urbanized living conditions.....	161

Paleoecology

Ryabogina N.Ye., Ivanov S.N., Afonin A.S. New data on the habitat of Transural population in the early Middle Ages.....	170
--	-----

Reviews

Adayev V.N. A review of the book «Man and nature in the Ob' and Irtysh North (1917–1930): historical roots of modern ecological problems» by Ye.I. Gololobov.....	177
Barykin A.V. A review of the book: Schmidt V.A. In the light of personal knowledge of absolute truth / Templing V.Ya., Nikulina N.A.: Compiling, introductory word and comments	182
Memo to the Authors	186
Abbreviations	188

АРХЕОЛОГИЯ

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КОЗЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 7

В.В. Илюшина, Д.Н. Еньшин

Рассмотрен керамический комплекс козловской культуры поселения Мергень 7, расположенного на территории Нижнего Приишимья, с точки зрения технологии изготовления посуды. В результате технико-технологического анализа выявлены гончарные традиции населения поселка. На основании анализа и корреляции полученных данных с комплексом информации по сопредельным территориям определены векторы культурных и хозяйственных связей козловского населения.

Нижнее Приишимье, поселение Мергень 7, козловская культура, сосуд «маханджарско-атбасарского» облика, керамика, технико-технологический анализ.

Изучение новых памятников, расположенных в Мергенском археологическом микрорайоне, актуализировало вопросы культурно-хронологического развития неолита Нижнего Приишимья [Зах, 2009]. Ввиду малочисленности и разрозненности источников разработанные к настоящему времени концепции эволюции неолитических культур носят достаточно схематичный характер, а детальный анализ материалов, полученных за последние годы, позволяет существенно дополнить и уточнить их. В данном случае речь пойдет о комплексе керамики из жилища 1 поселения Мергень 7, расположенного на северо-восточном берегу оз. Мергень в Нижнем Приишимье.

Ранее одним из авторов настоящей работы был подробно проанализирован комплекс керамики, полученный при исследовании сооружения [Еньшин, 2015]. Кратко остановимся на основных выводах. Исследование декора на сосудах, включая особенности орнаментов, техник нанесения узора и сочетание их на одном сосуде, композиционное построение орнамента, и сравнение результатов с данными по другим памятникам Зауралья позволили отнести комплекс к козловской археологической культуре и считать его маркером восточной границы ее ареала. Особенностью мергенской керамики является наличие двух морфологических групп изделий — сосудов баночной формы и слабопрофилированных горшков, не характерных для козловского гончарства на других территориях. Кроме того, в комплексе есть сосуды, одни из которых орнаментированы исключительно в прочерченно-накольчатой технике, другие — в сочетании с гребенчатыми узорами. Отметим, что подобные материалы разделяются исследователями на две хронологические группы, где посуда, украшенная гребенчатым штампом, априори считается более поздней [Ковалева, Ивасько, 1991]. Анализ планиграфического и стратиграфического залегания дал основание говорить об одновременности охарактеризованных групп изделий и монолитности всего комплекса керамики.

Исходя из всех полученных данных и судя по присутствию в коллекции сосуда, близкого по облику к изделиям маханджарского и (или) атбасарского типа (обнаружен в виде развала на дне изученного сооружения), Д.Н. Еньшин выделил два наиболее вероятных вектора связей носителей козловской традиции в Нижнем Приишимье: западный (Нижнее Притоболье) и южный (Северный Казахстан, Тургайский прогиб) [2015].

Таким образом, следующей ступенью в изучении материала, поиска подтверждений или опровержений данных выводов, а также тезиса о монолитности комплекса несмотря на различия в морфологии и орнаментации сосудов стало выявление особенностей гончарства неолитического населения поселка.

Технико-технологическому изучению керамики поселка предшествовала работа по разделению материала на основные группы по особенностям орнаментации. Подробный анализ элементов и композиционного построения орнамента на сосудах козловской культуры поселения Мергень 7 проводился ранее [Еньшин, 2015], поэтому остановимся лишь на общих моментах. В целом сосуды, по которым были получены технологические данные, по особенностям нанесения орнамента делятся на три группы. Группу I составляют 34 сосуда. Это посуда баноч-

Гончарное производство населения козловской культуры поселения Мергель 7

ной и, реже, горшечной формы, орнаментированная стержневидными орудиями в техниках накола, отступания и прочерчивания. Один сосуд, включенный в данную группу, не орнаментирован (рис. 3, 1–4, 9). Группа II немногочисленна, составляет всего 14 изделий. Это сосуды в основном горшечной формы, реже — баночной, украшенные в технике «шагания» и печатания гребенчатым и предположительно гладким штампом, естественными орнаментами, скорее всего челюстями животных, в сочетании с элементами орнамента, выполненными в техниках накола и прочерчивания (рис. 3, 5, 6, 8). В эту же группу включен сосуд, орнаментированный так называемым составным орудием с эластичным рабочим краем. Под составными орудиями подразумеваются основы различных форм, на которые в несколько витков намотан шнур, являющийся рабочей частью орнамента [Дубовцева, 2011, с. 21].

Кроме того, особо (группа III) выделен сосуд, близкий по морфологическим, технологическим и орнаментальным особенностям маханджарским изделиям, получившим распространение на территории Тургайского прогиба [Шевнина, 2008, с. 267; 2012, с. 21], и атбасарским материалам Северного Казахстана [Зайберт, 1992, с. 98–100]. Изделие имеет слабопрофилированную горшечную форму, приостренное дно и округлый срез венчика, слегка вогнутый вовнутрь, орнаментированный косыми оттисками гребенки (рис. 3, 10). Бордюрная зона оформлена горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа, а узор представлен горизонтальными рядами «шагающей» гребенки по тулову, разделяющими верх и низ сосуда. Верхняя и нижняя части украшены вертикальными с небольшим наклоном рядами «шагающей» гребенки.

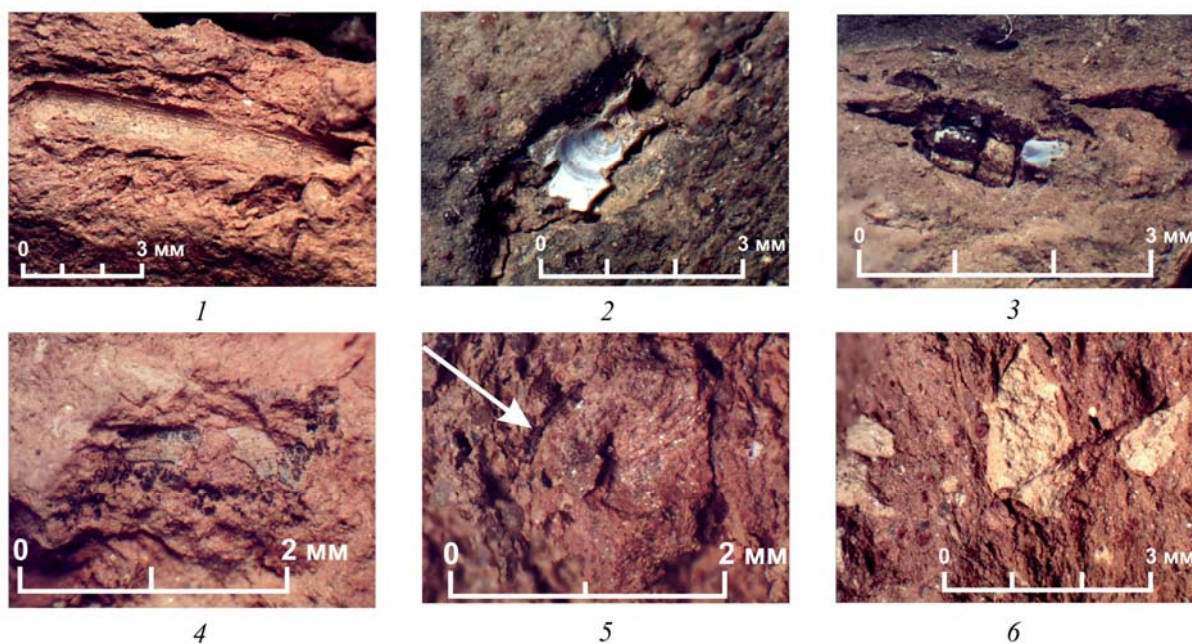
Таким образом, проанализировано 49 сосудов. Исследование проводилось с использованием историко-культурного подхода к изучению древней керамики, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11]. С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки каждого экземпляра были нагреты в муфельной печи до 850 °С.

Технико-технологический анализ керамики осуществлялся в рамках выделенных трех групп сосудов. В связи с тем что данные, полученные при изучении навыков работы гончаров на всех стадиях и ступенях гончарного производства, в основном сходны, их характеристика дана в обобщенном виде. Особенности гончарной технологии каждой группы сосудов представлены в таблицах.

Отбор, добыча и подготовка исходного сырья (ступени 1–3). По изученному материалу выявлено три вида ИПС — ил, илестые глины и глины [Васильева, 2011б, с. 104; 2013, с. 74].

Применение ила отмечено по изломам лишь одного изделия (2 %). В качестве естественной примеси этот вид сырья содержит кварцевый песок в основном менее 0,1 мм и единичные включения до 0,5 мм, включения бурого железняка оолитовой формы размером до 1,0 мм, обломки чешуи и косточек рыб размером от 0,6–2,0 до 5,0 мм, а также отпечатки обрывков растительной ткани и нитевидных растений (водорослей) длиной от 0,5–2,0 до 10,0 мм в средней концентрации (5–10 отпечатков на 1 см²). Судя по количеству песка ил относится к разряду «жирных» или слабозапесоченных.

В абсолютном большинстве случаев зафиксировано использование илестых глин (47 сосудов — 96 %). Данный вид сырья содержит окатанный и полуокатанный кварцевый песок с размером частиц в основном от менее 0,1 до 0,1–0,2 мм, реже — от 0,3–0,5 до 0,8–1,7 мм. В сырье значительной части изделий зафиксированы окислы железа в виде округлых включений рыжего цвета, мягких, легко разрушающихся иголкой, размером от 0,1–0,4 до 1,2 мм (от 2–5 до 15–30 включений, единично — до 50 частиц на 1 см²), а также единичные включения оолитового бурого железняка размером от 0,8 до 4,5 мм. Отличием илестых глин от ила является единичность отпечатков растительности размером в основном не более 2,0–3,0 мм, редко — до 5,0–10,0 мм (рис. 1, 1). В изломах 16 сосудов зафиксированы обломки косточек и чешуи рыб размером от 0,5–5,0 мм до 2,0 см (рис. 1, 2–4). Единичны окатанные комочки чистой глины размером 1,0–1,5 мм. В результате исследования обнаружена различная степень запесоченности илестых глин. Слабозапесоченное ИПС (1 сосуд — 2 %) содержит незначительное количество песка размером 0,1–0,2 мм (не более 20–30 включений на 1 см²). Среднезапесоченное ИПС (38 сосудов — 77,5 %) содержит песок размером до 0,1–0,2 мм, реже — 0,3 мм (до 70–80 включений на 1 см²), встречаются песчинки размером 0,4–0,6 мм (3–9 включений на 1 см²), единично — 1,0–1,7 мм. В сильнозапесоченном ИПС (8 сосудов — 16,3 %) основной размер песчинок — 0,1–0,3 мм (более 100 включений на 1 см²), часто фиксируются частицы размером 0,4–0,5 мм (до 10–13 включений на 1 см²), единично — 0,8–1,2 мм.

Рис. 1. Микроснимки естественных (1–4) и искусственных примесей (5, 6) в исходном пластичном сырье и формовочных массах сосудов:
 1 — отпечаток растительности; 2–4 — обломки косточек и чешуи рыб; 5 — шамот, в состав которого входит тальк;
 6 — шамот из слабожелезненного сырья.

Глина, использовавшаяся в качестве ИПС, зафиксированная по изломам одного сосуда (2 %), содержит в качестве естественной примеси окатанные и остроугольные включения кварцевого песка размером от 0,1–0,2 до 2,0–3,5 мм в концентрации не менее 1:3. На естественный характер данной примеси указывает наличие в неровностях граней включений кварца частиц того же сырья, из которого изготовлен сосуд [Бобринский, 1978, с. 82]. Данный вид ИПС можно отнести к разряду «тощих» или сильнозапесоченных глин.

Следует отметить, что в абсолютном большинстве случаев использовалось среднежелезненное ИПС [Цетлин, 2006, с. 421–425; Munsell, 1992]. В то же время из общего количества исследованных образцов выделяется сосуд, для изготовления которого применялась слабожелезненная илистая глина.

Основываясь на качественном составе естественных примесей в ИПС (в частности, наличии или отсутствии железистых включений), степени запесоченности и соотношении размерности включений песка, а также учитывая степень его ожелезненности, выделены 1 вариант ила (И-1), 6 вариантов илистых глин (ИГ-1, ИГ-2 и т.д.) и 1 вариант глины (Г-1). Различия данных вариантов ИПС, на наш взгляд, связаны с разными районами и местами его добычи [Бобринский, 1999, с. 25–26].

Соотношение выделенных групп сосудов и полученных технологических данных по особенностям ИПС (табл. 1) показало, что ил и все разнообразие выделенных вариантов илистых глин использовались для изготовления посуды группы I. По сосудам группы II выявлено только два варианта илистых глин, которые в то же время наиболее часто применялись и гончарами, изготавливавшими посуду группы I. Отметим также достаточно высокий процент сосудов группы II, выполненных из сильнозапесоченной илистой глины ИГ-6. Глина зафиксирована только на изломах сосуда группы III, т.е. изделия «маханджарско-атбасарского» облика.

Отсутствие признаков предварительного высушивания и дробления ИПС (нерастворившиеся комочки глины, линзы разной цветности, следы дробления естественных примесей и др.) позволяет говорить об использовании всех выделенных видов сырья в состоянии естественной влажности.

Таблица 1

Соотношение основных групп сосудов и вариантов ИПС

Вид ИПС	Группа I	Группа II	Группа III
И-1	1/2,9*	—	—
ИГ-1	1/2,9	—	—
ИГ-2	1/2,9	—	—
ИГ-3	1/2,9	—	—
ИГ-4	2/5,9	—	—
ИГ-5	25/73,6	9/64,3	—
ИГ-6	3/8,9	5/35,7	—
Г-1	—	—	1/100
Всего сосудов	34/100	14/100	1/100

* Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — % от общего количества сосудов.

Составление формовочных масс (ступень 4). По исследованному материалу зафиксированы следующие искусственные примеси: шамот, шерсть и волос животных и органические растворы.

Шамот гончарами не подвергался калибровке. В ряде случаев размер его зерен имел верхний предел не более 3,0–4,0 мм. Однако в изломах большинства сосудов размер частиц шамота варьируется от менее 0,5 до 5,0–6,0 мм, иногда — до 8,0–10,0 мм. Концентрация шамота в формовочной массе изделий различна и составляет чаще всего 1:4/5 (79,6 %), редко — 1:6 (12,3 %), 1:7 (4,1 %), 1:8 (2 %). В одном случае он представлен единичными включениями (2 %).

Корреляция концентрации шамота и выделенных групп сосудов не выявила каких-либо закономерностей. Можно отметить лишь, что единичные включения представлены в сосуде группы III. В то же время соотношение групп сосудов и особенностей размерности шамота показало, что шамот с максимальным размером до 4,0 мм зафиксирован в изломах половины сосудов группы II (табл. 2). В группе I шамот такой размерности обнаружен в изломах 10 изделий. Подчеркнем также, что только в сосуде группы III размер шамота не превышает 1,5 мм.

Таблица 2

Соотношение основных групп сосудов и размерности шамота

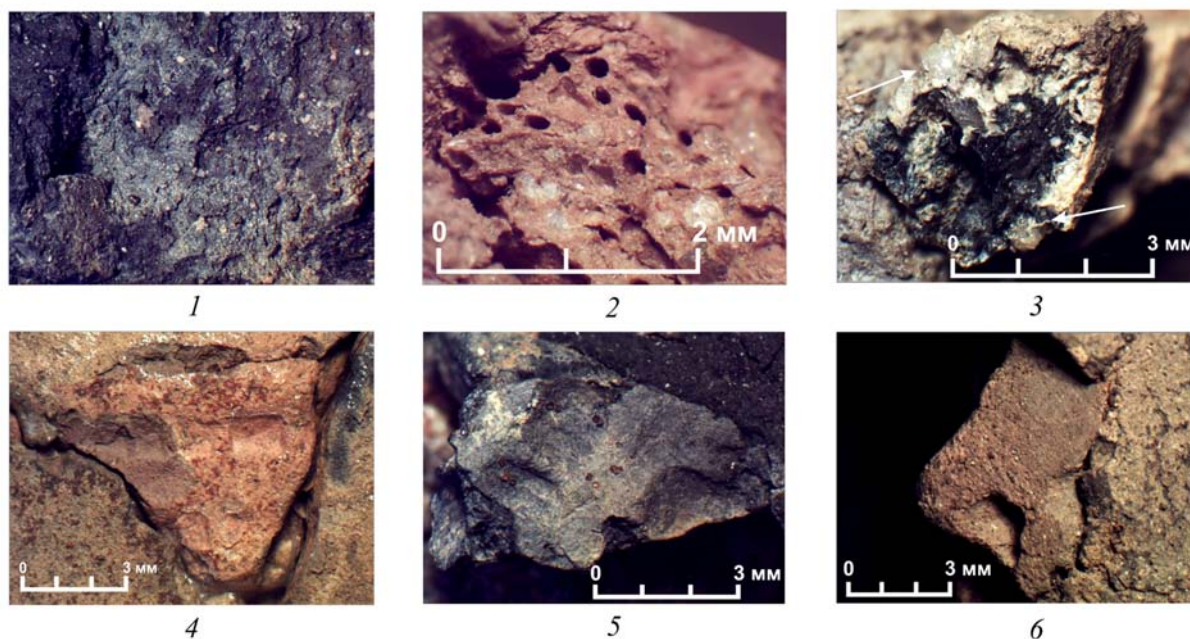
	Шамот не более 1,0–1,5 мм	Шамот менее 4,0 мм	Шамот до 5,0 мм и более	Всего сосудов
Группа I	—	10/29,4	24/70,6	34/100
Группа II	—	7/50	7/50	14/100
Группа III	1/100	—	—	1/100
Всего сосудов	1/2	17/34,7	31/63,3	49/100

В подавляющем большинстве случаев в формовочной массе сосудов зафиксированы следы органических растворов, которые характеризуются маслянистыми пленочками, чаще бесцветными, реже сизыми, сероватыми, черными (рис. 2, 1). Иногда налеты «сухие» сизого или коричневого цвета. Данные пленочки и налеты наблюдаются на поверхности минеральных включений, отдельных участках изломов, а также в пустотах аморфной формы или в виде вытянутых трещин размером от 0,5–2,0 до 6,0 мм. Следует подчеркнуть, что пустоты и пленки фиксируются по всей толще черепка и не связаны с проникновением нагара в поверхностные поры сосудов.

Единично отмечены шерсть и волос животных в виде отдельных волосков и пучков (рис. 2, 2), включения округлые в сечении, диаметром 0,1–0,2 мм, длиной до 3,0 см [Шевнина, 2012, с. 21–22]. Концентрация данной примеси незначительна.

Таким образом, по сочетанию различных искусственных компонентов с исходным пластичным сырьем выделено четыре рецепта составления формовочных масс (табл. 3): «ил + шамот + органический раствор» (1 сосуд — 2 %); «илистая глина + шамот + органический раствор» (45 сосудов — 92 %); «илистая глина + шамот» (4 сосуда — 4 %); «глина + шамот + шерсть + органический раствор» (1 сосуд — 2 %).

Рис. 2. Микроснимки искусственных примесей в составе формовочных масс сосудов:
 1 — следы органического раствора; 2 — каналцы от выгоревшей шерсти в составе формовочной массы сосуда «маханджарско-атбасарского» облика; 3 — шамот, в состав которого входят неокатанные включения кварца (дресва?), в формовочной массе «классического» сосуда козловской культуры; 4, 5 — отпечатки гребенчатого штампа на поверхностях включений шамота; 6 — следы наколов на поверхности включения шамота.

Представленная табл. 3 демонстрирует, что среди гончаров, изготавливавших сосуды групп I и II, массово была распространена традиция составления формовочных масс на основе добавления к илистой глине шамота и органических растворов. В то же время лишь по сосудам группы I зафиксированы рецепты без использования органической примеси. На этом фоне выделяется сосуд, отнесенный нами к группе III, формовочная масса которого составлена по рецепту «глина + шамот + шерсть + органический раствор».

Таблица 3

Соотношение основных групп сосудов и рецептов составления формовочных масс

	Группа I	Группа II	Группа III	Всего сосудов
И + Ш + ОР*	1/2,9	—	—	1/2
ИГ + Ш + ОР	31/91,2	14/100	—	45/92
ИГ + Ш	2/5,9	—	—	2/4
Г + Ш + Шер. + ОР	—	—	1/100	1/2
Всего сосудов	34/100	14/100	1/100	49/100

* И — ил; ИГ — илестая глина; Г — глина; Ш — шамот; Шер. — шерсть животных; ОР — органический раствор.

Технологическому анализу подвергался и шамот, так как его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях гончарного производства [Цетлин, 1980, с. 11]. Анализ показал, что формовочные массы раздробленных сосудов практически во всех случаях содержат шамот (табл. 4). Любопытен тот факт, что в изломах четырех сосудов обнаружены включения шамота, содержащие дресву, в двух случаях представленную тальком (рис. 1, 5) и в двух — неокатанными включениями кварца (дресва?) (рис. 2, 3). В изломах сосуда группы I в одном из включений шамота зафиксирован отпечаток чешуи рыбы, что может свидетельствовать об использовании глиноподобного сырья (илы или илестые глины) при изготовлении сосудов, пошедших на шамот. Примечательно также, что шамот в формовочной массе 10 изделий был получен при дроблении сосудов, изготовленных из слабожелезненного сырья (рис. 1, б), хотя, напомним, в коллекции присутствует лишь один фрагмент сосуда группы I из подобного ИПС.

Соотношение основных групп сосудов и ИПС и состава шамота

Особенности степени ожелезненности и состава шамота	Группа I	Группа II	Группа III	Всего сосудов
Слабожелезненное ИПС	8/23,5	2/14,3	—	10/20,4
Среднежелезненное ИПС	26/76,5	12/85,7	1/100	39/79,6
Всего сосудов	34/100	14/100	1/100	49/100
Шамот	33/97	12/85,7	—	45/92
Шамот; тальк	—	2/14,3	—	2/4
Шамот; включения кварца	1/2,9	—	—	1/2
Включения кварца	—	—	1/100	1/2
Всего сосудов	34/100	14/100	1/100	49/100

Следует отметить также, что на крупных включениях шамота в шести случаях зафиксирован орнамент, представленный отпечатками гребенчатого штампа (3 сосуда) (рис. 2, 4–5), следами прочерчивания и наколов (3 сосуда) (рис. 2, 6). Подчеркнем, что орнамент в виде оттисков гребенчатого штампа зафиксирован на поверхностях шамота, обнаруженного в формовочной массе одного сосуда, орнаментированного в технике «шагания», двух, орнаментированных в техниках прочерчивания и накола. Орнамент, выполненный в одном случае в технике прочерчивания, в другом — накола, зафиксирован на шамоте двух сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом в технике «шагания» и прочерчивания, а также гребенчатым штампом в технике печатания. Шамот с орнаментом в виде наколов зафиксирован в формовочной массе сосуда, украшенного в технике накола.

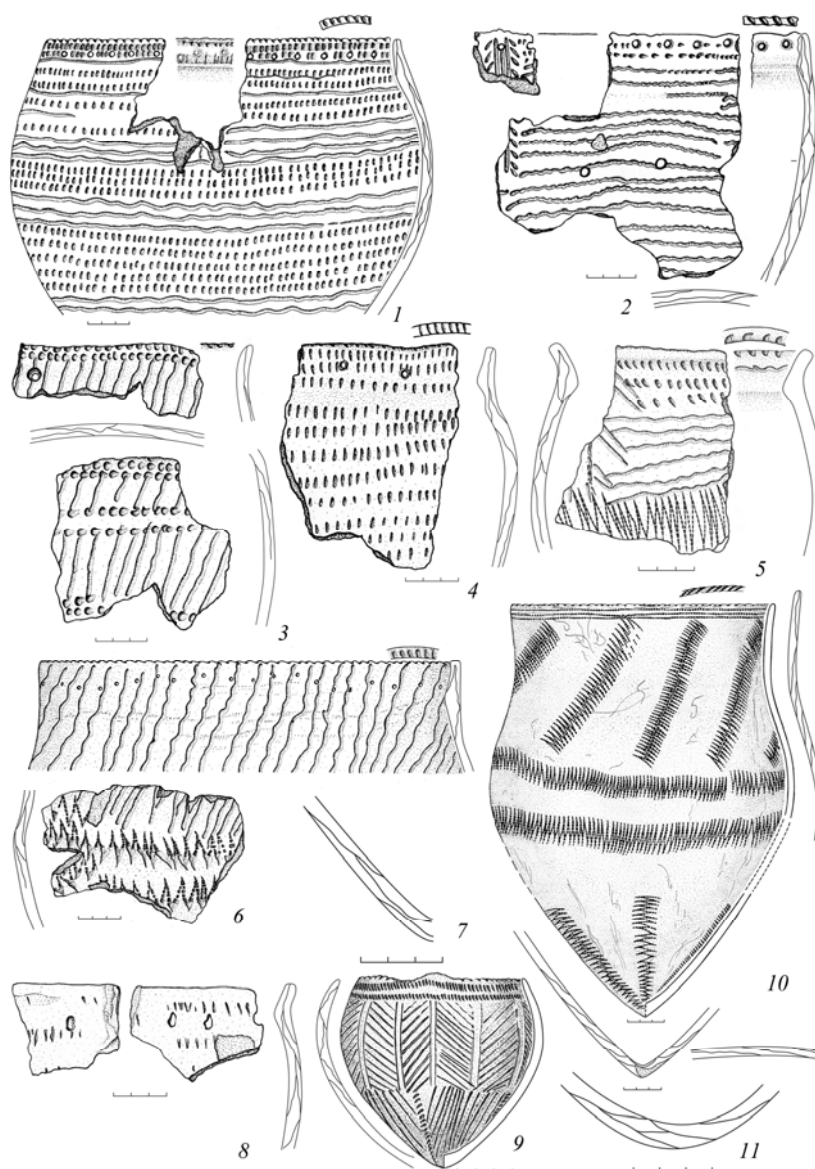
Таким образом, микроскопическое изучение шамота позволяет утверждать, что составление формовочной массы с применением шамота в целом являлось традиционным для гончарства населения, изготавливавшего посуду групп I и II. Не исключено, что раздробленные сосуды также были выполнены из глиноподобного сырья. Исходное пластичное сырье, использовавшееся для производства посуды, пошедшей на шамот, в основном было среднежелезненным, редко — слабожелезненным. Кроме того, можно отметить и сходство степени запесоченности ИПС сосудов и шамота, входящего в состав их формовочных масс.

Конструирование и придание формы сосудам (ступени 5–7). Пока представляется возможным определить только самые общие приемы изготовления 10 сосудов группы I, 8 сосудов группы II. Многослойность поперечных и продольных изломов позволяет заключить, что во всех случаях в качестве «строительных элементов» использовались глиняные лоскуты (рис. 3, 1–9, 11). По исследованному материалу, основываясь на признаках лоскутного налета [Васильева, Салугина, 2010, с. 72–87], предполагаем две его разновидности — комковатый и близкий спиралевидному.

Формообразование изделий производилось в процессе конструирования с помощью выдавливания пальцами и, возможно, с применением моделей (форм-емкостей или форм-основ), на что могут указывать участки со статичными следами в виде складок или морщинок на внутренних поверхностях трех сосудов, внешних поверхностях пяти сосудов и в двух случаях на обеих поверхностях.

Более полная информация получена при анализе сосуда группы III (рис. 3, 10). Изготовление начиналось производилось в соответствии с емкостно-донной программой конструирования, предположительно с помощью формы-основы. В качестве «строительных элементов» при изготовлении как начина, так и полого тела изделия использовались глиняные лоскуты, которые наращивались по спиралевидной траектории. Формообразование сосуда производилось в процессе лепки, когда использовалась форма-модель, а также с помощью выбивания гладкой колотушкой.

Способы механической обработки поверхностей (ступень 8). Обработка внутренней и внешней поверхности сосудов всех групп производилась способами заглаживания, уплотнения без блеска [Васильева, 2011а, с. 107], лощения (табл. 5). Значительная часть сосудов подвергалась мытью щетками в процессе камеральной обработки коллекции, в результате чего были утрачены следы обработки поверхностей, в ряде случаев на это повлияло и сплошное уплотнение или лощение поверхностей.

Рис. 3. Особенности конструирования сосудов козловской культуры (1–9, 11) и сосуда «маханжарско-атбасарского» облика (10) поселения Мергень 7.

Внешняя поверхность большинства изделий подвергалась сплошному уплотнению (26 сосудов — 53,1 %), а также лощению по подсушенной основе, после которого на поверхностях изделий наблюдается характерный матовый блеск (9 сосудов — 18,3 %). Использование при заглаживании деревянных или костяных шпателей выявлено на поверхностях лишь трех сосудов (6,1 %). Внутренняя поверхность изделий преимущественно заглаживалась шпателями (24 сосуда — 49 %), редко — мягкими материалами (пальцы гончара или кусочек кожи) (5 сосудов — 10,2 %). На сосуде группы II единично зафиксированы следы, оставленные зубчатым инструментом, предположительно гребенчатым штампом (2 %). После заглаживания зачастую производилось уплотнение (12 сосудов — 24,5 %) или лощение (8 сосудов — 16,3 %) стенок сосудов.

Корреляция выделенных групп сосудов и способов обработки поверхностей изделий показывает сходство навыков у гончаров на данной ступени гончарного производства. В частности, массово были распространены традиции использования костяных или деревянных шпателей при заглаживании поверхностей сосудов групп I и II, а также способ уплотнения без блеска. Ло-

Гончарное производство населения козловской культуры поселения Мергень 7

щение применялось значительно реже, однако более часто на сосудах группы II. Кроме того, этот прием зафиксирован на обеих поверхностях сосуда группы III.

Таблица 5

Соотношение приемов обработки поверхностей сосудов групп I III

	Группа I	Группа II	Группа III
Внешняя поверхность			
Заглаживание инструментами с твердой рабочей поверхностью (шпатели, штамп)	2/5,9	1/7,1	—
Уплотнение	20/58,8	6/42,8	—
Лощение	5/14,7	3/21,4	1/100
Поверхности повреждены	8/23,5	4/28,6	—
Внутренняя поверхность			
Заглаживание мягким материалом (пальцы, кусочек кожи)	3/8,8	1/7,1	1/100
Заглаживание инструментами с твердой рабочей поверхностью (шпатели, штамп)	18/52,9	6/42,8	—
Уплотнение	10/29,4	2/14,3	—
Лощение	4/11,7	3/21,4	1/100
Поверхности повреждены	7/20,6	2/14,3	—

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) всех выделенных групп достигалось путем термической обработки. Анализ цветовой характеристики изломов показывает, что они чаще всего обжигались в условиях полувосстановительной среды, т.е. ограниченного доступа кислорода, при непродолжительном действии температур каления (650–700 °С). Сосуды в большинстве случаев имеют двухслойную окрашенность изломов, а осветленный слой мощностью от 0,4 до 4,0–5,0 мм в основном примыкает к внешней стенке сосудов (26 сосудов — 53 %), редко — к внутренней (4 сосуда — 8,1 %). Изломы 12 изделий имеют трехслойную окрашенность (24,5 %), а ширина осветленных слоев составляет от 0,5 до 3,0 мм. После достижения температур каления часть сосудов быстро извлекалась из обжигового устройства, что фиксируется по четкой границе между осветленными участками и темно-серой сердцевинной (31 сосуд — 63,3 %), другие — медленно остывали в обжиговом устройстве, на что указывает размытая граница между цветовыми слоями (10 сосудов — 20,4 %). Три сосуда имеют коричневую окраску излома (6,3 %), что может говорить либо о продолжительном воздействии высоких температур, либо о том, что фрагменты сосудов попадали в огонь повторно уже после их гибели. У 4 сосудов зафиксирована сплошная темно-серая окрашенность излома (8,3 %), что свидетельствует о восстановительном режиме их обжига. Поверхности сосудов в абсолютном большинстве случаев имеют пятнистую серо-коричневую окраску. Судя по отмеченным цветовым особенностям поверхностей и изломов сосудов обжиг проводился в простых устройствах — кострищах или очагах [Васильева, Салугина, 2013, с. 59–62].

Соотношение особенностей цветовой характеристики изломов и групп сосудов не выявило закономерностей, что указывает на сходство навыков у мастеров на данной ступени гончарного производства.

Таким образом, в результате технико-технологического исследования и сравнения аналитических данных по выделенным группам керамики поселения Мергень 7 мы пришли к следующим выводам. В целом у гончаров массовыми были представления об илистых глинах как сырье для изготовления посуды, при этом отбор осуществлялся в основном из двух условных источников добычи. Использование ила в качестве ИПС, отмеченное лишь по одному изделию группы I, возможно, указывает на затухание данной традиции, однако аргументированные заключения могут быть сделаны только на основании исследований более ранних неолитических комплексов керамики. На этом фоне выделяется сосуд группы III, изготовленный из глины, применение которой не зафиксировано ни для одного из сосудов основного комплекса жилища.

При составлении формовочных масс всегда использовался шамот, микроскопический анализ которого показал, что данная традиция была устойчивой среди гончаров, изготавливавших посуду групп I и II. При анализе размерности шамота и его концентрации зафиксированы некоторые отличия по разным группам сосудов. Так, для сосудов группы II характерен шамот с максимальным размером до 4,0 мм, а для сосудов группы I — размером более 5,0 мм. Выделяется в этом отношении и сосуд группы III, по изломам которого зафиксированы частицы шамота ме-

нее 1,5 мм. Что касается концентрации данной примеси, то количество шамота в формовочных массах сосудов групп I и II чаще всего составляет 1:4/5, а в сосуде группы III он представлен единичными включениями.

Сравнение состава формовочных масс показало массовое применение рецепта «илистая глина + шамот + органический раствор» для изготовления сосудов групп I и II. Яркие отличия с этой точки зрения демонстрирует сосуд группы III, по которому зафиксирован рецепт «глина + шамот + шерсть + органический раствор».

Сравнительное изучение навыков труда гончаров на ступенях конструирования начина и полого тела сосудов не дало выраженных результатов. Отсутствие археологически целых сосудов групп I и II не позволило выявить способы изготовления начинов сосудов. Анализ изломов показал лишь применение лоскутного комковатого и, возможно, спиралевидного налепа. Начин сосуда группы III изготавливался в соответствии с емкостно-донной программой конструирования с использованием формы-основы, а в качестве «строительных элементов» также применялись глиняные лоскуты, которые наращивались по спиралевидной траектории.

Сравнение навыков труда гончаров по обработке поверхностей изделий не выявило определенных предпочтений. При заглаживании сосудов I и II групп часто использовались костяные и деревянные шпатели, массово распространены приемы уплотнения без блеска и лощение. Обжиг сосудов проводился в простых кострищах или очагах с кратковременной выдержкой при температурах каления, т.е. не ниже 650 °С.

Таким образом, исходя из всех приведенных выше данных по технологии изготовления основных двух групп сосудов, несмотря на отмеченные морфологические особенности и различия в орнаментации, можно говорить, во-первых, об однородности гончарных традиций у населения поселка и, во-вторых, об одновременности выделенных групп сосудов. Вероятнее всего, наличие двух традиций в орнаментации посуды — прочерченно-накольчатой и гребенчатой является в целом специфичной чертой керамических комплексов козловской культуры. Возможно, данная специфика обусловлена смешением на определенном этапе развития культуры двух групп населения, выступавших носителями различных орнаментальных традиций.

На наш взгляд, результаты технико-технологического анализа, а именно заключение об абсолютном доминировании шамотной традиции при составлении формовочных масс, наряду с наблюдениями за особенностями орнаментики, могут дополнительно аргументировать вывод о связях приишимских и притобольских козловских комплексов [Усачева, 2001, с. 121; Алексашенко, Викторова, 1991, с. 162].

В свою очередь, наличие в комплексе поселения Мерген 7 группы сосудов горшечной формы, абсолютно не характерной для изделий всего ареала козловской культуры, могло быть связано со взаимодействием козловского населения и носителей традиций маханджарской и (или) атбасарской культур Северного Казахстана. Косвенным подтверждением может являться обнаружение в формовочной массе «классического» козловского изделия шамота, в состав которого входят неокатанные включения кварца (дресва?). Кроме того, данное положение подкрепляется и собственно фактом нахождения на дне котлована жилища сосуда «маханджарско-атбасарского» облика, отнесенного нами к группе III.

Сравнение полученных данных с информацией по комплексам Казахстана обнаруживает сходство и различия технологии изготовления мергенского сосуда и маханджарских изделий Тургайского прогиба. Так, сходство проявляется в исходном пластичном сырье: сосуд с Мергена 7 и изделия маханджарских гончаров Тургайского прогиба изготовлены из глин [Шевнина, 2013, с. 88–100]. Идентичны и рецепты составления формовочных масс. По данным И.В. Шевниной, для маханджарских изделий характерны два основных рецепта: «глина + шерсть + шамот» и «глина + шерсть» [Там же]. Различия фиксируются при анализе конструирования маханджарских сосудов: И.В. Шевниной выявлены емкостная программа конструирования начинов сосудов и прием кольцевого ленточного налепа [Там же]. Следует отметить также различия в минералогическом составе ИПС: для сосудов, происходящих с памятников Тургайского прогиба, характерна примесь песка размером менее 0,5 мм и окатанность включений [Шевнина, 2012, с. 21]. В связи с этим обращает на себя внимание отмеченная при визуальном анализе керамики В.Ф. Зайбертом примесь дресвы в атбасарских материалах Северного Казахстана [1992, с. 98–100], однако данных о наличии в них примеси волоса или шерсти животных пока нет. К сожалению, известная керамика атбасарской культуры представлена весьма невыразительными коллекциями, в основном из мелких фрагментов. Из описания, представленного в публика-

Гончарное производство населения козловской культуры поселения Мергень 7

циях, следует, что она имеет высокую степень сходства с маханджарской и по орнаментации, и по морфологическим признакам [Зайберт, 1992].

Таким образом, обнаруженный в жилище 1 поселения Мергень 7 сосуд, несмотря на некоторые отличия, обладает набором признаков (форма сосуда и его орнаментация, особенности исходного сырья и примеси шерсти животных в составе формовочной массы), позволяющих соотносить его с изделиями маханджарских и атбасарских гончаров. Сравнительный анализ по типолого-морфологическим и технологическим параметрам данного изделия и всего козловского комплекса поселка позволяет считать сосуд импортным.

Что касается широкого сопоставления особенностей гончарства групп населения козловской культуры, проживавших на различных территориях, то оно осложняется фрагментарным характером исследований неолитических комплексов Зауралья и севера Западной Сибири. Так, на сегодняшний день проведены работы с козловским (кокшаровско-юрьинским), кошкинским и полуденским комплексами Кокшаровского холма, расположенного на Среднем Урале [Васильева, 2011а]. Технично-технологический анализ выполнен для керамического комплекса поселения Нижнее озеро III (южная часть Северного Урала) [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 4–13], находящего аналогии в керамике кошкинского, полуденского, сумпаньинского, быстринского, барсовогорского типов. В остальном же сведения о гончарстве по козловским и близким им в культурном и хронологическом отношении материалам основаны на визуальных наблюдениях исследователей таких памятников, как Варга 2 [Жилин и др., 2007, с. 39–51], Полуденка I [Бунькова, 2011, с. 126–139], Уральские Зори II [Сериков, 1991, с. 39], Исетское правобережное I [Кернер, 1991, с. 52; 2011, с. 56], Евстюниха I [Герасименко, 2008, с. 51, 53], ЮАО 18 («8-й пункт») [Усачева, 2001, с. 121], Дуванское V [Алексащенко, Викторова, 1991, с. 162].

Сравнение полученной нами информации по поселению Мергень 7 и технологических данных, приведенных И.Н. Васильевой [2011а, с. 116–119], по близким в культурном отношении материалам кошкинского, кокшаровско-юрьинского и полуденского типов Кокшаровского холма выявило как сходные черты на уровне субстратных и приспосабливательных навыков гончарного производства (отбор преимущественно илистых глин, применение запесоченного сырья и т.д.), так и определенные отличия (массовая традиция отбора ИПС с естественной примесью талька, устойчивость навыков подготовки формовочных масс только с органическими растворами и редкое применение шамота и т.д.). Технично-технологический и морфологический анализ керамического комплекса поселения Нижнее озеро III [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 4–13] также демонстрирует и сходные, и отличные характеристики.

Таким образом, приведенные данные говорят о том, что современный уровень исследования гончарства неолитического населения Зауралья позволяет лишь фиксировать в нем определенную степень сходства и различия некоторых, значительно удаленных друг от друга комплексов, не выделяя четкие культурно-диагностирующие признаки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексащенко Н.А., Викторова В.Д.* Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161–183.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бунькова (Герасименко) А.А.* Керамика из жилища 1 поселения Полуденка I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 125–140.
- Васильева И.Н.* О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011а. Вып. 26. С. 103–124.
- Васильева И.Н.* Ранне-неолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 20116. № 2. С. 70–81.
- Васильева И.Н.* О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Лоскутный налп // Древнее гончарство: Итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 72–87.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: Материалы Международ. полевого науч. конф. «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век». Ульяновск, 2013. С. 57–89.

В.В. Илюшина, Д.Н. Еньшин

- Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 44–72.
- Дубовцева Е.Н. Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири // РА. 2011. № 2. С. 16–26.
- Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мерген' 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 2 (29). С. 15–27.
- Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чауркина Н.М. Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье: (Опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. 98 с.
- Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Кернер В.Ф. Поселение Исетское правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
- Кернер В.Ф. Керамика эпохи раннего неолита в верховьях Исети // Шестые Берсовские чтения: Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2011. С. 56–62.
- Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.
- Сериков Ю.Б. Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.
- Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.
- Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9–15.
- Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопр. археологии Поволжья. Самара: Научно-технический центр, 2006. Вып. 4. С. 421–425.
- Чауркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы неолита поселения Нижнее озеро III // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 4–13.
- Шевнина И.В. Неолитическая керамика Тургайского прогиба (по материалам стоянки Соленое Озеро 2) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2008. С. 262–269.
- Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 21–28.
- Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая. Астана: Издат. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 236 с.
- Munsell. Soil Color Charts. Revised Edition. N. Y., 1992.

Тюмень, ИПОС СО РАН
vika_tika@mail.ru
Dimetrius666_72@mail.ru

The article considers a pottery complex of the Kozlov culture from Mergen' 7 settlement on the territory of the Low Ishim basin, in terms of methods of manufacturing dishes. Resulting from technical and technological analysis, subject to identification being pottery traditions of the settlement population. Basing on the undertaken analysis and correlation of the obtained data with the available data complex on the cross-border regions, they consider vectors of cultural and economic relations of the Kozlov population.

Low Ishim basin, Mergen' 7 settlement, Kozlov culture, vessel of «Makhandjarsky-and-Atbasarsky» look, pottery, technical and technological analysis.

ПЕРВОЕ ЖИЛИЩЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПЫХТЫ I

С.С. Калиева, В.Н. Логвин

Вводятся в научный оборот материалы раскопок жилища неолитического поселения Пыхты I. Даются описание конструктивных остатков жилища, орудий труда, статистическая характеристика керамической коллекции. Обосновывается принадлежность поселения к кругу памятников быстринской культуры.

Неолит, Сургутское Приобье, быстринская культура, датировка, орнамент, орудийный комплекс.

Пыхты I находится примерно в 12 км к северо-западу от г. Сургута, на левом берегу р. Черной. На поверхности памятника фиксируется несколько впадин разного размера и, видимо, различного в прошлом назначения. Грунтовой дорогой № 3 и 8 частично нарушены (рис. 1). Раскоп площадью 320 м² был заложен над впадиной № 3. За пределами котлована жилища прослежена следующая стратиграфия: сверху идет очень тонкий задернованный слой, включающий в себя и опад (0,02–0,05 м); под ним расположен слой подзола (0,04–0,2 м), ниже — слой желтого песка (0,15–0,3 м), подстилает его материк, представленный белесовато-желтым песком (рис. 1).

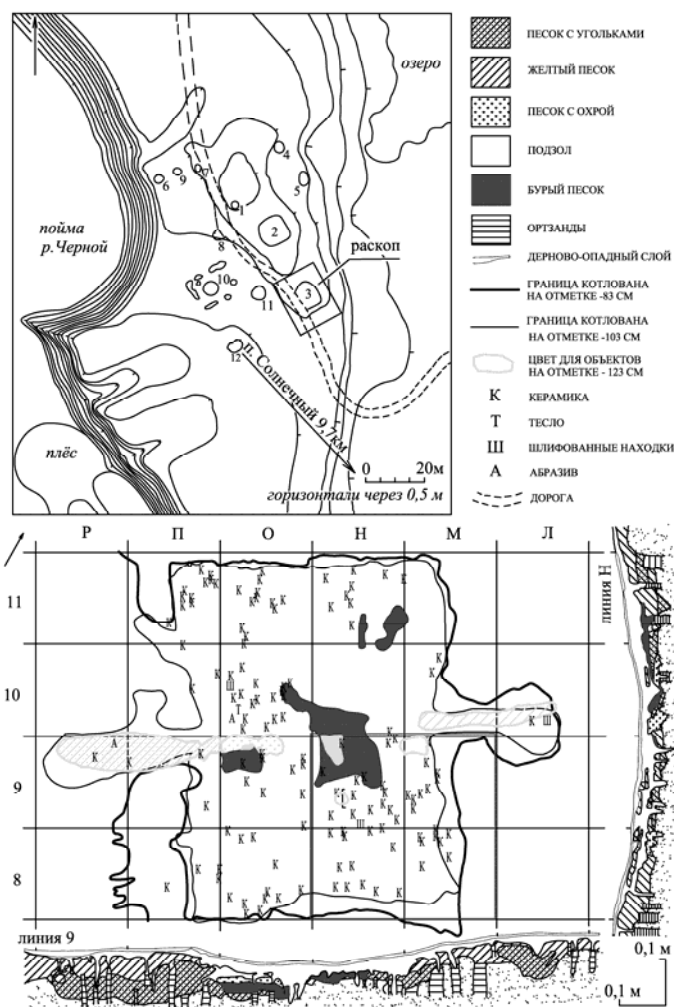

Рис. 1. Поселение Пыхты I. Ситуационный план и план котлована жилища.

Сориентированный по линии СЗ–ЮВ прямоугольный котлован жилища размером 8х6 м по всей своей площади на фоне материка стал фиксироваться четко с уровня отметки -0,83 м. Заполнение котлована существенно отличается от прослеженной за его пределами стратиграфии. Мощность дерново-опадного слоя в центре котлована достигает 0,1 м. Слой подзола также значительно увеличивается, достигая 0,4 м мощности. Расположенная ниже подзола придонная часть котлована жилища представлена пестроцветным заполнением, состоящим из линз розового, светло-желтого, светло-желтого с розовым, бурого цветов, часто с включениями угольков. В самом центре пол котлована прорезан подзолом. Судя по не затронутой оподзоливанием части, он был довольно ровный и находился на отметке -1,15...-1,2 м (рис. 1).

По центру длинных сторон прямоугольного котлована расположены коридорообразные выступы. Западный выступ длиной примерно 3,2 м, шириной 1 м, глубиной 0,6 м от уровня материка. Придонная часть заполнена песком светло-желтого цвета с одиночными углистыми включениями. Мощность этого слоя 0,3–0,4 м. Над ним залегает прослойка песка с обильными углистыми включениями мощностью 0,1–0,3 м, а у стен котлована и в самом котловане 0,5–0,6 м. Выше углистого слоя расположен слой желтого песка мощностью 0,5 м. Над ним — слой подзола (0,02–0,16 м), перекрытый слабо задернованным слоем с опадом. Восточный выступ длиной примерно 2,8 м, шириной 1,1 м, глубиной 0,7 м от уровня материка. По характеру заполнения его аналогично заполнению западного выступа, отличается в основном только мощностью прослоек (рис. 1). Дно обоих выступов фиксировалось ниже уровня пола на 0,05–0,07 м.

На площади котлована жилища помимо углублений, связанных с выступами, отмечены две небольшие ямы. Яма в квадрате М9 размером 0,6х0,36 м, глубиной 0,18 м, а в квадрате Н9 — диаметром 0,28 м, глубиной 0,15 м. Место расположения очага, видимо, фиксирует довольно мощная (0,2–0,3 м) линза песка бурого цвета, расположенная в квадратах Н9–10 в центральной части котлована жилища. Впервые она была выявлена на отметке -1,13 м в виде пятна неправильной формы, размером примерно 1,0х1,2 м. На отметке -1,23 м размеры его сократились до 0,7х0,5 м. В линзе фиксировались мельчайшие остатки кальцинированных костей и отдельные мелкие фрагменты керамики.

За пределами котлована жилища находки начали фиксироваться сразу после снятия верхнего слабо задернованного слоя. Все артефакты за пределами котлована жилища концентрировались в непосредственной близости от него и приурочены к слою желтого песка, при этом у южного торца отмечена повышенная их концентрация.

Коллекция керамики включает в себя 16 полностью или частично реконструированных сосудов. Еще 52 сосуда представлены фрагментами верхних частей (рис. 2, 3). В коллекции также имеются фрагменты днищ 8 сосудов и 2837 фрагментов стенок. Судя по реконструированным сосудам, они были как открытой формы, когда наиболее широкая часть сосуда приурочена к устью (6 из 16), так и прикрытой, за счет наклона верхней части стенок внутрь сосуда (10). Срез венчика обычно уплощенный (51 % от 68 учтенных сосудов) или округлый (42 %). Приостренный венчик встречается значительно реже (7 %). На венчиках двух сосудов оформлены «ушки». К сожалению, фрагментарность не позволяет определить, сколько «ушек» имел сосуд (рис. 3, 21). То же можно сказать и в отношении трех сосудов с волнистыми участками оформления венчиков (рис. 2, 8; 3, 16).

Форма днища устанавливается для 12 сосудов. Восемь из них имеют округло-приостренное дно, в том числе в одном случае встречено шиповидное окончание (рис. 2, 9, 10; 3, 26, 27, 32). Четыре сосуда круглодонные. Один из них имеет раздвоенный шип. Еще один поддающийся реконструкции сосуд имеет следы выполненного налепом шипа, который в процессе эксплуатации отслоился (рис. 2, 2; 3, 29).

Интересно распределение реконструированных сосудов по диаметру горловины. Один маленький сосуд имеет диаметр по горловине, равный 80 мм. Остальные довольно равномерно распределяются по четырем диапазонам: 140–180 мм (4), 208–235 мм (4), 260–280 мм (3), 320–338 мм (4). Реконструированные чашевидные сосуды имеют приземистые пропорции с отношением диаметра горловины к высоте 1,3–1,6 (рис 2, 2, 7). Похоже, что основную массу составляли сосуды с отношением диаметра горловины к высоте 0,9–1,1.

Абсолютно преобладает волнистое прочерчивание (табл.). Оно фиксируется на 75 % сосудов, при этом примерно у 3 % из них волнистые линии выполнены протягиванием зубчатого штампа. Последний представлял собой сегмент позвоночника рыбы, остистыми отростками которого и выполнялись ленты из волнистых параллельных линий (рис. 2, 8; 3, 4). В большинст-

Первое жилище поселения Пыхты I

в тех же случаях волнистый орнамент выполнен однолезвийным остроконечным инструментом. В качестве такового, видимо, использовалось ребро или единичный позвонок рыбы с остистым отростком. Орнамент, выполненный палочкой с округлым кончиком, встречается редко (рис. 2, 3). Прямые прочерченные линии отмечены лишь в четырех случаях (рис. 3, 5, 13, 23).

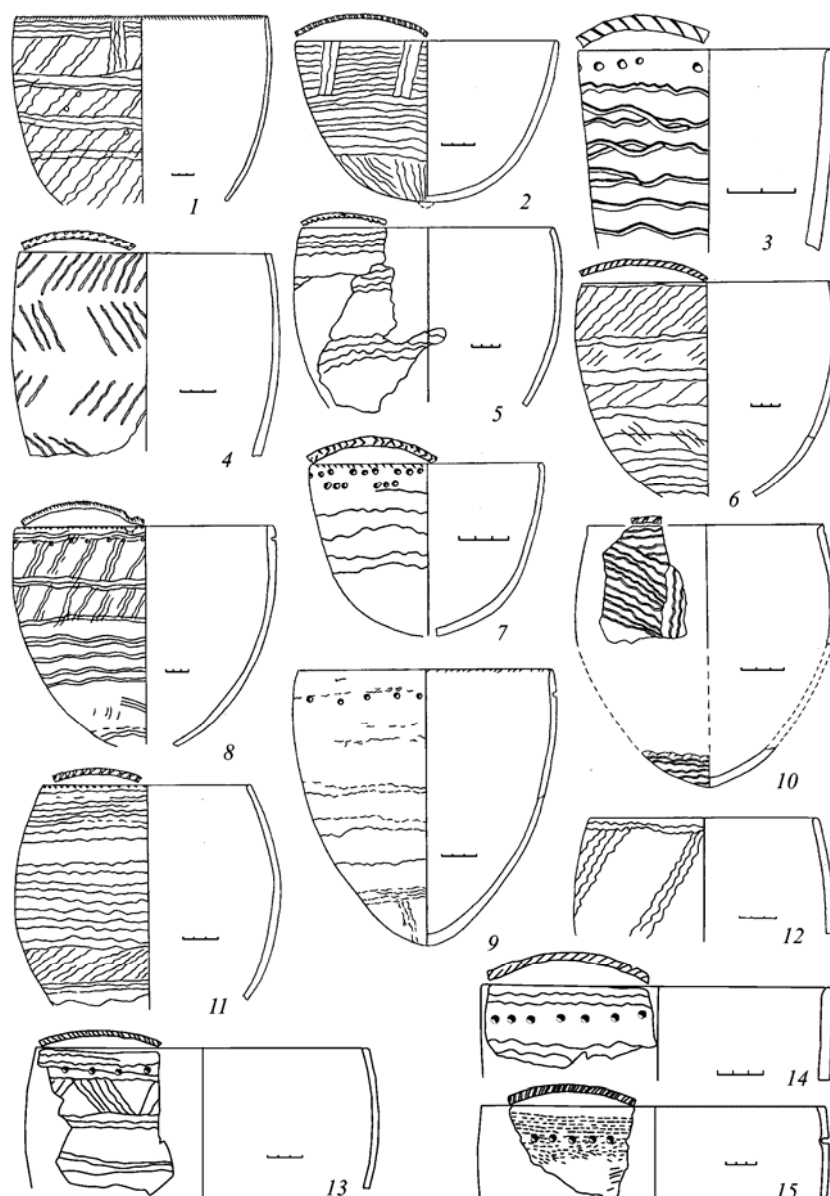

Рис. 2. Поселение Пыхты I. Сосуды.

Довольно много сосудов (около 15 %), украшенных в технике прерывистого (пунктирного) прочерчивания, осуществлявшегося, возможно, периодическим протягиванием какого-то штампа (рис. 2, 15; 3, 3, 11, 16, 17, 19, 24).

Чуть более трети сосудов в орнаментальной схеме имеют ямочные вдавления. Размеры их колеблются от 3 до 5 мм. Наносились они обычно под венчиком двумя типами орнаментов. Один имел рабочую поверхность в виде правильного цилиндра, а в качестве второго использовался клык хищника. Ямки в этом случае получались неправильно-овальной формы (рис. 3, 15, 18, 28). Обычно ямочные вдавления сопряжены с другими техническими приемами. В коллекции Пыхты I исключение составляет лишь один фрагмент (рис. 3, 18).

Технологические элементы орнамента

	Реконструированные сосуды	Сосуды, учтенные по шейкам	Всего	
	Кол-во	Кол-во	Кол-во	%
Волнистая линия (палочка)	8	26	34	50,0
Волнистая линия (палочка) и ямки	6	4	10	14,7
Волнистая линия (штамп)		2	2	2,9
Волнистая линия (палочка), прерывистая линия (штамп?), оттиски штампа с овальным зубом и ямки		1	1	1,5
Волнистая линия (штамп) и ямки		1	1	1,5
Волнистая и прямая линия (палочка)		3	3	4,4
Прямая линия (палочка) и оттиски зубчатого штампа (качалка?)		1	1	1,5
Прерывистая линия (штамп?) и ямки		2	2	2,9
Прерывистая линия (штамп?) и ямки	1	5	6	8,8
Прерывистая линия (штамп?), линия из оттисков отступающей палочки и ямки		1	1	1,5
Линия из оттисков отступающей палочки	1	2	3	4,4
Линия из оттисков отступающей палочки и ямки		3	3	4,4
Ямки		1	1	1,5
Всего	16	52	68	100,0

На 7 сосудах (10,3 %) фиксируется отступающая палочка. Рабочий конец инструмента мог быть очень тонким и острым (рис. 3, 1, 2, 10, 24, 30), но в одном случае ширина рабочей части инструмента около 4 мм (рис. 3, 9).

Узор, выполненный в технике зубчатой качалки, имел, видимо, один сосуд. Оттиски штампа нанесены столь плотно, что перекрывают друг друга. Поверх зубчатых оттисков отмечены прямые прочерченные линии (рис. 3, 5).

Своеобразный штамп представлен на крупном фрагменте днища и фрагменте верхней части сосуда. Зубья этого штампа дают очень слабые овальные оттиски (рис. 3, 11, 29).

У половины поддающихся реконструкции сосудов отмечено сочетание разных технических приемов. Сосуды, выделенные по фрагментам верхних частей, имеют близкое значение этого показателя (60 %). Наиболее часто встречается сочетание волнистых (14,7 %) и пунктирных (8,8 %) линий с ямочными вдавлениями.

Среди элементов, составляющих узор, более всего (63,2 % всех сосудов) распространены узкие горизонтальные ленты из волнисто-прочерченных линий (рис. 2, 1, 5, 6, 8, 9, 12–14; 3, 6, 8, 12, 22). На втором месте по частоте встречаемости (25 %) горизонтальные ленты из коротких наклонных волнисто-прочерченных отрезков (рис. 2, 6, 11; 3, 7, 22).

Также довольно часто (23,5 %) наносились одиночные ряды ямочных вдавлений под венчиком (рис. 2, 3, 8, 9, 13–15; 3, 2, 6, 9, 16–19, 24, 28). Достаточно много сосудов (7,4 %) с поясками из ямочных вдавлений под венчиком, сгруппированных в виде треугольника (рис. 3, 7, 10, 11, 15). В одном случае встречен элемент в виде пунктирного горизонтального ряда, в основу которого положены близко расположенные три ямочных вдавления (рис. 2, 7).

Около 7,4 % сосудов или сплошь покрыты параллельными волнистыми линиями, или имеют значительные участки внешней поверхности с таким узором (рис. 2, 2, 3, 7, 11; 3, 15, 21). Конструктивно этому орнаменту близок узор одного сосуда в виде многорядового зигзага, выполненный протягиванием четырехзубого штампа (рис. 3, 4).

Заметную долю (13,25 %) составляют сосуды с фризами из колонок, чередующихся с неорнаментированным пространством примерно той же ширины. Колонки оформлены отрезками вертикально ориентированных с наклоном вправо (7 экз.) или влево (2 экз.) волнистых линий (рис. 2, 1, 4, 6, 8, 12; 3, 20).

В композиции одного сосуда встречен бордюр, в котором чередуются колонки из горизонтальных отрезков волнистых линий и колонки из трех вертикальных с легким наклоном вправо ориентированных отрезков (рис. 2, 2).

Интересен бордюр на одном сосуде, составленный из ленты горизонтальных волнистых линий и расположенной ниже ленты наклоненных вправо колонок из двух отрезков волнистых линий каждая. Эти две орнаментальные ленты объединены в целое вертикальной колонкой из четырех отрезков волнистых линий (рис. 2, 1).

Первое жилище поселения Пыхты I

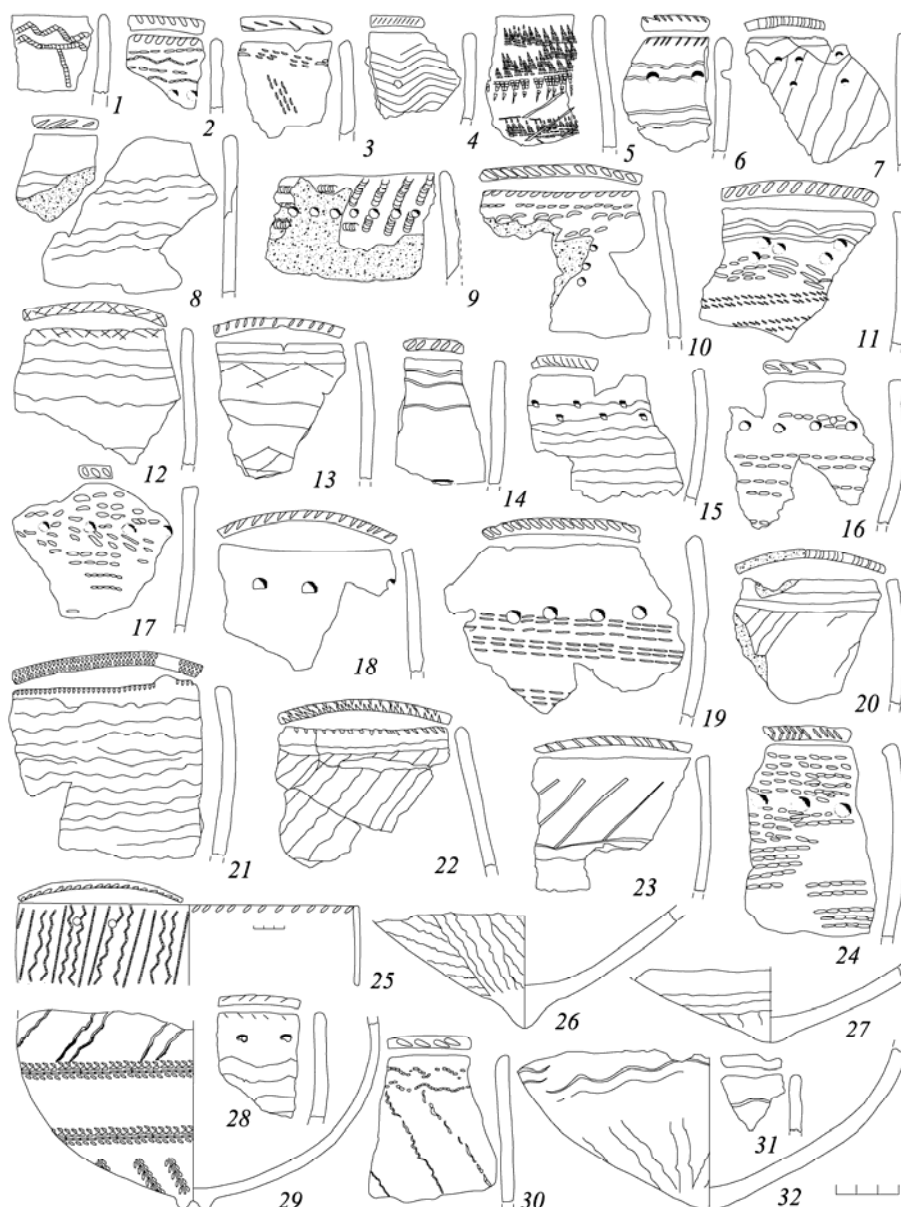

Рис. 3. Поселение Пыхты I. Керамика.

На одном сосуде отмечен элемент узора в виде горизонтальной зигзагообразной ленты, составленной наклонными колонками из отрезков волнистых линий (рис. 2, 13).

Вертикальное членение значительной доли орнаментального поля сосуда встречено также однажды. По представленной на фрагменте части можно предположить чередование вертикальных разнонаправлено заштрихованных зон и зон, заполненных вертикальными волнистыми линиями (рис. 2, 10).

Из четырех сосудов, имеющих орнамент в технике прочерчивания прямых линий, на двух отмечены горизонтальные ленты из наклонных отрезков, а на одном, видимо, наклонных колонок (рис. 3, 5, 23). На четвертом сосуде это ряды из контурных и заштрихованных треугольников (рис. 3, 13).

Горизонтальные ленты из прерывистых линий встречены на 10 (14,7 %) сосудах (рис. 2, 15; 3, 3, 11, 16, 17, 19, 24). В дополнение к ним на 2 сосудах отмечены расположенные в шахматном порядке горизонтально заштрихованные прямоугольники, а на одном — горизонтальная лента колонок из наклонных отрезков прерывистых линий (рис. 3, 3, 17, 24).

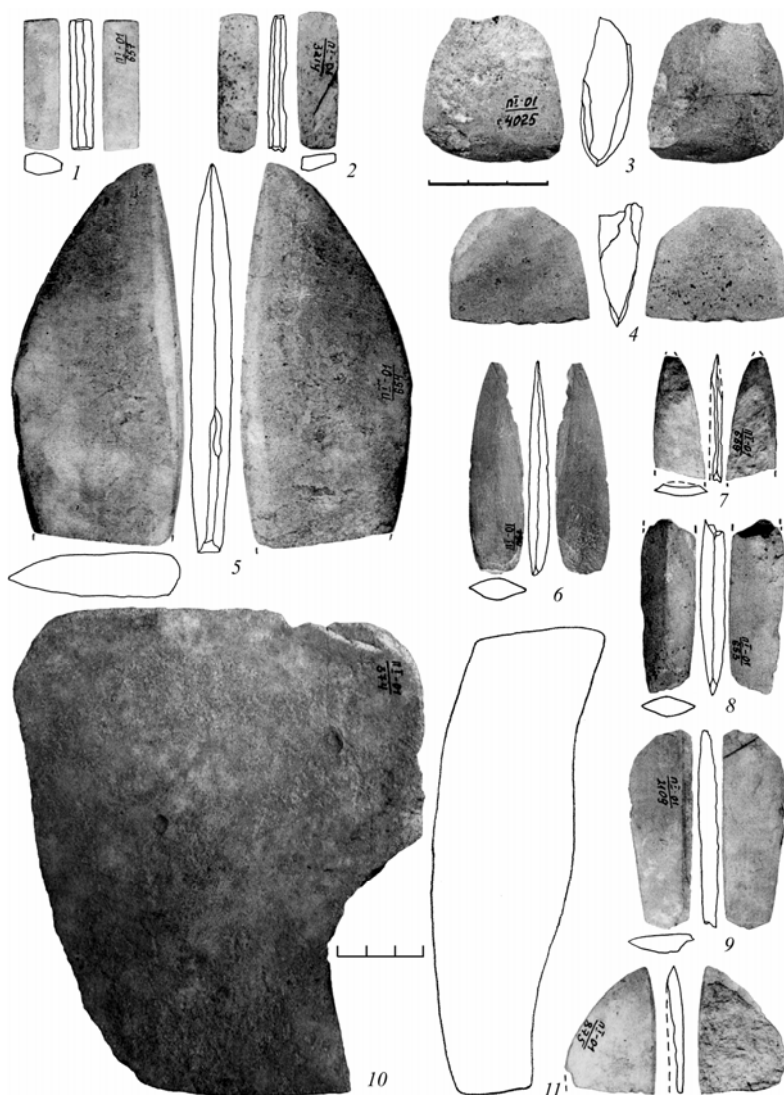

Рис. 4. Поселение Пыхты 1. Каменный инвентарь.

Небольшая коллекция орнаментов, выполненных в отступающе-накольчатой технике, довольно разнообразна. Верхняя часть одного сосуда была украшена чередованием вертикально ориентированных спаренных прямых и зигзаговых линий (рис. 3, 25). У одного сосуда под венчиком нанесены две волнистые линии, ниже которых располагается ряд наклонных линий (рис. 3, 30). Аналогично украшен был, видимо, еще один сосуд. След отступающей палочки в этом случае похож на оттиск веревочки (рис. 3, 1). Из оставшихся трех элементов узора один представлен лентой из горизонтальных линий, другой — лентой из чередующихся прямых и зигзаговых линий, а третий — лентой из чередующихся горизонтально и наклонно заштрихованных колонок (рис. 3, 2, 9, 10).

В коллекции фрагментов стенок орнамент отмечен в 1228 случаях. Чаще всего он выполнен в технике волнистого прочерчивания палочкой (86,2 %). Кроме того, отмечены волнистое прочерчивание штампом с острыми зубцами (1,8 %), прерывистые линии (9,7 %) и отступающая палочка (2,3 %).

Изделия из камня. В коллекции имеется два миниатюрных шлифованных рубящих орудия. Одно орудие (36×34×10 мм) в продольном сечении симметричное, практически полностью, за исключением обушка, зашлифовано (рис. 4, 4). Второе орудие (36×41×12 мм) в продольном сечении асимметрично. Одна плоскость его, видимо, изначально была зашлифована частично, а другая полностью, но затем часть ее была сколота (рис. 4, 3).

Первое жилище поселения Пыхты I

Целый наконечник стрелы шлифованный, удлинённой листовидной формы, изготовлен из сланца. Длина его 58 мм, ширина 14 мм, толщина 5 мм. Кончик острия и насада имеют следы излома (рис. 4, 6). Ещё два близких описанному наконечника представлены обломками, в том числе один из них (срединная часть орудия) обнаружен в придонном заполнении западного выступа в квадрате Р9 (рис. 4, 7, 8).

Все три шлифованных ножа однолезвийные. Один нож непосредственно с котлованом жилища не связан, так как был найден за его пределами, в квадрате С11. Это довольно крупное (98×43×11 мм) орудие с дугообразным лезвием (рис. 4, 5). В заполнении жилища обнаружен обломок лезвия аналогичного ножа (рис. 4, 11). Третье орудие этой группы имеет небольшие размеры (55×11×5 мм). На обушке фиксируется технологическая канавка, по которой был произведен излом заготовки. Оба торца также имеют следы излома. На широком округлом торце есть заглаженные в процессе работы участки (рис. 4, 9).

Назначение двух целых шлифованных поделок нам неизвестно. Длина их равна 33 и 35 мм, ширина 9 мм, толщина 6 и 5 мм соответственно. В плане и в продольном сечении они прямоугольной формы, а в поперечном — трапециевидной. Можно было бы предположить, что это лопата, однако характерные для последних следы сработанности не фиксируются (рис. 4, 1, 2).

Почти целый абразив (отколот угол), найденный в квадрате Р9, в придонной части западного выступа, представлял собой прямоугольную плиту песчаника размером примерно 170×145×50 мм. Шлифовали круговыми движениями, в результате чего в центре одной плоскости образовалась выпуклость. На противоположной плоскости имеются выбоины, образовавшиеся, вероятно, при использовании абразива в качестве наковальни (рис. 4, 10).

Кроме того, найдены мелкие обломки сланца с небольшими пришлифованными участками (15 экз.), обломки абразивов (8 экз.), сланцевые отщепы со следами сработанности (5 экз.), небольшие по размерам обломки сланца и песчаника (108 экз.), мелкие галечки (25 экз.), валунчики диаметром 80–90 мм со следами использования в качестве наковаленки или, наоборот, ударного инструмента (4 экз.).

В основном из очажных отложений получена небольшая коллекция очень мелких кальцинированных косточек. По заключению П.А. Косинцева, они происходят от северного оленя (1 фр.), бобра (3 фр.), соболя или куницы (1 фр.), рыбы (5 фр., в том числе 1 фр. кости щуки), млекопитающих (29 фр., точнее не определимых).

Описанный комплекс, без сомнения, относится к кругу памятников быстринского типа правобережья Сургутского Приобья, которые Л.Л. Косинской активно конституируются в качестве особой неолитической, быстринской культуры [Косинская и др., 2006]. Первые памятники этого типа были выявлены четверть века назад. Однако к настоящему времени исследователями учтено лишь до десятка местонахождений, из которых, по сути, только для жилищ 2 и 2а Быстрого Кульегана 66 имеются статистически представительные и достаточно полно опубликованные материалы [Поселение Быстрый Кульеган 66..., 2006; Борзунов и др., 2011; Дубовцева и др., 2006; Дубовцева, Юдина, 2011; Ковригин и др., 2004; Козеко, 2004; Погодин, 2006]. С последними объектами и обнаруживают наибольшую близость материалы поселения Пыхты I. Обитатели обоих поселений практиковали одинаковые типы жилищ, орудий труда, сосудов и их орнаментации. Нет смысла останавливаться на детализации общего, проще и полезнее отметить отличия. Так, на Пыхты I имеется ранее не встречавшийся на памятниках быстринской культуры сосуд с раздвоенным шипом [Косинская и др., 2006, с. 62]. Очень похоже, что прерывисто-прочерченные линии в нашем описании это то же, что оттиски веревочного штампа, описываемые исследователями Быстрого Кульегана 66 [Дубовцева, 2006, с. 17, ил. 10, 2]. Не вдаваясь в обсуждение правомерности этих определений, отметим, что на Пыхты I такой орнамент встречается несколько чаще (15 %), чем на Быстром Кульегане 66 (11 %). Такая же ситуация с рядами ямок: 33,8 и 26 % соответственно (при этом на БК-66 учтены и жемчужины). Относительно элементов узора можно обратить внимание на отсутствие в материалах первого жилища Пыхты I сеточек, тогда как на Быстром Кульегане 66 они встречены на 6 % сосудов [Дубовцева, 2006, табл. XXVIII]. В свою очередь, на Быстром Кульегане 66 не отмечена композиция, составленная из ленты горизонтальных волнистых линий и ленты наклоненных колонок, которые объединены вертикальной колонкой из четырех отрезков волнистых линий (рис. 2, 1). На Быстром Кульегане 66 не встречен также элемент в виде горизонтальной зигзагообразной ленты, составленной наклонными колонками (рис. 2, 13). Представляется, однако, что указанные

особенности рассматриваемых памятников лежат в пределах вариаций в рамках быстринской культуры, размах которых по мере обнаружения новых памятников будет нарастать.

Близость материалов жилища Пыхты I и жилищ 2 и 2а Быстрого Кульегана 66 позволяет считать их культурно и хронологически близкими. Для котлованов жилищ Быстрого Кульегана 66 известны четыре радиоуглеродные даты, укладываемые в диапазон 5930 ± 90 — 5560 ± 100 ВР [Поселение Быстрый Кульеган 66..., табл. XXX]. С учетом дат по другим быстринским объектам границы их бытования расширяются до 6500–5500 ВР [Косинская и др., 2006, с. 61]. Самой ранней является дата 6750 ± 90 ВР (Кі 16033), полученная по фрагменту прочерченной керамики поселения быстринского типа Барсова Гора II/19 [Дубовцева, Юдина, 2011, с. 252].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульеган 38 в Сургутском Приобье: (Итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 255–310.

Дубовцева Е.Н. Керамика // Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во. 2006. С. 13–19.

Дубовцева Е.Н., Погодин А.А., Сергеев А.С. Керамические комплексы неолитического поселка Кушниково // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 2. С. 20–34.

Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 239–254.

Ковригин А.А., Морозов В.М., Погодин А.А., Сергеев А.С. Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 302–317.

Козеко О.Е. Разведка в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Там же. С. 414–417.

Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Поселение Быстрый Кульеган 66 и быстринская неолитическая культура // Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. С. 57–67.

Погодин А.А. Исследование историко-культурного комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 111–113.

Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Кол. моногр. под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.

Сургутский государственный университет
logvin1@yandex.ru

The article is devoted to introduction into academic circulation of excavation materials of a dwelling from Pykhty I Neolithic settlement. The authors describe the dwelling's constructive remains, tools, giving a statistical characteristic of the pottery collection. Subject to foundation being belonging of the settlement to a circle of sites of the Bystrinsky culture.

late Stone Age, Surgut Low Ob' basin, Bystrinsky culture, dating, ornament, tool complex.

ЗАВИТКИ В ОРНАМЕНТАЦИИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.Б. Полидович, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Рассматривается семантика одного из знаков срубной культуры — завитка. Отталкиваясь от параллелей, найденных в изобразительных традициях различных народов, авторы выдвигают предположение, что завитки в орнаментации срубной культуры обозначали бараньи рога и соответственно могли кодировать понятия, соотносившиеся с этим животным, — плодородие, сексуальную силу, удачу, богатство, здоровье, щедрость и т.д.

Срубная культура, керамика, орнамент, семантика.

В декабре 2009 г. и в июне 2011 г. археологами Донецкого областного краеведческого музея при активном участии краеведа из г. Константиновки А.П. Филиппова был исследован могильник срубной культуры, получивший название «Кондратьевка» [Полидович та ін., 2012, с. 218]. Информацию о наличии здесь захоронений сообщил фермер В.В. Швец.

Памятник находился в 1,2 км к югу от юго-восточной окраины с. Кондратьевки Константиновского р-на Донецкой обл. на склоне плато левого берега р. Кривой Торец (примерно в 2,1 км к западу-северо-западу от известного Дружковского могильника [Горбов, Усачук, 1993], расположенного на том же берегу реки).

Всего было раскопано два погребения (расстояние между ними составляло 2,45 м). Поиск других захоронений, в том числе с помощью металлического щупа¹, оказался безрезультатным. Характер памятника не вполне понятен. Вряд ли это был грунтовый (бескурганый) могильник, поскольку для грунтовых могильников срубной культуры в Донбассе характерно тяготение к поймам рек или берегам балок (см., напр.: [Список..., 1988, с. 95; Горбов, Усачук, 1993, с. 115; 117, прим. 7; Привалова, Привалов, 2004, с. 77]). Вероятно, погребения находились под небольшим курганом, насыпь которого оказалась сnivelированной вследствие распашки.

Погребение 1 (рис. 1, 1–3) было совершено в каменном ящике, сооруженном в яме размерами около 1,50×1,05 м. Стенки ящика состояли из 4 плит и 1 глыбы песчаника (последняя вместе с плитой образовывала северо-восточную стенку сооружения). Высота плит составляла 32–57 см, толщина — 13–25 см. Плиты стояли в яме встык и почти не углублялись в дно. Западный угол конструкции был сложен из двух дополнительных небольших камней. Плита у северо-западной стенки ямы являлась самой низкой (32 см), а потому на ее верхний торец были положены два ряда камней по постелистой системе. На юго-западной плите также лежали небольшие камни. Внутренние размеры ящика (по дну) — 1,25×0,70 м. Дно могильной ямы было слегка наклонено в юго-западном направлении (перепад составлял 5 см). Ящик ориентирован длинными сторонами по линии северо-восток — юго-запад. Перекрытие на момент раскопок отсутствовало, но, как сообщил В.В. Швец, оно состояло из двух плит.

Умерший (взрослый старше 55 лет²) был положен в могилу скорченно на левом боку головой на северо-восток. Кисти согнутых в локтях рук были поднесены к нижней челюсти. Ноги в тазобедренном и коленном суставах согнуты под острым углом. Стопы не сохранились. В 15 см к востоку от черепа размещался керамический сосуд. На дне ямы за тазом и близ грудной клетки зафиксированы угольки. Кроме того, в заполнении западного угла могилы на уровне таза находились мелкие кальцинированные косточки.

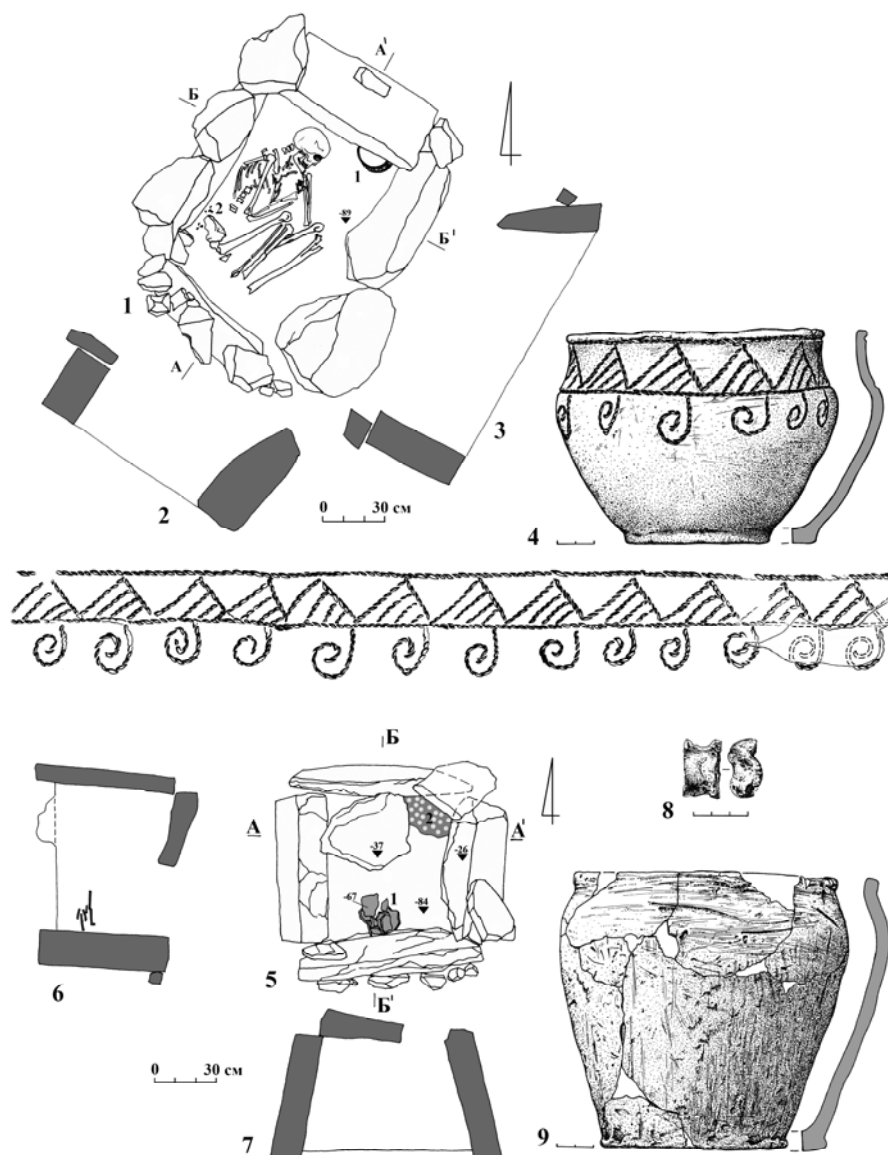
Сосуд (рис. 1, 4) имеет горшковидную форму. Цвет поверхности — светло-коричневый с розовым оттенком. Торец венчика залощен. Внешняя поверхность изделия довольно хорошо заглажена, лишь местами на ней имеются тонкие горизонтальные и горизонтально-диагональные следы затирания гладким деревянным орудием и пальцами. Внутренняя поверхность также тщательно заглажена пальцами и деревянным орудием. Заглаживание производилось преимущественно в горизонтальном и только местами — в горизонтально-диагональном на-

¹ При исследовании Дружковского могильника именно щуп дал возможность определить места погребений, натываясь на плиты перекрытия ям и каменных ящиков.

² Антропологические определения А.А. Казарницкого (МАЭ РАН).

правлении. Отмечены следы выделения перегиба тулова (изнутри его выдавливали пальцами) и аккуратного прилепа стенок ко дну.

Рис. 1. Погребения из Кондратьевки:

1–3 — погребение 1 (план: 1 — сосуд; 2 — кальцинированные кости); 4 — сосуд из погребения 1; 5–7 — погребение 2 (план: 1 — сосуд; 2 — разрушенный участок дна могилы); 8 — астрагал из погребения 2; 9 — сосуд из погребения 2.

Размеры сосуда: высота — 11,6 см; диаметр венчика — 14 см; максимальный диаметр — 15,3 см; диаметр дна — 7,8 см.

Сосуд орнаментирован оттисками шнура. Композиция представляет собой пояс заштрихованных треугольников (12 фигур), от которого отходят вниз спиралевидные завитки (13 фигур). Отметим, что в районе треугольников наиболее проявляется розовый цвет поверхности.

Погребение 2 (рис. 1, 5–7) также было совершено в каменном ящике, сооруженном в яме. Последняя имела размеры около 1,0х0,9 м. Стенки ящика состояли из четырех плит песчаника. Их высота — 60–65 см, толщина — 8–17 см. Плиты стояли встык и были углублены на 4–9 см ниже уровня дна. Южную плиту в верхней части расклинивали пять небольших камней. Внутренние размеры ящика (по дну) — 82х70 см. Длинными сторонами ящик был ориентирован по линии восток — запад. Перекрытие некогда состояло из плит, но на момент раскопок оно отсутствовало.

Завитки в орнаментации срубной культуры

Погребение разрушили любознательные фермеры. Судя по уцелевшим костям, умерший являлся ребенком.

В могиле обнаружены фрагменты керамического сосуда и астрагал (таранная кость) мелкого копытного. Они находились в заполнении (были смещены с мест первоначальной локализации фермерами).

Сосуд (рис. 1, 9) имеет горшковидную форму. Цвет поверхности серый, местами — черные пятна. На внешней поверхности хорошо видны многочисленные расчесы — горизонтальные в верхней трети и вертикальные, перекрывающие горизонтальные, на тулове ниже перегиба. Расчесы выполнены несколькими деревянными орудиями с разными по структуре рабочими торцами. На внутренней поверхности также имеются расчесы (более рельефные, чем снаружи) — горизонтально-диагональные, выполненные разными орудиями. Близ дна наблюдается углубление по периметру, являющееся результатом примазывания ко дну стенок.

Размеры сосуда: высота — 15 см; диаметр венчика — 14,3 см; максимальный диаметр — 15,7 см; диаметр дна — 10,2 см.

Астрагал (рис. 1, 8) не имеет следов резки или эксплуатационной залощенности.

Из всех артефактов, обнаруженных при раскопках захоронений, наибольший интерес представляет сосуд, находившийся в погребении 1. Присутствующие в составе выполненной на нем орнаментальной композиции завитки относятся к довольно редким знакам в системе срубной орнаментации. Достаточно сказать, что нами учтено 357 орнаментированных сосудов из 870 погребений срубной культуры, выявленных на территории Донецкой области, и лишь на 3 сосудах (0,8 % от числа сосудов с орнаментом) в состав композиций входили рассматриваемые завитки.

Некоторые исследователи уже обращали внимание на срубные сосуды, в орнаменте которых присутствуют рассматриваемые элементы, но лишь при построении хронологических схем и реконструкции культурных связей [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 47; Чередниченко, 1977, с. 10; Цимиданов, 1988, с. 16]. В предлагаемой работе мы намерены высказать свои соображения относительно семантики завитков в системе срубной орнаментации.

Нами учтено 16 керамических артефактов срубной культуры, на которых присутствовал знак «завиток». Помимо упомянутого сосуда из Кондратьевки, п. 1, эти артефакты следующие:

В погребении из Захперского, II/4 (Волгоградская обл., Россия), выявлен сосуд, в верхней части которого прочерчены пересекающиеся отрезки, заканчивающиеся внизу завитками [Скворцов, 1999, с. 189; рис. 20] (рис. 3, 1).

В котловане 16 поселения Мосоловка (Воронежская обл., Россия) были обнаружены фрагменты сосуда с выполненным оттисками шнура орнаментом, представляющим собой пояс ромбов. Внутри по крайней мере некоторых из ромбов находятся завитки [Пряхин, 1993, рис. 37, б] (рис. 2, 7).

В погребении из Советского I, 2/4 (Воронежская обл., Россия), находился сосуд с рядом знаков, в том числе прочерченной свастики, концы которой образуют завитки, и выполненным точечными вдавлениями длинным знаком, на левом окончании которого имеется спиралевидный завиток [Матвеев, 1998, с. 135; рис. 1, 1] (рис. 3, 3).

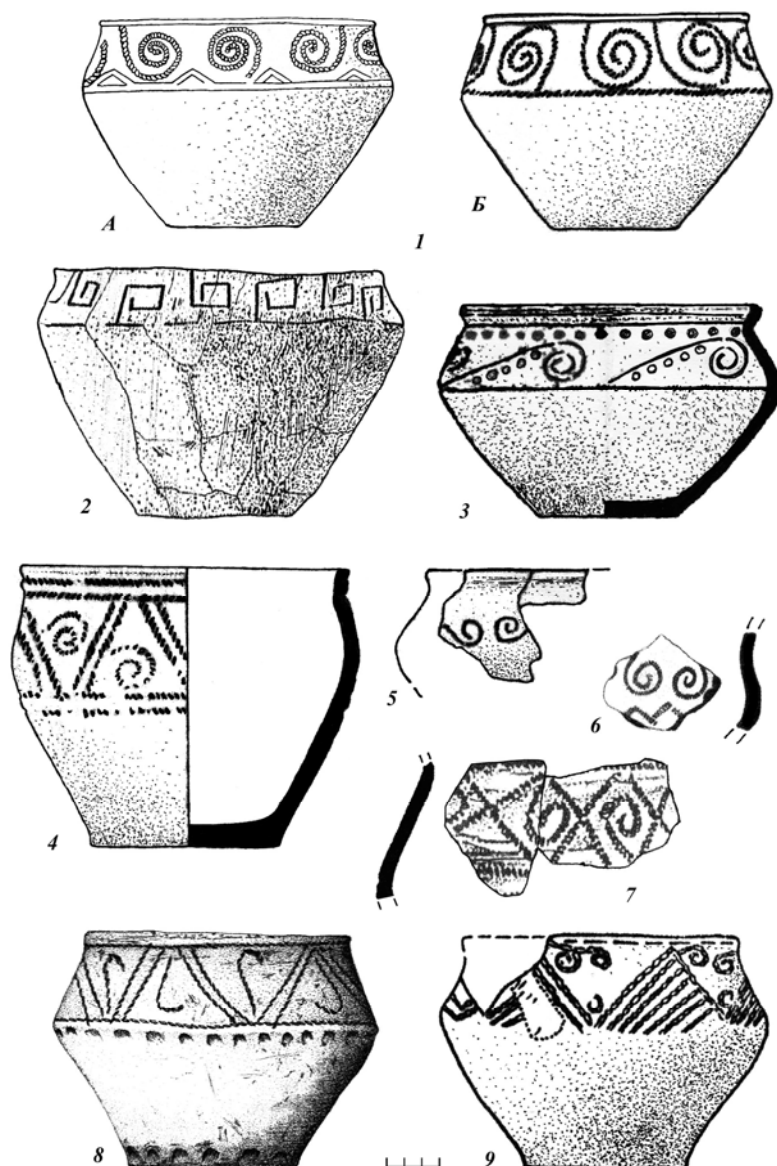
В Новочеркасском музее (Ростовская обл., Россия) хранится сосуд (место и обстоятельства его обнаружения неизвестны), на котором оттисками шнура нанесен орнамент в виде фриза, заполненного спиралевидными завитками, идущими как сверху вниз, так и снизу вверх [Чередниченко, 1977, с. 10]. Опубликовано два рисунка данного сосуда, которые существенно отличаются один от другого (ср.: [Смирнов, Кузьмина, 1977, рис. 12, 9; Чередниченко, 1977, рис. 4, 2] и [Каталог..., 1979, табл. 6, 9]) (рис. 2, 1А, 1Б).

В погребении из Греков II, 1/1 (Краснодарский край, Россия), находился сосуд, на который нанесена серия знаков. Изделие фрагментировано, а потому орнаментальная композиция полностью не восстанавливается. Один из знаков представляет собой прочерченную свастику с концами в виде спиралевидных завитков [Сорокина, 1985, рис. 6, 1, 2] (рис. 3, 4).

Близ с. Орлик (Полтавская обл., Украина) был найден сосуд, вероятно, происходящий из разрушенного кургана. На нем выполнен прочерченный орнамент в виде волнистой линии с отходящими от нее вниз спиралевидными завитками. Кроме того, один завиток расположен выше линии. На сосуде имеются и другие знаки, в том числе кресты [Супруненко, 1986, с. 243–244; рис. 1, 3; 2] (рис. 3, 5).

На поселении Таранцево (Харьковская обл., Украина) был обнаружен фрагмент сосуда с прочерченным орнаментом. Композиция полностью не восстанавливается, однако видно, что в состав ее входили интересующие нас завитки [Берестнев, 1994, рис. 3, 4] (рис. 2, 5).

В погребении из Смелого, 3/9 (Луганская обл., Украина), находился сосуд, в верхней части которого прочерченными линиями был выполнен фриз, аналогичный тому, который можно видеть на сосуде из Новочеркасского музея. Правда, на артефакте из Смелого завитки образованы ломаными линиями [Братченко и др., 1978] (рис. 2, 2).

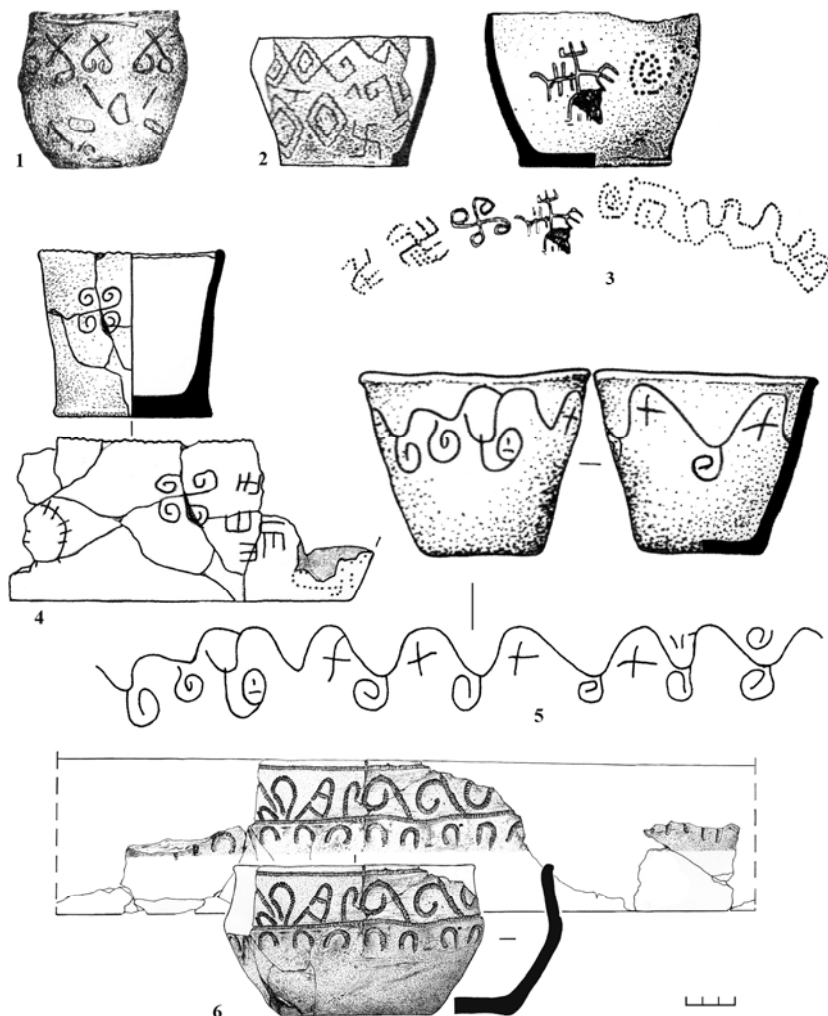

Рис. 2. Орнамент с завитками на срубной керамике. Композиции I (1–3, 5) и II (4, 6–9) групп:
 1А, 1Б — Новочеркасский музей; 2 — Смелое, 3/9 (без масштаба); 3 — Заплавка XX, 1/3; 4 — Дмухайловка XI, 1/10;
 5 — Таранцево; 6 — Елизаветовка I; 7 — Мосоловка, котлован 16; 8 — Раздольное, раскоп VII, п. 2; 9 — Луговое, 1/3
 (1А — по: [Чередниченко, 1977]; 1Б — по: [Каталог..., 1979]; 2 — по: [Братченко и др., 1978]; 3 — по: [Ковалева, 1981];
 4 — по: [Ковалева и др., 1981]; 5 — по: [Берестнев, 1994]; 6 — рис. В.В. Цимиданова; 7 — по: [Пряхин, 1993];
 8 — рис. А.Н. Усачука и В.Б. Панковского; 9 — по: [Бессонова, 1971]).

В захоронении из Шнурков, 1/2 (Донецкая обл., Украина), был обнаружен сосуд с орнаментом, оттиснутым штампом («гусеничкой»). Композиция полностью не восстанавливается, но, по крайней мере, можно видеть, что в состав ее входило несколько завитков [Посредников и др.,

Завитки в орнаментации срубной культуры

1996, с. 135; рис. 17, 3]. Отметим, что опубликован и другой рисунок данного сосуда [Захарова, 2000, рис. 12, 2], отличающийся от приведенного ранее. Для данной статьи А.Н. Усачуком был сделан новый рисунок (рис. 3, 6)³.

Рис. 3. Орнамент с завитками на срубной керамике. Композиции III группы:

1 — Захоперский, II/4; 2 — Перещепино; 3 — Советское I, 2/4; 4 — Греки II, 1/1; 5 — Орлик; 6 — Шнурки, 1/2
(1 — по: [Скворцов, 1999]; 2 — по: [Телегин, 1978]; 3 — по: [Матвеев, 1998]; 4 — по: [Сорокина, 1985];
5 — по: [Супруненко, 1986]; 6 — рис. А.Н. Усачука).

На поселении Елизаветовка I (Донецкая обл., Украина) в ходе разведки был найден фрагмент сосуда с выполненным оттисками зубчатого штампа орнаментом. Композиция не восстанавливается, тем не менее на фрагменте видно два спиралевидных завитка [Цимиданов, 1988, с. 16; 1990, рис. 89] (рис. 2, 6).

В погребении 2 из раскопа VII поселения Раздольное (Донецкая обл., Украина) находился сосуд с выполненной шнуром композицией в виде зигзага, обрамленного сверху краем венчика, а снизу — горизонтальной линией. В каждом из треугольников, образованных зигзагом, находится завиток [Горбов, Усачук, 2001, с. 168; рис. 11, 2] (рис. 2, 8).

В погребении из Заплавки XX, 1/3 (Днепропетровская обл., Украина) выявлен сосуд с орнаментальным фризом⁴, образованным наклонными прочерченными линиями, завершающимися

³ Сосуд хранится в фондах Донецкого областного краеведческого музея.

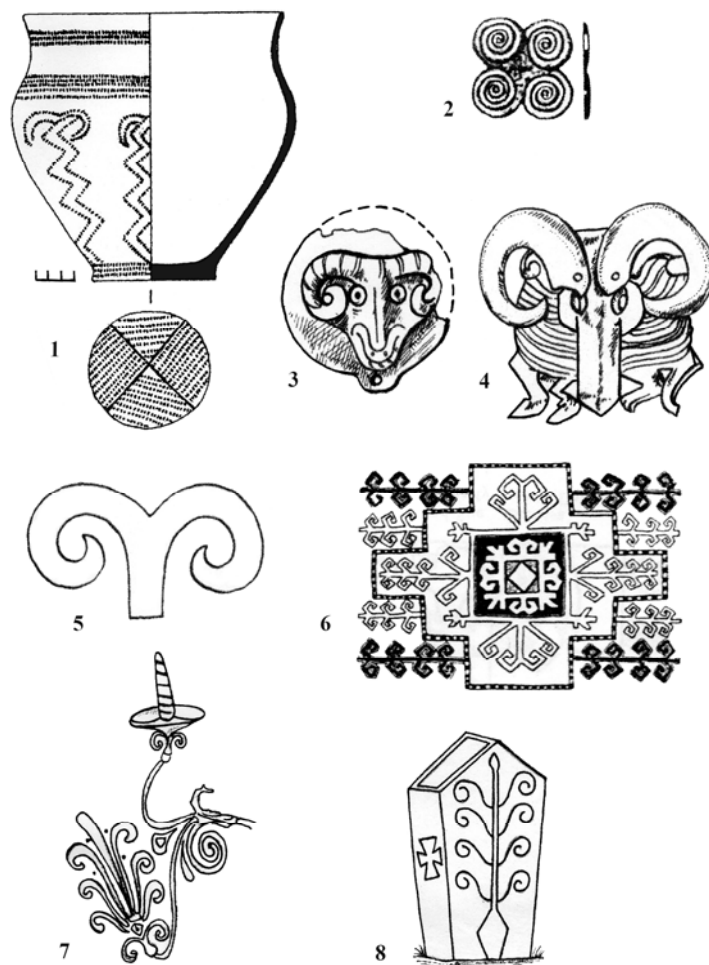
⁴ Фриз — декоративная композиция в виде горизонтальной полосы, окаймляющая верхнюю часть пространства или предмета. Представляет собой орнамент или узорчатое изображение.

спиралевидными завитками. Сверху и снизу фриз обрамляют прочерченные линии. При этом ниже верхней линии выполнены вдавления. Вдавления имеются и под наклонными линиями [Ковалева, 1981, рис. 9, 11] (рис. 2, 3).

В захоронении из Дмухайловки XI, 1/10 (Днепропетровская обл., Украина) присутствовал сосуд с выполненным шнуром орнаментом, где в углах, образованных зигзагом, размещались спиралевидные завитки [Ковалева и др., 1981, с. 28; рис. 8, 5] (рис. 2, 4).

В кургане, исследованном близ Перещепино (Днепропетровская обл., Украина), был обнаружен сосуд с орнаментальной композицией, выполненной, вероятно, оттисками шнура. В состав ее, наряду с другими знаками, входят завитки, образованные ломаными линиями [Телегин, 1978, мал. 23; Березанская, 1982, рис. 68, 2] (рис. 3, 2).

В погребении из Лугового, 1/3 (Крым), обнаружен фрагментированный сосуд с орнаментом, нанесенным оттисками шнура. Композиция представляет собой фриз заштрихованных треугольников, от боковых сторон которых отходят асимметрично расположенные завитки [Бессонова, 1971, с. 59; рис., 4] (рис. 2, 9).

Рис. 4. Аналогии завиткам из орнаментальных композиций, выполненных на срубной керамике (масштаб разный):

1 — сосуд из погребения «синташтинско-петровского времени» (Бестамак, п. 140, Казахстан); 2 — бронзовая бляшка из погребения срубной культуры (Золотая Нива II, 1/4, Самарская обл., Россия); 3 — изображение головы барана на крышке древнегреческой пиксиды (курган Большой, г. Армавир, Краснодарский край, Россия); 4 — деревянная бляшка с изображением барана (Пазырык, курган 1, Алтай, Россия); 5 — мотив головы барана в орнаменте киргизов; 6 — изображения рогов барана на киргизском ковре; 7 — изображение растительности на древнегреческой вазе (фрагмент) (Неаполь, Италия); 8 — изображение древа жизни на средневековом сербском надгробии (Прияновичи, Босния) (1 — по: [Логвин, Шевнина, 2008]; 2 — по: [Багаутдинов, Васильева, 2004]; 3–5 — по: [Сокровища..., 2011]; 6 — по: [Дудин, 1928]; 7 — по: [Шауб, 2007]; 8 — по: [Толстой, 1990]).

Завитки в орнаментации срубной культуры

Орнаментальные композиции, в состав которых входят завитки, можно разделить на три группы.

I. Композиции, где завитки являются основным знаком (сосуды из Новочеркасского музея, Смелого, Заплавки, вероятно, Таранцево) (рис. 2, 1–3, 5).

II. Композиции, где завитки дополняют регулярный орнамент (сосуды из Мосоловки, Кондратьевки, Елизаветовки I, Раздольного, Дмухайловки XI, Лугового) (рис. 2, 4, 6–9).

III. Композиции, где завитки являются компонентами иррегулярного орнамента (сосуды из Захоперского, Советского I, Греков II, Орлика, Шнурков, Перещепино) (рис. 3, 1–6).

Для выяснения семантики завитков в срубной культуре следует прежде всего обратить внимание на то, с какими другими знаками они коррелируются. Из последних можно опознать следующие шесть: *ромб* (Мосоловка, Перещепино), *треугольник* (Кондратьевка, Раздольное, Дмухайловка XI, Луговое, возможно, сосуд из Новочеркасского музея, если верен рисунок, опубликованный Н.Н. Чередниченко), *крест* (Орлик), *свастика* (Советское I, Греки II⁵, Перещепино), *волнистая линия* (Орлик и, вероятно, Советское I), *«реснички»* (Греки II, Заплавка). Другие знаки непонятны: например, *черточки* (Захоперское, Орлик), *подовальные фигуры* (Захоперское, Шнурки, Греки II), *угол и Т-образная фигура* (Перещепино), *«подковки»* (Шнурки).

Семантика опознаваемых знаков более или менее ясна за исключением разве что треугольника. Последний полисемантичен. В разных контекстах он может изображать землю [Амброз, 1965, с. 14; Андриенко, 1975, с. 15, 16; Голан, 1994, с. 84], горы [Кочерженко, Слонов, 1993, с. 40; Голан, 1994, с. 84], солнечные лучи [Березанская, 1982, с. 185–186; Отрощенко, 1993, с. 26; Полидович, 2012, с. 328], облака [Голан, 1994, с. 83], жилище [Голан, 1994, с. 84], голову быка [Чивилев, 2002, с. 111], быть женским символом и соответственно ассоциироваться с плодородием [Лопатин, Четвериков, 2010, с. 31] и т.д. Спектр трактовки прочих знаков довольно узок. Так, ромб выступал преимущественно в качестве символа плодородия и связанных с данным понятием объектов (в частности, обработанных полей) [Амброз, 1965, с. 20; Андриенко, 1975, с. 17–18]. Крест чаще всего выступал в качестве символа солнца и огня [Амброз, 1965, с. 14; Андриенко, 1975, с. 14; Березанская, 1982, с. 185; Полидович, 2012, с. 327–328]. Свастика также обычно символизировала солнце, огонь, но также — движение, изменчивость, повторяемость [Амброз, 1965, с. 14; Андриенко, 1975, с. 14–15; Отрощенко, Корпусова, 2004, с. 27–28; и др.]. «Реснички», вероятно, символизировали шерсть барана и соответственно различные понятия, связанные с данным животным, — войну, власть, плодородие, сексуальную силу, счастливый брак, удачу, богатство, материальное благополучие, здоровье, щедрость и т.д. [Цимиданов, 2011, с. 63–68].

Завитки, подобные изображавшимся на срубной керамике, во многих культурах воплощали бараньи рога. Например, это имело место у древних греков (рис. 4, 3), пазырыкцев (рис. 4, 4), народов Дагестана [Голан, 1994, с. 62], некоторых азербайджанских этнических групп [Кочарлинский, 1910, с. 4], киргизов (рис. 4, 5, 6), туркмен [Дудин, 1928, с. 119, 120, 121, 126]. Подобная иконография бараньих рогов понятна, ибо они так и выглядят. Сходство же ее у разных народов вполне объяснимо: завитки копировали визуально воспринимаемые объекты (см.: [Голан, 1994, с. 9]). Отсюда возможно допущение, что и в срубной культуре рассматриваемый знак мог символизировать рога барана. Правда, аналогичные завитки в ряде традиций изображали и растительность (рис. 4, 7, 8)⁶. Однако такой вариант семантики срубных завитков маловероятен, поскольку культ растений в данной общности практически не фиксируется. Если же мы допустим, что завитки обозначали рога барана, станет понятной их корреляция с ромбами и «ресничками», ибо, как отмечалось выше, баран олицетворял плодородие. Корреляция в срубной культуре завитков со свастикой позволяет предполагать, что в представлениях носителей данной культуры баран мог рассматриваться в качестве одной из ипостасей солнца, как это имело место, например, в Древнем Египте [Голан, 1994, с. 64], у племен лесостепной Скифии [Андриенко, 1975, с. 27] и народов Кавказа [Голан, 1994, с. 64]. Подтверждением данной гипотезы является размещение на полу постройки, исследованной на срубном поселении Макаровская

⁵ Свастика, концы которой образуют спиралевидные завитки, в срубной культуре изображалась и на украшениях (см., напр.: [Багаутдинов, Васильева, 2004, рис. 13, 6–12]) (рис. 4, 2).

⁶ Добавим, что в ряде культур растительность ассоциировалась с бараньими рогами. Это имело место, например, у украинцев [Куйбіда, 2002, с. 19]. Ту же ассоциацию можно видеть и в обычае персов украшать рога жертвенного барана золотыми листьями [Галунов, 1930, с. 189]. Отсюда возможно допущение, что изображение растительности с помощью завитков производно от иконографии бараньих рогов. Но эта тема требует специального исследования.

Речка (Саратовская обл., Россия), черепа барана, ориентированного лицевой (передней) частью на восток. Можно согласиться с М.А. Изотовой, что данный объект «отражает какую-то солярную символику» [2000, с. 120].

Отметим, что завитки, напоминающие рассматриваемые нами, встречаются и на керамике других степных культур эпохи бронзы. Наиболее интересна в данном плане композиция, выполненная на сосуде из Бестамака, п. 10, Казахстан. Здесь ниже перегиба тулова нанесены вертикально расположенные зигзаги. В верхней части каждого (?) из них находятся два завитка [Логвин, Шевнина, 2008, рис. 1, 1] (рис. 4, 1). Перед нами классическая иконография бараньих рогов. Волнистые линии, отходящие от завитков вниз, вероятно, символизировали дождь (см.: [Амброз, 1965, с. 22; Голан, 1994, с. 13–14, 74 и след.; Чивилев, 2002, с. 111]). Словом, можно предположить, что население, оставившее захоронение из Бестамака, воспринимало барана как дарителя небесной влаги. Возможно, аналогичная мифологема существовала и в срубной культуре. Во всяком случае, на сосудах из Советского I и Орлика завитки коррелируются с волнистыми линиями, которые могут быть изображениями воды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. 1965. № 3. С. 14–27.
- Андриенко В.П. Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII–V вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1975. 32 с.
- Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н. Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопр. археологии Урала и Поволжья. Самара: СамГУ, 2004. Вып. 2. С. 181–211.
- Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982. 212 с.
- Берестнев С.И. Поселение Таранцево и вопрос о населении днепровского лесостепного левобережья в начале раннего железного века // СА. 1994. № 3. С. 121–138.
- Бессонова С.С. Раскопки курганов у с. Луговое на Керченском полуострове // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев: Наук. думка, 1971. Вып. III. С. 58–63.
- Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константинову Л.Ф. Отчет Донецкой экспедиции за 1978 г.: Исследование курганов в Славяносербском районе Ворошиловградской области и в Амвросиевском районе Донецкой области // Науч. архив ИА НАН Украины. 1978/1.
- Галунов Р.А. Средняя персидская свадьба // СМАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. IX. С. 187–195.
- Голан А. Миф и символ. Иерусалим: ТАРБУТ; М.: РУССЛИТ, 1994. 375 с.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н. Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен // Археол. альманах. Донецк, 1993. № 2. С. 115–131.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье // Археол. альманах. Донецк, 2001. № 10. С. 155–208.
- Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии // СМАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. VII. С. 71–166.
- Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж, 2000. 163 с.
- Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 118–124.
- Каталог археологических коллекций / Сост. Б.А. Раев. Новочеркасск, 1979. 162 с.
- Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке: (По данным погребального обряда). Днепропетровск, 1981. 80 с.
- Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981. С. 19–44.
- Кочарлинский Ф.-б. Песни «Саячи» // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1910. Вып. 41. Отдел 2-й. С. 1–23.
- Кочерженко О.В., Слонов В.Н. О семантике орнамента керамики срубной культуры // РА. 1993. № 3. С. 37–42.
- Куйбіда В. Баран // Словник символів культури України. Київ: Міленіум, 2002. С. 19–20.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 190–197.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И. Курганный могильник Мессер V // Археологические памятники Саратовского Правобережья: От ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.). Саратов, 2010. С. 16–24.
- Матвеев Ю.П. Антропоморфное изображение на сосуде срубной культуры // РА. 1998. № 3. С. 135–136.
- Отрощенко В.В. «Жреческие» комплексы в системе погребений срубной общности // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. Херсон, 1993. С. 17–31.

Завитки в орнаментации срубной культуры

- Отрощенко В., Корпусова В. Нотатки щодо давньої свастики на теренах України // Чумацький шлях. 2004. № 3. С. 27–29.
- Полидович Ю.Б. Проявления культа солнца в погребальном обряде срубной общности // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2012. С. 327–334.
- Полідович Ю.Б., Усачук А.М., Циміданов В.В., Філіппов О.П. Розвідки на території Донецької області у 2010–2011 рр. // Археологічні дослідження в Україні. 2011. Київ, 2012. С. 218–219.
- Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.П. Материалы курганов у пос. Степной и с. Шнурки (Среднее Подонцовье, эпоха бронзы и средневековья) // Донец. археол. сб. Донецк, 1996. Вып. 6. С. 109–152.
- Привалова О.Я., Привалов А.И. Новоселовский грунтовый могильник в бассейне Кальмиуса // Донец. археол. сб. Донецк, 2004. Вып. 11. С. 77–95.
- Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1993. 108 с.
- Скворцов Н.Б. Курганы у хутора Захоперского // АО 1997г. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 188–189.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.
- Сокровища кургана Хохлач: Новочеркасский клад / Сост. И.П. Засецкая. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. 328 с.
- Сорокина И.А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 1985. № 3. С. 136–151.
- Список памятников археологии Украины: Донецкая обл. / Сост. О.Я. Привалова, А.И. Привалов. Киев: УООП, 1988. 112 с.
- Супруненко А.Б. Сосуды срубной культуры из окрестностей села Орлик // СА. 1986. № 4. С. 243–244.
- Телегін Д.Я. Речі говорять. Київ: Наук. думка, 1978. 104 с.
- Толстой Н.И. К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 47–67.
- Циміданов В.В. Поселение Елизаветовка I и проблема западных связей степных культур середины II тыс. до н.э. // Организация археологических экспедиций с участием школьников: Тез. докл. Донецк, 1988. С. 16–17.
- Циміданов В.В. Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района и в Марьинском районе Донецкой области. 1990 г. // Науч. архив ИА НАН Украины. № 1990/209.
- Циміданов В.В. Орнамент с «ресничками» на погребальной керамике срубной культуры // Донец. археол. сб. Донецьк, 2011. № 15. С. 48–77.
- Чередниченко М.М. Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я // Археологія. 1977. Вип. 22. С. 3–21.
- Чивилев В.А. Сосуд из кургана лесостепной срубной культуры у с. Крутогоры Липецкой области // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 109–112.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.

Украина, Донецкий областной краеведческий музей
yurkop@ukr.net
doold@mail.ru
archaeodon@front.ru

Subject to consideration being semantics of one of the symbols of the Timber-grave culture — namely, of a scroll. Departing from parallels found in pictorial traditions of different peoples, the authors assume that in the ornamentation of the Timber-grave culture scrolls designated sheep horns and, accordingly, could code notions associated with that animal — fertility, sexual potency, luck, wealth, health, generosity, etc.

Timber-grave culture, pottery, ornament, semantics.

РОСТОВКИНСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ (КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

А.Д. Дегтярева, А.В. Нескоров

Вводится в научный оборот Ростовкинский клад бронзовых изделий, обнаруженный у с. Ростовка Омской области. Культурная принадлежность изделий Ростовкинского, Предгорненского, возможно, и Сокулукского 2 клада с большей долей вероятности может быть связана с федоровской культурой, о чем свидетельствуют факты обнаружения серпов со втулками в погребальных и поселенческих комплексах с федоровской керамикой на территории Восточного, Центрального Казахстана, Алтая, Притоболья. Ростовкинский комплекс, впрочем, как и Предгорненский, Тюпский, Сокулукский 2 клад, следует отнести к периоду сосуществования федоровской и алексеевско-саргаринской культур, т.е. к XV–XIV вв. до н.э. Аналитически исследованные прииртышские клады продемонстрировали достаточно унифицированную и развитую технологию обработки цветного металла — качественное, плотное литье оловянных бронз в односторонних и двусторонних формах, умение разупрочнять металл с повышением его пластичности в процессе длительных гомогенизационных отжигов.

Клад, эпоха бронзы, бронзовые орудия, Прииртышье, Семиречье, федоровская культура.

Публикация Ростовкинского клада вносит определенную лепту в расширение источниковой базы немногочисленных кладов Прииртышья, в числе которых известны Баландинский, Омский, Предгорненский, Палацы [Мошинская, 1957, с. 144–146; Черников, 1960, табл. X; Тихонов, 1960, табл. II, 1, 6, 9; Кузьмина, 1967, с. 214–216]. Значительно больше кладов бронзовых изделий в Семиречье, всего 14 кладов, которые содержали свыше 150 изделий [Кузьмина, 1966; Кожомбердиев, Кузьмина, 1980; Карабаспакова, 2011, С. 152–162; Григорьев, Чанг, 2006, с. 148–158]. Ранее семиреченские клады связывали в основном с алексеевско-саргаринской культурой, принадлежащей к кругу культур валиковой керамики. В последние годы в связи с появлением серии радиоуглеродных дат уточнены хронологические позиции отдельных кладов. В частности, В.И. Молодиным пересмотрена хронология, уточнена пространственная локализация кинжалов так называемого кенкольского типа по Г. Парцингеру [2000] (хотя более уместным было бы использование термина «каракольский» тип) из погребений кротовской культуры Сопка-2/4 Б, В, синхронизированных по радиоуглеродным датировкам с сейминско-турбинским феноменом в пределах последней трети III тыс. до н.э. [Молодин, 2015, с. 97–107]. Соответственно хронология кинжалов Каракольского 2 клада удревнена почти на 800–1000 лет, комплекс связан с племенами кротовской культуры и, видимо, сейминско-турбинской металлообработкой.

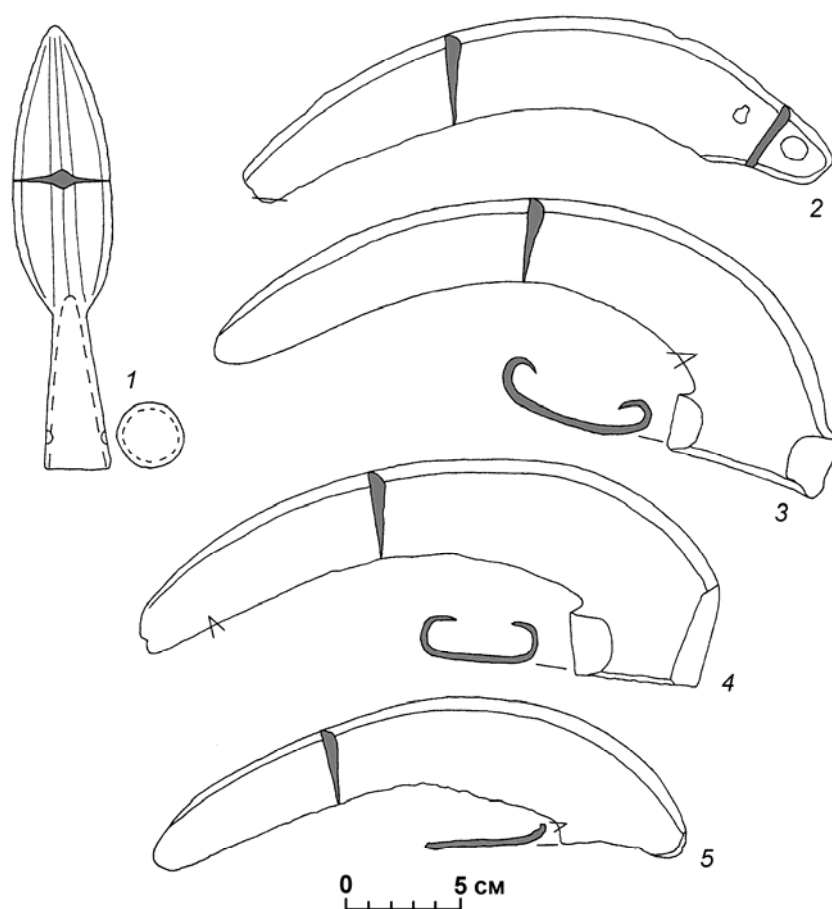
Клад был обнаружен на окраине г. Омска в с. Ростовка в 2007 г., на огороде местного жителя, а затем в 2010 г. приобретен тобольским коллекционером, который предоставил комплекс в наше распоряжение для введения в научный оборот. Ранее из его коллекции были опубликованы и интерпретированы уникальные бронзовые изделия сейминско-турбинского типа [Молодин, Нескоров, 2010]. В состав Ростовкинского клада входят наконечник копья и четыре серпа. Наконечник копья относится к типу литых втульчатых без валикового утолщения по краю втулки, длинным лавролистным пером (наибольшее расширение находится в середине пера) с ромбическим сечением стержня (рис. 1, 1). Соотношение длины наконечника копья и пера составляет 1,5:1. Длина изделия 18,7 см, длина пера 12,2 см, ширина пера 4,1 см, длина втулки 6,5 см, диаметр втулки 2,8 см, вес изделия 159 г. На боковых поверхностях втулки имеются два литых округлых отверстия (рис. 2, 1–3) для крепления к древку.

Аналогичные наконечники копий найдены в петровских погребениях Южного Урала, Северного, Центрального Казахстана в материалах могильников Кривое Озеро (внизу втулки имеется слабо выраженное утолщение-валик), Бектениз, Ащису, синташтинско-абашевского погребения Халвай 3, в составе Предгорненского клада, известна также случайная находка на Украине (Мурдычев) [Кузьмина, 1967, рис. 1, 1; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 47, 1–3; Кукушкин, 2011, рис. 4; Логвин, Шевнина, 2011, рис. 3, 12]. Отнеся подобные изделия к типу КД-36, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отметили, что этот тип не является характерным для сейминско-турбинских бронз. Два экземпляра аналогичных копий происходят из погребений 6, 8 алтайского Осинкинского могильника, которые, по мнению исследователя не имеют однозначной культурной интер-

Ростовкинский клад бронзовых орудий эпохи бронзы (культурная интерпретация)

претации, хотя определенные параллели с андроновскими и карасукскими материалами автором были обозначены [Савинов, 1975, рис. 2, 5, 6: с. 98–99]. Впоследствии подобные наконечники копий получили широкое распространение в памятниках лесной полосы раннего железного века [Кузьминых, 1983, с. 91–94].

Серпы представлены типом орудий с дугообразно симметрично изогнутыми спинкой и лезвием, утолщенной спинкой, наибольшая ширина лезвия смещена к пятке или втулке. Серпы разделяются на два подтипа по оформлению насадки: черенковый с клинообразной пяткой и втульчатые с закраинами-бортиками. Серп черенковый с клинообразной пяткой с двумя отверстиями на ней имеет длину 24,5 см, ширину лезвия 4 см, вес 216 г (рис. 1, 2; 2, 4). Три остальных орудия относятся к числу изделий с закраинами-бортиками. Первое имеет следующие параметрические данные: длина 26,5 см, ширина лезвия 4 см, ширина втулки 6,5 см, вес 285 г (рис. 1, 3; 2, 6, 7). У орудия втулка отогнута под тупым углом по отношению к лезвию. Второй серп: длина 25 см, ширина лезвия 4,5 см, ширина втулки 6 см, вес 342 г (рис. 1, 4; 2, 8, 9). У третьего экземпляра закраина, по всей видимости, была сломана в процессе кузнечной доработки. Параметры этого изделия: длина 22,2 см, ширина лезвия 4 см, вес 178 г (рис. 1, 5; 2, 5).

Рис. 1. Бронзовые изделия из Ростовкинского клада (секущими линиями показаны срезы на шлифы):
1 — наконечник копья; 2–5 — серпы (ан. 1359, 1360, 1362, 1361).

Серпы со втулками вполне могут быть обнесены к разряду кос, поскольку втулка орудия расположена под углом почти в 90° по отношению к лезвию. Предположение Н.А. Аванесовой [1991, с. 22], которая впервые интерпретировала эти орудия как серпы-косы, нам представляется вполне правильным. При использовании длинной деревянной рукояти такой косой можно было достаточно производительно срезать траву вблизи почвы, в отличие от массивных косарей, которые, вероятно, применялись для рубки кустарников.

Рис. 2. Фотографии орудий из Ростовкинского клада:
1–3 — наконечник копья; 4–9 — серпы (ан. 1359, 1361, 1360, 1362).

Аналогии черенковому серпу с клинообразной пяткой в синхронных комплексах нам неизвестны. Ю.С. Гришин упоминает о находках 239 серпов этого типа, однако данных о местонахождении и хранении не приводит, за исключением одного, происходящего из могильника тагарской культуры Гришкин Лог [Гришин, 1960, с. 123, рис. 1, 7]. Серпы с закраинами-бортиками обнаружены в основном в составе кладов на территории Восточного Казахстана и Семиречья в Предгорненском (5 экз., помимо серпов содержит наконечники копий с листовидным пером и пером с прорезьями; рис. 3, 4–8), Тюпском (рис. 3, 9) кладах [Кузьмина, 1967, рис. 1, 3–7; 1961,

Ростовкинский клад бронзовых орудий эпохи бронзы (культурная интерпретация)

рис. 2]. Случайные находки изделий происходят из Усть-Каменогорска, Лениногорска, Минусинской котловины (4 экз.), Оренбургской области (Новая Павловка) [Археологическая карта Казахстана, 1960, табл. IX, 160; Арсланова, 1980, рис. 1, 10; Tallgren, 1917, Pl. V, 6; Кузьмина, 1961, с. 105; Гришин, 1971, с. 60; табл. 9, 4; Бочкарев, 2012, с. 209, рис. 5, 1]. В то же время изделия такого типа известны в поселенческих и погребальных материалах федоровской культуры — пять совершенно идентичных серпов обнаружены в разрушенном погребении у с. Предгорное около г. Усть-Каменогорска, в комплексе с федоровскими сосудами на поселении у Тамбарского водохранилища (рис. 3, 1–3) [Арсланова, 1974, рис. 1; Бобров, 1988, с. 57]. Аналогичный серп найден в слое поселения Ук 3 с алакульской и алакульско-федоровской керамикой в Тюменском Притоболье [Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 15, 13; с. 36–39], а также в жилище 14 поселения эпохи бронзы Чаглинка вместе с керамикой и бронзовым кинжалом [Оразбаев, 1970, с. 141; Аванесова, 1991, рис. 19, 35]. Орудие со сходными пропорциями изогнутости спинки и лезвия, но с отломанными закраиной и окончанием лезвия обнаружено в жилище 20 (жил. 3 по: [Кадырбаев, Курманкулов, 1992]) поселения Атасу 1, керамические комплексы которого представлены алакульскими и в большей степени федоровскими образцами [Маргулан, 1979, с. 174, рис. 127, 8; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 206–207].

Рис. 3. Серпы с закраинами-бортиками (секущими линиями показаны срезы на шлифы): 1–3 — разрушенное погребение у с. Предгорное; по: [Арсланова, 1974, рис. 3]; 4–8 — Предгорненский клад (ан. 271, 272); 9 — Тюпский клад; 10, 11 — Сокулукский 2 клад (ан. 167, 678).

Вариантом рассматриваемого типа являются серпы совершенно аналогичного облика, но имеющие с наружной стороны втулки удлиненный черешковый выступ. Серпы с закраинами и черешковым выступом встречены только на территории Семиречья в составе Сокулукского 2 клада (15–17 однотипных серпов; передано в Исторический музей Кыргызстана лишь 2 экз.;

рис. 3, 10–11) [Кожемяко, 1960, рис. 19]. Случайные находки орудий с черешковым выступом происходят из Семиречья — Узун-Агач (3 экз.), Тюпский залив оз. Иссык-Куль, Южного Казахстана [Кузьмина, 1966, с. 57, табл. XI, 9].

Ростовкинский комплекс был подвергнут аналитическому изучению с целью определения типа используемого сплава и выявления особенностей технологии изготовления. Рентгено-флуоресцентный анализ произведен в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, металлографический — в лаборатории ИПСО СО РАН. Для сопоставления полученных данных привлечены также результаты спектрального и металлографического анализов изделий Предгорненского (ан. 269–270), Сокулукского 2 кладов (ан. 167, 678) (табл.).

Результаты рентгено-флуоресцентного и спектрального анализа изделий кладов*

Предмет	Номер рисунка	№ спектр. анал.	№ структур. анал.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Ростовкинский клад															
Наконечник копья	1, 1	50127	—	Осн.	10,22	0,17	0,48	0,03	0,04	—	0,05	<0,04	—	—	—
Серп	1, 2	50128	1359	Осн.	7,51	0,35	0,22	0,05	0,05	0,06	0,23	0,24	—	—	—
Серп	1, 3	50129	1360	Осн.	6,11	0,1	0,1	0,03	0,05	0,03	0,03	0,06	—	—	—
Серп	1, 5	50130	1361	Осн.	2,3	0,06	0,34	0,03	0,02	0,03	0,03	0,06	—	—	—
Серп	1, 4	50131	1362	Осн.	10,6	0,31	0,06	0,06	0,05	0,04	0,06	0,07	—	—	—
Предгорненский клад															
Серп	3, 4	36862	271	Осн.	4,5	0,8	0,02	0,003	0,045	0,05	0,2	0,15	0,0055	0,001	0,001
Серп	3, 5	36863	272	Осн.	13,0	0,2	0,015	0,04	0,1	0,12	0,025	0,045	0,006	0,0015	0,001
Наконечник копья	—	36860	269	Осн.	15,0	0,4	0,015	0,007	0,06	0,03	0,035	0,06	0,0025	<0,001	0,001
Наконечник копья	—	36861	270	Осн.	4,5	0,025	0,02	0,055	0,003	0,007	0,07	0,5	0,0007	<0,001	—
Сокулукский 2 клад															
Серп	3, 10	32844	167	Осн.	0,006	0,015	—	0,0009	0,0035	—	?	0,3	0,007	<0,01	<0,001
Серп	3, 11	37631	678	Осн.	0,0054	0,0097	0,006	0,0003	0,0003	0,0001	0,052	0,56	0,0025	0,0081	0,0014

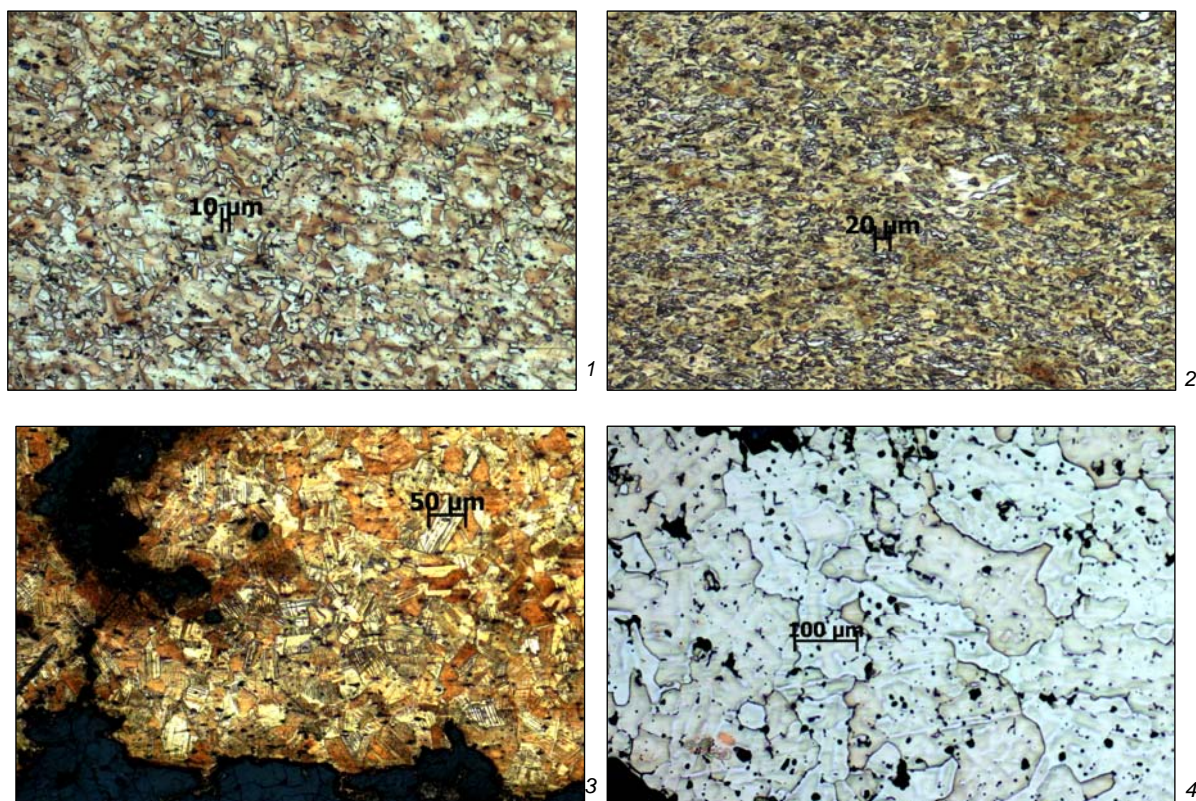
*Анализы выполнены в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Изделия Ростовкинского клада представлены одной металлургической группой — оловянной бронзы. Содержание олова в составе наконечника копья находится в пределах 10 %, концентрации Sn в составе серпов 2–10 %. Данные аналитического изучения состава Предгорненского клада показывают аналогичную картину — наличие одной металлургической группы, оловянной бронзы. Однако содержание олова в составе предметов было значительно выше — в пределах 4,5–15 %. Серпы Сокулукского 2 клада в отличие от двух рассмотренных комплексов отлиты не из бронзы, а из чистой окисленной меди. Данное заключение подтверждено характером микроструктурных данных с обнаружением участков эвтектики Cu–Cu₂O на срезах орудий. Вместе с тем в микроструктурах этих орудий обнаружены и включения оксидов железа. Видимо, в плавку намеренно добавляли куски железосодержащей руды для раскисления меди, удаления избыточного кислорода, чтобы таким образом избежать чрезмерной хрупкости металла [Дьюс, 1932, с. 62]. Использование чистой окисленной меди для литья практиковалось в ранние периоды в очагах Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской металлургических провинций, а также в металлопроизводстве петровской, елунинской, абашевской, раннесрубной культур первой фазы Западноазиатской (Евразийской) провинции. Впоследствии, в эпоху поздней бронзы, этот тип сплавов с появлением легированных бронз перестали использовать ввиду сложности плавки вязкой окисляемой чистой меди, к тому же выплавка меди требовала более высоких температур, на 200–300 °С, в сравнении с легированными бронзами. Поэтому подобный состав для позднебронзового комплекса из Кыргызстана на фоне преобладания искусственных бронз, в меньшей степени сульфидной меди, выглядит довольно необычно. Однако инновационные приемы, связанные с раскислением меди оксидами железа, были достаточно прогрессивными, особенно в условиях отсутствия прочих лигатур.

Ростовкинский и Предгорненский клад сходятся по химико-металлургическим характеристикам с андроновским федоровским инвентарем, происходящим из Еловского II могильника [Матющенко, 2004]. Данные спектрального анализа 131 предмета из федоровских погребений могильника, произведенные в лаборатории ЛО ИА АН СССР В.А. Галибиным, показали, что весь металл представлен только одной металлургической группой, оловянной бронзы, с концентрациями олова 0,5–26 % [Галибин, 2004, с. 409–416].

Ростовкинский клад бронзовых орудий эпохи бронзы (культурная интерпретация)

При получении орудий использовались преимущественно литейные технологии в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части и формовкой втулок для серпов. Во всех исследованных микроструктурных образцах было зафиксировано применение преднамеренного отжига гомогенизации, направленного на выравнивание структуры изделия, исчезновение хрупких включений эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$ и соответственно на повышение пластичности металла при деформации. Наконечник копья отлит в двусторонней литейной форме со вставным вкладышем и шпеньками для получения двух противоположных отверстий вблизи окончаний втулки, далее дорабатывался ковкой. Поперечная трещина на лезвийной части появилась в процессе неумелого выпрямления наконечника копья после обнаружения комплекса (рис. 2, 2). По аналогичной схеме — литье в двусторонней форме и последующей кузнечной доработкой лезвийной части в горячую изготовлены оба наконечника копья из Предгорненского клада. В их микроструктурах отмечены трещины краснотекстурности, неизбежные при горячей деформации металла в присутствии повышенного содержания краснотекстурных составляющих — свинца и висмута. Микроструктурные показатели копья с прорезями Предгорненского клада показывают и использование перед ковкой преднамеренного отжига гомогенизации, повышающего пластичность металла.

Рис. 4. Фотографии микроструктур серпов (увел. 100):
1 — ан. 1359; 2 — ан. 1360; 3 — ан. 1362; 4 — ан. 1361 (1–4 — срезы лезвия).

Серпы из Ростовкинского клада получены в процессе литья в односторонних литейных формах с плоскими крышками с литником, подведенным к закраине, с получением качественных, плотных отливок. Закраина-втулка отливалась в форме Т-образной развертки. При отливке черенкового серпа использовались шпеньки для получения отверстий. После проведения высокотемпературного длительного нагрева серпы дорабатывались ковкой с целью растяжки и заострения лезвийной части, производилась формовка втулки на оправке округлого профиля. В двух случаях ковка проводилась в холодную и сопровождалась промежуточными и заключительным отжигом. В пользу этого температурного режима обработки металла свидетельствует отсутствие трещин краснотекстурности при повышенном содержании свинца и висмута (ан. 1359, 1360; рис. 4, 1, 2). Два серпа были доработаны после гомогенизационного отжига в режиме красного ка-

ления металла при температуре 600–800 °С (ан. 1362, 1361; рис. 3, 3, 4). Неправильный выбор температурного режима при повышенном содержании красноломких составляющих привел к появлению трещин красноломкости и поломке закраины при формовки втулки в одном случае. Практически идентичная технология получения серпов обнаружена при микроструктурном исследовании двух серпов Предгорненского клада — литье в форме, преднамеренный гомогенизационный отжиг, кузнечная доработка лезвийной части по горячему металлу, свертывание втулки на оправке. Микроструктурное изучение металла на втулке орудия показало, что там деформирующее воздействие было минимальным и направленным на загиб Т-образных окончаний. Здесь же были обнаружены крупные в диаметре до 0,1–0,15 мм гомогенизированные полиэдры.

Технология сокулукских серпов несколько отличалась от схемы получения орудий двух рассмотренных комплексов. Их отливали также в односторонних литейных формах с плоскими крышками из чистой окисленной меди, далее проковывали лезвийную часть с целью растяжки, заострения в режиме неполной горячейковки при T 250–400 °С. Закраины при ковке загибали не в виде овала, а почти под прямым углом, на 90–100 °С. Выступающий черешок со стороны втулки служил дополнительным фиксирующим элементом крепления к древку.

Культурная принадлежность изделий Ростовкинского, Предгорненского, возможно, и Сокулукского 2 клада с большей долей вероятности связана с федоровской культурой. В пользу подобного заключения свидетельствуют факты обнаружения серпов со втулками в погребальных и поселенческих комплексах с федоровской керамикой на территории Восточного, Центрального Казахстана, Алтая, Притоболья. Относительно Тюпского клада у нас такой уверенности нет, поскольку в его составе помимо наконечника копья с прорезьями, секиры, серпа со втулкой присутствует вислообушный топор с гребнем. Последние орудия, судя по картографированию находок топоров с гребнем, проведенному Н.А. Аванесовой, сконцентрированы на территории Казахстана, Алтая, севера Средней Азии. По находкам орудий в поселенческих комплексах с валиковой керамикой Чаглинка, Степняк топоры с гребнем связаны с комплексами алексеевско-саргаринской культуры (культур восточной зоны валиковой керамики) [Аванесова, 1991, с. 11–16, рис. 1; Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 142–143]. Для металлопроизводящих центров федоровской культуры, скорее всего, были характерны вислообушные топоры с валиковым утолщением сверху и снизу втулки. Аналогичное орудие было обнаружено в погребении с федоровским сосудом в Семипалатинской области, два вотивных бронзовых топорика найдены в федоровских погребениях мог. Старый Тартас 4, Ланин Лог [Аванесова, 1991, с. 13–14; Молодин и др. 1998, с. 294–299]. Примечателен тот факт, что в Шамшинском кладе обнаружены вислообушные топоры обоих типов — с гребнем и только с валиковым утолщением края втулки, что говорит о безусловной синхронности этих типов изделий [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 141–142].

Хронология памятников федоровской (андроновской) культуры в настоящее время после появления серии радиоуглеродных дат, полученных как в России, так и в зарубежных исследовательских центрах, существенно изменена, в сторону удревнения на 300–400 лет. В обобщающем критическом обзоре состояния радиоуглеродного датирования памятников эпохи бронзы Северной Азии указывается, что абсолютная хронология андроновских (федоровских) древностей хорошо согласуется в локальных ареалах на территории Барабинской лесостепи, Минусинской котловины, Северного Казахстана, Южного Урала в пределах XVIII–XV вв. до н.э. [Молодин и др., 2014, с. 149, рис. 2]. Значительно удревнены и хронологические рамки алексеевско-саргаринской культуры в связи с появлением дат ^{14}C по материалам памятников Южного Зауралья и Алтая в рамках XV/XIV–XIII/XII вв. до н.э. [Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 224; Епиных, 2010, с. 47–49; Молодин и др., 2014, с. 144; Папин, 2015, с. 137–138]. В связи с тем, что серпы с закраинами обнаружены в комплексе с топором с гребнем, Ростовкинский комплекс, впрочем, как и Предгорненский, Тюпский, Сокулукский 2 клады, следует отнести к периоду существования федоровской и алексеевско-саргаринской культур, т.е. к XV–XIV вв. до н.э.

Аналитически исследованные прииртышские клады продемонстрировали достаточно унифицированную и развитую технологию обработки цветного металла — качественное, плотное литье оловянных бронз в односторонних и двусторонних формах, умение разупрочнять металл с повышением его пластичности в процессе длительных гомогенизационных отжигов, при этом практически по цвету каления металла определяя правильный режим термообработки. Хотя случался кузнечный брак при ковке бронз с повышенным содержанием свинца, висмута.

Рудной базой для федоровских металлургов Прииртышья являлись месторождения Рудно-Алтайского горно-металлургического центра [Агапов и др., 2012]. Древние работы на медь, за-

Ростовкинский клад бронзовых орудий эпохи бронзы (культурная интерпретация)

фиксированные С.С. Черниковым, приурочены либо к зонам окисления, либо к чисто медным рудопроявлениям в пределах нынешней Восточно-Казахстанской области и Алтайского края. Больше всего медных месторождений в Прииртышской зоне, значительная их часть сосредоточена в Вавилонско-Карчигинской рудной подзоне и в районе Змеиногорска. Чисто медные месторождения этого ГМЦ отличаются мощной зоной окисления, уходящей в рудное тело на глубину до 80 м. Древние выработки с неопределенной датировкой выявлены практически на всех крупных месторождениях — Риддерском, Зыряновском, Змеиногорском, Бухтарминском, Белосовском, Локтевском, Джалтырском, Карчига [Черников, 1960]. На окраине Вавилонского рудного поля было обнаружено поселение Новошувльбинское с керамикой трушниковского типа и раннего железного века. На поселении Новошувльбинское IX найдена керамика федоровской культуры [Берденов и др., 2004; Штелльнер и др., 2009].

В хребтах Калба и Нарым известны также месторождения олова — по данным С.С. Черникова, зафиксировано 37 пунктов древних разработок. На некоторых из них (в районе Мынчункура, Чердоаяка, Карагоина) обнаружены каменные орудия, керамика и литейная форма позднего бронзового века, в том числе его финала [Черников, 1949, 1960]. На северо-западной окраине хребта Нарым в районе горных выработок Аскаралы 2 в заполнении шахт была выявлена федоровская керамика. В этом же горнодобывающем комплексе располагалось поселение федоровской культуры Мастау Бай 1, в материалах которого присутствуют фрагменты тиглей со следами плавки олова. Рядом находился могильник этой культуры Черногорка с погребениями рудокопов, маркировавшимися каменными молотами, вмонтированными в оградки [Штелльнер и др., 2009, с. 231–233]. Радиоуглеродные даты поселения Мастау-Бай 1 в районе горных выработок с месторождениями касситерита указывают на период 2000–1500 гг. до н.э. (4 даты), этим временем немецкие исследователи фиксируют добычу и выплавку олова из руды федоровскими рудокопами [Stöllner et al., 2013, S. 376–377, Abb. 19].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 44–59. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Арсланова Ф.Х. Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 1. С. 220–226.
- Арсланова Ф.Х. К датировке металлических изделий эпохи бронзы Казахстанского Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 82–95.
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
- Берденов С., Самашев З., Штолльнер Т., Черны Я., Ермакова А., Куц Г. Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана // Вопр. археологии Казахстана. Уральск, 2004. Вып. 3. С. 154–170.
- Бобров В.В. Серп-косарь из поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, археологии и философии. 1988. Вып. 3. С. 57–59.
- Бочкарев В.С. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Рос. археол. ежегодн. СПб.: Изд-во СПбУ, 2012. № 2. С. 194–214.
- Галибин В.А. Результаты количественного спектрального анализа металлических изделий из ЕК II, произведенные в лаборатории ЛО ИА АН СССР в 1981 г. Приложение 2 // В.И. Матющенко. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 409–416.
- Григорьев Ф.П., Чанг К. Клад металлических изделий эпохи бронзы из северо-восточного Семиречья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: Эко, 2006. Вып. 2. С. 148–158.
- Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // МИА. 1960. № 90. С. 116–206.
- Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. Вып. ВЗ–12. М.: Наука, 1971. 87 с.
- Дьюс Г.К. Металлургия бронзы. М.; Л.: Цветметиздат, 1932. 98 с.
- Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010. № 2. С. 39–50.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы, 2011, 220 с.
- Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы Киргизии // Изв. АН КиргССР. Сер. общ. наук. 1960. Т. II. Вып. 3 (История). С. 81–107.

А.Д. Дегтярева, А.В. Нескоров

- Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140–153.
- Кузьмина Е.Е.* К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-Кульского клада) // Изв. АН КиргССР. Сер. общ. наук. 1961. Т. III. Вып. 3 (История). С. 103–110.
- Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4-9. М.: Наука, 1966. 149 с.
- Кузьмина Е.Е.* Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967. С. 214–216.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983. 256 с.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д.* Глава 7: Поздний бронзовый век // Археология: Учеб. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. С. 219–270.
- Кукушкин И.А.* Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. 2011. № 2. С. 103–109.
- Логвин А.В., Шевнина И.В.* Курган Халвай 3: (Предварительное сообщение) // Маргулановские чтения 2011: Материалы междунар. археол. конф. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 291–296.
- Маргулан А.Х.* Бегазы-даңдыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- Матющенко В.И.* Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник: Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
- Молодин В.И.* Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры: (Хронология, территория распространения, истоки) // Вестн. КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 97–107.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е.* Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас 4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 4. С. 294–299.
- Молодин В.И., Нескоров А.В.* Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья: (Трагедия уникального памятника — последствия бугровщичества XXI в.) // АЭАЕ. 2010. № 3 (43). С. 58–71.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Мошинская В.И.* Баландинский клад бронзовых инструментов // КСИА. 1957. Вып. 67. С. 144–146.
- Оразбаев А.М.* Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 129–146.
- Папин Д.В.* Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестн. КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 135–138.
- Парцингер Г.* Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 66–75.
- Савинов Д.Г.* Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Андроновские древности Тюменского Приоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Тихонов Б.Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90. С. 5–115.
- Черников С.С.* Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 37–58.
- Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. 271 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Штельпнер Т., Самашев З., Черни Я., Гарнер Дж., Горелик А., Хауптман А.* Добыча олова в Центральной Азии в эпоху бронзы: Основные итоги работ по казахстанско-германскому проекту // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Маргулановские чтения 2008. Караганда, 2009. С. 228–236.
- Stöllner T., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kušć G., Merz V., Riese T., Sikorski B., Lickgraf B.* Zinn und Kupfer aus dem Osten Kasachstans. Ergebnisse eines deutsch-kasachischen Projektes 2003–2008 // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bd. 1. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 357–382.
- Tallgren A.M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques des Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman A Vasa. Helsingfors, 1917. 93 p.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
anna126@inbox.ru
Тобольск, ТКНС УрО РАН
wer900@mail.ru*

Ростовкинский клад бронзовых орудий эпохи бронзы (культурная интерпретация)

Subject to introduction into academic circulation being Rostovka buried treasure of bronze articles found by Rostovka village, Omsk Oblast'. A cultural belonging of articles from Rostovka, Predgornensky and, probably, Sokuluksky 2 buried treasures could be most likely associated with the Fedorovskaya culture, testified by the facts of obtaining sickles with bushes in burial and settlement complexes with Fedorovskaya pottery on the territory of East and Central Kazakhstan, Altai, and Low Tobol basin. The Rostovka complex, as besides also Predgornensky, Tyupsky, and Sokuluksky 2 buried treasures, should be attributed to a coexistence period of the Fedorovskaya and Alexeyevsko-Sargary cultures, i.e. to XV–XIV cc. B.C. The analytically investigated Low Irtysh buried treasures demonstrated quite a unified and developed methods of non-ferrous metal working — a quality solid casting of tin bronzes in one-sided and two-sided casting forms, as well as a skill to soften metal, increasing its ductility under long diffusion annealings.

Buried treasure, Bronze Age, bronze tools, Low Irtysh basin, Semirechye, Fedorovskaya culture.

ТЕКСТИЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Т.Н. Глушкова*, Д.Н. Маслюженко**, Е.А. Рябина**

Статья посвящена анализу текстильных материалов из погребальных памятников лесостепного Притобольшья, которые относятся к раннему железному веку (сакская и саргатская культуры) и средневековью. Они охватывают период с VII–VI вв. до н.э. до XII в. н.э. Обнаруженные фрагменты текстиля являются остатками одежды или частями сумок и колчанов. Полученные материалы соотносятся с текстилем соседних регионов. Они отражают как местную специфику производства ткани, так и южный импорт (шелковые ткани различного качества и шерстяное полотно только высокого качества).

Текстильные материалы, погребальные памятники железного века, лесостепное Притобольшье.

В последние годы археологи все большее внимание уделяют реконструкции различных аспектов жизнедеятельности древних обществ, в том числе специфике их расселения, особенностям рациона питания. Не является исключением и восстановление нюансов функционирования ремесла и торговли, в том числе связанных со сферой ткачества. В археологии лесостепного Притобольшья (современная Курганская область) эта сфера исследований практически не затронута. Археологические памятники раннего железного века и средневековья этого региона, содержащие текстильные материалы и представленные в данной работе, были исследованы в 1990–2010 гг. экспедициями КГПИ и КГУ под руководством М.П. Вохменцева, С.Н. Шилова и И.К. Новикова.

Условия обнаружения, датирование и культурная принадлежность текстильных материалов из лесостепного Притобольшья

Текстильные материалы были обнаружены в могильниках раннего железного века (3 памятника) и средневековья (2 памятника).

Местонахождение Черная Гора входит в комплекс археологических памятников, который был открыт археологической разведкой КГУ под руководством С.Н. Шилова в 1998 г. в Звериногловском районе Курганской области в междуречье Тобола и Убагана. Фрагменты ткани были обнаружены в разрушенном погребении рядом с поселением андроновского времени Черная Гора III [Рябина, 2013, с. 25–26]. По свидетельству местных жителей, погребение находилось под снесенной при выборке песка курганной насыпью. Несмотря на разрушение, были обнаружены каменная курильница-жертвенник и обернутое в войлок и груботканую материю плоское бронзовое зеркало с вертикальным бортиком и петелькой. Возможно, ткань и войлок являлись остатками подстилки или одежды погребенного. Также были обнаружены остатки кожаного пояса, украшенного тремя рядами вертикально нашитых бронзовых гантелевидных нашивок и бляшкой плохой сохранности, напоминающей стилизованную голову грифона (свернувшейся змеи?). Разрушенность погребения не позволяет уверенно определить культурную принадлежность памятника. В то же время типология жертвенника-курильницы и зеркала позволяет соотносить их с предметами, широко встречаемыми в сакской культуре, а само погребение датировать VII–VI вв. до н.э. [Итина, Яблонский, 1997, с. 41–43, рис. 27-9, 29-9, 49-10; Вишневская, 1973, с. 84–87, табл. IV-6, XXIV-3; Шульга и др., 2009, с. 177, рис. 126, 127]. В пользу возможной принадлежности предметов к сакским древностям свидетельствует и местонахождение памятника на северных границах территории кочевания представителей этой культурной общности. По мнению исследователей, зеркала и курильницы-жертвенники в могильниках сакской культуры сопровождали женские погребения [Вишневская, 1973, с. 85–86]. Предметы ранних кочевников VII–VI вв. до н.э. не так часто встречаются на территории Южного Притобольшья, известны, например, в погребениях могильника Сибирская яма [Шилов, 2007, с. 138–142], расположенном в нескольких километрах от Черной Горы.

Текстильные материалы из погребальных памятников раннего железного века и средневековья...

Курганная группа Гладунино-1, состоящая из двух насыпей раннего железного века, находится в Белозерском районе Курганской области и была раскопана в 1998 г. экспедицией КГУ под руководством С.Н. Шилова [Шилов, Рябинина, 2003, с. 131–133]. Фрагменты ткани обнаружены в центральном погребении № 1 кургана № 2. Помимо центрального, под курганной насыпью было найдено женское погребение № 2 с богатым инвентарем, золотыми и серебряными изделиями, предметами импорта. Погребение № 1 было частично разрушено в северной части. Из инвентаря в заполнении найдены только круглодонный керамический сосуд с шаровидным туловом и небольшой примесью талька в тесте, а также фрагменты трех круглодонных сосудов саргатской культуры. Южная часть оказалась нетронутой. В ней были найдены останки погребенного, который, скорее всего, располагался вытянуто на спине головой на северо-северо-запад. Умерший был уложен на органическую подстилку (плащ?). В районе пояса была обнаружена массивная бронзовая бляха-пуговица с фрагментами ткани (образец № 1) и шерсти (меха?), вдоль ноги находился железный кинжал с серповидым навершием и прямым перекрестием в деревянных ножнах. Слева от умершего располагался колчан с колчаным крючком для крепления к поясу. В колчане найдены бронзовые и железные наконечники стрел с остатками древков. Судя по всему, колчан имел вытянутую подтреугольную форму. Основа колчана — каркас из прутьев, обтянутый шкурой мехом внутрь. Стрелы располагались наконечниками ко дну колчана, древками наружу. На колчане и под ним был зафиксирован слой кожи с мехом, поверх которого идет слой груботканой материи (образец № 2). По специфике инвентаря можно предположить, что в погребении был захоронен мужчина. Аналоги предметов из погребения, погребальный обряд, керамический материал широко встречаются на территории распространения памятников саргатской культуры и соседних культур сарматского типа [Матвеева, 1993, с. 103–105; Корякова, 1988, с. 64, 69, 74; Степи европейской части..., 1989, табл. 64, 65; Пшеничнюк, 1983, табл. XXIII]. Погребение датируется IV–II вв. до н.э.

Курганный могильник Дачное-2 исследовался археологической экспедицией КГУ под руководством С.Н. Шилова в 1996, 2004–2005 гг. Могильник расположен вдоль верхней надпойменной террасы притока р. Миасс (Каргапольский район Курганской области). Фрагменты ткани были обнаружены в неограбленном периферийном погребении № 2 кургана № 1, дважды окруженного кольцевыми замкнутыми рвами. Периферийное погребение представляло собой сдвоенное захоронение (в одной могильной яме — два погребения: женское и мужское) (№ 2, 3). Умершие были похоронены вытянуто на спине в направлении запада. Над каждым погребением было сооружено продольно-поперечное перекрытие (тройное над женским), сами умершие обернуты в бересту. В мужском захоронении вместе с погребенным обнаружены только предметы вооружения — меч и кинжал. В женском погребении найдены три керамических сосуда саргатской культуры, берестяная сумочка с зеркалом и пряслицем. Внутри сумочки находились разрозненные скомканные фрагменты ткани. Кроме того, были обнаружены бронзовые тисненые бляшки и стеклянные разноцветные бусины, которые использовались как бусы и в качестве украшения предметов одежды (возможно, были нашиты по краю одежды). Погребение, скорее всего, является более поздним, чем центральное, и датируется III–II вв. до н.э.

Курганный могильник Дачное-2 относится к периоду проникновения саргатской культуры на территорию Притоболья и представляет собой смешанный некрополь, на котором были захоронены представители как пришлой саргатской, так и местной гороховской археологической культуры [Шилов, Рябинина, 2006, с. 102–105]. В курганах отмечена керамика обеих культур, а на соседних поселениях — следы их совместного проживания. При этом захоронения саргатской культуры отличались более сложным погребальным обрядом и большим разнообразием, «богатством» инвентаря. Мирное совместное проживание, по всей видимости, было связано со схожими основами социально-экономического и идеологического развития культур, принадлежащих к единой общности культур скифского мира. Подобные контакты привели, по мнению Л.Н. Коряковой, к влиянию гороховского населения на формирование некоторых специфических черт саргатской культуры Притоболья [1988, с. 165].

Могильник Усть-Суерское-1 исследовался экспедицией КГПИ под руководством М.П. Вохменцева в 1989–1990 гг. Памятник находится в 3 км юго-восточнее с. Усть-Суерское Белозерского района Курганской области в пойме правого берега р. Тобола. Расположение погребений говорит, возможно, о курганном характере могильника, но в результате дальнейшей хозяйственной деятельности небольшие насыпи были уничтожены. Фрагменты ткани фиксировались в погребении 2, содержащем три костяка. В области нижней части живота погребенного 2 были

обнаружены фрагменты изделия, которое изначально интерпретировалось как остатки «муфточки» или небольшой кожаной сумочки с мехом, внутри которой находилась правая рука этого погребенного. Однако подробный разбор материалов показал, что, скорее всего, интерпретация этого артефакта должна быть иной. По всей видимости, данные фрагменты являются остатками одежды умершего: он был одет в тканую одежду, а поверх нее в кожаную. Рука в этой одежде была продета в кожаную варежку или перчатку, внутри прошитую мехом. Могильник датируется в рамках VII–VIII вв. Большинство аналогий погребальному обряду и инвентарю, в том числе геральдическая гарнитура, позволяют в целом сравнивать этот памятник с древностями кушнаренковской и караякуповской культур, а также материалами ломоватовской и неволинской культур [Маслюженко и др., 2011; Гарустович и др., 2008, с. 54–56]. Скорее всего, сам могильник входит в круг памятников протомадьярской общности Юго-Западной Сибири периода до ухода значительной части этой группы в Приуралье. По письменным источникам и аналогам артефактам известно, что западно-сибирские протомадьяры тесно контактировали со степным миром, в том числе с населением тюркских каганатов, что привело к ряду заимствований в культуре.

Курганный могильник Усть-Терсюк-3 обследовался экспедицией КГУ под руководством И.К. Новикова в 2012 г. Памятник расположен в Шатровской районе Курганской области, на восточной стороне мыса, образованного старицами р. Исеть. Фрагменты ткани были обнаружены в единственном погребении кургана № 55, значительно разрушенного дорогой, противопожарным рвом и грабительским вскопом. Обнаруженный здесь инвентарь (кольчуга, наконечники стрел и копья, навершие молоточка, который мог использоваться в качестве клевца, серьга, килевидный ремешок наконечник) позволил датировать данное парное погребение с лошадью второй половиной XI — началом XIII в. Значительная керамическая коллекция чрезвычайно фрагментирована, разбросана в насыпи кургана и на данный момент однозначно не связывается с самим погребением, что усложняет культурную атрибуцию комплекса. Сам комплект вооружения и специфика обряда свидетельствуют в пользу того, что в данном захоронении был погребен представитель воинской элиты местного угорского населения, хотя нельзя отрицать и факта значительного степного или, шире, южного влияния. Об этом говорят и находка кольчуги, характерной для степных и среднеазиатских воинов, и сам курганный обряд. Фрагмент ткани был найден в скоплении человеческих костей и фрагментов кольчуги в нише, примыкающей к южной стенке погребения. Возможно, она образовалась от грабительской ямы, однако затем по ней сверху прошел противопожарный ров, что привело к окончательному разрушению стратиграфии. На данный момент можно предположить, что фрагмент ткани происходит от рубашки, которую надевали под кольчугу [Маслюженко, 2013, с. 207–212].

Анализ текстильных материалов

Среди материалов вышеуказанных памятников было выявлено несколько текстильных фрагментов самых разных видов. Наличие текстиля как раз является тем фактором, который их объединяет.

Текстильные материалы описанных памятников были подробно исследованы в лаборатории по изучению традиционных систем жизнеобеспечения населения Западной Сибири Сургутского государственного педагогического университета. Ткани изучались по авторской методике, разработанной специально для изучения древнего текстиля [Глушкова и др., 2011]. Образцы текстиля первоначально подверглись визуальному осмотру; изучение сырья проводилось с помощью органолептических и микроскопических исследований; была также внимательно исследована в каждом случае структура текстильных образцов (способ переплетения нитей в полотне тканей, соотношение крутки и тонины нитей); фактура полотна (характер поверхности текстильных образцов). Текстильные образцы на красители не тестировались и не изучались, так как в лаборатории отсутствует необходимое оборудование; цвет тканей указывался на основе визуального осмотра и микроскопических исследований.

Необходимо отметить, что фрагменты описанного в статье текстиля малы по размеру, однако степень их сохранности достаточна для замера основных технологических параметров нитей, плотности и выявления характерных признаков текстильных полотен. В большинстве из них отсутствуют такие важные показатели для изучения текстиля, как кромки, что затрудняет определение расположения нитей основы и утка в тканях. Однако опыт источниковедческого анализа текстильных образцов раннего железного века — средневековья в большинстве случа-

Текстильные материалы из погребальных памятников раннего железного века и средневековья...

ев позволяет автору исследования технологии высказывать достаточно обоснованные суждения об этих признаках и атрибуции текстильных изделий. Все это сделало возможным с большей или меньшей степенью вероятности описание и определение текстильных фрагментов из археологических памятников Притоболья VI в. до н.э. — XIII в. н.э. Отметим также, что большая часть текстильных фрагментов принадлежит эпохе раннего железа (8 из 10 образцов), 2 образца — из средневековых памятников.

Характеристика текстильных фрагментов из обозначенных памятников следующая.

Черная Гора, обр. 1

Четыре мелких фрагмента размерами 1,3×0,6 см; 1,1×0,6 см; 0,7×0,6 см; 1,5×1,7 см. Все фрагменты принадлежат к одному виду ткани: очень сухая (пересушенная) ткань зеленого цвета с фрагментами окислившейся бронзы, которая сохранилась именно благодаря соседству с металлом. Кромки нет, уток и основа неопределимы.

Нити первой структуры несильного Z-кручения тониной 0,2–0,3 мм. Нити второй структуры также несильно скручены по схеме Z-кручения, тониной 0,3–0,6 мм.

Плотность нитей по первой структуре составляет 24 нити на 1 см, по второй структуре — 16 нитей на 1 см. Ткань полотняного переплетения, полотно ровное, нити обеих структур однородные, хорошо натянуты. Ткацкие ошибки отсутствуют. Текстиль высокого качества.

Сырье фрагментов — шерсть (судя по данным органолептических и микроскопических исследований). Цвет светло-коричневый под зелеными окислами.

Текстильные образцы идентичны и атрибутируются как шерстяное полотно.

Черная Гора, обр. 2

Первоначальные размеры фрагмента 4×2,4 см, в разложенном виде — 4×3,1 см. Ткань полотняного переплетения имеет характеристики, описанные для образца 1, но более ветхая, с большими утратами, к тому же окислы на части полотна осыпались, нити основы и утка хорошо видны. Нити коричневого цвета, тонкие, мягкие, волокна в структуре нитей свиты некруто, отсюда и такая характеристика, как мягкость. Между нитями имеются небольшие просветы, ткань неплотная, нити тонкие, ровные, ткань хорошего качества. Атрибутируется, как и предыдущий текстильный образец: шерстяное полотно.

Гладунино-1, обр. 1

Фрагмент ткани саржевого переплетения размерами 1,4×1,1 см. Кромки нет, основа и уток неразличимы. На текстильном фрагменте имеются остатки бронзовых окислов, которые и позволили сохраниться фрагменту органики в почве.

Нити первой структуры Z-кручения, тониной от 0,7–0,8 до 0,9 мм, нити второй структуры аналогичны.

Плотность нитей по первой структуре — 13 нитей на 1 см, по второй структуре — 10 нитей на 1 см. Переплетение нитей в структуре полотна саржевое (саржа 2/1).

Ткань плотная, ровная, хорошего качества. Нити первой структуры сильно натянуты в полотне, что свойственно основе, нити второй структуры натянуты слабо, образуют характерные изгибы, что свидетельствует в пользу утка. Нити одинарные. На изнанке качество ткани лучше — она менее выношена, нити целее.

Сырье, судя по результатам органолептических исследований, — шерсть. Цвет натуральный коричневый с красным (рыжим) оттенком.

Текстильный фрагмент можно атрибутировать как шерстяную саржу 2/1 хорошего качества.

Гладунино-1, обр. 2

Фрагменты текстиля очень плохой сохранности, размерами 1,6×1,1 см; 1,9×1 см; 0,7×1,3 см. Толстая, рыхлая ткань с различным полотняным переплетением. Кромки нет, основа и уток неопределимы. Нити «ожелезненные», это значит, что окислы железа проникли внутрь нитей, слегка изменив их структуру, сделав ее рыхлой. Сохранность плохая, но некоторые технологические характеристики различимы.

Нити первой структуры Z-кручения, тониной от 0,8 до 1 мм; нити второй структуры плохо различимы, предположительно тонкие двойные, не свитые между собой (одинарные нити 0,5 мм), Z-кручения.

Плотность нитей по первой структуре измерена приблизительно и составляет примерно 16 нитей на 1 см, по второй структуре — 8 двойных нитей на 1 см.

Сырье, судя по результатам органолептических исследований, растительного происхождения. Об этом также может свидетельствовать плохая сохранность образца.

Текстильный фрагмент предположительно атрибутирован как полотно из растительного сырья.

Дачное-2, обр. 1

Очень маленькие фрагменты тонкой ткани (репса) хорошего качества. Размеры фрагментов — 0,7×1 см; 0,6×0,8 см; 0,6×0,7 см. Кромки отсутствуют, основа и уток неопределимы.

Нити первой структуры Z-кручения, тониной от 0,3 до 0,6 мм, пушистые, в местах хорошей сохранности нити тонина составляет 0,6 мм. Нити второй структуры заметно тоньше и ровнее, их тонина составляет 0,5 мм, Z-кручение. Нити второй структуры более круто свиты, сильно натянуты в полотне ткани. Нити первой структуры, напротив, менее растянуты, выступают на поверхности полотна, скрывают нити второй структуры из-за большей плотности, плотно обвивая их с двух сторон.

Плотность нитей первой структуры в полотне составляет 24–26 нитей на 1 см, второй структуры — 8 нитей на 1 см.

Ткань очень хорошего качества, поверхность текстильного образца однородная, без ткацких ошибок. Нити второй структуры растянуты сильнее, чем нити первой, что свидетельствует в пользу основы, так как она должна быть сильно натянута при производстве текстиля (на нее большие механические нагрузки). Кроме того, эта нить более круто свита, что также свидетельствует о ее большей прочности и принадлежности основе. Следовательно, можно предположить, что нити первой структуры — это уток, а второй структуры — основа. Переплетение нитей полотняное, но плотность по одной структуре нитей (предположительно утку) превышает плотность по другой структуре в три раза. Такое превышение плотности по структуре нитей обычно позволяет говорить о репсовом эффекте в текстиле, который находит отражение в своеобразной фактуре ткани — рубчатой. Однако в нашем случае благодаря использованию в утке пушистой, слабо свитой нити рубчик выражен нечетко, что делает поверхность (фактуру) текстильного образца более однородной, ровной. Ошибки в переплетении не обнаружены.

Сырье всех образцов — шерсть (судя по органолептическим и микроскопическим исследованиям). Цвет текстильных фрагментов темно-коричневый, натуральный.

Текстильные фрагменты идентичны, их можно атрибутировать как шерстяное полотно с репсовым эффектом (уточный репс?).

Дачное-2, обр. 2

Образец 2 состоит из трех фрагментов, которые при обнаружении их во время раскопок оказались спрессованы между собой. Однако более подробное визуальное и микроскопическое исследование позволило идентифицировать три разных фрагмента.

Фрагмент 1 размерами 2,4×1,6 см, довольно хорошо сохранившийся благодаря нахождению в бересте, представляет собой образец ткани, аналогичный по своим характеристикам уже описанному образцу 1. Благодаря его большим размерам можно более точно измерить плотность нитей по основе и утку, она оказалась такой же — 24 нити на 1 см по первой структуре нитей, 8 нитей на 1 см — по второй структуре. Все остальные характеристики также совпадали, можно говорить о том, что это фрагменты одного полотна.

Фрагмент 1 атрибутируется как шерстяное полотно с репсовым эффектом (уточный репс?).

Фрагмент 2 размерами 2×0,8 см. Это фрагмент хорошо сохранившейся ткани полотняного переплетения яркого красно-коричневого цвета. Кромки нет, основа и уток неразличимы. Ткань довольно редкая, из ровных тонких нитей хорошего качества.

Нити первой структуры имеют Z-кручение, тониной 0,5–0,6 мм. Нити второй структуры — также Z-кручения, тониной 0,4 мм.

Плотность нитей по первой структуре составляет 16 нитей на 1 см, по второй структуре — 12 нитей на 1 см. Переплетение равномерное полотняное, нити в структуре полотна растянуты не очень сильно, равномерно. Ткацкие ошибки отсутствуют.

Сырье — шерсть (судя по органолептическим и микроскопическим исследованиям). Цвет — яркий красно-коричневый (охристый).

Текстильный фрагмент может быть атрибутирован как красное шерстяное полотно высокого качества.

Фрагмент 3 размерами 1×0,5 см. Это тонкая, очень плотная ткань темно-коричневого, почти черного цвета на изнанке фрагмента 1. Кромки нет, основа и уток неопределимы.

Нити первой и второй структуры в полотне идентичны: они не имеют кручения, тонина — 0,15–0,2 мм.

Текстильные материалы из погребальных памятников раннего железного века и средневековья...

Плотность по первой структуре нитей составляет 54 нити на 1 см, по второй структуре — 32 нити на 1 см. Переплетение нитей равномерное полотняное, без ткацких ошибок.

Сырье, судя по результатам визуального осмотра, микроскопического и органолептического исследований,— шелк.

Текстильный фрагмент может быть атрибутирован как шелковое полотно (тафта).

Дачное-2, обр. 3

В свою очередь, распался на два различных фрагмента.

Фрагмент 1 — кусочек войлока размерами 1,3×0,7 см толщиной до 1 мм. В структуре образца имеются спутанные волокна толщиной от 0,025 до 0,075 мм. Преобладают волокна толщиной 0,025–0,05 мм. Сырье — шерсть.

Текстильный фрагмент атрибутируется как войлок.

Фрагмент 2 — фрагмент ткани размерами 2×0,7 см, ткань очень плотная, с однородной поверхностью. Кромки отсутствуют, основа и уток неопределимы.

Нити первой структуры толстые, сильно скручены Z-круткой, тониной от 0,8 до 1,8 мм. Нити второй структуры очень слабо скручены, более тонкие (одинарные нити тониной 0,1 мм), в структуре полотна используются по две одинарные нити. По характеристикам скрученности и тонины использованных нитей, плотности их расположения в структуре текстильного полотна можно предположить с большой долей достоверности, что нити первой структуры — основные, второй структуры — уточные.

Плотность нитей первой структуры составляет 20 нитей на 1 см, второй структуры — 48 нитей на 1 см. Переплетение саржевое (саржа 2/1). Переплетение по второй структуре уплотненное, но благодаря использованию в утке слабо свитой пушистой нити ткань получилась мягкая, эластичная, с хорошо читаемым переплетением нитей на поверхности (диагональный узор, похожий на косички).

Сырье, судя по результатам органолептического и микроскопического исследований,— шерсть хорошего качества.

Цвет фрагмента — светло-коричневый. Исследуемый образец — фрагмент толстого, мягкого, объемного полотна светло-коричневого цвета с золотистым оттенком отдельных волокон в структуре нитей.

Текстильный фрагмент может быть атрибутирован как шерстяная рыже-коричневая саржа 2/1.

Дачное-2, обр. 4

Образец состоит из двух аналогичных фрагментов размерами 0,8×0,6 см; 2,2×0,4 см. Это тонкая, очень плотная ткань, практически рассыпавшаяся в прах, однако на отдельных фрагментах полотна заметны некоторые характеристики — отсутствие кручения в нитях, фактура поверхности, аналогичная таковой у образца 2, фр. 3, характерный блеск волокон при сильном увеличении под микроскопом. Это позволяет предполагать, что описываемый образец аналогичен по своим характеристикам шелковому фрагменту (обр. 2, фр. 3) и представляет собой шелковое полотно (тафта).

Усть-Суерское-1

Фрагменты довольно толстой ткани размерами 4,7×3,1 см; 3,8×1,3 (в два сложения) полотняного переплетения. Кромки нет, основа и уток неопределимы.

Нити первой структуры тониной 0,5–0,6 мм слабой Z-крутки. Нити второй структуры тониной 0,6–0,8 мм слабой S-крутки.

Плотность по первой структуре составляет 12 нитей на 1 см, по второй структуре — 8 нитей на 1 см. Ткань плотная, без просветов в структуре полотна. Натяжение нитей равномерное, фактура текстильного образца имеет шахматное чередование нитей основы и утка, переплетение без ошибок.

Сырье растительное. Цвет темно-коричневый, почти черный. Образец на красители не тестировался.

Текстильный образец атрибутируется как полотно из растительного сырья.

Усть-Терсюк-3

Фрагменты ткани размерами 6×4,3 см; 4,3×1,1 см; 1,5×1 см. Ткань саржевого переплетения с хорошо читаемым диагональным рубчиком на лицевой поверхности полотна. Кромки нет, основа и уток неопределимы.

Нити первой структуры 0,2 мм, не имеют кручения. Нити второй структуры тониной 0,4–0,6 мм, также без кручения.

Плотность по первой структуре нитей составляет 26 нитей на 1 см, по второй структуре — 16 нитей на 1 см. Переплетение саржевое (саржа 2/1, на изнанке — полотняное переплетение нитей).

Сырье — шелк. Цвет ткани — черно-синий.

В целом это образец ткани невысокого качества (маленькая плотность в основе и утке для шелкового текстиля). Судя по характеристикам нитей и плотности, нити первой структуры — вероятнее всего, основа, второй структуры — уток. В переплетении нитей имеются ткацкие ошибки, что еще раз подтверждает тезис о невысоком качестве ткани.

Текстильный образец атрибутируется как шелковая саржа.

В целом по описанному материалу можно отметить следующие общие моменты, характерные для сибирского текстиля.

Материалы раннего железного века представлены:

— двумя фрагментами шерстяного текстиля полотняного переплетения с репсовым эффектом (уточный репс?);

— тремя фрагментами шерстяного полотна с регулярной структурой полотняного переплетения (шерстяное полотно);

— двумя образцами шерстяной саржевой ткани (саржа 2/1);

— одним фрагментом полотна из растительного сырья;

— двумя фрагментами шелковой ткани (тафты).

Текстильные материалы раннего средневековья представлены одним фрагментом полотна из растительного сырья; средневековый текстиль XI — начала XIII в. — фрагментом шелковой саржи.

Полученные данные свидетельствуют о большом разнообразии текстильных материалов, которые имели хождение на лесостепных территориях Курганской области. По единичным образцам эпохи средневековья из описанных памятников вряд ли можно выделить какие-то тенденции, констатируем лишь, что полученные данные вписываются в общую схему, в рамках которой фиксируется достаточно широкое распространение большого количества разнообразных шелковых тканей в этот период практически на всей территории Западной Сибири [Глушкова, 2002а]. Однако характеристики шелкового текстиля из памятника Усть-Терсюк-3 говорят об импорте на эти территории шелка очень невысокого качества (среднеазиатский и, возможно, китайский импорт по одному из северных ответвлений Великого шелкового пути). Хождение тканей полотняного переплетения из растительного сырья также было широко распространено на территории Сибири повсеместно.

Значительно больше информации можно извлечь из результатов исследования образцов тканей раннего железного века из памятников Черная Гора, Гладунино-1, Дачное-2. Прежде всего, еще раз следует подчеркнуть значительное разнообразие видов текстильных полотен. Они различаются как по виду сырья (растительное, шерстяное, шелковое), так и по технологическим характеристикам полотен, что, скорее всего, свидетельствует о разных способах их изготовления.

Ткани из растительного сырья — явление довольно редкое даже в более поздних памятниках, это объясняется худшей сохранностью растительных волокон в условиях археологизации, чем шерстяных, более стойких к агрессивному воздействию среды. В данном случае растительное полотно сохранилось благодаря наличию окислов бронзы. Это ткань полотняного переплетения, но использование в одной из структур двойных нескрученных нитей позволяет отнести ее к подвиду текстиля этого вида — «панамы» [Иерусалимская, 2005, с. 31]. Это довольно редко встречающийся текстиль, особенно в указанное время.

Основное количество тканей раннего железного века из описанных памятников — шерстяные. По типу переплетения нитей они неоднородны, разделяются на три вида: ткани полотняного переплетения (3 экз.); ткани полотняного переплетения с репсовым эффектом (2 экз. уточного репса?); ткани саржевого переплетения (2 экз. саржи 2/1).

Шерстяные ткани полотняного переплетения довольно хорошего качества. Они изготовлены из тонких нитей, имеют большую плотность по двум структурам нитей, без ткацких ошибок в полотне, одна из них красного цвета. Технология их изготовления свидетельствует о развитой традиции ткачества. Можно допустить, что они были изготовлены на горизонтальном станке, об

этом свидетельствуют все технологические характеристики. Можно также предположить, что это был какой-то один центр изготовления текстиля или, во всяком случае, одна текстильная традиция. Подобный текстиль обнаружен в саргатском кургане 7 могильника Чепкуль 9, расположенного в лесостепной части Притоболья [Глушкова, Зах, 2009].

Ткани полотняного переплетения с репсовым эффектом, предположительно определяемые как уточный репс, обнаружены на одном памятнике — Дачное-2. Как раз такой текстиль был широко распространен в среде кочевников, что известно по материалам из разных памятников (например, в могильнике Ноин-Ула). Технологические характеристики этого изделия позволяют предположить, что он был изготовлен на вертикальном станке-раме, которые широко использовались как в древности, так и в средневековье на территории лесостепи и применяются населением Средней Азии, Турции и других стран Востока (напр.: [Муканов, 1979]). В раннем железном веке подобный текстиль проникал далеко на север, об этом сохранились свидетельства в таком археологическом памятнике, как Барсовский III могильник в Сургутском Приобье [Глушкова, 2002а, с. 45; 2002б], он был встречен также в лесостепной полосе Прииртышья (Исаковский 1 могильник в Нижнеомском районе Омской области) [Глушкова, 2001, с. 110–111].

Ткани саржевого переплетения также имели некоторое распространение на археологических памятниках раннего железного века Сибири, например среди материалов мог. Алдыган (комплекс V–II вв. до н.э.) из Колпашевского района Томской области в нижнем течении р. Чаи [Глушкова, 2002а, с. 12–13]. Однако наибольшее распространение текстиль такого вида имел в пазырыкских памятниках Укока примерно того же времени [Глушкова, 2005]. Текстиль подобного вида мог быть изготовлен как на уже упоминавшемся вертикальном станке-раме, так и на горизонтальном станке.

Заключение

Таким образом, совершенно очевидно, что текстильные материалы из памятников лесостепного Притоболья хорошо соотносимы с одновременными материалами раннего железного века и средневековья лесостепных территорий Западной Сибири, а также более южных и северных памятников. Пока сложно сделать окончательный вывод, производился ли этот текстиль на месте или являлся импортным. Можно предположить, что частично он был импортирован (например, шелковые ткани и шерстяное полотно высокого качества для раннего железного века и шелка невысокого качества в предмонгольское время), а частично изготовлялся в кочевой среде носителей саргатской или гороховской культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Шилов С.Н. Средневековые могильники лесостепной зоны Западной Сибири // *Finno-Ugrica*. 2008. № 11. С. 54–68.
- Глушкова Т.Н. Текстильные материалы Исаковского 1 могильника // *Материалы по археологии Обь-Иртышья*. Сургут: РИО СурГПИ, 2001. С. 110–113.
- Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: РИО СурГПИ, 2002а. 206 с.
- Глушкова Т.Н. Ткани из Барсовского III могильника кулайской культуры // *Барсова Гора: 110 лет археологических исследований*. Сургут, 2002б. С. 124–125.
- Глушкова Т.Н. Технологическая характеристика пазырыкского текстиля с плато Укок // Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова. *Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.)*. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. С. 177–193.
- Глушкова Т.Н., Елкина А.К., Елкина И.И. Методика исследования археологического текстиля: (Опыт обобщения): Науч.-метод. пособие. Сургут: РИО СурГПУ, 2011. 149 с.
- Глушкова Т.Н., Зах В.А. Тканые пояса из саргатского кургана 7 могильника Чепкуль-9 // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 4 (40). 2009. С. 57–66.
- Иерусалимская А.А. *Словарь текстильных терминов*. СПб: Изд-во ГЭ, 2005. 96 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.
- Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н., Хаврин С.В. Раннесредневековый могильник Усть-Суерское-1 в лесостепном Притоболье // *AB ORIGINE: Археол.-этногр. сб.* ТюмГУ. Тюмень, 2011. С. 72–86.

Т.Н. Глушкова, Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

Маслюженко Д.Н. Исследования кургана № 55 средневекового могильника Усть-Терсюк-3 в Нижнем Приисетье в 2012 г. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2013. С. 207–212.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Муканов М.С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата: Казахстан, 1979. 78 с.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Рябина Е.А. Разрушенное погребение раннего железного века на местонахождении «Черная гора» // XI Зырянские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 5–6 дек. 2013 г.). Курган, 2013. С. 25–26.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.

Шилов С.Н. Могильник «Сибирская яма» 1 — новый памятник ранних кочевников Южного Зауралья VII–VI вв. до н.э. // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: К 70-летию Т.М. Потемкиной. Курган: Изд-во КурГУ, 2007. С. 138–142.

Шилов С.Н., Рябина Е.А. Погребальный комплекс кургана 2 могильника Гладунино-1 саргатской культуры // Международное (XVI Уральское) археол. совещание: Материалы конф. Пермь, 2003. С. 131–133.

Шилов С.Н., Рябина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

*Сургутский государственный педагогический университет
tam.g@mail.ru

**Курганский государственный университет
denmas13@yandex.ru

The article is devoted to analysis of textile materials from burial sites of the forest-steppe Low Tobol basin dated back to the Early Iron Age (the Sakskaaya and Sargatka cultures), and to Middle Ages. Those embrace a period from VII–VI cc. B.C. up to XII c. A.D. The obtained fragments of textile being clothing remnants or parts of bags and quivers. The obtained materials are correlated with textile from neighbouring regions. They reflect both local specificity of textile industry, and south import (silk materials of different quality and woolen cloth of only high quality).

Textile materials, burial sites of Iron Age, forest-steppe Low Tobol basin.

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВАНИЯ КАРЫМСКОГО ЭТАПА ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов*, Ю.П. Чемякин**

Представлена общая и индивидуальная характеристика предметов, относящихся к карымскому этапу (культуре) таежного Приобья. Установлено различие вещевого комплекса северных и южных карымских территорий. Специфика карымских материалов южно-таежной зоны была обусловлена влиянием на переселенцев с севера культуры местного лесостепного населения. Анализ металлических предметов, импортных стеклянных бус и результаты радиоуглеродных тестов позволили уточнить дату карымского этапа: рубеж III/IV — начало VI в. н.э.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, орудия, оружие, украшения.

Орудия, оружие, украшения

Введение. До последнего времени предметный комплекс основных территорий распространения карымского культурного образования (средняя и северная тайга) не был четко определен. Широкий хронологический диапазон и в основном поздние даты имеют опубликованные В.Н. Чернецовым «поделки из бронзы», найденные в разных местах таежного Приобья и бассейне Таза, которые «...типологически могут быть отнесены ко времени карымского этапа» [1957, с. 180–185]. Между тем, за исключением четырех плоских культовых отливок зооорнитоморфных существ с личинами и без них, изображенных анфас [Там же, табл. XVIII, 9–11, 13], аналогичных позднекулайским, все остальные предметы [Там же, табл. VII, 4–12; XVIII, 1–8, 12] являются более поздними: по версии В.А. Могильникова — оронтурскими (VI–IX вв.) [1987, с. 202, 205, 333, табл. LXXXV, 3–5, 7], согласно периодизации уральских археологов — кучиминскими, вожпайскими, кинтусовскими и ранними сайгатинскими, датирующимися в интервале VIII–XIII вв. [Зыков и др., 1994, с. 138–143, № 111, 117–119, 125, 127–130, 134, 137, 138, 154, 155; Чемякин, Карачаров, 2002, рис. 16, 6; 17, 10, 12; 18, 3, 4, 9; 19, 13, 14].

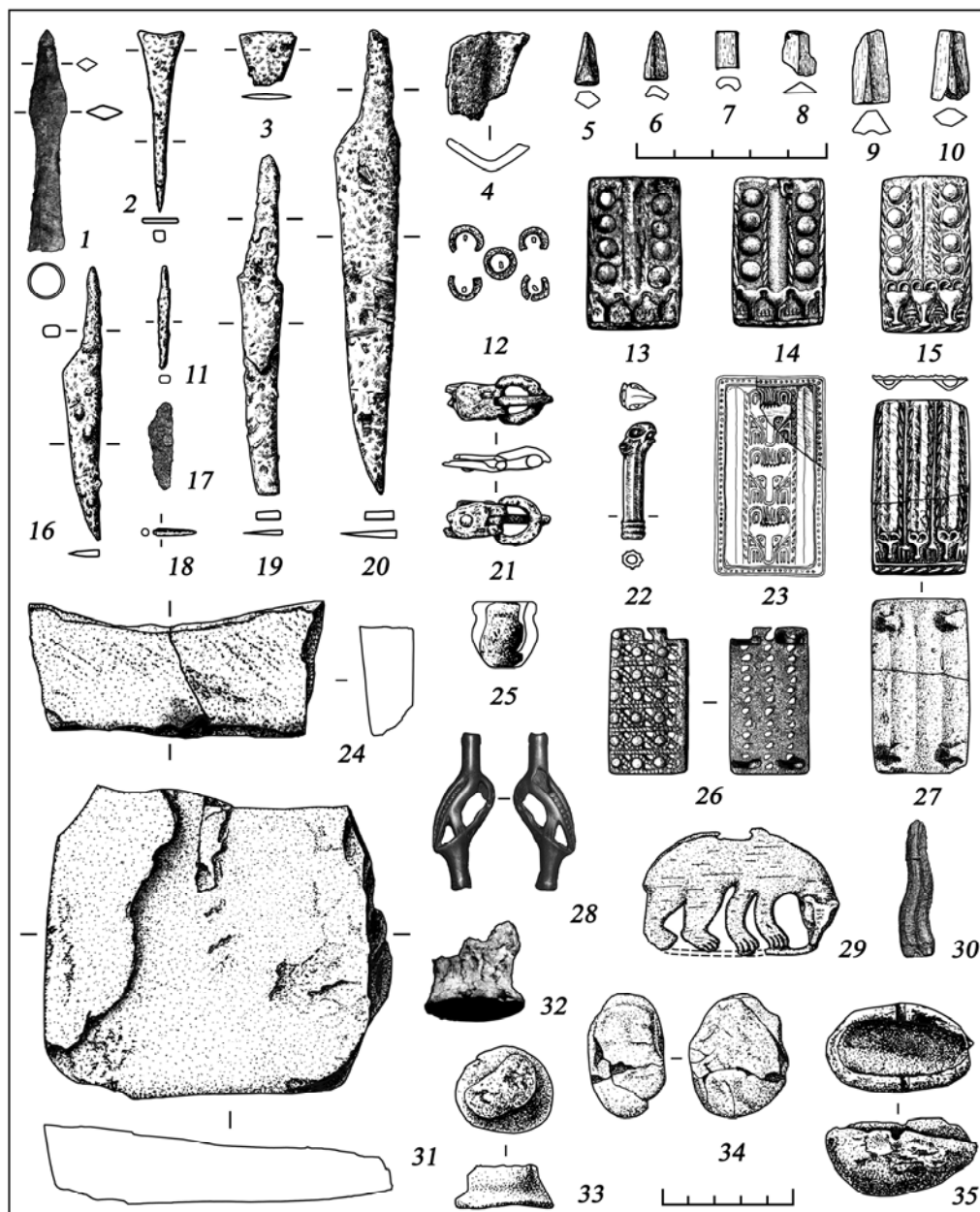
При характеристике карымского этапа Н.В. Федоровой, А.П. Зыковым и их коллегами долгое время использовался своеобразный и переменный комплекс изделий из Холмогорского «клада» [Федорова и др., 1991, с. 130–133, рис. 2А, 11–14; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 43, рис. 14, 3–7; Зыков, Федорова, 2001, с. 28–29, 145, рис. 3, 4]. Сейчас памятник датируется III–V вв. или концом III — началом IV в., а формирование коллекции его вещей относится к III в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 53, 63, 145]. Это хронологически соответствует финалу кулайской культурно-исторической общности и/или переходному периоду между ранним и поздним железным веком в приобской тайге.

Получается, что характеризовать вещевой карымский комплекс северных и центральных территорий таежного Приобья по хорошо известным публикациям практически нечем. Это показала и последняя обобщающая работа по средневековым древностям Югры, включающая описание карымского этапа [Зыков, 2006, с. 113–114].

Что же касается своеобразных материалов южно-таежных курганных могильников, использованных В.Н. Чернецовым и омскими исследователями для характеристики карымских древностей, то их следует рассмотреть обособленно от карымских находок центральных и северных территорий.

Центральные и северные территории карымского ареала. На карымских городищах Барсовой Горы (Барсов городок II/6, 7, 9, 10), расположенных в средней тайге, наряду с керамикой, найдены кусочки глиняных рюмковидных тиглей (рис. 1, 32), оригинальная бронзовая культовая отливка с изображением двух змей (рис. 1, 30), представленная обломком и целая прямоугольные поясные накладки из бронзового листа с отверстиями, часть железного ножа (рис. 1, 17), а также фрагменты неопределимых металлических предметов [Чемякин, Зыков, 2004, с. 40–43, 184]. Подобные барсовогорским литые и вырезанные из жести вытянутые прямоугольные накладки, крепившиеся штифтами к кожаным поясам, датируются в пределах III–VI вв. [Зыков, 2012, с. 60].

¹ Продолжение статей: [Борзунов, Чемякин, 2013а, б; 2014, 2015]. Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, НИР № 1913, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири».

Рис. 1. Вещевой комплекс карымских памятников Сургутского Приобья:

1–4, 11, 12, 16–21 — железо; 5–10 — кость; 13–15, 22, 23, 26–30 — медь, бронза; 24, 31 — камень; 25, 32, 33–35 — глина; 1, 23, 28, 29 — селище Сартым-урий 16; 2–4, 11, 12, 16, 18–21 — селище Сартым-урий 17; 5–10, 22, 24–27, 31, 33–35 — городище Сартым-урий 18; 13, 14 — могильник Чагорово IV; 15 — оз. Чагыр (Чагорово?); 17, 30, 32 — гор. Барсов городок II/10 (1–12, 16–29, 31, 33–35 — по Ю.П. Чемякину; 13, 14 — по М.Ю. Баранову; 15 — по В.Н. Чернецову; 17, 30, 32 — по Г.А. Степановой).

При раскопках разрушенного городища Горное II в черте г. Ханты-Мансийска обнаружены обломок глиняного тигля и фрагмент кости с отверстием — часть какого-то изделия [Зайцева, 2007, с. 183]. В карымских погребениях Сайгатинского VI могильника, кроме черепков и одного небольшого целого сосуда, лежали только железные ножи, их обломки, сильно корродированные изделия из железа, назначение которых неизвестно, в некоторых могилах — точильные камни [Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–43, рис. 14, 8; Карачаров, Носкова, 2007; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 55, 122, 146, № 106].

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

Принимая во внимание вышесказанное, исключительно важными в плане характеристики карымского вещевого комплекса Сургутского Приобья и всего карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности считаем раскопки группы археологических памятников на протоке Сартым-урий. За последнее десятилетие в карымских жилых, хозяйственных и производственных постройках селищ Сартым-урий 16, 17 и городища Сартым-урий 18 найдены многочисленные и разнообразные предметы и металлургические остатки, бесспорно относящиеся к карымскому комплексу. Это железные однолезвийные черешковые ножи и их обломки, наконечники стрел (один втульчатый с узким асимметрическим подромбическим пером и серия плоских, типа срезней с прямым, слегка закругленным или вогнутым острием), шилья, иглы, крючки, плоские кольчужные кольца, обломок топора-кельта, пряжка от ремня, железные шлаки и крицы, изделия из бронзы (прямоугольная бляха-накладка с горизонтальным изображением трех медведей в жертвенной позе, обломок бляхи с вертикальным расположением голов медведей, плоская прорезная бляха с профильным изображением медведя, прямоугольная ажурная бляха-накладка с геометрическим, шнуровым и жемчужным орнаментом, полое навершие с орнитоморфным венцом, пронизка с изображением орла, клюющего голову млекопитающего, бусина, обломки мелких пластинок и др.), костяные наконечники стрел ромбического и треугольного сечения, каменные наковаленки и шлифовальники, абразивы из бульжников, большая гранитная наковальня, обломки глиняных рюмковидных тиглей для переплавки цветного металла, а также льячек для его разлива (рис. 1, 1–12, 16, 18, 19, 31, 33–35).

Четыре близкие сартым-урьинским бронзовые бляхи-накладки с тремя горизонтальными изображениями медведей в жертвенной позе обнаружены в бассейне той же реки, на берегу оз. Чагыр (Чагорово?) и в могильнике Чагорово IV (рис. 1, 13–15). Согласно одной из версий, бронзовые бляхи с изображениями медведей являлись нагрудными и нашивались на костюм воина. Впрочем, они могли украшать и их кожаные пояса. Напомним, что в Приуралье, на юге Западной Сибири и других территориях бронзовые пластины с иным декором нашивались не только на мужские, но и на парадные женские пояса.

Железные наконечники-срезни, подобные карымским с селища Сартым-урий 16 (рис. 1, 2, 3), широко встречаются в средневековых памятниках Западной Сибири с конца VI до XVI в. [Могильников, 1987, табл. LXXIII, 5, 6; Зыков, Кокшаров, 2001, с. 70, рис. 33, 5; 34, 6, 17; Зыков, А–2008, с. 183]². Наиболее ранние известные нам срезни найдены на кулайском (усть-полуйском) городище Няксимволь в Нижнем Приобье³, а близкие им «двурогие» экземпляры — в саргатских погребениях Гаевского могильника в лесостепном Притоболье [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 49, рис. 4, 9; 20, 6].

Трехсоставная железная пряжка с кольцом из граненого прута, подвижным язычком и прямоугольным щитком-обоймой, найденная на селище Сартым-урий 17 (рис. 1, 21), имеет широкие аналогии, в том числе в верхнеобских и прикамских материалах, где подобные изделия датируются концом IV — VI в. н.э. [Генинг, 1962, с. 77, рис. 31, 2; Амброз, 1971, с. 107, 112, рис. 9, 38; Троицкая, Новиков, 1998, с. 49, рис. 25, 12, 17]. В Нарымском Приобье такая же пряжка (вместе с В-образной бронзовой) происходит из насыпи кургана 7 могильника Релка конца VI — начала VIII в. [Чиндина, 1977, с. 36, рис. 23, 1]. Сходная, но бронзовая, пряжка имеется в материалах могильника Усть-Тара VII в Среднем Прииртышье [Скандаков, Данченко, 1999, с. 166, рис. 14, 2]. Близкое изделие найдено в Козловском могильнике [Матвеева, 2008, рис. 2, 6]. В ломоватовской культуре V–IX вв. Верхнего Прикамья аналогичные по форме и конструкции, но также бронзовые, пряжки (отдел А, тип 3, подтип д) использовались в качестве украшений пояса и частей конской сбруи [Голдина, 1985, с. 37–38, табл. VI, 2].

Железный броневой наконечник стрелы с узким асимметрично-ромбовидным пером и конической втулкой из селища Сартым-урий 16 (рис. 1, 1) сходен с изделиями ломоватовской культуры (группа 1, отдел А, тип 2) [Там же, с. 55–56, табл. XXVI, 2–5]. Однако больше он похож на уменьшенную копию поздних кулайских железных наконечников копий первой группы — с узким пером ромбического либо линзовидного сечения и конусовидной (раструбом) втулкой, не сомкнутой у основания. Последние найдены на Парабельском [Чиндина, 1984, с. 66–67, рис. 32, 1, 2] и Ишимском [Ермолаев, 1914, табл. I, 5, 10] культовых местах, а также в составе Елыкаев-

² Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

³ Коллекция городища Няксимволь, хранящаяся в Свердловском областном краеведческом музее (г. Екатеринбург). Мы благодарны А.П. Зыкову и С.Н. Паниной за предоставленную информацию.

ского [Могильников, 1968, с. 263, рис. 1, 10–14] и Холмогорского [Зыков и др., 1994, с. 105, 149, № 235; Зыков, Федорова, 2001, с. 121, № 58; Чемякин, Карачаров, 2002, рис. 14, 9] «кладов». Л.А. Чиндина отмечала, что к IV в. н.э. такие изделия становятся единственными копьями в Среднем Приобье [1984, с. 68]. В то же время в составе Холмогорского «клада» найдено подобное копьё, но с ланцетовидным пером, датированное II–VI вв. [Зыков, Федорова, 2001, с. 120–121, № 57].

Следует также выделить плоские железные кольчужные кольца, обнаруженные на селищах Сартым-урий 16 [Фефилова, Чемякин, 2008, ил. 3, 4, 5; 2009, с. 243, ил. 14, 17–19] и 17 (рис. 1, 12). Они являются первым *документальным* свидетельством появления железных кольчуг в центре приобской тайги как минимум уже в карымский период.

Аналоги прямоугольной бронзовой бляхе с горизонтальным изображением трех голов медведей и ложновитым (шнуровым) орнаментом с городища Сартым-урий 18 (рис. 1, 27) происходят из д. Зародята, Верх-Саинского могильника⁴ (Пермская обл.) [Оборин, Чагин, 1988, с. 161, № 28], а также из погребения XX потчевашского могильника Окунево III в Омском Прииртышье [Могильников, Конигов, 1983, рис. 9, 17]. Близкие бляхи, но с умбонами на крайних вертикальных полосах, найдены в могильнике на оз. Чагорово (Чагыр?) (рис. 1, 13–15) [Чернецов, 1953, табл. III, 8; Баранов, А–2006, рис. 54]. Всего же сегодня известно 39 блях этого типа, датирующихся в интервале IV–VII вв., и еще не менее 49 — с подобным сюжетом, но разным количеством медвежьих голов, по-разному расположенных и имеющих более широкие хронологические рамки (I в. до н.э. — IX в.). Они найдены на поселениях с керамикой кулайского и карымского типов, а также на памятниках кашинской, потчевашской, релкинской, верхнеобской и других культур раннего средневековья Западной Сибири, Урала и Приуралья [Чернецов, Мошинская, 1954, вклейка между с. 184 и 185; Чернецов, 1957, табл. III, 8; IV, 2; Оборин, 1976, с. 186, 187, № 29, а, 30; Могильников, Конигов, 1983, рис. 9, 14; Могильников, 1987, табл. LXXI, 20, 24; LXXVIII, 61; LXXXII, 35; XCVIII, 33; С, 51; Чемякин, 2003а, с. 72, ил. 14, 4; 2003б, с. 226; 2013; Матвеева, 1994, рис. 69, 4, 7–10; Троицкая, 2000; Ширин, Яковлев, 2010, с. 51, ил. 66, 74; и др.]. В материалах перечисленных выше культур имеются и сходные с карымскими (рис. 1, 23) прямоугольные бляхи с вертикальным расположением голов медведей [Чемякин, 2003б, с. 226; рис. 1, 11–13; Оборин, 1976, с. 186, 187, № 27, 30; Чиндина, 1977, рис. 5, 13; 23, 9; 24, 13; 35, 1, 2, 4, 24; 44, 5; Могильников, Конигов, 1983, рис. 9, 14; Могильников, 1987, табл. LXXVIII, 52, 53; XCVIII, 25, 31, 32, 34, 36; С, 51; С1, 45; Голдина, Водолаго, 1990, табл. XVI, 33; Фролов, 2008, рис. 149, 10, 12–14, 17; и др.], датирующиеся началом средневековья. На двух памятниках (Верх-Саинский и Окуневский III могильники) встречены разные типы блях, причем в Окунево III они лежали в одной могиле. Этот памятник определен концом VI — VII в. [Могильников, Конигов, 1983]. Так же датируется Верх-Саинский могильник [Голдина, Водолаго, 1990].

Прямоугольная ажурная накладка с геометрическим орнаментом, как и «медвежьи» бляхи, тоже имела 4 ушка на обороте (рис. 1, 26). Похожие, но не ажурные изделия с геометрическим узором обнаружены в могильнике Усть-Тара VII (рис. 2, 2) и погребениях верхнеобской культуры [Скандаков, Данченко, 1999, с. 165, рис. 13, 2; Троицкая, Новиков, 1998, с. 30, рис. 17, 52–54], а также при грабительских раскопках памятников в Сургутском Приобье.

Бляха с селища Сартым-урий 16 изображает медведя в профиль, с опущенной и повернутой в фас головой (рис. 1, 29). От морды зверя к лапам идет узкая полоска-подставка, на которой стоит зверь. На обороте предмета, в самом верху, имеются два недолитых ушка. Профильные изображения медведей распространены от Приуралья до Верхнего Приобья. По классификации Н.В. Федоровой они относятся к типу ИТ-1 с двумя иконографическими вариантами: ИВ-1 и ИВ-2 [Федорова, 2000]. В варианте 2 мы бы выделили подварианты — фигура медведя с головой, изображенной в профиль и повернутой в фас. Фигуры, стоящие на основании, видимо, появляются в раннем средневековье, что связано с изменениями в технологии литья [Федорова, 2000, с. 40, табл.; Троицкая, Дураков, 1995, с. 29, 31]. Известны три профильные фигурки медведей, стоящие на подставке, с головой, повернутой в фас. Они происходят с памятников потчевашской [Адамов, 2000, рис. 20, 4] и релкинской [Чиндина, 1977, рис. 5, 13; 1991, рис. 21, 10; Чемякин, Фефилова, 2007б, рис. 2] культур.

Бронзовое навершие имеет девятигранную втулку, заканчивающуюся орнитоморфной головкой с крючковатым клювом и «ушами» из перьев на затылке (рис. 1, 22). Близкие, но более

⁴ Раскопки Н.В. Водолаго 1987 г.

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

крупные навершия, завершающиеся головами оленей и лосей, найденные в окрестностях Сургута, на Конде и в Ямало-Ненецком округе, датированы в пределах VIII–XI вв. [Карачаров, 1993; Зыков и др., 1994; Зыков, 2006; Сокровища Приобья..., 1996, с. 55]. Приуральские навершия определяют более ранним временем — VII–VIII вв. [Оборин, Чагин, 1988, с. 89]. Впрочем, изделия, входящие в Подчеремский клад, датируют даже V–VI или IV вв. [Голдина, 1985, с. 116; Гордцов, 1937].

Бронзовая полая пронизка в форме клюющего орла, прижатые крылья которого украшены пояском мелких жемчужин, а также с выступающими с обеих сторон фигуры гладкими трубицами, найденная на селище Сартым-урий 16 (рис. 1, 28), производит впечатление позднего предмета. Тем не менее не исключено, что она относится к концу карымского периода (начало VI в.). Дело в том, что многочисленные близкие и аналогичные ей предметы с памятников Приуралья и Западной Сибири датируются в пределах V–IX вв.⁵, а вожпайский слой этого памятника принадлежит уже ко второй половине IX — X в. [Зыков, 2006, с. 118–119; Карачаров, 2006, с. 146; Фефилова, Чемякин, 2009, с. 245].

Из последних материалов, найденных авторами в 2012 г. при раскопках карымского жилища 3 селища Сартым-урий 16, необходимо выделить два абразивных бруска, по-видимому, для заточки металлических изделий. Первый — небольшой (87×29–33×28–33 мм), уплощенный, прямоугольного плана и сечения, с закругленными гранями, изготовлен из мягкой темно-зеленой породы. Второй — длинный, прямоугольный, подквадратного профиля (168×16–17×12–13 мм), со сквозным отверстием у одного из концов — для подвешивания к поясу; сырье — бело-сероватая зернистая порода. Среди белоярских и кулайских материалов таких изделий нет, хотя известны короткие прямоугольные оселки из галек, в том числе со сквозными отверстиями. Карымские же абразивы имели вид обычных камней с шлифованными поверхностями. Вещи с селища Сартым-урий 16 производят впечатление импортных. В частности, второму изделию известны многочисленные аналоги в скифо-сарматском инвентаре.

Уникальные предметы собраны на размываемой береговой отмели на оз. Чагорово, недалеко от разъезда Кинтус. Кроме уже упомянутых блях с изображениями голов медведей в «ритуальной позе» здесь найдены обломки карымских сосудов, фрагменты североиранских бронзовых чаш, браслетов из медного листа в один оборот и медной шейной гривны, а также медные пряжки, нашивки, слитки меди, лезвие железного ножа. Памятник, получивший условное название «могильник Чагорово IV», датирован автором исследований II–VI вв. [Баранов, А–2006].

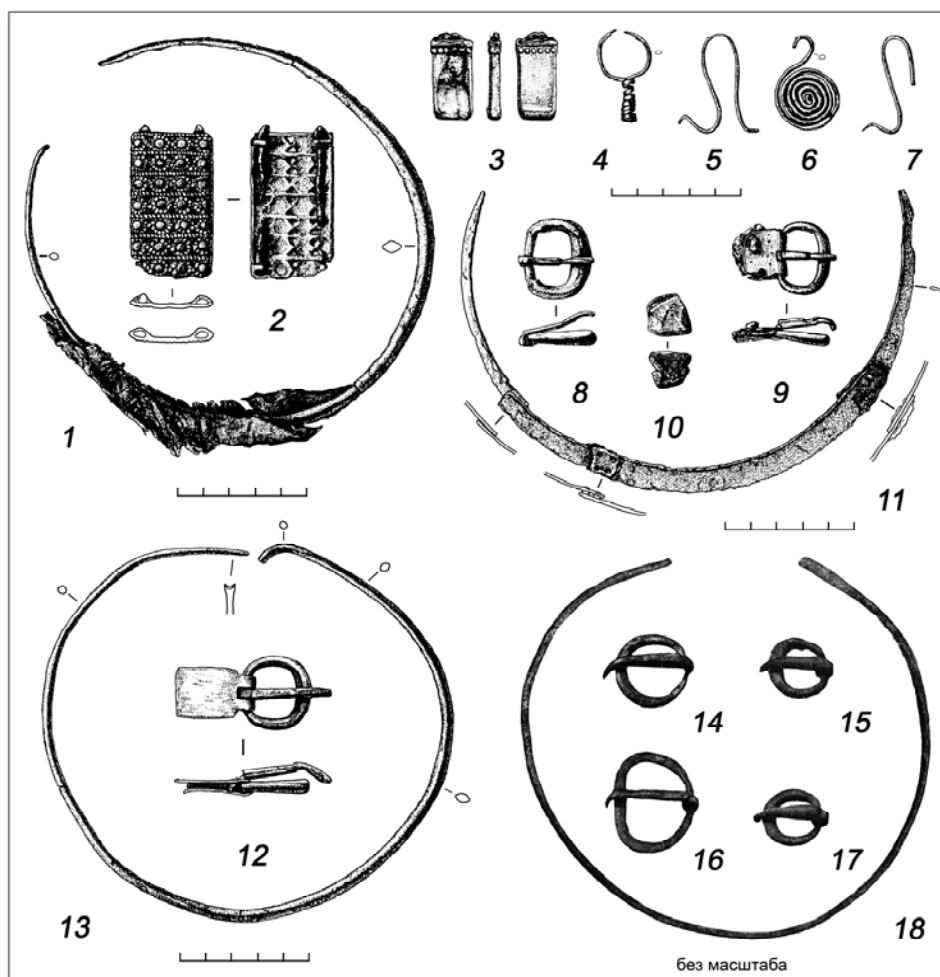
Южные территории карымского ареала. Материалы с памятников южно-таежного Приобья, характеризующие карымское и смешанное население с карымским элементом, в целом более многочисленны и разнообразны (рис. 2), и это несмотря на относительно небольшое количество исследованных здесь объектов карымского времени.

В погребениях Козловского могильника В.Н. Чернецовым найдены железные ножи, медные пряжки с округлыми рамками и длинными изогнутыми язычками, а также медная гривна из прута круглого сечения с несомкнутыми концами, на которых имелись отверстия для шнура или металлической скрепки (рис. 2, 14–18) [1957, с. 162, 164–166, табл. XI]. Среди своих находок Н.П. Матвеева выделяет изделия из бронзы (пинцет с расширяющимися щипчиками, поясные пряжки, скобки для крепления устья деревянного сосуда) и стекла (мелкие бусы синего, бледно-зеленого и красного цвета) [2008, с. 156–157, рис. 2]. Аналогичный пинцет с Верхнеутчанского городища в Прикамье Р.Д. Голдиной датирован VI–IX вв. [1999, рис. 134, 9]. По данным В.Б. Ковалевской, маленькие круглорамчатые бесщитковые пряжки с подвижным язычком присутствуют в поясных наборах кочевников Евразии III–V вв., как исключение — VI–VII вв. [1979, с. 15, табл. 1, 2]. В Прикамье они найдены на памятниках азелинской (III–V вв.) и еманаевской (VI–IX вв.) культур [Голдина, 1999]. Круглорамчатая пряжка с подвижным язычком и согнутым пополам прямоугольным щитком имеет широкие аналогии в погребальном инвентаре могильников евразийских степей III–V, реже — V–VI вв. [Ковалевская, 1979, с. 17]. Она же близка изделию из южно-уральского Бирского могильника IV–VII вв. Импортным стеклянным бусам Козловского могильника, со ссылкой на известные работы Е.М. Алексеевой [1978], Н.А. Мажитова [1968] и Е.В. Голдиной [2002], Н.П. Матвеева находит аналогии в интервале I–VI вв. н.э., но датирует памятник IV–VI вв. н.э. [2008, с. 156–157].

⁵ Этот сюжет подробно рассмотрен нами [Борзунов, Чемякин, 2012], и мы опустим его.

Коллекция вещей из курганного могильника Красноярка IV, помимо карымской посуды, включает бронзовые полые орнитоморфные и зооморфные изображения, плоскую антропоморфную личину, подвески, серьги, гривны, пряжки, пронизки, перстень, чашу из белого металла, железные детали ножен, остатки кожного ремня с металлическими накладками, стеклянные бусы, каменный оселок и пр. [Грачев и др., 2010, с. 240].

Рис. 2. Вещевой комплекс карымских памятников южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья: 1 — бронза, кожа; 2–9, 12–18 — медь, бронза; 10 — камень; 11 — бронза, железо: 1–13 — могильник Усть-Тара VII; 14–18 — могильник Козловский (1–13 — по И.Е. Скандакову и Е.М. Данченко; 14–18 — по В.Н. Чернецову).

Инвентарь захоронений могильника Усть-Тара VII содержит обломки сильно коррозированных железных предметов (ножи, наконечник стрелы, шило), хорошо сохранившиеся бронзовые и биметаллическую гривны, бронзовые височные подвески (привески), серьги, пряжки, наконечник ремня, прямоугольную петельчатую пластину с рельефным декором, стеклянные бусы (бисер) (рис. 2, 1–13). Две гривны изготовлены из сужающегося к концам округлого прута с расширенной средней частью ромбического сечения; один конец прута загнут, другой завершается кольцом. Одна гривна была обернута куском кожи, вероятно, оставшимся от ворота одежды (рис. 2, 1). Подобные изделия характерны для приуральских и западно-сибирских культур первой половины I тыс. н.э.; известны они и в материалах релкинских памятников [Чернецов, 1957, с. 164; Генинг, Голдина Р.Д., 1973, с. 72, табл. 2, 23–25; Чиндина, 1991, рис. 32, 38–40]. Третья гривна изготовлена из бронзовых пластин, соединенных железными клепками (рис. 2, 11). Две простейшей формы височные подвески («привески») изготовлены из небольших кусочков согнутой проволоки (рис. 2, 5, 7). Третья — вытянутая коническая трубка с венцом в виде несомкнуто-

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

го кольца — была сконструирована из узкой бронзовой ленты (рис. 2, 4). Аналоги первым подвескам известны в Приуралье, в материалах средневекового Дежневского могильника (кург. 10) [Сунгатов, 1993, рис. 3, 3, 7]. Цельнолитые и проволочные подвески с узкой конической трубицей были широко распространены в Прикамье и на Южном Урале в пьяноборско-гляденовское время [Генинг, 1988, рис. 32, 3; Агеев, 1992, табл. 1, 8–22; Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXV, 20, 22; Агеев, 1992, табл. 1, 8–22; Голдина, 1999, рис. 101, 8, 9; 129, 4] и единично — в самом начале средневековья [Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXV, 20, 22; LXVI, 6]. Две спиральновитые плоские подвески с загнутым концом напоминают солярные украшения культур эпохи бронзы и раннего железного века степей и лесостепи Евразии (рис. 2, 6). Кроме того, наиболее близкий в территориальном и хронологическом отношении предмет найден в могильнике Релка [Чиндина, 1991, рис. 32, 1; Могильников, 1987, табл. XCVII, 35; XCIX, 66]. Заметим, что в таежных районах изогнутые подвески и спирали могли трактоваться как символы змей. На внешней стороне прямоугольной бляхи изображены крупные «перлы», окантованные более мелкими; они выстроены по четыре в семь рядов, разделенных поясками ложновитого шнура. В петлях, отлитых на обратной стороне пластины, сохранились обрывки кожаных шнурков, крепивших украшение к одежде или кожаному поясу (рис. 2, 2). Ближайшие аналоги бляхе находят в материалах верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 17, 52–54; 25, 43], а также в коллекции селища Сартым-урий 17 (рис. 1, 26). Наконечник ремня — прямоугольной формы со слегка утолщенным концом; его основание оформлено в виде прямого плоского валика, вдоль которого расположены шесть жемчужин (рис. 2, 3). В «пещерке» изделия видны кусочки кожи. Три бронзовые поясные пряжки (в том числе одна без щитка) — овально-рамчатые, с массивной передней частью и изогнутым язычком; две — круглорамчатые, со слегка утолщенной передней частью, изогнутым язычком и прямоугольным щитком (рис. 2, 8, 9, 12). Данные изделия и пряжки Козловского могильника сходны с многочисленными предметами кануна и начала средневековья Восточной Европы и Азии [Амброз, 1971, с. 102, 103, рис. 2; Ковалевская, 1993, с. 108–111, рис. 1; 2; Могильников, 1987, табл. LXIII, 18, 19; XCVII, 47–49, 79]. При этом самые разнообразные бронзовые пряжки — детали кожаных поясов и конской сбруи — на протяжении всего средневековья в массе производились в соседнем Приуралье [Голдина, 1985, рис. 16, 15, 17–19, табл. V–IX; 1999, рис. 117, 6, 8–9; 129, 5; 130, 2–5; Голдина, Водолаго, 1990, с. 78–80, табл. XXIV–XXVIII; LXV, 1–9, 15, 16, 18, 19, 21, 23–27, 29–33; LXVI, 2, 3, 7–16, 18, 19; LXVII].

В целом же среди материалов южно-таежных могильников только небольшую часть изделий можно предварительно отнести к традиционно лесным и собственно карымским, восходящим к кулайским прототипам. В частности, это бронзовые культовые плоские отливки и объемные фигурки, возможно, простейшие образцы железных ножей и шильев. Остальные находки являются предметами импорта (бусы, чаша, детали ножен), а также наследием или местными репликами лесостепных и степных предметов (бронзовые украшения). В частности, по приуральским и степным урало-западносибирским образцам IV–VI вв. н.э. были изготовлены кожаные пояса с бронзовой гарнитурой.

Радиоуглеродные даты

Для определения хронологии карымских памятников большое значение имеют даты, полученные для поселений низовьев Большого Югана. Анализ угля, взятого со дна ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий 18, дал возраст 1785 ± 30 л.н. (Le-7710), что в интервалах калиброванных календарных дат соответствует 130–330 гг. н.э. (при степени вероятности 68,2 %) или 130–340 гг. н.э. (вероятность 95,4 %). Уголь со дна кузны на селище Сартым-урий 17 показал дату 1680 ± 90 л.н. (Le-7713). Калиброванные интервалы составили 240–530 гг. н.э. (68,2 %) и 130–570 гг. н.э. (95,4 %) [Чемякин, Фефилова, 2007, с. 113, 119, 121]. По-видимому, к чуть более позднему времени относится селище Сартым-урий 16, расположенное на окраине данного куста поселений [Фефилова, Чемякин, 2008, с. 185]. В целом, как и следовало ожидать, радиоуглеродные даты дали широкий хронологический интервал и оказались заниженными (II–VI вв. н.э.) по сравнению с датировкой карымских древностей, установленной на основании традиционных методов датирования по металлическому инвентарю и керамике (IV — начало VI или рубеж III/IV — начало VI в. н.э.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Баранов М.Ю. Отчет о НИР: Изыскательские и проектные работы по созданию проектов охранных зон двадцати восьми объектов культурного наследия «Светлое I–V», «Чагорово I–III», «Мамонтово I–IX», «Долгое I–X», «Костор I» на Верхнесалымском месторождении нефти, проведенное в Нефтеюганском районе ХМАО — Югра Тюменской области в 2005 г. Нефтеюганск, 2006 // Архив НПО «Северная археология — 1».

Зыков А.П. Кузнечные изделия Северо-Западной Сибири во II–XVII веках: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008 // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ (бывшего Кабинета археологии УрГУ). Ф. III. Д. 407.

Литература

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 96 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: ИА АН СССР, 1978. Т. 2. 104 с. (САИ; Вып. Г1-12).

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: Основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. Вып. 10. С. 155–216.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: История изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 1 (20). С. 34–46.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 2 (21). С. 45–55.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские могильники таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 2 (25). С. 64–70.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 1 (28). С. 56–66.

Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1962. Вып. 2. С. 72–80.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: (Пьяноборская эпоха III в. до н.э. — II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1973. Вып. 12. С. 58–121.

Голдина Е.В. О хронологии бус неволинской культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2002. С. 82–103.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИрГУ, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 1999. 462 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: ИрГУ, 1990. 176 с.

Городцов В.А. Подчеремский клад // СА. 1937. Вып. II. С. 113–150.

Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 239–240.

Ермолаев А.П. Ишимская коллекция // Описание коллекций Красноярского музея: Отдел археол. Красноярск, 1914. Вып. 1.

Зайцева Е.А. История археологических исследований г. Ханты-Мансийска и некоторые результаты рекогносцировочных работ на поселении Горное II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. Вып. 4. С. 178–184.

Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 109–124.

Зыков А.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 211–229.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 160 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

- Карачаров К.Г.* Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 110–118.
- Карачаров К.Г.* Возпайская археологическая культура // УИВ. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. № 14. С. 135–148.
- Карачаров К., Носкова Л.* Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.northarch.ru/exp2007_2.htm.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: ИА АН СССР, 1979. 88 с. (САИ; Вып. Е1-2).
- Ковалевская В.Б.* Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 108–111.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование.* Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180 с.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 155–158.
- Могильников В.А.* Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. № 1. С. 263–268.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
- Могильников В.А., Конилов Б.А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.
- Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. 202 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 184 с.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодн. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Скровища Приобья /* Ред.: Б. Маршак, М. Крамаровский; Предисл. М. Пиотровского; Вступит. ст. Б. Маршака. СПб: Формика, 1996. 228 с.
- Сунгатов Ф.* Керамика Дежневских курганов // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 201–210.
- Сургутский краеведческий музей: Археологическое собрание: Каталог.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.
- Троицкая Т.Н.* Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н.э. // Народы Сибири: История и культура: Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 43–47.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А.* Профильные изображения медведей из Новосибирского Приобья // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск: НГПУ, 1995. С. 26–33.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 136 с.
- Федорова Н.В.* Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири: (Железный век) // Народы Сибири: История и культура: Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 37–42.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.* Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск: Колесо, 2008. Вып. 6. С. 177–186.
- Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.* Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 229–248.
- Фролов Я.В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
- Чемякин Ю.П.* Городище Сартым-Урий XVIII: Предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003а. Вып. 1. С. 38–76.
- Чемякин Ю.П.* Образ медведя на прямоугольных бляхах Урала и Западной Сибири // Междунар. (XVI Урал.) археол. совещ. Пермь: ПГУ, 2003б. С. 231–240.
- Чемякин Ю.П., Зыков А.П.* Барсова Гора: Археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2007а. Вып. 5. С. 111–121.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Художественная металлопластика из раскопок селища Сартым-урий 16 // Историческая наука и историческое образование: Опыт взаимодействия. Екатеринбург: УрГПУ, 2007б. С. 231–240.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35. С. 121–178.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней прародины угорских народов // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 163–192.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: ТГУ, 1977. 193 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: ТГУ, 1991. 181 с.

Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 21–62.

**Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@mail.ru*

***Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет
yury-che@yandex.ru*

The article presents a general and individual description of articles, characterizing the Karym stage (culture) of the taiga Low Ob' basin. They determined difference in the object complex from the north and south Karym territories. The specificity of the Karym materials from the south taiga zone was determined by a cultural influence from local forest and steppe population upon migrants from the north. The analysis of metal articles and imported glass beads, as well as the results of radiocarbon tests allowed to specify the dating of the Karym stage: the border of III/IV — early VI c. A.D.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym stage, tools, arms, decorations.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КОСТИЩА ПЕСЬЯНКА-1 (К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ЮДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Т.Н. Рафикова

Приводится характеристика керамического комплекса костыща юдинской культуры Песьянка-1. На основании анализа материалов средневековых памятников бассейнов рр. Туры, Исети и Тавды рассмотрена хронология и периодизация юдинской культуры. Хронологическая позиция юдинской культуры определена в пределах VII (возможно, конца VI) — XIII вв. н.э. Плавное перетекание молчановских орнаментальных традиций в юдинские позволило рассматривать комплексы VII–IX вв. н.э. как ранний (молчановский) этап юдинской культуры.

Раннее и развитое средневековье, юдинская культура, хронология, периодизация, костыще Песьянка-1.

Впервые своеобразие памятников бассейна р. Туры, проявившееся в шнуровой орнаментации керамических комплексов, отметил В.Н. Чернецов. К кругу памятников с керамикой молчановского типа, помимо эпонимного городища, им были отнесены городища Жилье, Андрушин городок, Богандинское и Перейминский могильник [Чернецов, 1957, с. 176–179; 220–223].

В 1960-х гг. XX в. В.Д. Викторовой была разработана периодизация средневековых древностей Зауралья, обозначен ряд отличий памятников раннего (молчановского типа VI–IX вв. н.э.) и развитого (юдинской культуры X–XIII вв. н.э.) средневековья. Среди этих отличий: 1) особенности в орнаментации керамических комплексов; 2) расширение к X в. н.э. ареала памятников с гребенчато-шнуровым декором керамики на все лесное и горно-лесное Зауралье, включая бассейны рр. Тавды и Пышмы; 3) эволюция погребального обряда от кремации до ингумации; 4) широкое использование в X–XII вв. оловянистых бронз для изготовления украшений [Викторова, Морозов, 1993, с. 189–191].

К керамике раннего, молчановского, типа VI–IX вв. н.э. В.Д. Викторовой отнесены приземистые круглодонные сосуды с вертикальной, наклонной внутрь или отогнутой наружу сравнительно высокой шейкой, заостренным венчиком, украшенные горизонтальными и вертикальными зигзагами, наклонными столбиками, выполненными в гребенчатой технике, фигурными, в основном угловыми, штампами и шнуровыми оттисками. При этом подчеркивается, что шнуровые горизонтальные линии на посуде раннего средневековья не являются отдельным элементом орнамента, а служат для зонального расчленения гребенчатых и угловых узоров [Викторова, 1969, с. 14–15; Викторова, Морозов, 1993, с. 184].

Для юдинской культуры X–XIII вв. н.э. также характерны приземистые, круглодонные сосуды, но их орнаментация, по сравнению с посудой молчановского типа, более однородна и состоит в простых гребенчато-шнуровых линиях, поясах наклонных оттисков гребенчатого штампа и вертикального зигзага [Викторова, 1969, с. 17; Викторова, Кернер, 1988, с. 138; Викторова, Морозов, 1993, с. 189].

Предложенную периодизацию с небольшими уточнениями поддержал В.А. Могильников. Так, памятники молчановского типа он считал возможным рассматривать в рамках отдельной молчановской культуры VII–IX вв. н.э. [Могильников, 1987, с. 165–177; 1994, с. 65].

Активное и планомерное изучение средневековых древностей лесостепного и подтаежного Зауралья, предпринятое с начала XXI в. специалистами нескольких научных центров, привело к актуализации вопросов сложения, хронологии и периодизации юдинской культуры и памятников молчановского типа.

Исследования новых памятников и продолжение работ на известных объектах раннего и развитого средневековья (городища Коняшино-2, Святой Бор-5, Криволукское, Барсучье, Черепаниха-2, Молчановское, Пламя Сибири-6,7, Айгинское VIII, могильников Ипкульский, Козловский, Устюг-1 и др.) значительно расширили источниковую базу по этому периоду и вкпе с ранее известными данными позволяют вывести дискуссию о средневековых древностях Зауралья на новый уровень.

В 2009 г. тюменские археологи предложили объединить памятники молчановского типа и юдинской культуры в одну, юдинскую археологическую культуру VII (возможно, конца VI) — XIII вв. н.э. [Матвеева и др., 2009, с. 148]. Против данной идеи выступил А.В. Гордиенко, предлагая древности VI–IX вв. рассматривать в рамках молчановско-андрюшинской культуры [2013а; 2013б, с. 173–174].

Недавно А.П. Зыков затронул проблему слабой разработанности периодизации средневековых древностей лесостепного Зауралья, высказался о дискуссионности выделения и датировки памятников батырского и молчановского типов, правомерности отнесения ряда памятников, расположенных в контактной зоне (в частности, Ликинского могильника), только к юдинской культуре [2012, с. 35–36].

Таким образом, до сих пор остаются актуальными вопросы названия и идентификации памятников раннего средневековья лесного и лесостепного Зауралья, хронологии и периодизации юдинской археологической культуры.

В настоящее время к памятникам юдинской культуры (в моем понимании — VII (конца VI) — XIII вв. н.э.) отнесено около 70 объектов, расположенных преимущественно в бассейнах рр. Туры, Тавды и Исети. Большая часть памятников представлена городищами, около 20 % объектов составляют неукрепленные поселения и могильники. Отдельный тип памятников — костыща. К раннему средневековью в лесостепном и подтаежном Зауралье принадлежит три костыща — Юдинское, Тынское и Туманское, оставленные, по В.Д. Викторовой, населением молчановского и тынского¹ типов [Викторова, 1969, с. 14–15; 1999, с. 150–152]. В Прииртышье, за пределами вала Кипо-Куларовского III городища, исследовано костыще усть-ишимской культуры [Конилов, 2007, с. 229–231; Могильников, 1987, с. 195].

В 1989–1991 гг. С.Г. Пархимович открыл костыще юдинской культуры — Песьянка-1, предварительно оно датировано IX–XIII вв. н.э. Памятник расположен в Тюменском районе Тюменской области на южном берегу оз. Песьянка, входящего в систему Андреевских проточных озер. Предварительное сообщение о результатах изучения костыща сделано им в стендовом докладе на XII Уральском совещании в 1993 г.; сюжет, посвященный культовым изображениям с памятника, представлен в работе [Пархимович, 1997]. В настоящее время автором раскопок готовится полная публикация материалов памятника, в данной работе проанализирован керамический комплекс Песьянки-1².

Керамическая коллекция памятника немногочисленна, статистическому анализу подвергнуто 24 сосуда, шесть из которых чаши, остальные — горшки (табл. 1). Диаметр горшков — 20–27 см. Венчик преимущественно скошен внутрь (41,7 %), в большом количестве представлены заостренные (25 %) и округлые (33,3 %) бортики. Шейка в основном прямая (72,2 %), в профиле наклонена внутрь (66,7 %).

Среди элементов орнамента — горизонтальные шнуровые линии (58,3 %), которые выступают и как отдельный элемент, и в качестве разделителей декора; вертикальные (54,2 %) и наклонные (75 %) гребенчатые оттиски; горизонтальная гребенчатая «елочка» (16,7 %) и зигзаг (20,8 %). Из фигурных штампов доминирует уголковый (29,2 %).

Анализ орнамента керамики костыща показал, что в коллекции присутствуют сосуды, характерные как для раннего (молчановского типа, по В.Д. Викторовой), так и для развитого (юдинской культуры) средневековья. Так, наличие в декоре посуды гребенчатой «елочки», зигзага, взаимопроникающих треугольников, наклонных столбиков, рядов уголков, разделенных шнуровыми оттисками, указывает на принадлежность керамики молчановскому типу (рис. 1, 1, 2, 5, 6, 9; 2, 2–4, 7, 9, 13). В количественном отношении эта группа керамики преобладает. Сосуды, шейка которых покрыта многорядовыми шнуровыми или гребенчатыми оттисками, что более типично для юдинской керамики развитого средневековья, также присутствуют, но в меньшем количестве (около 20 %) (рис. 1, 8, 10; рис. 2, 8, 10, 14).

С.Г. Пархимович на основании анализа планиграфического и стратиграфического залегания материала выделил 19 скоплений, состоящих из сырых и кальцинированных костей животных (преимущественно нижние челюсти, зубы, конечности), оружия, культовых предметов, украшений, монет, бронзовой посуды. Ряд скоплений по вещевым комплексам удалось датиро-

¹ Памятники раннего средневековья, расположенные в верхнем и среднем течении р. Тавды; локальный вариант оронтурского этапа нижнеобской культуры по схеме В.Н. Чернецова [Викторова, 1969, с. 15–16].

² Приношу искреннюю благодарность С.Г. Пархимовичу за разрешение использовать неопубликованные материалы, а также неоднократные консультации при подготовке данной работы.

Керамический комплекс костяца Песьянка-1...

вать достаточно узко в пределах X в. н.э., X–XI вв. н.э., конца XII — XIII в. н.э. [Пархимович, в печати]. Следует отметить, что лишь три скопления содержат вещи конца раннего средневековья (IX в. н.э.), остальные относятся к развитому средневековью.

Таблица 1

**Морфология и орнаментация сосудов юдинской культуры
с костяца Песьянка 1**

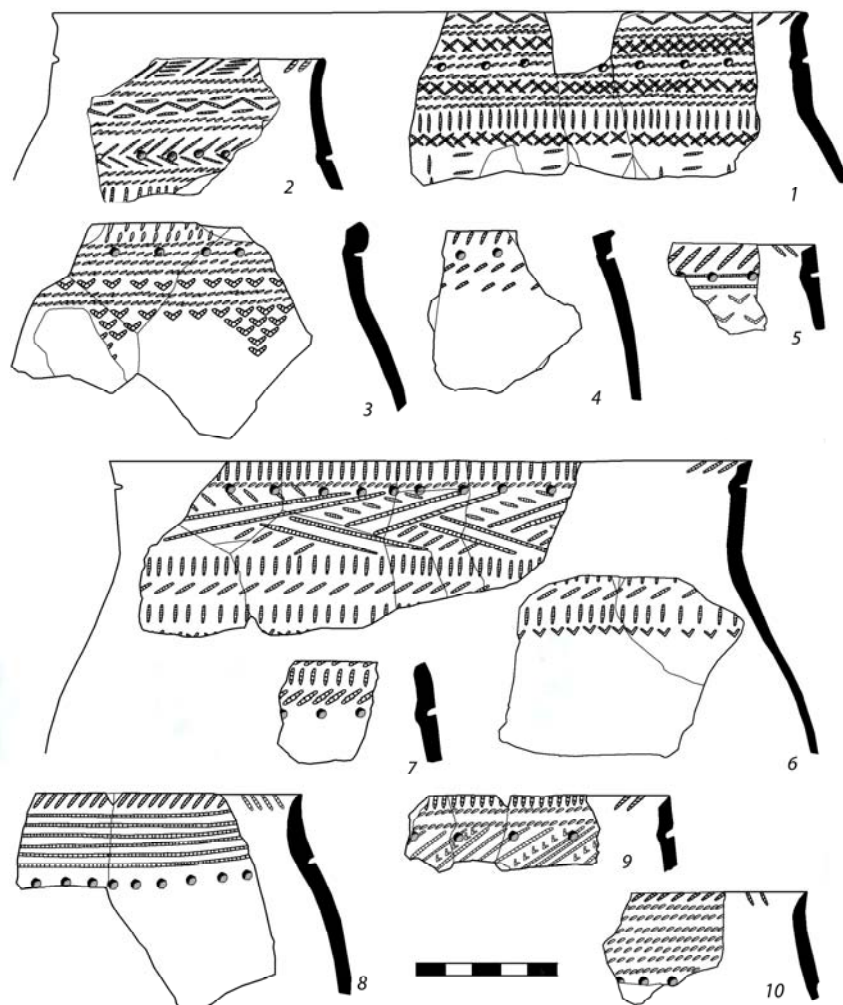
	Кол-во	%
Морфологические характеристики		
Венчики сосудов		
скошенные внутрь	10	41,7
заостренные	6	25
Округлые	8	33,3
Конфигурации шеек горшков		
прогнутые	4	22,2
прямые	13	72,2
Выгнутые	1	5,6
Профилировки шеек горшков		
отогнутые	2	11,1
наклоненные внутрь	12	66,7
Вертикальные	4	22,2
Элементы орнамента		
Ямки	24	100
Горизонтальные линии		
шнуровые	14	58,3
Гребенчатые	3	12,5
Вертикальные линии		
гребенчатые	13	54,2
Резные	1	4,2
Наклонные гребенчатые линии	18	75
Горизонтальная гребенчатая «елочка»	4	16,7
Взаимопроникающие треугольники	1	4,2
Горизонтальный гребенчатый зигзаг	5	20,8
Решетка гребенчатая	3	12,5
Уголки	7	29,2
Ромбы	1	4,2
Треугольники вершиной вниз из уголков	1	4,2
Наклонные столбики из гребенчатых линий	2	8,3
Спускающиеся по тулову столбики из гребенчатых оттисков	1	4,2
По срезу		
наклонные гребенчатые оттиски	14	58,3
Уголки	1	4,2
Всего горшков	18	100
Всего сосудов	24	100

Пять сосудов (рис. 1, 1; 2, 2, 3, 7, 12) залегали в скоплениях, где наряду с вещами X–XIII вв. н.э. присутствовали вещи IX в. н.э. Это горшки с округлыми или заостренными венчиками, прямой наклоненной внутрь или вертикальной прогнутой шейкой (высотой 3–5 см) и одна чаша. Их декор характерен для керамики раннего средневековья и представлен гребенчатой решеткой или рядками уголковых штампов, разделенных поясками шнуровых оттисков (рис. 1, 1; 2, 7), гребенчатой «елочкой» и зигзагом, разделенных горизонтальными гребенчатыми линиями (рис. 2, 3), горизонтальной гребенчатой «елочкой», заполняющей всю шейку горшка (рис. 2, 2). Ни один из сосудов, украшенных по шейке многорядовыми поясками шнуровых либо гребенчатых линий, что характерно для развитого средневековья, не зафиксирован в скоплениях с вещами раннего средневековья.

Наличие в материалах костяца Песьянка-1 надежно датированных комплексов раннего средневековья актуализирует проблему соотношения молчановского типа памятников и юдинской культуры. При этом важнее не столько определить название культуры или типа памятников раннего средневековья (молчановский тип памятников (по В.Д. Викторовой), культура (по В.А. Могильникову), молчановско-андрюшинская культура (по А.В. Гордиенко), юдинская культура (по Т.Н. Рафиковой)), сколько выделить качественные характеристики этого этапа, позволяющие подчеркнуть своеобразие, выявить отличия не только от синхронных культур лесо-

степного и подтаежного Зауралья (карымской, бакальской, кушнаренковской и др.), но и от последующей юдинской культуры развитого средневековья.

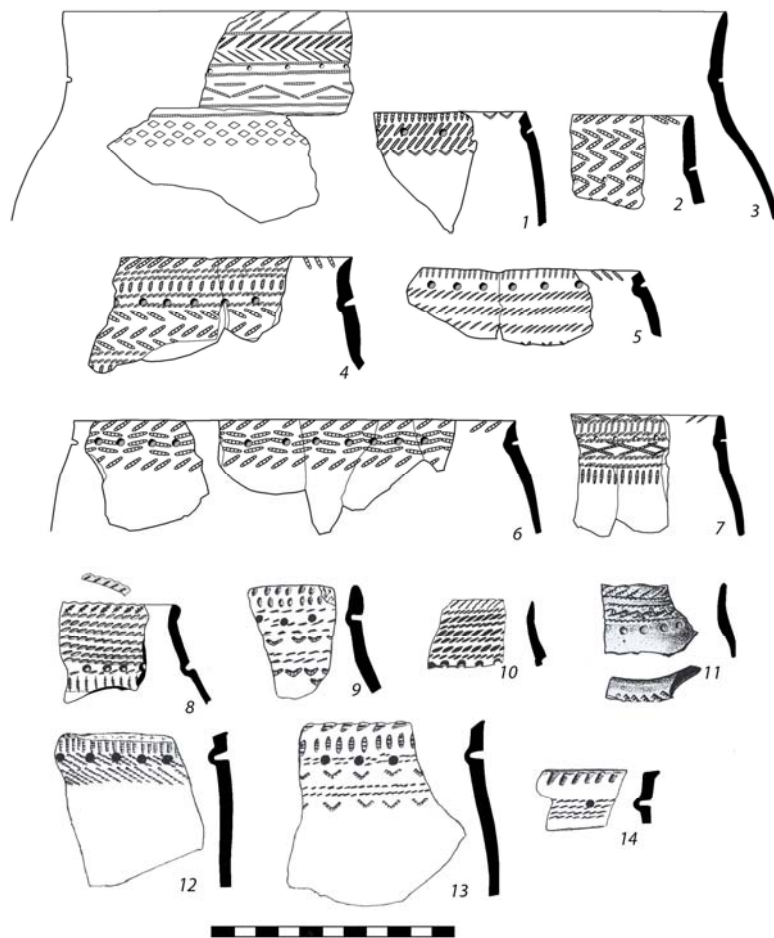
Рис. 1. Керамика юдинской культуры костыща Песьянка-1:

1 — скопл. 5 (IX–XIII вв. н.э.), скопл. 6 (к. XII — XIII в. н.э.), около скопл. 7 (втор. пол. X — XII в. н.э.); 2 — скопл. 16 (XI–XIII вв. н.э.), скопл. 15 (X–XI вв. н.э.); 3 — скопл. 15 (X–XI вв. н.э.), скопл. 11 (X в. н.э.); 4 — скопл. 4 (X — нач. XIII в. н.э.); 5 — скопл. 6 (к. XII — XIII в. н.э.); 6 — скопл. 6 (к. XII — XIII в. н.э.), скопл. 7 (втор. пол. X — XII в. н.э.), скопл. 16 (XI–XIII вв. н.э.); 7 — скопл. 14 (к. XII — XIII в. н.э.); 8 — скопл. 7 (втор. пол. X — XII в. н.э.), скопл. 13 (X–XI вв. н.э.), скопл. 16 (XI–XIII вв. н.э.); 9 — скопл. 16 (XI–XIII вв. н.э.), 10 — номер не различим.

Так как за комплексами раннего средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья закрепился термин «тип памятников», а за комплексами развитого средневековья — «культура», необходимо подробнее остановиться на этих понятиях.

В результате многолетних дискуссий в литературе выработано множество определений термина «археологическая культура». В самом общем смысле под ней понимают группу памятников, распространенных на определенной территории и объединенных системой материальных и нематериальных признаков, которая может изменяться с течением времени и значительно отличается от систем, характеризующих другие культуры [Каменецкий, 1970, с. 29; Аникович, 1981; Классификация в археологии, 2013, с. 58–65; Брайчевский, 1991; и др.]. При этом очень важно, что культура это не застывшее во времени явление. Слагающие ее признаки (посуда, предметы быта, одежда, украшения, орудия труда, постройки, погребальный обряд и т.д.) могут изменяться. И, как указывает И.С. Каменецкий, если мы прослеживаем единую линию развития хронологически последовательных культур, мы обязаны объединить их в одну культуру, сохранив первоначальное деление в виде этапов [1970, с. 24].

Керамический комплекс костяца Песьянка-1...

Рис. 2. Керамика юдинской культуры костяца Песьянка-1:

- 1 — скопл. 13 (X–XI вв. н.э.); 2 — скопл. 1 (IX–XII вв. н.э.), скопл. 6 (к. XII — XIII в. н.э.), скопл. 7 (втор. пол. X — XII в. н.э.);
 3 — скопл. 15 (X–XI вв. н.э.), около скопл. 9 (IX–XIII вв. н.э.); 4 — скопл. 16 (XI–XIII вв. н.э.), скопл. 15 (X–XI вв. н.э.);
 5, 8 — скопл. 16 (XI–XIII вв. н.э.); 6, 11 — номер не различим; 7 — скопл. 16 (XI–XIII вв. н.э.), скопл. 9 (IX–XIII вв. н.э.),
 скопл. 6 (к. XII — XIII в. н.э.); 9, 14 — скопл. 11 (X в. н.э.); 10 — скопл. 4 (X — нач. XIII в. н.э.);
 12 — скопл. 9 (IX–XIII вв. н.э.); 13 — скопл. 12 (X–XI вв. н.э.).

Четкое определение «типа памятников» в литературе отсутствует, и зачастую оно употребляется как синоним понятия «тип керамики», обозначая группу памятников, отличную от другой одним-двумя, а не набором признаков. Для памятников раннего железного века и средневековья Зауралья и Урала чаще всего этим признаком становится стиль орнамента керамики.

Вопрос о генетической преемственности молчановского и юдинского населения рассмотрен и положительно решен в работах В.Д. Викторовой и В.А. Могильникова [Викторова, 1968, с. 252; Могильников, 1994, с. 65; 1987, с. 165–176]. Ареалы памятников совпадают, конструктивные особенности жилищ одинаковы. Выявление различий в погребальных обрядах молчановского и юдинского населения затруднено практически полным отсутствием раннесредневековых погребальных комплексов и малым количеством некрополей развитого средневековья (семь). Единственный раннесредневековый могильник, где встречена керамика со шнуровым орнаментом, — Перейминский. Этот некрополь очень важен для определения хронологической позиции юдинской культуры (в новом понимании), но использовать его материалы для выявления различий либо сходства между молчановским типом памятников и юдинской культурой невозможно, так как в комплексе, наряду с бакальской и прочей средневековой посудой, зафиксирован всего один сосуд со шнуровым орнаментом. Кроме того, горшки встречены не в погребениях, а в кострищах, находившихся под насыпями на уровне древнего горизонта [Чернецов, 1957, с. 170], что затрудняет их привязку к конкретным погребениям.

Следует отметить, что использование в орнаментации молчановской и юдинской керамики шнурового орнамента резко выделяет их на фоне синхронных культур лесостепного и подтаежного Зауралья. Еще раз обратим внимание на то, что отличие молчановской керамики от юдинской заключается только в большем разнообразии элементов орнамента для первой, а также в некоторых особенностях композиции узора. Признанная всеми исследователями генетическая преемственность орнаментальных традиций и населения молчановского типа памятников и юдинской культуры позволяет объединить молчановские и юдинские древности в одну, юдинскую культуру. Отдельно подчеркну, что речь идет не просто об удревнении юдинской культуры, а о расширении ее хронологических границ за счет включения молчановского пласта памятников в качестве отдельного (молчановского) этапа.

Таким образом, хронологическую позицию юдинской культуры следует определить в рамках VII (возможно, конца VI) — XIII вв. н.э. И если споров по верхней хронологической границе практически не возникает, то нижняя нуждается в дополнительной аргументации. Как было указано, единственный надежно датированный некрополь раннего средневековья — Перейминский могильник. Первоначально время его функционирования было определено В.Н. Чернецовым IV–V вв. н.э. на основании аналогий Подчеремскому кладу [Чернецов, 1957, с. 166–176]. В настоящее время датировка этого клада изменена. Обнаруженные аналогии в приуральских памятниках позволили исследователям выявить в нем вещи двух хронологических периодов: VI — начала VII в. н.э. и VIII–IX вв. н.э. [Крыласова, электрон. ресурс]. Впервые на более позднюю дату Перейминского некрополя (VII–VIII вв. н.э.) указал В.А. Могильников [1987, с. 167]. В прочих раннесредневековых некрополях лесостепного Зауралья — Козловском, Устюг-1, датированных в пределах III–V (VI) вв. н.э. [Матвеева, 2009, с. 151; 2012а, с. 97; 2012б, с. 73], юдинской керамики не отмечено, что свидетельствует о формировании культуры в VII (или самом конце VI) в. н.э.

Объединение материалов под одним названием не избавляет нас от необходимости разработки периодизации юдинской культуры и выделения внутри нее этапов. В данном случае нельзя исключить вероятность субъективного расчленения материала, при том что ряд памятников функционировал и на протяжении раннего и развитого средневековья либо в переходный период от раннего средневековья к развитому и не всегда материал стратиграфически расчленен и надежно датирован сопутствующим инвентарем либо абсолютными датами.

До настоящего времени основной категорией находок, используемой для хронологических построений, остается керамика. Получаемые в последние годы серии радиоуглеродных датировок органики из средневековых слоев памятников позволяют уточнить хронологическую позицию выделяемых этапов.

В.Д. Викторовой и В.М. Морозовым отличительными признаками молчановской керамики, среди прочих, названы сравнительно высокие шейки и заостренно-отогнутые венчики сосудов [1993, с. 184]. Как показал статистический анализ (табл. 2), указанные параметры сосудов не являются хронологическими маркерами. На всем протяжении существования юдинской культуры (в новом понимании) доминируют сосуды с шейкой средней высоты — от 2 до 4 см, а заостренно-отогнутые венчики характерны для керамики как раннего, так и развитого средневековья.

Проведенный недавно кластерный анализ керамики раннего и развитого средневековья каких-либо отличий в декоре не выявил. При этом был допущен серьезный просчет: юдинская керамика памятников рр. Туры и Тавды рассматривалась совместно [Матвеева и др., 2009, с. 148]. Между тем необходимо отдельно анализировать эволюцию орнаментальных композиций локальных вариантов юдинской культуры — северной и южной групп памятников. Так, наличие и большая доля (до 20 %) фигурных штампов в декоре туринской группы характерна только на раннем этапе функционирования культуры, тогда как для тавдинских материалов высокая доля и разнообразие фигурных оттисков объясняются локальным своеобразием комплексов и присущи им на протяжении всего существования юдинской культуры.

К южной, туринской группе памятников из анализируемых нами относятся городища Молчановское, Криволукское, Красногорское, Коловское, Коняшино-2, Юдинское, костища Юдинское и Песьянка-1³. Для выявления эволюции орнаментальных мотивов и построения периодизации культуры подробнее остановимся на рассмотрении их керамики.

---

³ Привлечение керамических коллекций городищ Пламя Сибири-6, 7, изученных в последние годы А.В. Гордиенко и датированных им VI–IX вв. н.э., невозможно из-за отсутствия подробных публикаций материалов памятников.

	Святой Бор-5, XII–XIII вв. н.э.		Ипкуль XIII, предполож. X–XIII вв. н.э.		Барсучье, X–XIII вв. н.э.		Молчановское, VII–X вв. н.э.		Криволукское, XII–XIV вв. н.э.		Красногорское, XII–XIII вв. н.э.		Коловское, предполож. X–XIII вв. н.э.	
	Северный локальный вариант						Южный локальный вариант							
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Прочие штампы	1	1,5	7	5	11	4,1	3	2	1	1,2	2	3,4	3	4,8
уголок (отд. элем.)	1	1,5	27	19,3	101	37,3	9	6,1	—	—	—	—	6	9,7
ромб (отд. элем.)	—	—	3	2,1	30	11,1	1	0,7	5	5,9	—	—	2	3,2
ромб, составленный из уголков	—	—	—	—	8	2,9	—	—	—	—	—	—	—	—
Защипы	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3,5	3	5,1	—	—
Сетка	1	1,5	—	—	4	1,5	1	0,7	—	—	—	—	—	—
Треугол. верш. вниз	—	—	10	7,1	11	4,1	—	—	—	—	—	—	1	1,6
из уголков	—	—	1	0,7	1	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—
из ромбов	—	—	—	—	—	—	1	0,7	—	—	—	—	—	—
из греб. линий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наклонные столбики	—	—	6	4,3	7	2,6	1	0,7	—	—	—	—	1	1,6
из уголков	—	—	3	2,1	4	1,5	2	1,4	1	1,2	—	—	—	—
из гребен. линий	—	—	2	1,4	2	0,7	3	2	—	—	—	—	—	—
из резных линий	—	—	—	—	2	0,7	—	—	—	—	—	—	—	—
из ромбов	—	—	—	—	2	0,7	—	—	—	—	—	—	—	—
По срезу наклонные	17	25	9	6,4	8	2,9	21	14,3	7	8,2	5	8,5	7	11,
резные	25	36,8	16	11,4	51	18,8	67	45,6	61	71,8	31	52,5	22	35,5
гребенчатые	—	—	2	1,4	12	4,4	—	—	1	1,2	—	—	—	—
прочие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
По срезу вертикальные	—	—	—	—	—	—	1	0,7	—	—	—	—	—	—
резные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
гребенчатые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,6
Всего	68	100	140	100	271	100	147	100	85	100	59	100	62	100

Городище Коняшино-2 изучено Н.П. Матвеевой в 2008 г. Датировочного инвентаря не получено, одна из радиоуглеродных дат указывает на раннее средневековье — IV–VI вв. н.э. [Матвеева и др., 2013, с. 61–63]. Н.П. Матвеева с соавторами полагают, что ее можно связать либо с бакальскими материалами памятника, либо отнести к юдинской культуре, подтверждая тезис о ее функционировании с раннего средневекового периода. Первая точка зрения, по их мнению, более вероятна. В результате памятник отнесен к развитому средневековью, X–XIII вв. н.э. [Там же, с. 61]. Между тем большое количество фигурных оттисков на керамике памятника (19 %) [Там же, с. 51, табл. 3] и основные композиции декора указывают на его существование в раннем средневековье (VII–IX вв. н.э.). В качестве дополнительного аргумента отметим, что юдинская керамика развитого средневековья эпонимного (Юдинского) городища, расположенного примерно в 50 км к западу от Коняшино-2, резко отличается от последнего большей долей горизонтальных гребенчатых и шнуровых оттисков при очень малом количестве фигурных штампов⁵.

Своеобразие керамики Юдинского селища, городища и Туманского-1 селища, относимой В.Д. Викторовой к молчановскому типу памятников, отчетливо проявляется при сопоставлении с керамикой развитого средневековья бассейна р. Туры. Помимо присутствия горизонтальных шнуровых оттисков, раннесредневековая керамика отличается наличием фигурных штампов, большим процентом сосудов, украшенных гребенчатой «елочкой» и горизонтальным гребенчатым зигзагом.

Для керамики развитого средневековья памятников бассейна р. Туры характерно обеднение орнаментации. Шейка, как правило, декорируется одним видом орнамента — шнуровыми, гребенчатыми многорядовыми оттисками или горизонтальной «елочкой», по венчику и по плечикам наносится ряд наклонных или вертикальных оттисков гребенки. Такую орнаментацию фиксируем на сосудах городищ Юдинское, Красногорское, Криволукское.

В декоре сосудов Коловского городища большую роль играет шнуровой орнамент (54,8 %) при малом количестве многорядовых гребенчатых линий (3,2 %). Фигурные штампы в орнаментации керамики Коловского городища превышают 10 % и представлены преимущественно уголками (табл. 2). Таким образом, несмотря на незначительное количество керамических сосудов (всего в выборке представлено 62 экз.), в комплексе можно выделить посуду как раннего (молчановского), так и развитого (юдинского) этапа юдинской культуры.

⁵ Приносим искреннюю благодарность В.Д. Викторовой за разрешение поработать с керамической коллекцией Юдинского городища, селища и Туманского-1 селища, а также С.Н. Паниной за помощь при работе с материалами.

Керамический комплекс костяца Песьянка-1...

На сосудах Юдинского городища доли гребенчатых и шнуровых линий примерно одинаковы, фигурные штампы практически не встречены.

При анализе декора сосудов Красногорского и Криволукского городищ выявлено значительное преобладание доли горизонтальных гребенчатых линий над шнуровыми (табл. 2). Как ранее отмечено, замена горизонтальными гребенчатыми линиями шнуровых является хронологическим показателем позднего этапа юдинской культуры и происходит в XII–XIII вв. н.э. [Матвеева, Рафикова, 2005, с. 114]. Фигурные оттиски на керамике Криволукского городища составляют около 7 %, в комплексе Красногорского городища штампы не превышают 4 %.

Итак, имеются все основания полагать, что существование юдинской культуры следует ограничить VII (возможно, концом VI) — XIII вв. н.э.

В целом орнаментация южного (туринского) варианта керамики VII–IX вв. характеризуется большой долей гребенчатой и резной «елочки», зигзага, наличием фигурных штампов. Количество горизонтальных шнуровых оттисков значительно, они используются и как разделитель элементов орнаментов, и как собственно элемент декора. Выявленное своеобразие в орнаментации керамики и при этом плавное перетекание молчановских орнаментальных традиций в юдинские позволяет нам рассматривать комплексы VII–IX вв. н.э. как ранний этап юдинской культуры. Полагаем, верным будет сохранить закрепившееся за ним название «молчановский».

В развитом средневековье (X–XII вв. н.э.) в орнаментации керамики южной группы памятников уменьшается доля «елочки», наклонных столбиков, зигзагов по шейке, фигурных оттисков. Основными элементами орнамента становятся многорядовые оттиски шнура, дополненные наклонными или вертикальными гребенчатыми оттисками по венчику и плечикам.

В конце XII — XIII в. н.э. шнуровые линии все чаще заменяются гребенчатыми, доля гребенчатого зигзага также велика, но он уже наносится не по шейке, а по плечикам, завершая композицию.

На памятниках северного локального варианта юдинской культуры, из-за тесных контактов с соседним населением нижеобской общности, разнообразие и доля встречаемости фигурных оттисков остается высокой на протяжении всего времени ее существования. Комплексы молчановского этапа юдинской культуры на р. Тавде изучены слабо. К ним можно отнести один из слоев городища Янычково [Морозов, Панина, 1997]. В переходный период от раннего средневековья к развитому функционировало городище Черепаниха-2 [Чикунова, Якимов, 2012]. К периоду развитого средневековья относятся городища Барсучье, Святой Бор V [Матвеева, Зайцева, 2004; Матвеева, Бахарева, 2004], Ипкуль XIII, Янычково [Морозов, Панина, 1997] и др. Данных для выделения этапов внутри северного локального варианта юдинской культуры пока недостаточно. Скорее всего, периодизация будет строиться на основании доли и видов фигурных штампов, как это было сделано для нижеобской общности. Можно лишь подчеркнуть, что в XII–XIII вв. н.э. в орнаментации керамики северного локального варианта, так же как и южного, происходит замена многорядовых шнуровых линий гребенчатыми.

Таким образом, изучение и введение в научный оборот материалов уникального памятника юдинской культуры — костяца Песьянка 1, анализ его керамического комплекса позволили обратиться к одному из дискуссионных вопросов средневековой археологии лесостепного и подтаежного Зауралья — периодизации юдинской археологической культуры.

Выделение в результате планиграфического и стратиграфического анализа материалов костяца надежно датированных скоплений и соотнесение с ними керамических сосудов дало возможность проследить динамику орнаментальных традиций, проявившуюся в упрощении декора, замене распространенных на начальном этапе существования культуры гребенчатой «елочки», зигзага, наклонных столбиков, фигурных штампов и других элементов орнамента многорядовыми шнуровыми линиями, дополненными зигзагом или наклонными оттисками гребенчатого штампа. Керамический комплекс памятника, функционировавшего в переходный период от раннего средневековья к развитому и на протяжении развитого средневековья, демонстрирует плавное перетекание присущих молчановскому этапу орнаментальных традиций в юдинские, что подтверждает точку зрения о единой линии развития культуры. Это позволяет рассматривать средневековые комплексы со шнуровой орнаментацией керамики в рамках одной археологической культуры — юдинской, датированной VII (концом VI) — XIII вв. н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аникович М.В.* О содержании понятия «археологическая культура» // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 18–21.
- Брайчевский М.Ю.* Об историческом содержании понятия «археологическая культура» // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методол. семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1991. С. 55–60.
- Викторова В.Д.* Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // УЗ ПермГУ. 1968. № 191. С. 240–256.
- Викторова В.Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.
- Викторова В.Д.* Туманское I поселение, святылище, костнице // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. Вып. 3. С. 126–153.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.* Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 129–141.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 174–178.
- Гордиенко А.В.* К вопросу о культурогенезе вожпайской культуры // Археология Севера России: От эпохи железа до Российской империи: Материалы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 окт. 2013 г.). Екатеринбург; Сургут, 2013а. С. 131–141.
- Гордиенко А.В.* Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск: ТГУ, 2013б. Вып. 3. С. 173–183.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Каменецкий И.С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
- Классификация в археологии.* СПб.: ИИМК РАН, 2013. 251 с.
- Конилов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ; Наука, 2007. 466 с.
- Крыласова Н.Б.* Подчеремский клад [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803978018>.
- Матвеева Н.П.* Поликультурная среда лесостепного Зауралья в середине I тыс. н.э. и формирование раннесредневековых общностей // Форум «Идель-Алтай»: Материалы науч.-практ. конф. Казань, 2009. С. 150–152.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012а. 178 с.
- Матвеева Н.П.* Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 годов // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень, 2012б. Вып. 4. С. 38–76.
- Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н.* Средневековое городище Святой Бор-V в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004. С. 174–184.
- Матвеева Н.П., Зайцева Е.А.* Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. № 5. С. 51–63.
- Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140–151.
- Матвеева Н.П., Пластеева Н.А., Чукунова И.Ю.* Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень, 2013. Вып. 5. С. 34–64.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н.* Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 105–116.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
- Могильников В.А.* К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финноугроведение. 1994. № 1. С. 61–68.
- Морозов В.М., Панина С.Н.* Городище Янычково: (Предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. Вып. 1. С. 76–91.
- Пархимович С.Г.* Культовые изображения с костыща Песьянка I // Ежегодн. ТюМОКМ: 1994. Тюмень, 1997. С. 118–130.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.
- Чукунова И.Ю., Якимов А.С.* Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // УИВ. 2012. № 4 (37). С. 31–41.

Тюмень, ИПОС СО РАН
tnrafikova@yandex.ru

Керамический комплекс костища Песьянка-1...

The paper gives a description of a pottery complex from Pesyanka-1 bone bed of the Yudino culture. Basing on analysis of materials of medieval sites from basins of Tura, Iset' and Tavda rivers, the author considers chronology and periodization of the Yudino culture. A chronological position of the Yudino culture is determined within limits of VII (possibly, late VI) — XIII cc. A.D. A smooth flow of Molchanovo ornamental traditions into Yudino ones allowed to treat complexes of VII–IX cc. A.D. as an early (Molchanovo) stage of the Yudino culture.

Early and developed Middle Ages, Yudino culture, chronology, periodization, Pesyanka-1 bone bed.

СВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ XV — НАЧАЛА XVIII в. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУР ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НОМАДОВ В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков

Рассматриваются содержащиеся в сочинениях европейцев, проявивших интерес к региону Северной Азии в течение эпохи позднего средневековья и начале нового времени, сведения о традиционных культурах тюркских и монгольских кочевых народов на территории Западной и Южной Сибири. Европейцев привлекали в Северную Азию перспективы развития пушной торговли и поиски новых торговых путей в Китай и Индию. В их сочинениях можно найти некоторые данные о хозяйственных занятиях, материальной и духовной культуре, военном деле тюркских и монгольских народов. Первоначально сведения о сибирских этносах собирали участники дипломатических миссий разных европейских стран в Москве, в дальнейшем — более достоверные — европейцы, находившиеся на российской службе в Северной Азии. Самая ценная информация о культурах тюркских и монгольских народов Сибири представлена в трудах участников первой научной экспедиции начала XVIII в. Сведения европейцев служат важным дополнением к русским письменным источникам и этнографическим материалам об особенностях культуры кочевых этносов, населявших северные районы Центральной Азии.

Западная и Южная Сибирь, татары, западные монголы, русские, европейцы, сведения, особенности традиционной культуры.

В периоды позднего средневековья и начала нового времени в странах Западной Европы возрос интерес к Северной Азии, обусловленный поиском новых торговых путей в Китай и Индию. Значительное внимание европейцев привлекали перспективы развития торговли пушной и некоторые необычные особенности культур северных сибирских народов, о которых они узнавали во время поездок в Московию. В то же время сочинения европейцев содержат некоторые сведения об особенностях культур кочевых скотоводческих тюркских и монгольских этносов, населявших степные и лесостепные районы Западной и Южной Сибири и контактировавших с русскими людьми, осваивавшими сибирские земли с конца XVI в. Работы европейских авторов включают материалы о хозяйственных занятиях, материальной и духовной культуре и военном деле кочевых народов. Эти данные должны представлять для современных исследователей не только историографический, но источниковедческий научный интерес. Информацию европейские авторы могли получать не только от русских людей, побывавших в Сибири, но и от отдельных представителей татарской правящей элиты, проживавших в Московии. Некоторые европейцы были знакомы с сочинениями русских о северных сибирских народах.

Отдельные сведения о сибирских, вероятно, тюркских народах были собраны европейцами еще до присоединения западных районов Сибири к Московскому царству.

В числе ранних свидетельств европейцев о некоторых особенностях культуры сибирских тюркских этносов имеется описание баварского ландскнехта И. Шильтбергера, оказавшегося в Сибири в составе войска татарского военачальника Едигея в начале XV в. Во время своего пребывания в сибирских землях он обратил внимание на некоторые обычаи местных «уйгуров», которых он считал христианами. Его очень удивил обычай, согласно которому в случае смерти неженатого молодого человека «на умершего надевают лучшее платье» и устраивают праздничный обряд, символизирующий свадьбу умершего [Алексеев, 1941, с. 53]. Мог ли он встретить уйгуров и в каких именно сибирских землях или описал обычай какого-то другого народа, сказать сложно. В его сочинении имеются фантастические описания диких людей, населявших северные районы Сибири [Демин, 1995, с. 54].

В «Хронике Констанцкого собора» 1418 г. У. Рихенталю говорится о некоем «царстве», перешедшем «в руки одной старой вдовы», которая «дала этой земле всяческие достоинства».

¹ Работа выполнена по проекту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVII–XVIII вв.».

Жители этого царства поклоняются идолу «Золотой старой бабе» [Бегунов, 1976, с. 122]. Изображения этого идола, которому, по представлениям европейцев, поклонялись жители Зауралья, приведены в труде М.П. Алексеева [1941, с. 118, рис. 16].

В XVI в. отдельные упоминания о сибирских этносах, среди которых иногда называются татары, населявшие степные районы Западной Сибири, встречаются в сочинениях некоторых европейских дипломатов, приезжавших в Москву. Среди сведений о Сибири, полученных из «Русского дорожника» и содержащихся в сочинении посланника императора Священной Римской империи Максимилиана I, барона С. Герберштейна, дважды посетившего Москву в первой трети XVI в., упомянут сибирский город Тюмень, которым, по его данным, управляют «князья Югорские», а также описан характер «немой торговли» с северными племенами [Алексеев, 1941, с. 105–106]. В Москве имперский посланник познакомился с одним из сыновей казанского хана Ибрагима, Федором Мелехдаировичем и от него мог узнать об отношениях русских с казанскими и крымскими татарами [Хорошкевич, 2000, с. 138]. В сочинении венецианского посланника М. Фоскарино, побывавшего в Москве в 1537 г., есть краткие упоминания о ногайских и джугатайских «татарах», чьи владения, по мнению комментатора, простирались до Урала и Западной Сибири [2009, с. 29, 44]. В записках участника другого посольства, дипломата из Священной Римской империи Д. Принтца, побывавшего в Москве в 1577 г., говорится о варварских племенах Сибири, которые занимаются «одной только охотой, они добывают диких зверей посредством метательных копий, и в этом искусстве так опыты, что очень редко промахиваются» [Алексеев, 1941, с. 150]. В сочинении бывшего опричника, немца Г. Штадена, написанном в 1577–1578 гг., говорится, что «некоторые торговые люди из Сибири», привозившие на продажу пушнину, «были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя» [2005, с. 471]. В письме 1578 г. пфальцграфа Георга Ганса гроссмейстеру Тевтонского ордена Генриху V фон Бобенгаузену упоминаются некие «сибирцы», которые живут на р. Оби, а между Сибирью и Московией «ведется соболиный торг» [Алексеев, 1941, с. 161].

Судя по имеющимся материалам, сведения о культуре тюркских и монгольских народов Сибири, дошедшие до европейцев в течение рассмотренного периода, носили отрывочный, несистематический характер.

Значительно более информативны сведения о кочевых этносах, полученные со времени начала присоединения Сибирского региона к Российскому государству.

Согласно сведениям русских сибирских летописей, в казачий отряд атамана Ермака, совершившего поход в Сибирь в 1580 г., купцы Строгановы включили триста человек «немец и литвы» из числа военнопленных с Ливонской войны [Алексеев, 1941, с. 49]. Со времени начала освоения Западной Сибири русские люди и европейцы, находившиеся на российской службе, стали получать значительно больше достоверных материалов о культуре сибирских татар и других тюркских и монгольских народов этого региона. Важным источником информации могли быть представители татарской правящей элиты, перешедшие на службу к московскому царю.

Участником датского посольства А. Гюльденстиерне во время приема царем Борисом Годуновым посла датского короля Христиана IV, герцога Ганса Шлезвиг-Гольштейнского, в 1602 г. отмечено, что в свите царя был «один татарский король, поддавшийся несколько лет тому назад русскому царю со всей своей страной» [Гюльденстиерне, 2009, с. 101].

После завершения длительной, разорительной Смуты и интервенции в Московском царстве и закрепощения крестьян из-за острой нехватки людей царские власти стали активно привлекать для службы в Сибири иностранцев, в том числе военных специалистов из европейских стран. Некоторые из них оставили сочинения, в которых описали особенности культуры тюркских и монгольских кочевников.

В сочинении посланника императора Священной Римской империи Леопольда I, барона А. Мейерберга, побывавшего в Москве в 1661–1663 гг., говорится, что «природные жители» Сибири, татары, являются, по его данным, «идолопоклонниками». Они говорят «собственным наречием, и даже до сих пор не знают употребления хлеба» [Алексеев, 1941, с. 323].

Ценные сведения о сибирских татарах содержат записки одного из немецких офицеров, имя которого осталось неизвестным, приехавшего в Сибирь в 1666 г. в составе группы европейских военных специалистов под руководством полковника Г. фон Эграта для военной подготовки полков «нового строя» [Дмитриев, 2008, с. 67–68]. В этом сочинении указано, что в Сибири проживает много татар. Ранее, 95 лет назад, «это была их собственная страна; они имели также своего собственного царя», развалины «резиденции» которого, а также крепости, где жили

«два мурзы или князя», находятся на месте Тобольска и его окрестностей, «там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ». Потомок татарского правителя «царевич» до 60-х гг. XVII в. «объявляет себя врагом и ни под каким видом не хочет вступать в подданство русскому царю». Он укрывается в степи, а также в горах и ущельях. Татарский «царевич» «имеет при себе немного людей, именно башкиров, и, тем не менее, каждый год, примерно во время жатвы, делает он набеги на границы, в Сибири. Там, где он в состоянии это сделать, уводит он много людей и скота». При этом «догнать его невозможно, так как степь чрезвычайно широка». Если же российские воины «нападают на его след, он останавливается за ветром и зажигает огнем степь позади себя, и так безопасно уходит» [Алексеев, 1941, с. 347–348]. По мнению автора записок, сибирские татары покорились «отцу [нынешнего] русского царя». Автор считал, что татары «не знают бога и его заповедей» и не имеют «ни церквей, ни [молитвенных] собраний» [Там же, с. 360]. Вероятно, он имел в виду, что они не являются христианами.

Автор данного сочинения описал некоторые черты культуры живших в Тобольске бухарцев, а также привел свои соображения о западных монголах — джунгарах, ойратах или калмыках. Он отметил особенности прически западных монголов: выбривают волосы на голове, оставляя небольшой кружок волос на темени, которые заплетают в косы, свисающие на спину, носят усы, но бреют бороды. В ушах они носят «большие серебряные кольца», украшенные «большим красным кораллом». Из одежды и обуви автор выделил овчинные тулупы и сапоги. Джунгары «со своими луками [и стрелами] обращаются... очень ловко и могут, особенно на лошади, на полном скаку очень метко стрелять». По мнению автора сочинения, «калмыки не имеют никакой веры, мало знают о боге, являются язычниками». Однако он указал на их «главного священника» Далай-Ламу, которого они почитают «как бога и верят в то, что он семь раз рождается вновь» [Алексеев, 1941, с. 355–356]. По оценке этого офицера, джунгарские правители могут в течение двух суток собрать армию численностью от восьмидесяти до ста тысяч воинов, при этом каждый князь «должен появиться со столькими тысячами людей, со сколькими ему полагается, и представиться» правителю. Однако прежде чем выступить в поход джунгарский правитель — хунтайджи отправляется и спрашивает Далай-Ламу, будет ли удачным поход [Там же, с. 357]. Автор сочинения оценил джунгаров, которые «являются быстрым и опасным врагом», хотя они «не употребляют другого оружия, кроме лука и стрел; самые знатные из них, однако, имеют также сабли. Их стрелы имеют широкий и острый железный наконечник, они умеют метко стрелять на полном скаку». В боях с противником они, «подобно башкирам и татарам, с яростью наскакивают на своего врага безо всякого порядка» [Там же, с. 358–359]. Описывая погребальные обряды джунгар, автор указал, что трупы своих погибших воинов они бросают в воду или болото, а тела военачальников и храбрых героев сжигают «в пепел, раздробляют кости, смешивают или замешивают их вместе с глиной и делают из этого изображение, которое они почитают священным» [Там же, с. 359].

Среди тюркских народов упомянуты также кыргызы, во главе которых находится «Алтын-царь». Они «природные язычники», одевающиеся в меховые одежды, а их женщины носят на голове «украшение из древесной коры» [Алексеев, 1941, с. 362]. Вероятно, автор имел в виду енисейских кыргызов.

Среди европейских офицеров, приехавших в Сибирь в составе группы военных инструкторов во главе с полковником Г. фон Эгратом, был бывший шведский капитан А. Доббин, который прослужил в этом регионе 17 лет и оставил воспоминания. Он отметил, что сибирские татары являются мусульманами, «имеют свое письмо», занимаются земледелием и скотоводством. По его мнению, кыргызы «молятся своим лукам и оружию». Они очень привычны к войне. Имеют свои «жилища на скалах и утесах» [Алексеев, 1941, с. 393–394]. Вероятно, им описаны енисейские кыргызы, которые отличались воинственностью, а под жилищами следует понимать нагорные крепости. На сведения, собранные А. Доббином, ссылался в своем сочинении И.А. Бранд, один из членов посольства курфюршества Бранденбург в Москву в 1673 г. В нем описана охота на соболей, торговля мехами и уплата ясака сибирскими язычниками [Там же, с. 403].

В сочинении голштинского купца, возглавлявшего российское посольство в Китай в 1692–1695 гг., Э.И. Идеса говорится, что часть населения городов Тюмени и Тобольска составляли татары, исповедующие ислам. Русские жители испытывали большой страх перед «татарами калмыцкой и казахской орды», которые в конце XVII в. совершали опустошительные набеги на российские владения в Западной Сибири и «угрожали самой Тюмени». С помощью подкреплений, пришедших из Тобольска и других городов, удалось заставить этих «кочевых татар отсту-

пить с большими потерями». Согласно его мнению, джунгары и казахи, совершавшие набеги на российские владения в Сибири, подчинялись правителю Бухары Тести-хану. Помимо них на российские владения в Сибири «много набегов производят и уфимские и башкирские татары». Автор кратко изложил события похода Ермака в Сибирь, в ходе которого ему противостоял «татарский князь» Алтынай Кучумович, потомки которого жили в Москве до конца XVII в. Он описал и религиозные обряды татар-мусульман [Идес, Бранд, 1967, с. 79–80, 82–84].

С конца XVII — начала XVIII в. сбором сведений о Сибирском регионе и культуре сибирских народов стали активно заниматься ученые, работавшие в своих странах и приглашенные для проведения научных исследований в Россию. Обширные и разнообразные сведения о Сибири, населяющие ее народы и сибирских древностях удалось собрать с помощью своих корреспондентов в России голландскому коммерсанту, администратору и ученому Н.К. Витсену, в молодости приезжавшему в Москву в составе голландского посольства [Витсен, 2010, с. 783–784, 929–957]. Вероятно, часть этих сведений были получены им от думного дьяка Сибирского приказа А.А. Винууса [Юркин, 2007, с. 405–416]. В его сочинении довольно основательно описаны события похода казачьего отряда под предводительством атамана Ермака в Сибирь. Некоторые приведенные в книге Н.К. Витсена подробности этого похода отличаются от данных русских сибирских летописей. Вероятно, они были получены из других источников. Военачальник, возглавлявший войско сибирских татар в боях с казаками на подступах к столице Сибирского ханства, назван Канчеем. Описаны некоторые приемы стрельбы, применявшиеся казаками в боях с сибирскими татарами. По приказу атамана казаки в первом бою заряжали ружья одними пыжами, зато в следующем бою — «четырёхугольными кусками железа и пулями», благодаря чему противнику был нанесен большой урон. В решающем бою атаман «приказал стрелять только одной половине казаков, а другая должна была только заряжать ружья», в результате чего стрельба велась непрерывно. Н.К. Витсен отметил, что в распоряжении хана Кучума были две «литые железные пушки», из которых татары «не могли сделать ни одного выстрела, поэтому с проклятиями он велел сбросить их вниз в Иртыш». Согласно сведениям голландского ученого, Ермак «позволил вытащить из реки одну из пушек и снова привезти в город, где она и стоит до настоящего времени» [Зиннер, 1968, с. 18–20].

Н.К. Витсен описал гибель Ермака, который во время ночного нападения татар «спрыгнул с высокого берега», но попал в воду «на глубоком месте, имея на себе два панциря, а сверх того еще железные нарукавники, как камень погрузился на дно и самым жалким образом погиб». После гибели Ермака казаки, по сведениям, приведенным Н.К. Витсеном, выбрали атаманом Грозу Ивановича, совершившего поход на городище Абалак, «где еще держался Кучум». Хан отправил против казаков татарское войско, во главе которого поставил своего шурина Ики Ирку, но оно потерпело поражение. Кучум бежал со своей семьей к «калмыцкому хану Абдар-Тайше, который приходился ему дядей». В последующие годы, надеясь «возвратить себе царство, сыновья и сам Кучум много раз нападали на русских, но с божьей помощью всегда были разбиваемы» [Зиннер, 1968, с. 22].

Описывая современное ему состояние Сибири, Н.К. Витсен утверждал, что обитавшие вокруг города Верхотурье «коренные обитатели страны в большинстве случаев приняли русский образ жизни как в одежде, языке, так и в жилье, но не в богослужении, поскольку многие из них еще остались язычниками» [Зиннер, 1968, с. 24]. В другом месте он называет татар среди тех сибирских и уральских народностей, которые должны платить ясак соболями в царскую казну. Охотники убивают соболей «деревянными тупыми стрелами и палочками» [Там же, с. 27–28]. Среди приобретенных Н.К. Витсеном сибирских древностей есть детали парадного пояса, который должен относиться к культуре джунгаров [Борисенко, Худяков, 1999, с. 170–172].

В конце XVII — начале XVIII в. по приглашению царского правительства в России работал англичанин Д. Перри, в сочинении которого имеются сведения по истории присоединения Сибири и об отношениях между русским населением и тюркскими и монгольскими народами. Он утверждал, что Сибирь была завоевана под руководством русского купца Строганова, который составил «план завоевания Сибири», после чего «добыл у царя войска, среди них несколько донских казаков, и меньше чем за два года завоевал страну». В ходе военных действий сибирский правитель, которого автор назвал «королем», был «убит в этом деле, а сыновья его со многими пленниками были доставлены в Москву». По данным Д. Перри, «потомок этой фамилии (известный под титулом сибирского царевича или принца) теперь живет в Москве, где он владеет поместьем, содержащим четыре или пять деревень, пожалованных ему для доставле-

ния средств к существованию в соответствии его персоне, и живет он в хорошем уважении со стороны царя и знати». По сведениям автора, «русские обитатели» поддреживают «постоянное общение и доброе согласие» с монголами, другими монгольскими и тунгусскими народами, а также с «узбекскими татарами, населяющими юг Сибири до самых границ Китая» [Зиннер, 1968, с. 42–43]. Данный автор один из немногих, кто, говоря о присоединении Сибири, не упоминает об атамане Ермаке, а приписывает заслугу освоения этого края исключительно купцу Строганову. Возможно, что он получил такую трактовку событий от его потомков.

Значительно более подробно изложил события присоединения Сибири другой англичанин, приглашенный на службу в Россию, Д. Белл, совершивший в 1718 г. поездку в составе российского посольства через Сибирь в Китай. Он довольно подробно описал поход казачьего отряда под командованием атамана Ермака в Сибирь. По его сведениям, ранее Ермак разбойничал «по большим дорогам». При этом он грабил только богатых, и «по необыкновенному великодушью людей его ремесла, наделял бедняков». Потом атаман разбойничал на Волге и Каспийском море, где прожил несколько лет в Персии. Стараясь уйти от преследования со стороны московских властей, он ушел через Уральские горы в Сибирь. «Татарский хан, утратив его прибытия, собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями». Он имел «многие стычки» с татарами, в которых «побивал многое их число огнестрельным своим оружием, какого татары еще не знали». Д. Белл сравнил сибирских татар с американскими индейцами «при вступлении испанцев в Америку, на которую во многом походит Сибирь». По версии Д. Белла, поняв, что он не сможет удержать Сибирь, Ермак сам приехал в Москву, где получил прощение от царя и «потребовал части войск». Царь простил атамана и «распорядился снабдить его войсками». Когда он снова пришел в Сибирь, его встретили «толпы вооруженных татар» и множество лодок с воинами, на одной из которых был татарский хан. Ермак одержал победу, однако, когда на лодке догнал судно, на котором был татарский хан, атаман захотел «перескочить с одной лодки на другую, но при этом случае упал он в воду и утонул». Несмотря на его гибель, «россияне одержали тогда полную победу», а «храбрый татарский хан и сам лишился жизни в этой схватке». В то же время сын хана и «прочие родственники были отосланы в Москву, где царь принял их с честью и поступил с ними в соответствии с их саном. Ханскому сыну пожаловал он знатное владение в России, потомки его пользуются еще и ныне титулом сибирских царевичей» [Зиннер, 1968, с. 45–48].

Д. Белл отметил, что в Тобольске есть «множество» улиц, названных «Татарскими», заселенных «потомками древних жителей этих мест» — татарами. Они, так же как и в других местах, «имеют счастье свободно выполнять обряды своей религии и одарены привилегиями торговли» [Зиннер, 1968, с. 49]. В ходе расспросов барабинских татар Д. Белл записал легенду о том, что «Тамерлан, или Тимур-Ак-Сак, как они его кличут, имел много боевых стычек с калмыками, которых он тщетно пытался победить». Согласно его представлениям, среди «калмыков и других татар» до «сего времени» господствует обряд захоронения полководцев и знатных лиц в сопровождении вооружения, «любимых коней и слуг». Из таких могил бугровщики из Томска разграбили много драгоценностей, «иногда части рукояток мечей и доспехов», а также «седельные украшения и уздечки, и другую конскую сбрую». Он сам видел «различные части вооружения и другие курьезные вещи», в том числе изображение из бронзы «вооруженного человека верхом на коне» и золотые бляшки. По его мнению, эти вещи могли служить «для украшения колчанов и конской упряжи». На развалинах Семи Палат, приписанных автором Тамерлану или Чингис-хану, были найдены свитки с надписями, часть которых Д. Белл купил у одного солдата и увез в Англию [Там же, с. 50–51]. В дальнейшем было установлено, что эти археологические находки относятся к эпохе раннего средневековья [Борисенко, Худяков, 2005, с. 111–112]. Однако рукописные религиозные тексты действительно были обнаружены на развалинах джунгарских ламаистских монастырей в Прииртышье [Княжецкая, 1989, с. 28–30].

В сочинении некоего Бентинка, в котором собраны воспоминания шведских пленников, находившихся в Сибири, говорится о грабительских раскопках «во многих местах Татарии, у границ Сибири», захоронений с лошадьми. Пленные шведы вместе с русскими «ходили группами раскапывать могилы». Калмыки воспринимали это «как святотатство и убивали тех грабителей гробниц». По его мнению, существенное отличие «теперешних татар» от прежних заключается в том, что вместо золотых и серебряных сосудов и других вещей они помещают в могилы с умершими родственниками деревянные миски и предметы «другой домашней утвари неболь-

шой ценности». Автор отметил, что эти народы «ведут свое происхождение от Турка» и раньше назывались турками, пока «постепенно не утратили это название, заменив его названием татары», которое они якобы взяли от «Татар-хана» [Зиннер, 1968, с. 87–88].

В записках Брауншвейг-Люнебургского резидента в Москве Вебера приведено описание «барабинцев». Автор считал их калмыцким племенем, которое возглавляли тайши. Они являются двоеданцами, платят подушную подать «русскому царю и Бустухану». Их одежда, мужская и женская, подобна монгольской и калмыцкой. «Оружие их, как у всех татар,— лук и стрелы». Они разводят много скота, занимаются охотой и выращивают ячмень. При выходе на охоту они берут с собой деревянного идола — шайтана, которому поклоняются, везут на особых санях и приносят жертвы [Зиннер, 1968, с. 93–94].

В путевом дневнике принятого на российскую службу бывшего шведского инженер-лейтенанта Л. Ланге, принимавшего участие в российских дипломатических миссиях в Китай в 1717 и 1720 г., содержатся материалы о некоторых сибирских народах [Батуева, 1995, с. 24]. В его сочинении имеется краткое описание сибирских татар — мусульман, живших между городами Тарой и Тобольском. По его наблюдениям, татары жили в юртах или жилищах, в которых держали и телят. «Их одежда мало чем отличается от русской». Татарские женщины носят кольца, продетые в уши и в нос [Зиннер, 1968, с. 107]. Помимо них описаны барабинские татары, являющиеся идолопоклонниками. Внутри своих жилищ они держат «вырезанного из дерева идола в форме человека». Этот шайтан «длиной примерно поллоктя и стоит в маленьком ящике, и одет в разные тряпки». Ему они «обещают шапку или воротник, если он поможет получить богатый улов на охоте». Барабинские татары «держат мало скота, за исключением лошадей, которые ходят по лесу и находят себе пищу под снегом». Одежда барабинских татар, а также «шапки и чулки состоят из сшитых вместе кусков меха». По предположению Л. Ланге, барабинские татары происходят от остяков [Там же, с. 108].

В 1725 г. в г. Нюрнберге была издана книга неизвестного автора «Наиновейшее государство Сибирь», в которой использованы материалы многих европейцев, в том числе шведских военнопленных. В этом сочинении упомянуты некоторые иностранцы, сосланные в Сибирь для ловли соболей, изложены сведения о походе Ермака, об управлении этим регионом А.А. Виниусом. При описании города Тобольска автором указано, что вокруг него проживает много татар и бухарцев. Кроме войск тобольского гарнизона «имеется еще несколько тысяч татар, которые в надлежащих случаях служат его величеству кавалерией» [Зиннер, 1968, с. 120].

На исходе второго десятилетия XVIII в. в Сибирь была послана первая российская научная экспедиция, возглавил ее приглашенный из Европы ученый Д.Г. Мессершмидт. Ряд ценных наблюдений был сделан им в отношении барабинских татар [Борисенко, 2011, с. 69–74]. Так, наименования татарских поселений — юртов носят имена старейшего, знатнейшего или богатейшего жителя. Некоторые поселения имеют два разных названия. Среди них выделяются зимние и летние поселения. Барабинцы выращивали овес и ячмень и занимались рыболовством [Messerschmidt, 1962, S. 56–57]. По сообщению исследователя, барабинские татары были двоеданцами. Они должны были платить дань российскому царю и калмыцкому тайше, по две шкуры красной лисицы. Ясак собирал князь барабинских татар. Д.Г. Мессершмидт отметил, что барабинские татары живут очень бедно. Их жилища представляют собой землянки с отверстием в крыше, через которое в течение дня проходит свет. В то же время он обратил внимание на обычай барабинских женщин носить серебряные кольца в носу. На поселения барабинских татар время от времени совершали набеги воины Казахской орды и угоняли их в плен. Видимо, казахи тоже попадали в плен, поскольку был обмен пленными [Ibid., S. 57–58]. В юрте Изенбек исследователем был описан обычай выставлять по случаю смерти хозяина жилища копье, украшенное матерчатыми тряпочками, скрепленными берестяной трубкой. Этот «шайтан» изображает «того, кто первым сошел с неба и сиял как солнце» [Ibid., S. 58–59].

По наблюдениям Д.Г. Мессершмидта, в религиозных верованиях барабинцы отличались от татар — мусульман. Он описал погребальный обряд и обычаи в юрте Куленба. Умершего хоронили в яме в земле, неподалеку от леса. «Без особенных церемоний туда опускается тело, вместе с умершим кладется его колчан, стрелы, лук, котел, меч и все его вещи. Убивают его лучшую лошадь и тоже кладут в могилу» [Messerschmidt, 1962, S. 59]. Судя по этим описаниям, для барабинских татар был характерен обряд ингумации, хоронили в сопровождении коня, с разнообразным инвентарем. Исследователя заинтересовали некоторые культовые предметы. Один из них — довольно большой барабан, который был зарисован художником экспедиции

К. Шульманом. Много позже этот рисунок был опубликован [Гнучева, 1940, с. 29]. Согласно объяснениям местных жителей, эти «идолы» не посвящены каким-либо определенным богам. Они принадлежали прежним насельникам данной местности и были восприняты в качестве своих объектов почитания. Местные жители знали о наличии великого бога, который создал небо и землю, и о том, что душа человека может быть здоровой или больной, в зависимости от образа жизни. Им было неизвестно, куда могут попасть после смерти души злых людей [Messerschmidt, 1962, S. 59]. В юрте Чупчи исследователь отметил жилища, сооруженные из жердей, склеенных клеем и соломой. Жилища в этом поселении располагались кругом, в то время как обычно они размещались в плане в форме звезды или отличались иной планировкой. Он описал музыкальный инструмент, похожий на гитару с тремя струнами, сплетенными из конских волос, под музыку которого занимались горловым пением [ibid., S. 62]. В юрте Чада художником К. Шульманом был скопирован рисунок идола, нанесенный на поверхность большого барабана. В этом поселении Д. Мессершмидту подарили фигурку «шайтана». Это очень удивило исследователя: в другом поселении ему отказались отдать и даже продать подобную фигурку, поскольку его владельцы опасались, что это может навлечь на них несчастье и даже смерть [ibid., S. 62]. В отношении захоронений: каждая семья из этого юрта имела свое место для погребения, хоронили умерших с конем и устанавливали столб над могилой. В юрте Чунгар местные жители сказали, что татары, живущие в долинах рек Тары и Ишима, называются «кунгурские» [ibid., S. 62].

В юрте Ренчинск Д.Г. Мессершмидт наблюдал поминальный обряд барабинских татар. В течение первой недели после смерти близкого человека его родственники должны были находиться в трауре и расцарапывать себе лица до крови [Messerschmidt, 1962, S. 65]. Исследователь и его спутники видели обряд «кормления» умершего, во время которого вдова привезла ему на санках сосуд, мешок с сухой крупой, рукавицы, шлем и топор [ibid., S. 65–66]. По наблюдениям в юрте Бочка описано детское захоронение. Поскольку это был грудной ребенок, у него не было зубов, он не сделал ничего дурного, гроб с его телом не захоронили в землю, а установили на поверхности возле столба. Ко времени экспедиции этот гроб стоял уже восемь лет и должен был стоять до того времени, пока не истлеет [ibid., S. 69].

Одежда и прическа барабинских татар, по определению Д.Г. Мессершмидта, — «калмакского типа». Мужчины носили длинные косы, круглые шапки с оторочкой и красными кистями из шелка или конских волос. Тулупы или куртки они надевали на голое тело, носили штаны. У женщин и девушек по две, четыре или восемь кос, высокие шапки на голове, которые обматывают куском белой ткани, надеты на голое тело тулупы или куртки, штаны. Они обматывают ноги тряпками и носят кожаные тапки. Дети летом ходят голышом, а зимой в тулупчиках [ibid., S. 66].

В юрте Аргалы участники экспедиции наблюдали шаманское камлание. Шаман сам пригласил их. Он держал в руках бубен, в который был вделан деревянный идол, «одетый в тряпье». Во время камлания шаман сел спиной к гостям. Он водил колотушкой по бубну и предложил Д.Г. Мессершмидту задать ему какой-либо вопрос. В дальнейшем шаман возбудился, стал кричать, подпрыгивать, хватать горящие угли, пришел в неистовство. После обряда он сделал гостю несколько предсказаний [Messerschmidt, 1962, S. 67].

Согласно представлениям татар из юрта Бочка, в прошлом они были одним народом с остяками и говорили на их языке, но со временем перешли на татарский язык. Часть из них пришли из Казахской орды, часть проживали на оз. Чаны. Чатские татары считали, что они происходят от хана Кучума, и причисляли себя к потомкам Чингис-хана.

В дальнейшем Д.Г. Мессершмидт получил некоторые сведения о погребальных одеждах сибирских татар от татарского муллы в г. Томске [Messerschmidt, 1962, S. 91–92]. В знак траура вдовы должны носить черную или белую одежду.

Участнику этой экспедиции Ф.И. Табберту удалось собрать некоторые сведения о происхождении тюркского населения долины р. Ки. По сведениям одного местного жителя, оно происходит от татар хана Кучума и казахов [Борисенко, 2012, с. 47].

В изданных на русском языке извлечениях из дневников Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Табберта содержатся ценные сведения о культуре разных групп коренного населения Южной Сибири [Мессершмидт, 2012]. Русские называют жителей долины Чулыма чулымскими татарами, другие племена — тутальцами или урянхаями, что означает «лесные жители». Однако сами себя они называют по своим родам. Именованье их всех «Туталь» неправильно, поскольку это название только одного рода. Сами себя часть чулымцев называют также «калмак-ойротами», в то

время как русские и бухарцы именуют их просто «калмыками». Такое название характерно для «восточных татар» [Там же, с. 15]. Некий «знающий татарин» сообщил, что у «чулымских татар» в прошлом была «басурманская вера», но они ее утратили. Они были изгнаны с мест своего прежнего обитания киргизами [Там же, с. 19]. Проезжая по долине р. Сыда, Д.Г. Мессершмидт отметил, что в этой местности проживают аринцы, их «остались единицы», после того как произошла война между енисейскими кыргызами и халха-монголами, во главе которых был Алтанхан Лочжан. Помимо них в этом районе проживали «киштимцы» и тубинцы, «которых больше не осталось». Исследователь расспросил «этих татар, как они хоронят умерших. ...Аринцы, тубинцы и эзерцы кладут в могилу вместе с воином его оружие, а именно лук и стрелы и пр. Закаляется его лучшая лошадь, снимается с нее шкура, крепится вместе с головой на древко и устанавливается над могилой» [Там же, с. 26].

По представлениям местных, в прошлом Алтын-хан Лочжан имел ставку на р. Тесь. В Красноярске Д.Г. Мессершмидт записал со слов местных жителей некоторые сведения о джунгарах, их храмах на Иртыше и войнах с монголами [2012, с. 48].

Во время поездок по Минусинской котловине исследователи отметили некоторые монументальные памятники, почитаемые местными «татарами». Они осмотрели каменные изваяния в междуречье Июсов и в долине р. Уйбат, скульптуру «старого мужчины» на р. Тесь, на спине которой были буквы, почти стертые. Ее зарисовал К. Шульман. Ф.И. Табберт, осмотрев некоторые разграбленные могилы и обнаружив пепел, пришел к выводу, что «эти язычники умерших сжигали». Проводник сообщил, что многие предметы из могил «были повреждены огнем, расплавлены». Обряд кремации был характерен для енисейских кыргызов. Однако в некоторых могилах были найдены неповрежденные вещи, среди которых даже меховые шапки, сделанные «на татарский манер» [Мессершмидт, 2012, с. 21, 30, 32–33]. Обряд ингумации был присущ разным этническим группам кыштымов.

Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Табберт попытались проследить расселение татар по территории Сибири. Среди них они отметили все известные им тюркские племена и народы: башкир, Малую орду (вероятно, казахов младшего жуза), киргизов (казахов), брат-татар (бурят), тобольских и тарских татар (сибирских татар), чулымских и кистимских татар (чулымцев и кыштымов), качинских (качинцев), аринских (аринцев), камасинских (камасинцев), киргизских и сойотских «татар» (енисейских кыргызов и тувинцев). По мнению исследователей, «все эти народы понимают или говорят на татарском или тюркском языке» [Мессершмидт, 2012, с. 74].

В долине р. Кемчуг, в улусе Тейчко, Д.Г. Мессершмидт встретил «крещеных татар», которые «жили в своих юртах, но при этом строили русские амбары или кладовые из дерева» [Мессершмидт, 2012, с. 79]. Судя по этим наблюдениям, часть местного тюркоязычного населения к началу XVIII в. восприняла некоторые элементы русской материальной и духовной культуры. В улусе Сус-Урюп местный татарин принес музыкальный струнный инструмент «гажетан», вероятно «чатхан», и сыграл на нем. Он спел «на татарском языке свои героические гимны» [Там же, с. 93].

В окрестностях Кадата ученому рассказали легенду о двух камнях, установленных в честь знаменитых стрелков из лука. Один из них располагался «на западе, другой — на востоке. Установили их киргизы в память о знаменитом стрелке из лука, который не имел себе равных; лучшие татарские стрелки из лука упражнялись в стрельбе от одного камня к другому» [Мессершмидт, 2012, с. 101]. Исследователь упомянул о памятнике «Козен-кеш-таш» на р. Черный Июс, стоявшем «еще до киргизов, которые 30–40 лет тому назад были изгнаны русскими». По представлениям местных жителей, подобные памятники принадлежат неким «исполинам» [Там же, с. 108–109]. Осмотрена и описана каменная статуя «Кезен-кеш», которая стояла у дороги, лицом на юг. Она была вырублена из красного камня. В правой руке изображенный человек «держал чайную чашку, левой — ухватился за полу сюртука. Вокруг туловища он был опоясан, на поясе висели с двух сторон мешочки как кошелечки». Голова изваяния «была покрыта как бы чепцом, из-под которого видны уши». Усы были «похожи как у поляков, а борода на подбородке довольно длинная и густая». Д.Г. Мессершмидт считал, что статуя изображает китайца. Он отметил, что «кочующие татары очень чтят эту статую» и приносят ей «съестные припасы», а ее рот «был намазан маслом и блестел на солнце, как будто покрытый лаком» [Там же, с. 110]. Исследователь зарисовал эту скульптуру, сохранив ее облик для науки [Борисенко, Худяков, 2005, рис. 14]. Как было установлено учеными в XX в., статуя относится к культуре древних тюрок [Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 86]. В «верхнем течении р. Бири, недалеко от Июс-Сагайских

юрт», ученый осмотрел «прекрасный монумент с неизвестной надписью». На нем выделялась «большая голова или лицо», а на поверхности «повсюду вырезанные бесформенные фигуры, но совсем не буквы» [Мессершмидт, 2012, с. 123]. Данная стела, представляющая собой изваяние окуневской культуры, была зарисована. В есь-тея-абаканских степях Д.Г. Мессершмидт осмотрел «очень знаменитую у этих народов статую куртуяк». На спине у антропоморфного изваяния была выделена коса, «подобные и сейчас по привычке носят калмыцкие и татарские женщины». Татары-язычники «сделали перед ней много поклонов, и каждый объехал вокруг нее по три раза, после такой церемонии они также перед ней или к пьедесталу на траву в качестве жертвоприношения положили еду». Согласно их объяснениям, эта Куртуяк была некогда знатной матроной и «Кайра-хан или всемогущий бог превратил ее в камень, поэтому с давних времен чтят ее память» [Там же, с. 132–133].

Ценные сведения о культуре коренного населения Западной и Южной Сибири содержатся в сочинении ближайшего помощника Д.Г. Мессершмидта, пленного шведского капитана, уже упоминавшегося Ф.И. Табберта, получившего после возвращения из плена дворянство и фамилию фон Страленберг. В 1730 г. он опубликовал свою книгу, в которой коснулся ряда вопросов традиционных культур и религий некоторых сибирских народов и привел изображения отдельных памятников Сибири. По поручению Д.Г. Мессершмидта он совершил несколько самостоятельных поездок. Как и многие европейцы, он интересовался языческими верованиями сибирских народов. Им были опубликованы рисунки шаманских бубнов, каменной скульптуры барана с р. Тубы и изваяния мужчины с сосудом в обеих руках с р. Тесь из Минусинской котловины [Strahlenberg, 1730, Tabl. V, VI, XII, XXI]. В дальнейшем эти материалы стали использоваться исследователями южно-сибирских древностей [Brentjies, Vasilievsky, 1989, S. 20–24]. По мнению этого участника экспедиции, стремление русского духовенства обратить в православие сибирских язычников, живущих «по лесам очень рассеяно», имело мало успеха. В то же время те из них, что «живут в русских деревнях среди русских, почти все крещены, говорят по-русски, и так, что их невозможно отличить от русских» [Зиннер, 1968, с. 134–135].

Материалы о культуре тюркских и монгольских народов, собранные европейцами в XV — начале XVIII в., стали основой для дальнейшего изучения традиционных культур тюркских и монгольских народов на территории Западной и Южной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарий: XIII–XVII вв. Иркутск: ОГИЗ. Иркут. обл. изд-во, 1941. 612 с.
- Батуева Т.Б. Народы Сибири в трудах западноевропейских исследователей XVII–XIX вв. Улан-Удэ: БНЦ, 1995. 107 с.
- Бегунов Ю.К. Раннее немецкое известие о Золотой бабе // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 11. Вып. 3. С. 122–124.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Средневековые материалы в коллекции Н.К. Витзена из Сибири // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2: Горизонты Евразии. С. 168–173.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: НГУ, 2005. 270 с.
- Борисенко А.Ю. Сведения о традиционной культуре татарского населения и археологических памятниках Барабинской лесостепи в дневниковых записках Д.Г. Мессершмидта // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 69–74.
- Борисенко А.Ю. Изучение «татарских древностей» Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Таббертом на пути от Тобольска до Абаканска (по материалам полевого дневника Д. Г. Мессершмидта за 1721 год) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 42–49.
- Витсен Н. Северная и Восточная Татария, включающая области, расположенные в северной и восточной части Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. II. С. 623–1225.
- Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук СССР в XVIII и XIX вв. // Тр. архива АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Вып. 4. 310 с.
- Гюльденстиерне А. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию // М. Фоскарино. Донесение о Московии; А. Гюльденстиерне. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию; Т. Смит. Путешествие и пребывание в России; Г. Паерле. Записки Георга Паерле. Рязань: Александрия, 2009. С. 85–156.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 63–93.

Сведения европейцев XV — начала XVIII в. об особенностях культур...

Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул: Изд-во БГПУ, 1995. 197 с.

Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: НГУ, 2008. 240 с.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. вост. лит., 1967.

Княжецкая Е.А. Новые сведения о об экспедиции И.М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. XXVI. С. 10–35.

Мессершмидт Д.Г. Дневники: Томск — Абакан — Красноярск: 1721–1722. Абакан: Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.

Фоскарино М. Донесение о Московии // М. Фоскарино. Донесение о Московии; А. Гюльденстиерне. Путешествие Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию; Т. Смит. Путешествие и пребывание в России; Г. Паерле. Записки Георга Паерле. Рязань: Александрия, 2009. С. 9–80.

Хорошкевич А. Русь и русские в «Записках о Московии» // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М.: Белые альвы; Билье: Хумар, 2000. С. 127–184.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного // Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582); А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань: Александрия, 2005. С. 379–526.

Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М.: Наука, 2007. 558 с.

Brentjes B., Vasilievsky R.S. Schamanenkrone und Weltenbaum. Kunst der Nomaden Nordasiens. Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1989.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien (1721–1727). Berlin: Akademie Verlag, 1962. Th. I. 379 S.

Strahlenberg F.I. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm: Der Berlegung des Autors, 1730.

Новосибирский государственный университет

aborisenko2@mail.ru

Новосибирск, ИАЭТ СО РАН

khudjakov@mail.ru

The article considers evidences from writings of the Europeans showing interest in North Asian region during the late Middle Ages and early New Time, which contain certain data on distinctions of traditional cultures with Turkic and Mongolian nomads on the territory of West and South Siberia. The Europeans were attracted into North Asia by prospects for development of fur trading and searching new trade routes into China and India. Their writings contain certain data on economic activities, material and spiritual culture, and military arts of Turkic and Mongolian peoples. Initially, data on Siberian ethnoses was collected by members of diplomatic missions from different European countries in Moscow. Later on, more reliable data was collected by the Europeans in the Russian service in North Asia. The most valuable information on cultures of Turkic and Mongolian peoples of Siberia was obtained by participants of the first scientific expedition in the early XVIII c. The data by the Europeans serve an important supplement to Russian written sources and ethnographic materials on cultural distinctions of nomadic ethnoses, populating northern regions of Central Asia.

West and South Siberia, Tartars, West Mongols, Russians, Europeans, data, distinctions of a traditional culture.

АНТРОПОЛОГИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА КИРГИЗОВ

Т.К. Ходжайов, Г.К. Ходжайова

Рассмотрены краниологические материалы по киргизам. Изучение и сравнение их с синхронными сериями из Средней Азии, Казахстана, Приуралья, Западной и Восточной Сибири, Монголии показало, что в формировании антропологического облика киргизов принимали участие саки и усунь Тянь-Шаня и Алая, племена Алтая и Кузнецкой котловины, тюрки и уйгуры Тувы, Хакасии и «енисейские» киргизы. Основной комплекс признаков, характерный для киргизов, формируется в тюркскую и караханидскую эпохи в южном Прииссыккулье, Алайской, Таласской и Чуйской долинах.

Киргизы, этнос, краниологический комплекс, античность, средневековье, современность.

Формирование антропологического состава современных киргизов, как и других народов Средней Азии, было длительным историческим процессом. По сравнению с остальными этносами региона, в отношении киргизов данная проблема оказалась менее изученной. На различных этапах в сложении их морфологического облика принимали участие многочисленные местные и пришлые племена как европеоидного, так и монголоидного типа.

В античности на территории региона обитали главным образом различные сакские и раннеусуньские племена, которые относятся к северному варианту расы Среднеазиатского междуречья, за исключением саков Памира. В составе памирских саков преобладала южно-европеоидная основа, в которой выделяются грацильный и матуризованный варианты. Монголоидность у сакских кочевых племен проявляется в незначительной степени с середины I тыс. до н.э. В усуньское время население европеоидное, однако наличие в его составе монголоидной примеси не вызывает сомнений.

В эпоху средневековья в составе населения преобладал местный субстрат европеоидно-монголоидного облика, присутствовали также европеоидные и довольно монголизированные популяции. Однако в этот период в Чуйской и Таласской долинах компактно проживали европеоидные группы. В составе позднесредневекового и современного населения обнаруживается большой удельный вес восточного комплекса, имеющего южно-сибирское и в меньшей степени центрально-азиатское происхождение.

Целью нашего исследования явилось изучение процессов формирования антропологического облика современных киргизов во времени и пространстве путем обобщения краниологического материала с применением современных методов анализа.

Имеющиеся в наличии серии охватывают длительный исторический период, начиная с середины I тыс. до н.э. до современности. Наиболее ранними являются костные останки древнего человека из пещерной стоянки Сель-Унгур, расположенной в южных отрогах Катрантау, на западной окраине с. Хайдаркан Ошской области. К ним относятся зубы, принадлежавшие двум — четырем индивидуумам, а также фрагменты длинных костей. Это останки гоминида — архантропа, «человека работающего» (*Homo ergaster*), существовавшего в нижнем плейстоцене [Исламов и др., 1988; Зубов, Ходжайов, 2004; Зубов, Васильев, 2013].

Палеоантропологические коллекции сакского и раннеусуньского времени из Алая и Тянь-Шаня исследовались Г.Ф. Дебецем [1948], В.В. Гинзбургом [1950, 1954, 1960], Н.Н. Миклашевской [1959в, 1964], И.В. Перевозчиковым [1967] и С.С. Тур [1997]. В этих работах показано, что саки Алая и Центрального Тянь-Шаня принадлежали к кругу европеоидных племен, однако первые из них были мезокранными европеоидами, а вторые — брахикранными с монголоидной примесью. В целом по морфологическим особенностям они занимают промежуточное положение между саками Памира и Тянь-Шаня.

Антропологические исследования современных киргизов проведены Л.В. Ошаниным [1931, 1957–1959], А.И. Ярхо [1934, 1947], Н.Н. Миклашевской [1955, 1957, 1959а–в, 1964], Г.Ф. Дебе-

К проблеме формирования антропологического состава киргизов...

цем [1948, 1956, 1959]. Было установлено, что они являются наиболее монголизированной частью населения Средней Азии, близкой к казахам. В морфологическом облике их преобладает южно-сибирский тип и в меньшей степени — центрально-азиатский.

Краниологические коллекции из Кыргызстана распределены нами по следующим шести историческим периодам: сакский, усуньский, раннесредневековый, развитого средневековья, позднесредневековый и период, близкий к современности. Данные по изученным группам приведены в табл.

Межгрупповой анализ мужских серий Кыргызстана с эпохи саков и ранних усуней до современности

№ п/п	Серия	Дата	1	8	8/1	17	45	48	48/45	54	52	77	<ZM	SS	75(1)
1	Саки Тянь-Шаня	V–III вв. до н.э.	178,0	147,0	82,8	134,0	137,0	71,0	52,7	26,2	33,8	141,8	132,0	4,2	31,0
2	Саки Алая	III в. до н.э. — рубеж эр	181,0	138,4	76,9	133,0	135,0	70,7	52,8	25,3	33,5	142,7	128,6	4,7	30,3
3	Кетмень-Тюбе	I в. до н.э. — V в. н.э.	176,9	140,0	79,1	137,1	135,0	71,0	52,6	25,9	34,5	142,0	132,0	3,8	22,0
4	Кенкол	I–III вв.	178,6	140,2	78,5	135,7	136,4	74,0	54,3	25,0	33,9	140,0	129,5	3,6	25,4
5	Каракол и Чилпек	Усунь. время	176,9	144,7	81,8	135,0	137,8	73,2	53,1	25,4	33,6	141,5	132,3	4,1	26,7
6	Джонтобо — Чеш-Тобе	I–V вв.	176,7	143,4	81,2	135,4	138,0	72,8	52,8	24,3	34,1	142,2	131,5	4,5	27,7
7	Джалпак-Дюбе — Туяк	I–IV вв.	176,3	142,7	80,9	134,4	137,4	74,7	54,4	25,5	35,7	136,4	131,4	4,5	29,1
8	Усуни Кыргызстана (сум.)	II в. до н.э. — V в.	177,1	142,2	80,3	135,5	136,9	73,1	53,4	25,2	34,4	140,4	131,3	4,1	26,2
9	Кукяльда (Алайская долина)	V–VIII вв.	184,1	146,9	79,8	135,1	134,7	73,4	54,5	25,3	34,1	146,2	137,6	2,5	21,5
10	Ак-Бешиим (Чуйская долина)	V–VI вв.	179,0	151,7	84,8	134,4	140,0	71,6	51,1	25,7	35,2	143,2	132,4	4,2	29,0
11	Тик-Турмас возле Джамбула	VII–VIII вв.	180,4	147,4	81,7	132,0	139,0	77,0	55,4	25,8	36,2	139,3	129,9	5,2	28,0
12	Кургак — Карабейт (Алай)	VI в.	175,2	149,5	85,3	127,2	138,7	74,5	53,7	25,5	34,2	144,2	140,0	3,1	22,0
13	Бешкарак — Таш-Башат (Тал-Чу)	VII–VIII вв.	179,2	151,7	84,7	129,7	139,4	76,4	54,8	26,2	34,7	144,3	136,7	4,0	21,4
14	Бейшеке (Таласская долина)	XII в.	176,0	149,3	84,8	138,3	136,7	73,2	53,6	25,2	34,0	138,0	131,0	5,2	28,0
15	Кан-Дюбе (Юж. Иссык-Куль)	XII в.	174,0	147,5	84,8	134,2	136,4	75,3	55,2	26,2	35,3	143,5	130,9	3,7	25,9
16	Тегирмен-Сай (Чуйская долина)	IX–XI вв.	173,3	153,3	88,5	125,3	145,7	71,3	48,9	27,7	36,3	143,7	138,7	3,6	27,0
17	Несториане близ Бишкека	XII–XIV вв.	172,9	148,1	85,7	132,0	133,3	70,9	53,2	24,6	34,1	139,2	130,5	4,2	31,8
18	Красная Речка (Чуйская долина)	XI–XIII вв.	180,3	144,7	80,3	137,4	135,1	73,3	54,3	25,7	33,5	139,2	129,3	4,9	29,7
19	Киргизы	XVII–XX вв.	179,4	149,6	83,4	130,8	141,2	74,6	52,8	26,6	34,8	145,1	136,8	3,3	21,0

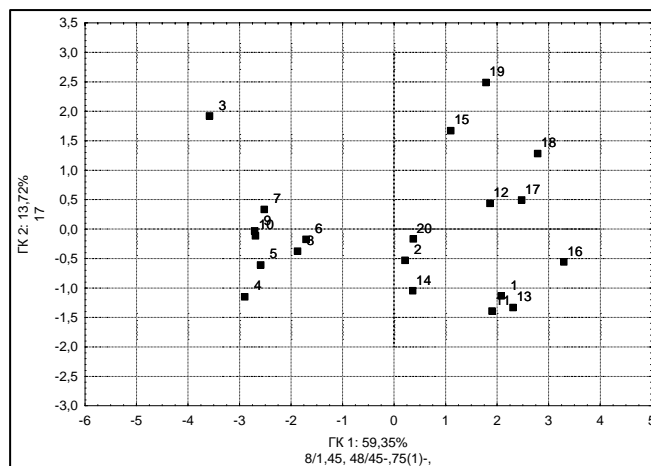
Далее мы рассматриваем изученные серии по периодам. Для сравнения, проведенного с помощью канонического анализа, были привлечены синхронные серии с территории Средней Азии, Казахстана, Сибири и Западной Монголии. Перечень выбранных серий представлен в подписях к рис. 1–5.

Серии саков Восточного Памира выделяются сильно выраженными южно-европеоидными особенностями: резкой долихокранией, узким, высоким, резко профилированным лицом и сильно выступающим носом. Все сравниваемые с ними сакские и скифские серии обладают противоположным комплексом признаков, а именно: они брахикранные, широколицые, с менее профилированным лицом и менее выступающим носом (рис. 1). Скифские племена Предгорного и Горного Алтая, Западной Сибири и Минусинской котловины, кроме вышеперечисленных признаков, выделяются еще такой особенностью, как сравнительно низкий свод черепа.

Некоторое сходство с вышеназванными группами саков Восточного Памира имеют саки Алая, особенно с группами из долин рек Пяндж и Истык. Это дает некоторое основание предполагать наличие у саков Алая небольшой примеси черт, присущих южно-европеоидной расе. В то же время саки Алая очень близки к тумекской группе саков Северного Туркменистана и популяциям раннего железного века Западной Монголии. Результаты такого анализа позволяют утверждать, что саки Восточного Памира имеют иные генетические корни, нежели другие сакские племена.

Могильники этого периода широко представлены на территории Восточного Памира. Б.А. Литвинский [1972] выделил восемь основных участков, принадлежащих этим племенам. На основе данной классификации была проведена группировка краниологического материала [Ходжайов, 2008]. Полученные данные показали, что для всех древних жителей Восточного Памира независимо от их территориальной принадлежности характерна комбинация признаков двух вариантов восточно-средиземноморской расы — грацильного и матуризованного.

В то же время тянь-шаньские саки оказались родственными с казахстанскими и поздними приаральскими. Следовательно, в этот период сакские племена Тянь-Шаня, Алая, Семиречья, Казахстана, Приаралья и Северного Туркменистана, за исключением саков Восточного Памира, обладали однородным морфологическим комплексом. Он представлен как брахикранный, достаточно широколицый, с несколько уплощенным лицевым скелетом и средневыступающими носовыми костями. Именно этими морфологическими особенностями характеризуются ранние кочевники северных степных областей Средней Азии и Казахстана. Различия между палеопопуляциями заключаются лишь в том, что монголоидная примесь присутствует только у равнинных саков и отсутствует у горных.

Рис. 1. Межгрупповой анализ мужских серий Кыргызстана эпохи саков и ранних усуней и сравнительные данные:

- 1 — саки Тянь-Шаня; 2 — саки Алая; 3 — Вост. Памир (Кокуйбель, долина Пшарт); 4 — Вост. Памир (Гунт, Яшиль-Куль, Аличур); 5 — Вост. Памир (Джошангоз (Южбок)); 6 — Вост. Памир (долина р. Пяндж); 7 — Вост. Памир (долина р. Памир); 8 — Восточный Памир (долина р. Истык); 9 — Вост. Памир (верховья р. Аксу); 10 — саки Восточного Памира (сум.); 11 — саки Казахстана (сборная); 12 — саки Приаралья (ранние); 13 — саки Приаралья (поздние); 14 — Сев. Туркменистан (тумекская группа); 15 — Сев. Туркменистан (тарымская группа); 16 — Зап. Сибирь (Усть-Тартас); 17 — скифское время (Предгорн. Алтай); 18 — скифское время (Горн. Алтай); 19 — тагарская культура (Минус. котловина); 20 — Зап. Монголия (ран. жел. век).

Таким образом, в середине I тыс. до н.э. сакские племена Кыргызстана обладали комплексом признаков северного варианта расы Среднеазиатского междуречья. Ранние усунь, как и саки, характеризовались европеоидными особенностями, иногда с незначительной примесью монголоидности. В юго-восточной части Прииссыккуля у них выявлена небольшая доля черт долихоцефального европеоидного средиземноморского типа, свойственного сакам Восточного Памира.

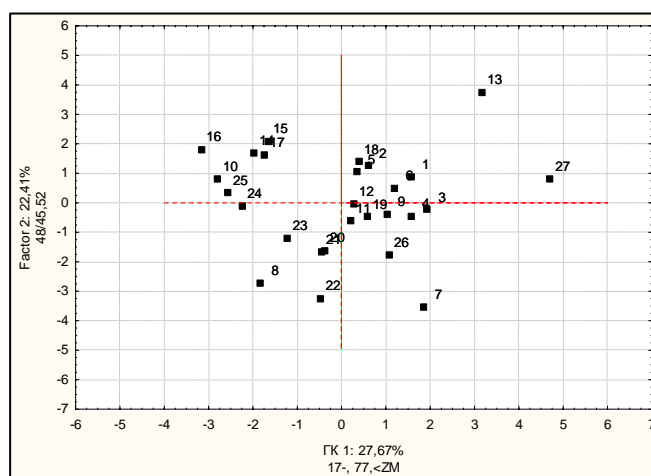
Антропологический состав населения усуньского времени (III в. до н.э. — V в. н.э.), в отличие от сакского, включает крайне разнообразные морфологические комплексы, и в первую очередь европеоидный, как у популяций из Кетмень-Тюбинской долины (курганы Джал-Арык, Торкент и Каратектир), но с несомненной примесью монголоидных особенностей [Перевозчиков, 1967]. Примерно 70 % индивидуумов являются носителями признаков кольцевой деформации.

Многие черепа из Кенкольского курганного могильника I–III вв., расположенного в долине р. Талас, также были подвергнуты кольцевой деформации. Они отнесены к типу Среднеазиатского междуречья с примесью монголоидных черт в большей степени, чем ранние усунь [Retzius, 1918; Гинзбург, Жиров, 1949; Миклашевская, 1964]. Те же морфологические особенности характерны и для усуньских популяций из курганов Каракол и Чилпек на юго-восточном побережье Иссык-Куля [Дебец, 1948].

Ранние племена Таласской долины (III в. до н.э. — рубеж эр) из Котурсая, Четинди и Желедобо обладают европеоидным комплексом признаков с незначительной монголоидной примесью. Более монголоидной оказалась поздняя таласская группа (I–IV вв.) из курганов Джоонтобо, Чеш-Тюбе, что проявляется в увеличении ширины лица и его уплощенности, уменьшении угла выступления носа [Миклашевская, 1964].

К проблеме формирования антропологического состава киргизов...

Сравнительный анализ усуньских краниологических серий (III в. до н.э. — VI в.) с синхронными сериями выявил следующую картину (рис. 2).

Рис. 2. Межгрупповой анализ мужских серий Кыргызстана усуньского времени и сравнительные данные: 1 — Кетмень-Тюбе (I в. до н.э. — V в. н.э.) (Тянь-Шань); 2 — Кенкол (I–III вв.) (Талас); 3 — Каракол и Чилпек (I в. до н.э. — I в. н.э.); 4 — Джоонтобо — Чеш-Тюбе (I–V вв.); 5 — Джалпак-Дюбе — Туюк (I–IV вв.) (Алай); 6 — усунь Кыргызстана (сум.) (II в. до н.э. — V в.); 7 — Поздний Тулхар (сум.) (I в. до н.э. — I в. н.э.); 8 — Аруктау (II в. до н.э. — I в. н.э.); 9 — Джузкудук (Центр. Кызылкумы) (рубеж эр — I в. н.э.); 10 — Косасар 2 (сум.) (II в. до н.э. — I в. н.э.); 11 — Тумек-Кичиджик (I в. до н.э. — II в. н.э.); 12 — Ташкент. оазис (Каунчи I) (II в. до н.э. — I в. н.э.); 13 — Ташкент. оазис (Каунчи II) (II — нач. IV в.); 14 — Ташкент. оазис (Каунчи III) (IV–VI вв.); 15 — Алтынасар 4 (сум.) (V в. до н.э. — VII в. н.э.); 16 — Косасар 3 (сум.) (II–IV вв.); 17 — Томпакасар (сум.); 18 — Борижары (III–IV вв.); 19 — Гурмирон (перв. вв.); 20 — Обишир (II–III вв.); 21 — Тузгыр (I–IV вв.); 22 — Дуана (Устюрт) (II–IV вв.); 23 — сарматы Поволжья (недеформ. черепа) (втор. пол. II — IV в.); 24 — сарматы Поволжья (деформ. черепа) (втор. пол. II — III в.); 25 — Покровка 10 (втор. пол. II — III в.); 26 — сарматы Зап. Казахстана (V в. до н.э. — III в. н.э.); 27 — Монголия (III в. до н.э. — I в. н.э.).

Население Кыргызстана, оставившее могильники Кетмень-Тюбе, Кенкол, Каракол и Чилпек, Джоонтобо, Чеш-Тюбе, Джалпак-Дюбе, Туюк, будучи европеоидно-монголоидного облика, оказалось морфологически близким к ряду племен Средней Азии и Казахстана. Это подтверждают материалы, относящиеся к сериям из Центральных Кызылкумов (Джузкудук), Присарыкамья (Тумек-Кичиджик), Древнеташкентского оазиса (каунчинская культура), Южного Казахстана (Борижары), северной Ферганы (Гурмирон) и к сарматским сериям Западного Казахстана. В то же время серии из Каракола, Чилпека, Джоонтобо и Чеш-Тюбе характеризуются монголоидными признаками в большей степени, чем серии из Кенкола, Джалпак-Дюбе и Туюка. Серии усуньского времени с наличием монголоидных черт оказались удаленными от более европеоидных джетыясарских, каунчинских (Каунчи III) и сарматских серий.

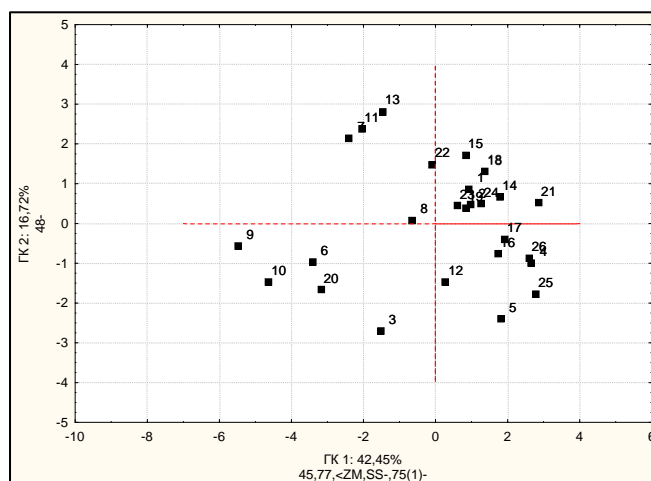
Раннесредневековое население Кыргызстана, судя по материалам из могильников Алайской, Таласской и Чуйской долин, крайне смешанное и морфологически более разнообразное. Межгрупповой анализ этих серий и материалов Средней Азии (Ферганская долина, Хорезмский оазис, средний Зарафшан), а также Казахстана, Алтая, Тувы, Монголии, Прибайкалья, Хакасии и Дальнего Востока выявил разнонаправленные генетические связи (рис. 3).

Раннесредневековые палеопопуляции Алайской, Таласской и Чуйской долин, судя по материалам из могильников Кургак — Карабейт, Беш-Каракичи — Таш-Башат, близки к племенам Горного Алтая, «енисейским» киргизам тюркского времени из Хакасии, племенам северного Казахстана и Монголии.

Напротив, другие популяции из Алайской (Куяльда) и Чуйской (Ак-Бешим) долин оказались ближе к населению Приаралья (Куюк-Кала), тюркского времени Казахстана, Прииртышья, Сибири и Дальнего Востока. К ним относятся уйгуры Тувы, тюрки Тувы (Чааты) и Кузнецкой котловины (Ур-Бедари), Предгорного Алтая, население тюркского времени Дальнего Востока и Монголии. Однако и те, и другие группы сильно отличаются от популяций из Хорезма, Согда, Ферганской долины и Уструшаны.

Высказывалось предположение, что в раннем средневековье, в отличие от предыдущих периодов, кардинальным образом меняются направления этнических и расовых связей между

востоком и западом Средней Азии [Ходжайов, 1981]. Далее оно было подтверждено в работе, посвященной изучению географической изменчивости признаков и комплексов в Средней Азии [Ходжайов, 1987]. Выявлено, что в эту эпоху ряд важных морфологических признаков подвергался направленному географическому распределению. На северо-востоке концентрировались брахикранные группы с небольшими размерами длины и ширины черепа, широким и высоким слабо профилированным лицом, средне- или слабо выступающим носом. Весь перечисленный комплекс признаков определяет их принадлежность к южно-сибирскому антропологическому типу.

Рис. 3. Межгрупповой анализ мужских серий Кыргызстана эпохи раннего средневековья и сравнительные данные:

- 1 — Куяльда (Алай) (V–VIII вв.); 2 — Ак-Бешим (Чу) (V–VI вв.); 3 — Тик-Турмас возле Джамбула (VII–VIII вв.); 4 — Кургак — Карабит (Алай) (VI в.); 5 — Беш-Каракчи — Таш-Башат (Талас, Чу) (VII–VIII вв.); 6 — Ток-Кала (сум.) (VII–VIII вв.); 7 — Кубатау (VI–VIII вв.); 8 — Куюк-Кала (сум.) (VI–VIII вв.); 9 — Дашти Урдакон (VII–VIII вв.); 10 — Миздахкан (VII–VIII вв.); 11 — Шахристан II (Каахка) (VII–IX вв.); 12 — Кусханатау (VII–VIII вв.); 13 — Пап (сум.) (V–VII вв.), 14 — Ур-Бедари (Кузнецкая котл.) (VIII–X вв.); 15 — Предгорн. Алтай (VII–X вв.); 16 — Горн. Алтай (VI–X вв.); 17 — енисейские кыргызы (Хакасия) (тюркское время); 18 — Тува (тюркское время); 19 — Чааты (Тува, уйгуры?) (VIII–X вв.); 20 — Улан-Бор (Прибайкалье) (VIII–X вв.); 21 — Дальний Восток (мохэ) (III–IX вв.); 22 — Семиречье (Алматинская обл.) (VI–VIII вв.); 23 — Семиречье (Алматинская обл.) (VI–VIII вв.); 24 — Прииртышье (Павлодар. обл.) (VII–XII вв.); 25 — Сев. Казахстан (Кустанай) (VIII–X вв.); 26 — Монголия (ран. среднев.).

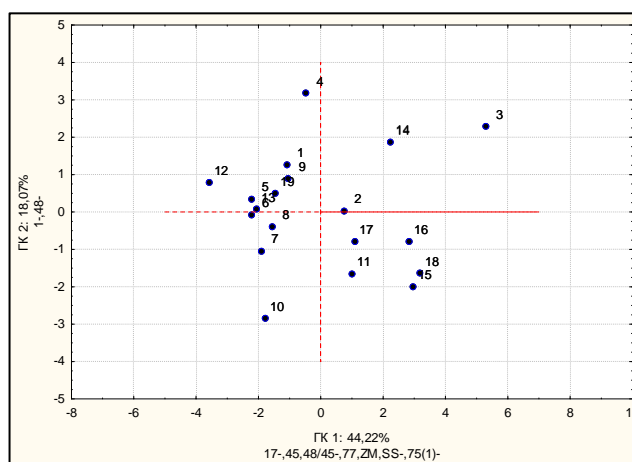
Развитое средневековье представлено тремя краниологическими сериями IX–XII вв., полученными из могильников Таласской (Бейшеке), Чуйской (Тегирмен-Сай) долин и южного Прииссыккуля (Кан-Дюбе). Население Бейшеке европеоидное, с небольшой примесью монголоидных элементов. По степени выраженности монголоидных особенностей оно занимает промежуточное положение между современными узбеками и ранними тюрками Казахстана [Ходжайов, 1975, 1976]. Также европеоидным, но со значительной примесью монголоидных черт является население, оставившее могильник Кан-Дюбе [Ходжайов, 1975, 1976]. Материалы IX–XI вв. из могильника Тегирмен-Сай, изученные Н.Н. Миклашевской [1964], показали, что захоронения оставлены носителями центрально-азиатской расы.

Эпоха позднего средневековья представлена двумя краниологическими сериями: из несторианских погребений недалеко от г. Бишкека и из мусульманского кладбища Красная Речка караханидского времени. Обе серии европеоидные, обладают комплексом признаков расы Среднеазиатского междуречья. Монголоидная примесь отсутствует. Обе серии, близкие между собой, тяготеют к ранним усуням Каракола и Чильпека. Вероятно, они оставлены согдийцами, населявшими города вдоль торгового пути между Китаем и западными странами.

Эти изучаемые киргизские палеопопуляции по морфологическому составу близки к сельскому и городскому населению Средней Азии (Фринкент, Ходжа Варух, Джанпык-Кала, Миздахкан, Кусханатау и Калмык-Крылган) и отличаются от представителей южно-сибирской расы из Казахстана, Прибайкалья, Забайкалья и Монголии. Будучи изолированными группами, они не характеризуют облик многочисленного населения Кыргызстана. Монголоидная примесь в обеих сериях отсутствует.

К проблеме формирования антропологического состава киргизов...

Ввиду малой численности серий развитого и позднего средневековья, при проведении сравнительного анализа они были объединены. Результаты сравнения этих пяти серий с синхронными сериями из Средней Азии и Казахстана, Нижнего Поволжья, Прибайкалья и Забайкалья представлены на рис. 4.

Рис. 4. Межгрупповой анализ мужских серий Кыргызстана развитого и позднего средневековья и сравнительные данные:

- 1 — Бейшеке (XII в.); 2 — Кан-Дюбе (XII в.); 3 — Тегирмен-Сай (IX–XI вв.); 4 — несториане близ Бишкека (XII–XIV вв.);
- 5 — Красная Речка (XI–XII вв.); 6 — Мерв (Султан-Кала, квартал керамистов) (XII в.); 7 — Утурлик-Тепа (XII в.);
- 8 — Каунчи (Имлак.-кавардан. комплекс) (VIII — нач. XIII в.); 9 — Миздахкан (XIII–XIV вв.); 10 — Кусханатау (XII–XIV вв.);
- 11 — Устюрт (сборн.) (X–XIII вв.); 12 — Фринкент (XIII в.); 13 — Кува (XIII в.); 14 — Калаисар (X–XII вв.);
- 15 — Центр. Казахстан (Караганд. обл.) (XIII–XV вв.); 16 — Зап.-Каз. обл. (XI–XV вв.); 17 — Зап.-Каз. обл. (Сарайчик) (XIII–XIV вв.); 18 — Прибайкалье (Усть-Талькин) (XII–XIV вв.); 19 — Прибайкалье (Уланбор) (VIII–IX вв.).

Обнаружена близость палеопопуляции из Бейшеке со средневековыми жителями Хорезма (Миздахкан), Мерва (квартал керамистов), Согда (Фринкент), средней Сырдарьи (Утурликтепа), Древнеташкентского оазиса (каунчинская культура), Уструшаны (Хоняйлов, Мечетли) и Ферганы (Кува). Выявлено значительное сходство ее также с согдийской серией из Уланбора (Прибайкалье, развитое средневековье) и двумя позднесредневековыми из Кыргызстана. Серия из Кан-Дюбе имеет аналогию с характеризующимися монголоидными чертами сериями Устюрта, Западного и Центрального Казахстана, Прибайкалья.

Серия из Тегирмен-Сая, обладающая ярко выраженными монголоидными особенностями, не имеет аналогий среди изученных трех серий. На определенном расстоянии от нее находится только серия из Калаисара (Уструшана). Серия из Тегирмен-Сая отличается от нее низким сводом черепа, ультрабрахикранией, очень широким, зуриопрозопом слабо профилированным лицом.

Многочисленные антропологические и археологические сведения свидетельствуют о неоднократном продвижении в развитом и позднем средневековье племен из северо-восточных областей Средней Азии. Антропологические данные позволяют говорить о нескольких «маршрутах» такого переселения, особенно в эпоху развитого средневековья. Автором работы отмечается миграция племен из Кыргызстана и сопредельных областей в северную Фергану (Чартак), Восточную (Хоняйлов) и Западную Уструшану (Джизак), Центральный (Кулагай-Тепа) и Южный (Алтын-Тепа, Сигир-Тепа) Согд и далее — в Мерв (Султан-Кала). Это движение однородного большого массива населения, имевшего смешанный европеоидно-монголоидный облик. Антропологический материал из могильников, расположенных на этом пути, показывает постепенное нарастание и концентрацию черт восточных антропологических комплексов с востока на запад [Ходжайов, 1987; Аскарлов и др., 1990].

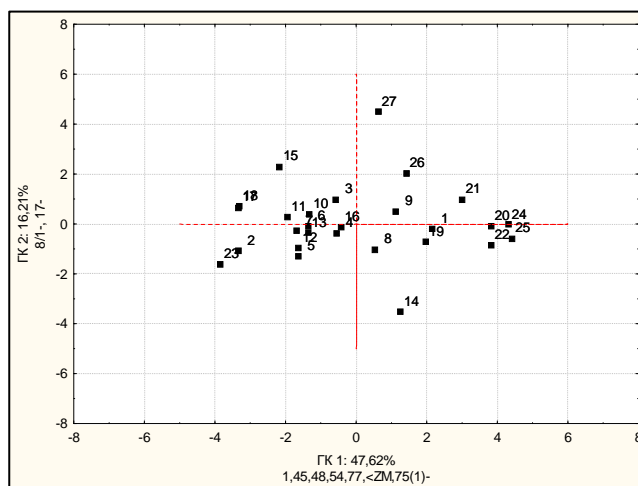
Как было отмечено выше, с эпохи раннего средневековья наблюдается продвижение согдийских и тюрко-согдийских групп на восток по трансзиатскому торговому пути, что доказано наличием в восточных районах Средней Азии погребальных памятников, оставленных ими. Согдийские культурные традиции ощущаются в Семиречье, Чаче, Уструшане, Таласской, Алайской и Чуйской долинах. Следы такой миграции обнаружены в Прибайкалье, в долине р. Унга. Об этом свидетельствуют данные, полученные при изучении черепов из захоронений на городище Улан-Бор, определенных как типичные европеоидные с чертами расы Среднеазиатского меж-

дуречья [Гохман, 1968]. Они имеют близкие аналогии с несторианскими черепами Семиречья и многими сериями Хорезма, Согда, Уструшаны эпохи позднего средневековья.

Представительный краниологический материал, по которому можно судить о морфологическом облике современного киргизского населения, был собран в 1954 г. из заброшенных кладбищ XVIII–XIX вв., принадлежащих населению Ак-Бешима Чуйской, Больших Урюкты Иссык-Кульской и Куланака Тянь-Шаньской области. Черепа отличаются высоким, широким, довольно плоским и ортогнатным лицом, низким переносьем и малым углом выступления носа, средневысокими и широкими орбитами, средним размером продольного и большим размером поперечного диаметров черепной коробки, со слабой степенью выраженности рельефа. По основным расово-диагностическим признакам они принадлежат представителям южно-сибирской расы, что подтверждается ранее высказанным предположением, сделанным на основе результатов соматологических исследований [Миклашевская, 1959в]. Наличие элементов центрально-азиатской расы в составе киргизов бесспорно.

Для сравнения с киргизами нами были использованы близкие к современности краниологические серии, принадлежавшие представителям нескольких рас: Среднеазиатского междуречья (узбеки), закаспийской (туркмены), переднеазиатской (армяне), южно-сибирской (казахи, киргизы, тувинцы), центрально-азиатской (калмыки, монголы) и уральской (ханты, манси) (рис. 5).

Рис.5. Межгрупповой анализ мужских серий Кыргызстана близкой к современности эпохи и сравнительные данные:

- 1 — киргизы; 2 — узбеки Сурхандарьи (Талашкан); 3 — узбеки Сурхандарьи (Старый Термез, каравансарай); 4 — узбеки Намангана (Пап); 5 — узбеки Каракалпакстана (Беруни, Шейх Аббас Али); 6 — узбеки Каракалпакстана (Ходжейли, Миздахкан); 7 — узбеки Самаркандской обл. (Ургут, Каратела); 8 — узбеки Самаркандской обл. (Нурата, Даринсай); 9 — узбеки Коканда (Акмазар); 10 — Самарканд (Афрасиаб); 11 — узбеки Самаркандской обл. (Пайарык, Сагинштепа); 12 — узбеки Ташкента (Шейхантаур); 13 — узбеки окрестностей Ташкента (Бозсу); 14 — узбеки Бухарской обл. (Шебурганата); 15 — туркмены (Мары); 16 — Зап. Памир (Шугнан-Шахдара); 17 — Зап. Памир (Ишкашим); 18 — Зап. Памир (сум.); 19 — казахи; 20 — тувинцы; 21 — калмыки; 22 — монголы; 23 — армяне; 24 — якуты; 25 — буряты забайкальские; 26 — ханты; 27 — манси.

Киргизы располагаются в зоне смешанных популяций, обладающих европеоидно-монголоидными морфологическими особенностями. К ним приближаются отдельные группы узбеков: из Ферганской (Коканд-Акмазар) и Бухарской (Шебурганата) областей, а также сборная серия казахов из различных областей Казахстана. Довольно значительно сходство также с группами, имеющими более ярко выраженные монголоидные особенности и принадлежащими к центрально-азиатской расе (тувинцы, калмыки и монголы).

Часть киргизских популяций обнаруживает сходство с менее монголоидными группами: из Самаркандской (Нурата), Наманганской (Пап) областей и Шугнан-Шахдара (Памир). Последняя серия принадлежит популяции, образовавшейся в результате смешанных браков памирцев и киргизов. Они далеки от городских и сельских групп как европеоидных, так и с небольшой монголоидной примесью.

К проблеме формирования антропологического состава киргизов...

Изучение динамики основных признаков и указателей на протяжении двух с половиной тысячелетий показало разнонаправленные изменения морфологического облика населения Кыргызстана [Ходжайов, Ходжайова, 2015]. Так, будучи мезобрахикранным в сако-усуньское время, оно постепенно становится брахикранным уже в средневековье, особенно позднем, и остается таковым до современности. Высота головы постепенно уменьшается от сако-усуньского времени до современности. Наибольшие изменения приходятся на раннее средневековье. За весь изучаемый период высота лица возрастает, а величина указателя в целом остается постоянной при резких колебаниях в разные периоды.

Выявлено эпохальное увеличение горизонтальной профилировки лица вплоть до раннего средневековья, дальнейшее понижение до позднего. Величины угла выступания носа обнаруживают изменения, находящиеся в пределах европеоидных значений до позднего средневековья. Однако в последний период величины его сильно уменьшаются, находясь в пределах монголоидных значений.

Интегрирующий показатель уплощенности лицевого скелета и костного носа (УЛС) [Дебец, 1968] остается без изменений до развитого средневековья, резко уменьшается в позднем и также резко увеличивается к современности, достигая максимальных значений в среднеазиатском масштабе.

В целом при рассмотрении динамики вышеперечисленных признаков выявляются периоды со значительными колебаниями: раннее средневековье (в большей степени), позднее и период, близкий к современности. Вероятно, такие значительные изменения связаны с историческими, этническими и миграционными процессами, происходившими на территории Кыргызстана.

Морфологический облик современных киргизов можно охарактеризовать следующим образом. Рост (длина тела) имеет средние величины, от 161 до 169 см, они коренастого телосложения. При больших размерах головы по форме ее киргизы относятся к брахикефалам. Лицо высокое и широкое со значительно выступающими скулами. Лоб большей частью широкий, среднепокатый, со средневыступающим надбровьем. Нос довольно крупный, чаще прямой, с невысоким переносьем. Пигментация волос и глаз в основном темная. Однако частота встречаемости индивидов с более светлой пигментацией волос и глаз колеблется от 17 до 45 % (Тянь-Шань). Монгольская складка века развита в достаточной степени. Развитие волос на теле и лице слабое.

Современные киргизы являются наиболее монголизированной частью населения Средней Азии, близкой к казахам. В морфологическом облике киргизов преобладает южно-сибирский тип. Притяньшаньский вариант его, характерный для современных киргизов, занимает промежуточное положение по степени возрастания монголоидности между казахстанским и алтае-саянским. В меньшей степени присутствуют варианты центрально-азиатской расы, а также европеоидной. Европеоидная примесь более всего выражена в составе киргизского населения Ферганской долины, в меньшей степени — Таласской, Чуйской, Алайской долин и Памира. В сложении антропологического облика современного населения также принимали участие различные варианты европеоидной расы [Ходжайов, Ходжайова, 2001]. Наиболее монголоидными по типу являются киргизы Иссыккуля.

Результаты межгруппового анализа всех киргизских групп позволяют подчеркнуть, что основной комплекс признаков, характерный для киргизов, фиксируется в тюркскую (VI–VIII вв.) и караханидскую (IX–XII вв.) эпохи. Местом формирования можно считать территорию Алайской, Таласской, Чуйской долин и южное Прииссыккулье. Об этом свидетельствуют материалы из курганных могильников Кургак и Карабит Алайской, Беш-Каракчи Таласской и Таш-Башат Чуйской долин. К этой же группе можно отнести серию XII в. из Кан-Дюбе (древний Тон) (южное Прииссыккулье).

На более ранних этапах в этом процессе принимали участие племена саков и ранние усуни Тянь-Шаня. Вероятно, роль других групп саков, равно как и согдийцев, в формировании антропологических особенностей киргизов была небольшой. Многочисленные археологические исследования подтверждают значительность вклада Согда в материальную культуру различных регионов и областей Средней Азии [Массон, 1977].

Палеоантропологические материалы начала II тыс. н.э. не подтверждают влияния согдийских переселенцев на морфологический облик киргизов. Видимо, пришлые согдийские группы существовали достаточно изолированно, мало смешивались с местным населением, благодаря чему сохранили свои морфологические и расовые особенности.

Результаты изучения краниологических материалов VI–X вв. с территорий, расположенных восточнее Кыргызстана, подтверждают литературные данные об участии в этом процессе тюркского населения Алтая и Кузнецкой котловины, тюрков и уйгуров Тувы, тюрков Хакасии и «енисейских» киргизов тюркского времени. Серии, полученные из могильников этих регионов, характеризуются, как было отмечено выше, особенностями южно-сибирской и центрально-азиатской рас.

Таким образом, выводы следующие. Формирование антропологического состава современных киргизов, как и других народов Средней Азии, было длительным историческим процессом.

Сакские племена обладали комплексом признаков северного варианта расы Среднеазиатского междуречья. Саки Восточного Памира имели другое происхождение. Они были носителями долихоцефального южноевропеоидного средиземноморского типа.

Монголоидность в составе населения в незначительной степени проявляется уже в середине I тыс. до н.э. В усуньское время население европеоидное, но наличие в его составе монголоидной примеси не вызывает сомнений. По результатам наших исследований существовавшее ранее мнение, что у кочевников Тянь-Шаня она присутствует в большей степени, чем у остальных кочевников Средней Азии, не подтвердилось.

Средневековое население Кыргызстана оказалось крайне смешанным и морфологически более разнообразным. В нем представлены европеоидные группы, пришедшие из западных областей, основной пласт местного населения, имевшего европеоидно-монголоидный облик, и довольно монголизованные популяции. С одной стороны, обнаруживается близость его с европеоидным населением западных и центральных районов Средней Азии. С другой стороны, оно имеет аналогии с довольно монголоидными жителями Западного и Центрального Казахстана, Прибайкалья и Забайкалья.

В основном формирование антропологического облика современных киргизов происходило именно в тюркскую и караханидскую эпохи.

В составе современного населения обнаруживается большой удельный вес монголоидного комплекса, имеющего южно-сибирское (притяньшаньский вариант) и центрально-азиатское происхождение. В антропологическом составе киргизов присутствуют в небольшой степени европеоидные черты. Они значительно выражены среди киргизского населения Ферганской долины, менее — среди киргизов Таласской, Чуйской, Алайской долин и Памира. Наиболее монголоидными по типу являются киргизы районов Иссык-Куля.

Морфологический облик населения Кыргызстана претерпевал ряд разнонаправленных изменений. Значительные изменения в динамике морфологических комплексов и признаков происходили в раннем (в большей степени), позднем средневековье и в современный период и, вероятно, связаны с историческими, этническими и миграционными процессами, происходившими на территории Кыргызстана и всей Средней Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аскаргов А.А., Буряков Ю.Ф., Ходжайов Т.К. Новые археологические и антропологические материалы к этнической истории народов Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1990. Вып. I: Общие проблемы. С. 66–73.

Гинзбург В.В., Жиров Е.В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // СМАЭ. 1949. Т. X. С. 213–265.

Гинзбург В.В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии // КСИЭ. 1950. Вып. XI.

Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным // Среднеазиат. этногр. сб. 1954. (ТИЭ; Т. XXI).

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии // Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Фрунзе, 1960. Т. II. Вып. 3.

Гохман И.И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 108–126.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л., 1948. Т. IV. С. 180–181.

Дебец Г.Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. М., 1956. Т. I.

Дебец Г.Ф. Антропологический состав древнего и современного населения Киргизии // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. Фрунзе, 1959. Т. III.

К проблеме формирования антропологического состава киргизов...

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.

Зубов А.А., Ходжайов Т.К. Палеолитическая стоянка Сельгунгур: (Антропологическое исследование) // Вестн. антропологии. М., 2004. Вып. 11. С. 21–27.

Зубов А.А., Васильев С.В. Восточный центр эволюции рода Homo: Путь «навстречу восходящему солнцу» // Вестн. антропологии. М., 2013. № 4 (26). С. 32–53.

Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М. Палеолитическая стоянка Сельгунгур // Вопр. антропологии. 1988. Вып. 80. С. 38–49.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.

Массон В.М. Согдийская эпоха и культурная интеграция // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР. Душанбе, 1977. С. 6–7.

Миклашевская Н.Н. Антропологический состав киргизского народа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.

Миклашевская Н.Н. Новые палеоантропологические материалы из Кенкольского могильника // СА. 1957. № 2.

Миклашевская Н.Н. К вопросу об удельном весе центральноазиатского элемента в образовании антропологического типа киргизов // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. Фрунзе, 1959а. Т. II. С. 370–381.

Миклашевская Н.Н. Краниология киргизов // Там же. 1959б. С. 266–294.

Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Там же. 1959в.

Миклашевская Н.Н. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент, 1964. С. 67–85. (Науч. тр. Ташкент. ун-та; Вып. 235).

Ошанин Л.В. Данные о географическом распространении главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выделения основных расовых типов Средней Азии // Тр. IV Всесоюз. съезда зоологов, анатомов и гистологов. Киев, 1931. С. 323–324.

Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1–3 // Тр. САГУ. Н. С. 96–98. Ист. науки. Кн. 16–18. Ереван, 1957–1959.

Перевозчиков И.В. Антропологический тип «кенкольцев» // Вопр. антропологии. 1967. № 25. С. 130–139.

Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 21 с.

Ходжайов Т.К. Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975. С. 120–134.

Ходжайов Т.К. Материалы к антропологии средневекового населения Киргизии // Вопр. антропологии. 1976. Вып. 53. С. 168–173.

Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981. 21 с.

Ходжайов, Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья: (Антропологические исследования). Ташкент: Фан, 1987. 207 с.

Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Монголоидность у населения Средней Азии и его эпохальные изменения // Среднеазиат. этногр. сб. М.: Наука, 2001. Вып. IV. С. 35–46.

Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (35). 2008. С. 146–159.

Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Динамика основных краниометрических признаков и указателей у киргизов. Самарканд, 2015. В печати.

Ярхо А.И. Киргизы // За индустриализацию Советского Востока. М., 1934, С. 153–195.

Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки: Антропологический очерк. Абакан: Хакобллициздат, 1947. 148 с.

Retzius G. Shadelbeschreibung // Societe finnoougrienne. Travaux ethnographiques. Helsinki, 1918. VII.

Москва, ИЭА РАН
telmkas@yandex.ru

Subject to consideration being craniological materials belonging to the Kirghiz. Studying and correlation of those with synchronous series from Middle Asia, Kazakhstan, Transurals, West and East Siberia, and Mongolia showed that the formation of an anthropological look of the Kirghiz was shared by Saka and Wusun from Tianshan and Alay, tribes from Altai and Kuznetsk basin, Turki and Uigurs from Tuva, Khakassia, and also «Yenisei» Kirghiz. A basic complex of features typical for the Kirghiz was formed during Turkic and Karakhanid ages in the south Issyk Kul region, as well as in Alay, Talas and Chui valleys.

The Kirghiz, ethnoscience, craniological complex, antiquity, Middle Ages, modern age.

КРАНИОЛОГИЯ НОСИТЕЛЕЙ ВЕРХНЕОБСКОГО ВАРИАНТА КАМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ВЕРХ-СУЗУН-5

М.С. Кишкурно, А.В. Зубова

Вводится в научный оборот краниологическая серия из могильника Верх-Сузун-5 и рассматриваются ее морфологические особенности в сравнении с населением южной части Западно-Сибирской равнины и Алтае-Саянского нагорья эпохи раннего железа. Серия неоднородна. В ее составе можно выделить компонент монголоидного происхождения с сильно уплощенным лицевым отделом черепа и комплекс, тяготеющий к европеоидным вариантам, связанным в генезисе с носителями культурных традиций андроновской общности.

Каменная культура, ранний железный век, палеоантропология, краниология, могильник Верх-Сузун-5, скифское время, Западная Сибирь.

Введение

Первоначально памятники каменной культуры Верхнего Приобья рассматривались в рамках большереченской культуры, существовавшей на территории лесостепного Приобья в раннем железном веке. Большереченская культура была выделена М.П. Грязновым в 1951 г. По его мнению, она делилась на три этапа: большереченский (VII–VI вв. до н.э.), бийский (V–III вв. до н.э.) и березовский (II–I вв. до н.э.) [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 4]. Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский указали на преемственность в развитии бийского и березовского этапов и удревнили последний до III–II вв. до н.э.

С накоплением данных ситуация несколько изменилась. В 90-х гг. XX в. была выделена каменная культура VI–I вв. до н.э. с ее верхнеобским вариантом, к которому были отнесены памятники эпохи раннего железа Новосибирского Приобья [Могильников, 1997]. Они локализируются вдоль Оби и по ее притокам приблизительно от Барнаула до устья р. Уени на севере Новосибирской области. К верхнеобскому варианту относятся могильники Ордынское-1, Новый Шарап-1, 2, Верх-Сузун-5, Здвинск-1, Осинцево-3, Быстровка-1–3 и т.д.

Антропологические материалы, характеризующие население верхнеобского варианта каменной культуры, впервые исследовались в начале 1970-х гг. В.А. Дремовым. Он изучил материалы из могильников Новый Шарап-1, 2 и Ордынское-1 и пришел к выводу, что серия включает и европеоидный, и монголоидный компоненты и представляет собой смешанную группу. Истоки европеоидного компонента он видел в местном древнем населении палеоевропейского типа, а происхождение монголоидного связывал как с низколицыми монголоидами таежной зоны Западной Сибири эпохи неолита, так и с монголоидами центрально-азиатского происхождения I тыс. до н.э. [Дремов, 1970]. Работу продолжил А.Н. Багашев, который исследовал краниологический материал из курганных могильников Осинцево-3 и Здвинск-1, 2. По его мнению, европеоидный вариант в составе каменного населения обладает сходством с широколицым компонентом, прослеженным в составе саргатских популяций [Багашев, 2000, с. 89].

К изученному В.А. Дремовым и А.Н. Багашевым материалу добавила результаты измерения черепов, хранящихся в коллекциях КА ТГУ, из могильников Милованово-8 (4 черепа) и «26 июня» (2 черепа), Быстровка-1 (21 череп), Быстровка-3 (19 черепов) М.П. Рыкун [2013]. На основании этих данных она пришла к выводу, что преобладающим в среде носителей каменных традиций является европеоидный компонент, а монголоидный представлен двумя вариантами: «один с невысокой мезобрахикранный мозговой коробкой и широким и низким лицом; другой имеет высокий череп с крупными размерами лицевого скелета, крупными орбитами и широким носом» [Рыкун, 2013, с. 63].

Всего на территории Новосибирского Приобья на данный момент изучено 67 черепов из восьми могильников (Новый Шарап-1, 2, Ордынское-1, Осинцево-3, Здвинск-1, 2, Милованово-8, «26 июня»). Целью данной работы является анализ морфологических особенностей краниологической серии каменной культуры из могильника Верх-Сузун-5, позволивший более объектив-

Краниология носителей верхнеобского варианта каменной культуры...

но охарактеризовать антропологический состав носителей верхнеобского варианта каменной культуры.

Материалы и методы

Могильник Верх-Сузун-5, открытый В.И. Молодиным в 1980-х гг., находится в Сузунском районе Новосибирской области. Его раскопки проводились в 2000, 2001 гг. экспедицией НОКМ под руководством Т.А. Журбы. Он состоит из семи курганных насыпей, расположенных в 4,5 км к юго-западу от д. Верхний Сузун. Из них были раскопаны две — курганы № 1 и 4. В материалах могильника выделяется две группы захоронений. Первая, представленная материалами захоронений кургана № 1 и погребений № 4–8, 23 кургана № 4, датируется IV–II вв. до н.э. Вторая, в состав которой входят погребения № 9–22, 24 в северной части насыпи кургана № 4, относительно более поздняя. Предположительно в ее составе прослеживаются инокультурные влияния, определить происхождение которых затруднительно [Колонцов, 2002, с. 25].

Суммарная серия из этого памятника составляет 25 черепов. Из них 9 принадлежат детям, 7 — мужчинам, 4 — женщинам, 5 черепов представлены фрагментарно, что не дает возможности точно определить пол погребенного. Для краниометрического анализа было использовано 11 черепов взрослых индивидов. Они были измерены по стандартной краниометрической программе В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964], полученные средние характеристики сопоставлены с краниологическими сериями эпохи бронзы и раннего железного века с помощью методов многомерного статистического анализа, отдельно по полу. Межгрупповое сопоставление выполнялось при помощи программы Statistica for Windows version 6.0 методом главных компонент. Статистическое сопоставление проводилось на основании 22 линейных и угловых размеров. В их число вошли: продольный диаметр черепа (1), поперечный диаметр черепа (8), высотный диаметр черепа от базиса (17), длина основания черепа (5), наименьшая ширина лба (9), длина основания лица (40), скуловой диаметр лицевого скелета (45), верхняя высота лица (48), ширина орбиты от mf (51), высота орбиты (52), ширина носа (54), высота носа (55), дакриальная высота (DS), дакриальная ширина (DC), симотическая высота (SS), симотическая ширина (SC), угол профиля лба от назиона (32), назомалярный угол (77), зигомаксиллярный угол (zm), общий лицевой угол (72), угол выступания носа (75.1).

В качестве материала для сравнительного анализа (табл. 1) использовались краниологические серии саргатской культуры Барабинской лесостепи, Притоболья, Прииртышья и Приишимья, гороховской, кашинской, новочекинской, кулайской, каменной культур. С территории Тувы были привлечены серии алды-бельской и уюкско-саглынской культуры, с территории Горного Алтая — пазырыкской и каракобинской культуры. Помимо этого, чтобы проследить генезис морфологического типа населения, оставившего могильник Верх-Сузун-5, мы обратились к материалам бронзового века (табл. 1).

Таблица 1

Краниологические материалы, использованные для сравнительного анализа

№	Культура	Датировка	Источник
1	Каменная культура (Масляха-1)	III — начало I в. до н.э.	Рыкун, 2013
2	Каменная культура (Новотроицкое-1)	IV–II вв. до н.э.	»
3	Каменная культура (Камень-2)	V–III вв. до н.э.	»
4	Каменная культура (Рогозиха-1)	VI–III вв. до н.э.	»
5	Каменная культура (Новотроицкое-2)	IV–II вв. до н.э.	»
6	Каменная культура (Раздумье-2, 4, 6)	III–I вв. до н.э.	»
7	Каменная культура (Новоалтайский могильник)	III–I вв. до н.э.	»
8	Каменная культура Верх-Сузун-5		Неопубликованные данные М.С. Кишкурно
9	Каменная культура (Новый-Шарап-1)	V–IV вв. до н.э.	Рыкун, 2013
10	Каменная культура (Быстровка-1)	III–II вв. до н.э.	Рыкун, 2013; неопубликованные данные М.С. Кишкурно
11	Каменная культура (Быстровка-2)	Конец I тыс. до н.э.	Неопубликованные данные М.С. Кишкурно
12	Каменная культура (Быстровка-3)	Не ранее II в. до н.э.	»
13	Каменная культура (Новый-Шарап-2)	IV–III вв. до н.э.	Рыкун, 2013
14	Каменная культура (Милованово-2)	V–IV вв. до н.э.	»
15	Каменная культура (Милованово-8)	II–I вв. до н.э.	»

№	Культура	Датировка	Источник
16	Алды-бельская культура (Аржан-2)	VII в. до н.э.	Чикишева, 2012
17	Алды-бельская культура (Копто)	V–IV вв. до н.э.	»
18	Уюкско-саглынская культура (Догээ-Баары II)	VI–IV вв. до н.э.	»
19	Гунно-сарматское время Тувы (Догээ-Баары-2)		
20	Тагарская культура	VIII–III вв. до н.э.	Козинцев, 1977
21	Тагаро-таштыкский переходный этап	Рубеж эр	Алексеев, Гохман, 1984
22	Гороховская культура	V–II–I вв. до н.э.	Багашев, 2000
23	Кашинская культура	VI–V вв. до н.э.	»
24?	Саргатская культура Притобольша	V–II вв. до н.э.	»
25	Саргатская культура Приишимья	V–IV вв. до н.э.	»
26	Саргатская культура Прииртышья	VI–V вв. до н.э. — III–IV вв. н.э.	»
27	Саргатская культура Барабинской лесостепи	V–III вв. до н.э.	»
28	Пазырыкская культура (долина р. Уландрык)	V–III вв. до н.э.	Чикишева, 2012
29	Пазырыкская культура (долина р. Юстыд)	V–III вв. до н.э.	»
30	Пазырыкская культура (долина рек Барбургазы и Бугузун)	V–III вв. до н.э.	»
31	Пазырыкская культура (плато Укок)	I в. до н.э. — III–IV вв. н.э.	»
32	Пазырыкская культура (долина среднего течения р. Чуи)	V–III вв. до н.э.	»
33	Пазырыкская культура (долина р. Урсул и среднего течения р. Катунь)	V–III вв. до н.э.	»
34	Каракобинская культура	V–III вв. до н.э.	»
35	Новочекинская культура	V–III вв. до н.э.	Багашев, 2000
36	Новосибирский вариант кулайской культуры	IV–III вв. до н.э.	»
37	Федоровская культура (Барабинская лесостепь)	Середина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
38	Федоровская культура. Восточные районы Верхнего Приобья	Середина II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
39	Федоровская культура Западные районы Верхнего Приобья	Середина II тыс. до н.э.	»
40	Федоровская культура (Минусинская котловина)	Середина II тыс. до н.э.	»
41	Черноозерско-томский вариант андроновской культурно-исторической общности (Томское Приобье)	Первая половина — середина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
42	Черноозерско-томский вариант андроновской культурно-исторической общности (Черноозерье-1)	Первая половина — середина II тыс. до н.э.	»
43	Ирменская культура (Верхнее Приобье)	XIII–IX вв. до н. э.	Чикишева, 2012
44	Ирменская культура (Томское Приобье)	XIII–IX вв. до н. э.	»
45	Ирменская культура (Барабинская лесостепь)	XIII–IX вв. до н. э.	»
46	Еловская культура	Конец II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
47	Усть-тартасская культура	V–IV — первая по- ловина III тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
48	Одиновская культура	Первая половина III тыс. до н.э.	»
49	Кротовская культура (классический этап)	Конец III тыс. — начало II тыс. до н.э.	»
50	Кротовская культура (поздний этап)	Первая половина II тыс. до н.э.	»
51	Алакульская культура (Северного, Центрального и Восточного Казахстана)	Середина II тыс. до н.э.	Гинзбург, Трофимова, 1972
52	Алакульская культура (Западный Казахстан, Тасты-Бутак-1)	Середина II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
53	Алакульская культура (Западный Казахстан, Хабарное)	Середина II тыс. до н.э.	»
54	Окуневская культура	Конец III — первая половина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
55	Каракольская культура	II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
56	Каменская культура (Елунино-1)	V–III вв. до н.э.	Рыкун, 2013
57	Федоровская культура Восточного, Северного и Центрального Казахстана	Середина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
58	Федоровская культура (южные районы Верхнего Приобья)	Середина II тыс. до н.э.	»

Краниология носителей верхнеобского варианта каменной культуры...

Малочисленность серии обусловила применение к анализу ее состава не только методов многомерной статистики, но и индивидуально-типологического подхода, позволяющего выявить важные для реконструкции генезиса популяции комбинации краниологических признаков.

Морфологическая характеристика серии из могильника Верх-Сузун-5

Мужские черепа из могильника Верх-Сузун-5 (табл. 2) при рассмотрении в вертикальной норме имели преимущественно овоидную форму.

Таблица 2

**Средние краниологические характеристики черепов из могильника Верх-Сузун-5
(*n* — число наблюдений, *x* — значение признака)**

	Мужчины			Женщины		
	<i>n</i>	<i>x</i>	min-max	<i>n</i>	<i>x</i>	min-max
1. Продольный диаметр	3	177,33	157–190	5	173,2	165–182
8. Поперечный диаметр	3	137,50	135–140	5	136,8	130–146
17. Высотный диаметр от basion	2	130,50	130–131	4	129,25	124–136
5. Длина основания черепа	3	104,00	104	4	100	96–104
9. Наименьшая ширина лба	4	95,50	87–101	5	93,4	89–98
40. Длина основания лица	1	109,00	109	4	99	94–103
45. Скуловой диаметр	3	131,00	131	4	130,5	126–135
48. Верхняя высота лица	3	66,00	64–69	5	67,2	64–71
51. Ширина орбиты от mf.	3	42,40	40,9–44,1	5	42,28	39,4–45,7
52. Высота орбиты	3	30,27	28,1–32,4	5	32,64	30,1–35,2
54. Ширина носа	3	24,97	23,3–26,3	5	24,3	23,2–25,3
55. Высота носа	3	47,77	46,8–48,3	5	48,82	46,2–52,3
DS. Дакриальная высота	1	11,10	11,1	5	11,78	10,1–13,4
DC. Дакриальная ширина	1	24,90	24,9	5	20,06	19,1–21,1
SS. Симотическая выюста	3	3,63	2,5–5,3	5	4,08	2,6–6,2
SC. Симотическая ширина	3	10,03	8,3–12	5	9,6	8,2–11,3
32. Угол профиля лба от nasion	2	85,00	84–86	5	80,4	77–83
77. Назомалярный угол	3	152,17	147–156,3	5	143,66	138,6–147,9
zm. Зигомаксиллярный угол	2	142,75	137,8–147,7	5	141,08	128,7–154,3
72. Общий лицевой угол	2	81,25	79–83,5	5	84,6	78–89
75(1). Угол выступания носа	1	26,00	26	5	22,8	18–29

Череп не отличался массивностью, рельеф в местах прикрепления мышц также был развит умеренно. Сосцевидные отростки в серии, как правило, слабо развиты и направлены вперед. Суммарно серия характеризуется мезокранием, приближающейся к долихокрании (черепной указатель 75,4), низкой черепной коробкой. Значение затылочно-теменного индекса (92,4) ближе к европеоидным группам. Вертикальный фациоцеребральный (49,4) указатель ближе к значениям, характерным для монголоидов. Горизонтальный фациоцеребральный указатель (96,2) вписывается в средние размеры, располагаясь на границе европеоидных и монголоидных значений.

Рельеф надбровья развит средне. Глабелла не имеет сильно выраженного перегиба в области офриона. Лобная кость очень широкая, слабо изогнутая, наклонная. Лицо широкое, низкое, сильно уплощенное в горизонтальном плане, прогнатное. Грушевидное отверстие имеет острую форму. Глазницы населения, оставившего могильник Верх-Сузун-5, отличаются средней шириной и малой высотой. Форма орбит подквадратная. Нос невысокий, узкий, хамеринный, нижний край имеет острую форму, угол выступания носовых косточек над линией вертикального профиля лица средний. По симотическому указателю переносье имеет средние размеры, по дакриальному — малые. Глубина клыковой ямки очень маленькая (2,5). Скуловой указатель (21,7) соответствует характеристикам монголоидных групп (> 20).

Нижние челюсти имеют небольшую мышцелковую ширину, среднюю переднюю ширину и малую угловую. Выделяется череп из погребения № 6 кургана № 1. Его нижняя челюсть имеет очень большую мышцелковую, переднюю и угловую ширину. Восходящая ветвь нижней челюсти средневысокая и узкая у всех погребенных.

Женские черепа из могильника Верх-Сузун-5 (табл. 2) при рассмотрении в вертикальной норме имели также преимущественно овоидную форму. Череп не массивные, рельеф экзокрана в местах прикрепления мышц развит слабо. Сосцевидные отростки развиты слабо, направлены вперед. В среднем серия характеризовалась мезобрахикранием (значение черепного указателя 79,6), низкой черепной коробкой, слабонаклонным, среднешироким лбом. Затылочно-

теменной индекс у женских черепов равен 97,4 и попадает в категорию показателей, свойственных смешанным группам. Значение горизонтального фациocereбрального указателя (45:8) типично для европеоидов (95,6). При этом сочетание малой высоты лица со средневысокой черепной коробкой дает значение вертикального фациocereбрального указателя (48:17), соответствующее монголоидным типам (51,9). Лицо в серии мезогнатное. Орбиты низкие, среднеширокие. Нос высокий, среднеширокий, мезоринный. Носовые косточки выступают средне. Нижний край грушевидного отверстия преимущественно острый, передненосовая ость выражена средне. Глубина клыковой ямки средняя (4). Скуловой указатель (22,0), так же как и в мужской серии, соответствует монголоидной норме (> 20). По симотическому и дакриальному указателям переносье имеет большие размеры.

Горизонтальная уплощенность лицевого скелета средняя на обоих уровнях (гомомезопрозопия).

Нижняя челюсть характеризуется большой мышечковой шириной, средним размером передней ширины и средней на границе с большой угловой шириной. Восходящая ветвь нижней челюсти средневысокая и широкая.

Визуально в серии можно выделить черепа с двумя контрастными комплексами антропологических признаков: в составе первого из них сочетаются большой продольный диаметр мозгового отдела и средняя профилированность лицевого, в составе второго — очень маленький продольный диаметр и сильно уплощенное на зигомаксиллярном и назомалярном уровне лицо. В женской части серии этот комплекс очень ярко выражен на черепах из погребений № 12 и 17 кургана № 4, среди мужчин — на черепе из погребения № 16 кургана № 4.

Результаты статистического анализа

Сравнение средних краниологических характеристик мужской части серии из могильника Верх-Сузун-5 с населением сопредельных территорий эпохи раннего железного века показало, что она заметно отличается от других групп по степени уплощенности лицевого скелета (рис. 1, табл. 3).

При сравнении с носителями других культур эпохи железа серия также не демонстрирует близкого сходства ни с одной из популяций (рис. 2, табл. 4). Однако она попадает в одну область графика с большинством серий верхнеобского варианта каменной культуры (Быстровка-1–3, Новый Шарап-1). Вообще, каменные группы присутствуют во всех четырех полях графика, однако все верхнеобские серии попадают в поле положительных координат по второму фактору, тогда как все алтайские, за исключением черепов из Новоалтайского могильника, — в поле отрицательных. При этом и те, и другие строго делятся по первому фактору на две совокупности в положительной и отрицательной областях графика, трансгрессия между которыми отсутствует.

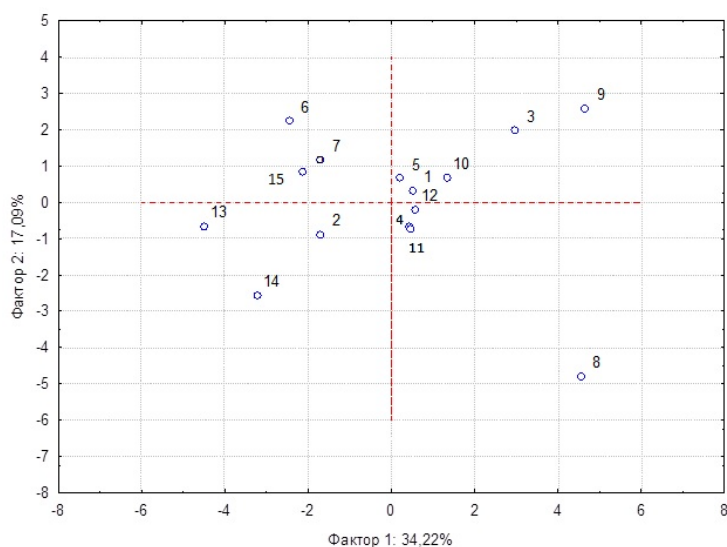

Рис. 1. Результаты сопоставления краниологических характеристик серий каменной культуры. Мужчины. Обозначения серий указаны в табл. 1.

Таблица 3

Статистические нагрузки на признаки в составе первых трех факторов.
Мужчины

Название признака	Фактор 1	Фактор 2
1. Продольный диаметр	-0,64	0,10
8. Поперечный диаметр	-0,81	0,31
17. Высотный диаметр от b.	-0,61	-0,12
5. Длина основания черепа	-0,54	-0,70
9. Наименьшая ширина лба	-0,58	-0,12
40. Длина основания лица	0,04	-0,87
45. Скуловой диаметр	-0,85	0,19
48. Верхняя высота лица	-0,83	-0,14
51. Ширина орбиты от mf.	-0,50	0,51
52. Высота орбиты	-0,68	0,13
54. Ширина носа	-0,39	0,02
55. Высота носа	-0,85	-0,20
DS. Дакриальная высота	-0,53	0,11
DC. Дакриальная ширина	-0,32	-0,75
SS. Симотическая высота	-0,56	-0,02
SC. Симотическая ширина	-0,33	-0,59
32. Угол профиля лба от nasion	0,91	-0,01
77. Назомалярный угол	0,23	-0,65
zm. Зигомаксиллярный угол	0,26	-0,42
72. Общий лицевой угол	-0,57	0,30
75(1). Угол выступания носа	0,21	0,47

В целом первый фактор в этом варианте анализа (табл. 4) разделяет все сравниваемое население эпохи раннего железа на две большие группы, в основном по степени массивности. На углы горизонтального профиля лица и выступания носа приходится лишь незначительная нагрузка (табл. 4). По координатам данного фактора серия из Верх-Сузуна-5 сближается с гунно-сарматским населением Тувы, а группы, оставившие быстровские некрополи, — с носителями каракобинской культуры Горного Алтая, уюкско-саглынской культуры Тувы и носителями новосибирского варианта кулайской культуры из могильника Каменный Мыс (рис. 2). Группы из могильников Новый Шарап-2 и Милованово-2, 3, 8 занимают противоположную позицию, максимальное сходство демонстрируя с пазырыкским населением Горного Алтая.

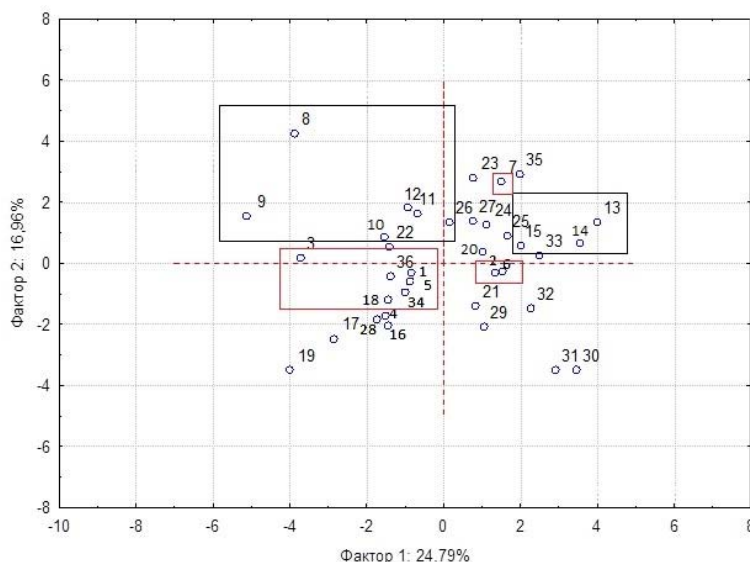

Рис. 2. Результаты сопоставления краниологических характеристик каменного населения Верхнего Приобья с группами эпохи раннего железного века. Мужчины. Обозначения серий указаны в табл. 1.

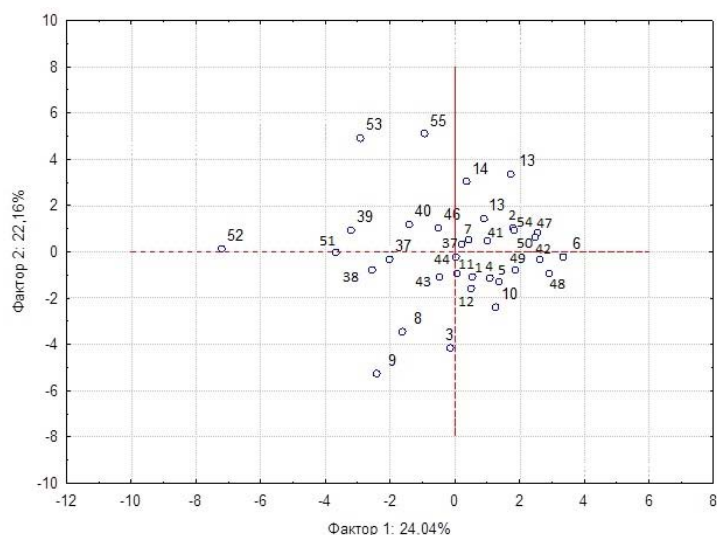
В составе второго фактора (табл. 4) принципиальное значение имеет нагрузка на общий угол профиля лица, высоту лица и высоту носа. Почти все серии алтайского варианта каменной культуры, для которых важны биологические связи с населением Тувы (уюкско-саглынская культура), Горного Алтая (каракобинская культура, пазырыкцы долин рек Уландрык, Юстыд, Чуя) и южно-таежных районов Приобья (новосибирский вариант кулайской культуры) попадают по нему в отрицательную область. Верхнеобские серии попадают в положительное поле, и для них большее значение имеют связи с населением саргатской общности и новочекинской культуры.

Таблица 4

Статистические нагрузки на признаки в составе первых трех факторов. Мужчины

Название признака	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1. Продольный диаметр	0,60	0,07	0,26
8. Поперечный диаметр	0,54	0,27	0,28
17. Высотный диаметр от b.	0,62	0,02	0,16
5. Длина основания черепа	0,66	-0,04	-0,45
9. Наименьшая ширина лба	0,61	0,47	0,05
40. Длина основания лица	0,41	0,61	-0,43
45. Скуловой диаметр	0,67	-0,01	0,34
48. Верхняя высота лица	0,63	-0,66	-0,20
51. Ширина орбиты от mf.	0,42	0,39	0,54
52. Высота орбиты	0,58	-0,48	-0,01
54. Ширина носа	0,55	0,00	-0,05
55. Высота носа	0,61	-0,64	-0,23
DS. Дакриальная высота	0,36	0,40	0,50
DC. Дакриальная ширина	0,43	0,24	-0,64
SS. Симотическая высота	0,57	0,36	0,02
SC. Симотическая ширина	0,41	0,33	-0,55
32. Угол профиля лба от nasion	-0,32	0,20	0,06
77. Назомалярный угол	-0,23	0,41	-0,26
zm. Зигомаксиллярный угол	-0,29	0,59	-0,29
72. Общий лицевой угол	0,23	-0,65	0,09
75(1). Угол выступания носа	0,21	0,47	0,19

Как видно из распределения серий на графике, составу серии из Верх-Сузуна-5 не находится близких аналогий. Для получения возможного объяснения столь резко выраженной специфики краниологические выборки верхнеобского варианта каменной культуры были сопоставлены с сериями эпохи бронзы из южных районов Западной Сибири (рис. 3, табл. 5).

Рис. 3. Результаты сопоставления краниологических характеристик населения каменной культуры с сериями эпохи бронзы Западной Сибири. Мужчины. Обозначения серий указаны в табл. 1.

Краниология носителей верхнеобского варианта каменной культуры...

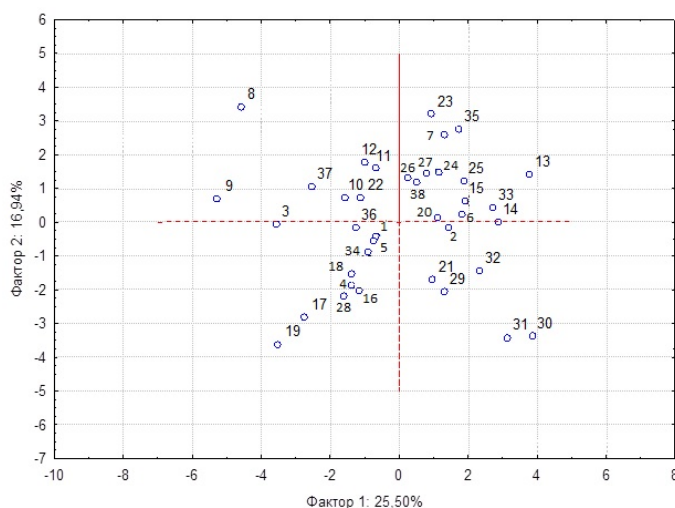
В результате было выявлено отсутствие у мужчин из могильника Верх-Сузун-5 близкого сходства и с населением предшествующих эпох. Они объединились только с двумя каменными сериями из могильников Камень-2 и Новый Шарап-1, которые расположились в отрицательном поле второго фактора. В его составе максимальные отрицательные нагрузки приходятся на размеры высотного диаметра от базиона, длины основания черепа, верхней высоты лица, высоты носа и дакриальной ширины.

Таблица 5

**Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов.
Мужчины**

Название признака	Фактор 1	Фактор 2
1. Продольный диаметр	-0,14	0,69
8. Поперечный диаметр	0,56	0,29
17. Высотный диаметр от b.	-0,26	0,71
5. Длина основания черепа	-0,27	0,78
9. Наименьшая ширина лба	0,08	0,47
40. Длина основания лица	-0,08	0,47
45. Скуловой диаметр	0,71	0,43
48. Верхняя высота лица	0,58	0,65
51. Ширина орбиты от mf.	0,72	0,04
52. Высота орбиты	0,79	0,29
54. Ширина носа	0,34	0,12
55. Высота носа	0,47	0,57
DS. Дакриальная высота	-0,48	0,39
DC. Дакриальная ширина	-0,21	0,61
SS. Симотическая высота	-0,54	0,46
SC. Симотическая ширина	-0,47	0,39
32. Угол профиля лба от nasion	-0,58	-0,47
77. Назомалярный угол	0,63	-0,35
zm. Зигомаксиллярный угол	0,40	-0,34
72. Общий лицевой угол	-0,06	0,39
75(1). Угол выступления носа	-0,75	0,08

Включение в состав сравниваемых серий характеристик монголоидных компонентов, выделенных А.Н. Багашевым в составе населения эпохи бронзы и эпохи железа [2001, табл. 6], не внесло серьезных изменений в распределение серий на графике. Низколиций компонент эпохи бронзы попал в совокупность саргатских групп, а низколиций компонент эпохи раннего железа — в совокупность серий верхнеобского варианта каменной культуры.

Рис. 4. Результаты сравнения краниологических серий раннего железного века с характеристиками монголоидных компонентов эпохи бронзы и раннего железного века. Обозначения серий № 1–36 указаны в табл. 1; 37 — низколиций монголоидный компонент эпохи раннего железного века, 38 — низколиций монголоидный компонент эпохи бронзы.

Женская серия из могильника Верх-Сузун-5 более органично вписывается в круг локальных популяций каменной культуры (рис. 5). При сравнении каменных серий методом главных компонент она объединяется с группами из Быстровки-3 и Новотроицкого-1 по координатам первого и третьего факторов (табл. 6). Дифференцирующая сила второго фактора полностью ушла на выделение из общей совокупности серии из могильников Милованово-2, 3, 8, так что он был исключен из анализа.

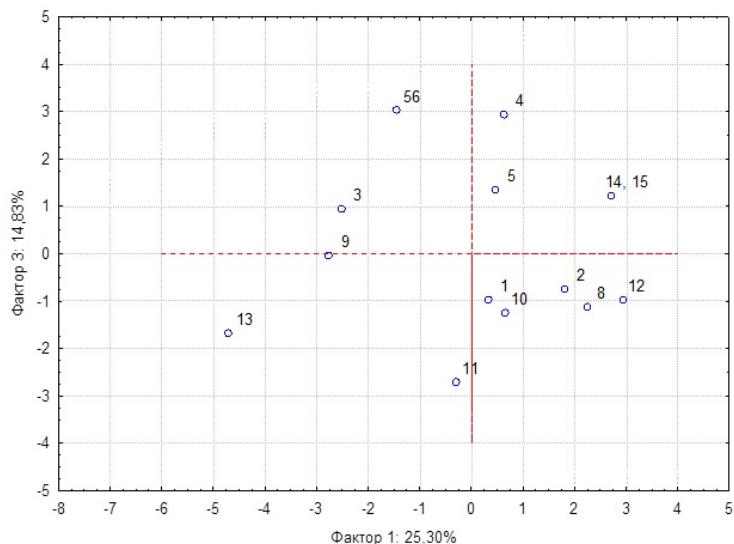

Рис. 5. Результаты сопоставления краниологических характеристик серий каменной культуры. Женщины. Обозначения серий указаны в табл. 1.

Таблица 6

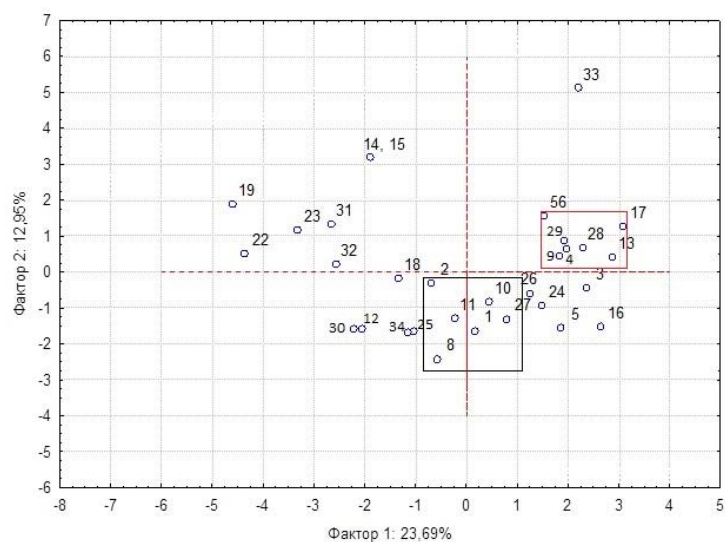
Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов. Женщины

Название признака	Фактор 1	Фактор 3
1. Продольный диаметр	0,22	-0,66
8. Поперечный диаметр	0,09	-0,10
17. Высотный диаметр от b.	0,49	0,12
5. Длина основания черепа	0,88	0,12
9. Наименьшая ширина лба	0,78	0,35
40. Длина основания лица	0,76	0,15
45. Скуловой диаметр	0,87	-0,26
48. Верхняя высота лица	0,14	-0,39
51. Ширина орбиты от mf.	0,05	-0,82
52. Высота орбиты	0,53	-0,49
54. Ширина носа	-0,10	-0,41
55. Высота носа	0,42	-0,64
DS. Дакриальная высота	0,32	-0,03
DC. Дакриальная ширина	0,63	0,39
SS. Симотическая высота	0,30	-0,09
SC. Симотическая ширина	0,44	0,06
32. Угол профиля лба от nasion	-0,27	0,48
77. Назомалярный угол	-0,70	-0,37
zm. Зигомаксиллярный угол	0,32	-0,39
72. Общий лицевой угол	-0,34	-0,27
75(1). Угол выступания носа	-0,49	-0,14

При сравнении с другими культурами эпохи железа серия попадает в одну статистическую совокупность с носителями каракобинской культуры и саргатцами Приишимья (рис. 6). Распределение женских серий скифского времени в пространстве первого фактора обусловлено, так же как и у мужчин, степенью массивности или грацильности строения черепа (табл. 7). Второй

Краниология носителей верхнеобского варианта каменной культуры...

фактор разделяет группы по степени уплощенности лицевого скелета (табл. 7). Разделение на относительно высоколицые и относительно низколицые популяции для женщин эпохи раннего железа статистически не важно. Строгого разделения верхнеобских и алтайских серий, наблюдаемой у мужчин каменной культуры, в женской группе мы не видим. Дифференциация женских групп в основном связана с различиями направлений биологических связей с носителями других культур. Для состава каждой локальной серии находятся близкие аналогии среди популяций эпохи железа Горного Алтая — пазырыкских и каракобинских (рис. 6). Серия из Нового Шарапа-2 демонстрирует сходство с носителями алды-бельской культуры Тувы из могильника Копто, группа из Новотроицкого-2 — с серией этой же культуры из могильника Аржан-2, а из Новотроицкого-1 — с уюско-саглынской серией из могильника Копто (рис. 6). Для серий из Верх-Сузуна-5, Масляхи-1, Быстровки-1 и Быстровки-2, возможно, были важны контакты с саргатским населением.

Рис. 6. Результаты сопоставления краниологических характеристик каменного населения Верхнего Приобья с группами эпохи раннего железного века. Женщины. Обозначения серий указаны в табл. 1.

Таблица 7

Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов. Женщины

Название признака	Фактор 1	Фактор 2
1. Продольный диаметр	-0,63	-0,23
8. Поперечный диаметр	-0,30	0,06
17. Высотный диаметр от b.	-0,68	0,41
5. Длина основания черепа	-0,79	-0,08
9. Наименьшая ширина лба	-0,63	0,36
40. Длина основания лица	-0,24	-0,60
45. Скуловой диаметр	-0,46	-0,57
48. Верхняя высота лица	-0,47	0,19
51. Ширина орбиты от mf.	-0,65	-0,35
52. Высота орбиты	-0,38	0,00
54. Ширина носа	-0,17	-0,35
55. Высота носа	-0,73	-0,24
DS. Дакриальная высота	-0,63	-0,21
DC. Дакриальная ширина	-0,20	0,19
SS. Симотическая высота	-0,63	0,23
SC. Симотическая ширина	-0,36	0,44
32. Угол профиля лба от nasion	-0,06	0,73
77. Назомалярный угол	0,41	-0,26
zm. Зигомаксиллярный угол	-0,09	-0,51
72. Общий лицевой угол	-0,32	0,38
75(1). Угол выступания носа	-0,41	0,08

При сравнении с населением эпохи бронзы большинство женских серий верхнеобского варианта каменной культуры демонстрирует сходство с различными группами андроновского времени. Женщины из Верх-Сузуна-5 тесно сближаются на графике с населением Томского Приобья. Группы из Милованово-2, 3, 8 и Быстровки-3 попадают в одну совокупность с федоровцами Верхнего Приобья и Казахстана (рис. 7, табл. 8). Исключение составляют серии из Быстровки-1 и Нового Шарапа-1 и 2: к первой ближе всего оказалось автохтонное население Барабинской лесостепи — носители усть-тартасской и кротовской культур, а вторые ближе к населению еловской культуры эпохи поздней бронзы, чем к андроновским популяциям.

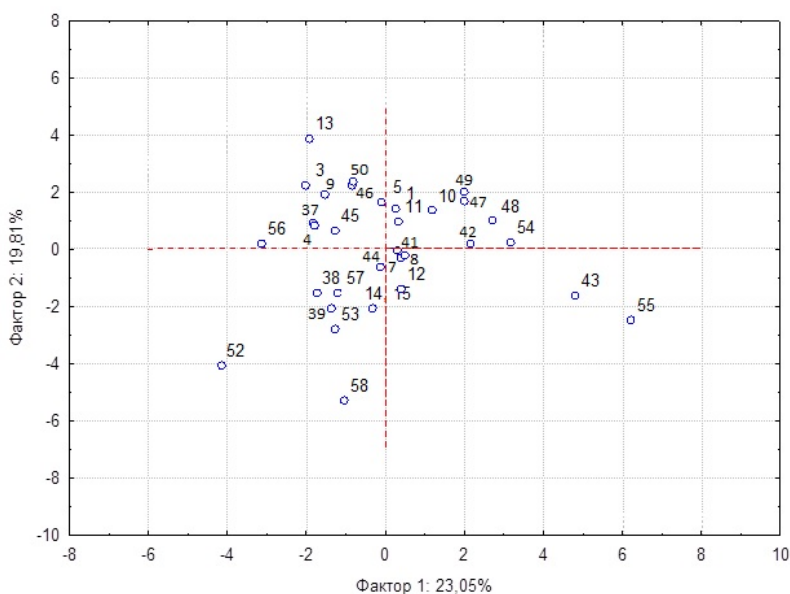

Рис. 7. Результаты сопоставления краниологических характеристик населения каменной культуры с сериями эпохи бронзы Западной Сибири. Женщины. Обозначения серий указаны в табл. 1.

Таблица 8

**Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов.
Женщины**

Название признака	Фактор 1	Фактор 2
1. Продольный диаметр	0,49	-0,51
8. Поперечный диаметр	0,60	-0,06
17. Высотный диаметр от b.	-0,38	-0,61
5. Длина основания черепа	-0,18	-0,50
9. Наименьшая ширина лба	-0,09	-0,70
40. Длина основания лица	0,25	-0,18
45. Скуловой диаметр	0,77	-0,46
48. Верхняя высота лица	0,62	-0,14
51. Ширина орбиты от mf.	0,73	-0,39
52. Высота орбиты	0,48	-0,33
54. Ширина носа	0,47	-0,20
55. Высота носа	0,63	-0,28
DS. Дакриальная высота	-0,56	-0,52
DC. Дакриальная ширина	0,20	-0,57
SS. Симотическая высота	-0,47	-0,61
SC. Симотическая ширина	-0,22	-0,66
32. Угол профиля лба от nasion	-0,33	-0,26
77. Назомалярный угол	0,52	0,60
zm. Зигомаксиллярный угол	0,48	-0,16
72. Общий лицевой угол	0,02	-0,49
75(1). Угол выступания носа	-0,59	-0,30

Выводы

Анализ краниологической серии из могильника Верх-Сузун-5 выявил неоднородность ее состава. В него входит монголоидный компонент с низким лицом, степень присутствия которого не имеет аналогий ни в одной из серий раннего железного века или бронзы Западной Сибири, привлеченных для анализа. Возможно, это обусловлено малым числом наблюдений по некоторым признакам, а возможно — недостаточной репрезентативностью сравнительных материалов. В основном они относятся к населению степной и лесостепной зоны, Западной и Южной Сибири, тогда как происхождение низколицых морфологических компонентов традиционно связывается с таежными районами [Дремов, 1997; Багашев, 2000, с. 197], из которых репрезентативные материалы соответствующего периода до сих пор отсутствуют. В целом, однако, складывается ощущение, что в составе серии более ярко, чем в других каменных группах, представлен комплекс характеристик, дифференцирующий серии верхнеобского варианта каменной культуры на фоне носителей других культур раннего железного века Тувы, Алтая и Западной Сибири. Он преобладает в мужской части серии, тогда как у женщин более отчетливо прослеживается сходство с потомками андроновского населения, ранее зафиксированное для других женских каменных групп М.П. Рыкун [2013, с. 137].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниметрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 129 с.
- Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л., 1948. Т. IV. 392 с.
- Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: ТГУ, 1997. 264 с.
- Журба Т.А. Отчет о работах на курганном могильнике Верхний Сузун-5 Сузунского района Новосибирской области в 2000 году. Новосибирск, 2001 // Архив НОКМ. Б/н.
- Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1997. 144 с.
- Колонцов С.В. Отчет об охранных археологических раскопках курганного могильника Верх-Сузун-5 в Сузунском районе Новосибирской области в 2002 году. Новосибирск, 2002 // Архив ГАУ НСО НПЦ НСО. Б/н.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М.: ИА РАН, 1997. 195 с.
- Рыкун М.П. Материалы по краниологии населения Северного Алтая раннего железного века: (Каменная культура) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 78–86.
- Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Барнаул: АлтГУ, 2013. 284 с.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Новосибирский государственный университет
kishkurno_maria@mail.ru
Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
zubova_al@mail.ru

The paper is aiming at introduction of craniological series from Verkh-Suzun-5 burial site into academic circulation, and consideration of its morphological distinctions against the background of population from the south part of West Siberian Plain and Altai-Sayan Mountains during the early Iron Age. The authors come to a conclusion on heterogeneity of this series. In its composition, one could distinguish a component of a Mongoloid origin with a highly flat facial cranial part, as well as a complex tending to Caucasian variants connected in its genesis with bearers of cultural traditions of the Andronovo community.

Kamenskaya culture, early Iron Age, paleoanthropology, craniology, Verkh-Suzun-5 burial site, Scythian time, West Siberia.

НАСЕЛЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА ХАДЖИ-ТАРХАНА ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ

С.Г. Комаров

Статья посвящена изучению серии черепов золотоордынского времени, полученных в результате раскопок 1874 г. на Шаринном бугре и в Стрелецкой слободе — археологическом памятнике, соотносимом с расположенным в низовьях Волги городом Хаджи-Тарханом. В основе краниологической структуры населения, представленного исследованной серией, лежит европеоидный компонент преимущественно с характеристиками расы Среднеазиатского междуречья. Межгрупповой сравнительный анализ показал, что жители Хаджи-Тархана и большинства других золотоордынских городов Нижнего Поволжья были морфологически весьма схожими.

Палеоантропология, краниология, Золотая Орда, Нижнее Поволжье.

Материалом для предлагаемой работы стала серия черепов, полученных при раскопках П.Ф. Лесгафта и А.А. Воробьева на Шаринном бугре¹ и в Стрелецкой слободе под Астраханью в 1874 г. (по: [Т.А. Трофимова, 1949 с. 5]). Эта серия была исследована Т.А. Трофимовой для решения вопросов краниологического разнообразия и этногенеза золотоордынского населения Поволжья [1936, 1949]. Впоследствии черепа из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы составили основу сборной серии из нижеволжских городских некрополей Золотой Орды [Дебеч, 1948].

Поводом для повторного обращения к обозначенной коллекции черепов послужило в первую очередь то обстоятельство, что серия была измерена Т.А. Трофимовой по краткой программе, без учета некоторых расово-диагностических признаков, в частности углов горизонтальной профилировки лицевого скелета. Между тем названные признаки являются весьма важными при разграничении монголоидных и европеоидных групп, на основе смешения которых, как известно, оформился физический облик населения Золотой Орды на территории Поволжья [Дебеч, 1948; Трофимова, 1949; Яблонский, 2008]. Поэтому серия черепов из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы не представлена в сравнительных анализах, проведенных с использованием современных методических приемов [Яблонский, 1986, 1987, 2008; Балабанова, 2009, 2011; и др.]. Значительное накопление краниологических материалов золотоордынского времени, имевшее место во второй половине XX — начале XXI в., фактически сделало названную серию не востребовавшей при исследовании этнокультурных процессов, протекавших в Поволжье в эпоху средневековья. Этим определяются задачи настоящей работы: изучить краниологические материалы из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы по широкой программе краниометрических измерений и определить место индивидов, оставивших серию, в кругу синхронных групп населения Нижнего Поволжья и сопредельных регионов Золотой Орды. В конечном итоге решение поставленных задач преследует уже намеченную цель: возвращение серии черепов из Шаринного бугра статуса самостоятельной единицы палеоантропологических материалов золотоордынской эпохи.

В распоряжении автора оказались 22 мужских черепа², находящихся на хранении в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина [Алексеева и др., 1986, с. 144]. Датировка краниологических материалов XIV–XV вв., представленная Т.А. Трофимовой и основанная на мнении А.А. Спицына относительно времени существования «татарского города эпохи Золотой Орды» на месте Шаринного бугра и Стрелецкой слободы [Трофимова, 1936, с. 166], представляется довольно условной. Видимо, правильнее было бы датировать серию золотоордынским временем, без указания на конкретный хронологический диапазон.

В настоящее время городище Шаринный бугор отождествляется с городом Хаджи-Тарханом, широко известным по письменным и картографическим источникам [Егоров, 2013; Блохин, Яворская, 2006; Васильев, 2011, 2012]. Судя по данным средневековых картографов,

¹ Наряду с указанным используется также наименование «Шареный бугор».

² Женские и детские черепа в работе не исследуются.

Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии

он располагался на правом берегу Волги, у самой вершины дельты, несколько севернее современной Астрахани. Согласно целому ряду исторических свидетельств, Хаджи-Тархан находился в числе наиболее крупных и значимых городов Золотой Орды XIII–XIV вв. [Гузейров, 2004]. Имеющиеся сведения позволяют считать его важным центром на трансконтинентальном торговом пути, соединяющем Европу со Средней Азией [Егоров, 2013, с. 119]. Данные о расположении города и его значении для экономики Золотой Орды позволяют соотнести с ним только один археологический объект — поселение на Шаринном бугре. Это единственный «городской памятник золотоордынского времени на западном берегу Волги» на довольно протяженном участке — от Волгограда до Астрахани [Васильев, 2011, с. 229–230], имеющий мощный культурный слой (до 1 м) и значительную площадь [Блохин, Яворская, 2011, с. 134]. Справедливо ради следует отметить, что Г.А. Федоров-Давыдов считал отождествление Шаринного бугра с Хаджи-Тарханом лишенным достаточно серьезных оснований [1994, с. 35].

Обратимся к описанию краниологических материалов. Основные статистические параметры выборки представлены в табл. 1 и 2. Серия характеризуется умеренной брахикранией (из 19 черепов, для которых посчитан черепной указатель, 15 относятся к категории брахикранных; в состав выборки входят также 3 мезокранных черепа и 1 — долихокранный). Продольный диаметр малый при широкой мозговой коробке. Высота свода черепа как от ba , так и от po средняя. Горизонтальная окружность через g малая, поперечная дуга $po-br-po$ средняя. Сагиттальная дуга оценивается малой величиной. Длина основания черепа средняя. Основные характеристики лобной кости — наименьшая и наибольшая ширина, высота изгиба лба, угол профиля лба от n — в пределах средних размеров. Ширина основания черепа большая. Затылочная кость средней ширины.

Таблица 1

Краниометрическая характеристика мозговой коробки из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы

Обозначение признака	Название признака	n	x	min	max	σ	V
1	Продольный диаметр	21	175,4	163,0	190,0	6,77*	3,86*
8	Поперечный диаметр	19	144,5	136,5	158,0	5,82*	4,03*
17	Высотный диаметр от ba	18	133,5	123,0	140,0	4,26	3,19
20	Высотный диаметр от po	21	112,8	104,0	121,5	4,65*	4,13*
5	Длина основания черепа	18	101,9	93,5	107,5	3,91	3,83
9	Наименьшая ширина лба	20	94,6	85,0	106,5	6,19*	6,54*
10	Наибольшая ширина лба	19	119,1	110,0	130,5	5,87*	4,93*
11	Ширина основания черепа	20	128,3	119,0	139,0	5,83*	4,55*
12	Ширина затылка	20	111,0	103,0	119,0	4,18	3,76
23	Горизонтальная окружность через g	17	509,0	484,0	544,0	17,3*	3,39*
24	Поперечная дуга $po-br-po$	18	314,1	299,0	333,0	10,5	3,33
25	Сагиттальная дуга	20	354,0	315,0	384,0	16,1*	4,53*
26	Лобная дуга	20	122,3	103,5	137,0	7,30*	5,97*
27	Теменная дуга	21	117,5	100,0	140,0	10,5*	8,9*
28	Затылочная дуга	21	113,6	103,0	130,0	6,64	5,84
29	Лобная хорда	21	108,7	100,0	118,0	4,47	4,11
30	Теменная хорда	21	106,1	90,5	123,0	7,86*	7,41*
31	Затылочная хорда	21	94,3	85,0	105,0	4,94	5,24
32	Угол профиля лба от n	18	83,4	75	94	4,40*	—
Sub N β	Высота изгиба лба	19	24,6	20,3	29,3	2,61*	10,61*
8:1	Черепной указатель	19	82,5	72,9	86,6	3,27	—
17:1	Высотно-продольный указатель	18	76,6	72,1	81,9	2,90	—
17:8	Высотно-поперечный указатель	16	93,5	86,3	101,1	4,08	—
20:1	Высотно-продольный указатель от po	21	64,3	59,9	69,2	2,48	—
20:8	Высотно-поперечный указатель от po	19	78,4	72,7	86,6	3,16	—

*Повышенное значение показателей дисперсии в сравнении со стандартными величинами (по: [Алексеев, Дебец, 1964]).

Лицевой скелет средневысокий и среднеширокий по значениям трех признаков, характеризующих его широтные габариты, — скулового диаметра, верхней и средней ширины. Вертикальный профиль лица мезогнатный. Общий и средний лицевые углы достигают больших величин, угол альвеолярной части средний. Длина основания лица средняя. Орбиты широкие и низкие,

соответственно хамеконхные по указателю. Нос средневысокий и среднеширокий, мезоринный по соотношению размеров. Переносье среднее в ширину, при этом высокое. Носовые кости средне выступают по отношению к вертикальной плоскости лица. Горизонтальная профилировка лицевого скелета средняя в верхнем ярусе и резкая — в плоскости $zm'-ss-zm'$. Клыковая ямка неглубокая.

Население, представленное серией черепов из Шаринного бугра, характеризовалось преимущественно европеоидным строением черепа. Существуют вполне определенные основания для более точной расовой диагностики жителей Хаджи-Тархана. Умеренная брахикрания за счет соотношения небольшого продольного диаметра и большой ширины мозговой коробки, средние габариты лица, средневыступающий нос, довольно сильная профилировка лицевого скелета в горизонтальной плоскости, незначительная глубина клыковой ямки — все это указывает на преобладание черт расы Среднеазиатского междуречья в антропологическом облике исследуемой группы [Гинзбург, 1963; Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 269]. Однако это не исключает наличия инородных элементов: в серии фиксируется монголоидный компонент, который проявляется как в чистом виде (в морфологическом комплексе отдельных черепов), так и в форме примеси к европеоидной основе.

Таблица 2

Краниометрическая характеристика лицевого скелета черепов из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы

Обозначение признака	Название признака	n	x	min	max	σ	V
40	Длина основания лица	17	98,8	90,5	106,5	4,35	4,41
45	Скуловой диаметр	18	134,6	123,5	143,5	5,97*	4,44*
48	Верхняя высота лица	18	70,5	65,0	78,0	4,09	5,80
43	Верхняя ширина лица	21	106,2	100,0	113,0	3,68	3,47
46	Средняя ширина лица	21	97,7	87,0	118,0	6,80*	6,96*
55	Высота носа	21	51,8	47,0	59,5	3,36*	6,49*
54	Ширина носа	21	25,5	21,8	29,4	1,89	7,41
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	21	43,7	39,9	47,6	1,94	4,45
52	Высота орбиты	21	32,7	28,5	37,1	2,21*	6,77*
61	Ширина альвеолярной дуги	17	64,5	57,0	71,0	3,71*	5,75*
62	Длина неба	18	46,1	42,5	50,5	2,41	5,23
63	Ширина неба	16	42,1	35,5	47,5	3,09*	7,35*
FC	Глубина клыковой ямки	21	4,1	1,4	8,3	1,63*	40,13*
MC	Максилло-фронтальная ширина	21	17,9	14,3	23,0	2,34	13,04
MS	Максилло-фронтальная высота	21	6,4	4,5	8,9	1,26	19,82
SC	Симотическая ширина	21	8,6	5,0	11,7	2,16*	40,1*
SS	Симотическая высота	21	4,1	1,9	6,2	1,31*	25,3*
48:45	Верхний лицевой указатель	16	52,5	47,5	58,2	2,98	32,1*
54:55	Носовой указатель	21	49,2	41,3	54,7	2,91	—
52:51	Орбитный указатель	21	75,0	65,3	87,1	5,33*	—
SS:SC	Симотический указатель	21	48,1	28,4	77,0	11,4	—
72	Общий лицевой угол	18	84,3	78	90	3,40*	—
73	Средний лицевой угол	19	87,7	82	93	3,53*	—
74	Угол альвеолярной части	16	72,6	58	79	5,73	—
75(1)	Угол выступания носа	15	24,5	13	32	5,62*	—
77	Назомаллярный угол	21	141,7	133,3	151,1	4,55	—
<zm'	Зигомаксиллярный угол	19	128,9	119,6	143,9	6,09*	—

*Повышенное значение показателей дисперсии в сравнении со стандартными величинами (по: [Алексеев, Дебец, 1964]).

Осмотр краниологических материалов из Шаринного бугра позволяет сделать вывод о некоторой неоднородности серии. Основной вектор внутригрупповых различий определяется, по-видимому, степенью выраженности европеоидных и монголоидных черт, хотя фиксируемая неоднородность не исчерпывается наличием компонентов двух больших рас. Анализ распределения значений краниометрических признаков по категориям размеров свидетельствует, что целый ряд средних характеристик как мозгового, так и лицевого отделов черепа скрывают определенное морфологическое разнообразие. Величины подавляющего большинства признаков варьируются в пределах четырех-пяти категорий. Это отразилось в показателях дисперсии, многие из которых превышают стандартные (среднемировые) значения (табл. 1, 2).

Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии

Из числа признаков, характеризующих мозговую коробку, повышенную вариабельность демонстрируют продольный, поперечный и высотный от po диаметры, наименьшая и наибольшая ширина лба, угол профиля лба от l , высота изгиба лба, ширина основания черепа, горизонтальная окружность через g , сагиттальная дуга и две ее составляющие — лобная и теменная дуги, а также теменная хорда.

Многие признаки лицевого скелета также имеют завышенные показатели дисперсии. К ним относятся скуловой диаметр, средняя ширина лица, высота носа и орбиты, ширина альвеолярной дуги и неба, глубина клыковой ямки, ширина и высота переносья, орбитный указатель, общий и средний лицевые углы, угол выступания носа и нижний угол горизонтальной профилировки. В итоге около половины признаков имеют показатели дисперсии, превышающие средние величины. Таким образом, серия может быть признана относительно неоднородной по составу.

Для того чтобы выявить некоторые закономерности в антропологической структуре населения, представленного исследуемыми черепами, был проведен анализ матрицы внутригрупповых корреляций. В программе Microsoft Excel были рассчитаны коэффициенты корреляции для 20 краниометрических признаков, характеризующих строение как мозговой коробки, так и лицевого скелета (табл. 3).

Анализ позволяет наметить следующие основные тенденции. Длина мозговой коробки связана положительными корреляциями с шириной и высотой черепа. С возрастанием значений поперечного диаметра увеличиваются высота свода от po , аурикулярная ширина, широтные габариты лицевого скелета, верхняя высота лица, ширина носа и высота орбиты. Закономерно связаны между собой изменения высоты свода черепа от ba и от po . Аурикулярная ширина демонстрирует положительную связь со скуловой, верхней и средней шириной лица, высотой лица, широтными и высотными признаками носа и орбиты и отрицательную связь — с глубиной клыковой ямки. Увеличение скулового диаметра влечет за собой повышение размеров верхней и средней ширины лица, высоты и ширины носа и ширины орбиты. Почти аналогичная направленность корреляционных связей наблюдается в отношении верхней и средней ширины лица. С увеличением верхней высоты лица возрастают значения скулового диаметра и средней ширины лица, высоты и ширины носа, высоты орбиты; при этом, напротив, уменьшаются глубина клыковой ямки и угол выступания носа. Высота и ширина носа демонстрируют положительную связь между собой. Повышение значений как высоты, так и ширины носа сопряжено с увеличением высоты и ширины орбиты. Кроме того, ширина носа связана отрицательной корреляцией с глубиной клыковой ямки. Признаки, характеризующие ширину и высоту переносья, тесно связаны между собой высокой положительной корреляцией. Наконец, уменьшение угла выступания носа сопровождается увеличением зигомаксиллярного угла.

Обобщение данных о внутригрупповых корреляциях показывает, что большинство признаков, определяющих широтные размеры церебрального и висцерального отделов черепа, положительно связаны между собой. Кроме того, в ряде случаев фиксируется тенденция к закономерной зависимости (положительной или отрицательной) между некоторыми расово-диагностическими признаками, играющими важную роль при разграничении европеоидных и монголоидных групп. Таким образом, анализ корреляционной матрицы позволяет уловить в составе серии компоненты двух больших рас. Однако ввиду отсутствия достоверной связи между углом выступания носовых костей, углами горизонтальной профилировки лица и параметрами переносья с большинством других признаков нельзя сводить морфологическую неоднородность населения Хаджи-Тархана к механической смеси европеоидных и монголоидных элементов. Вероятно, такую ситуацию следует трактовать как отражение результатов процесса метисации, приведшего в итоге к формированию специфики антропологического состава жителей города.

С целью определения краниологической структуры населения, оставившего серию из Шаринного бугра, был проведен анализ главных компонент, выполненный в программе Statistica 7.0. Выбор признаков для анализа обусловливался стремлением использовать при статистической обработке серии как можно больше черепов, несмотря на неполную сохранность некоторых из них. Поэтому пришлось отказаться от таких важных габаритных и расово-диагностических признаков, как поперечный диаметр, высотный диаметр от ba , наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, угол выступания носа и зигомаксиллярный угол.

Сравнение краниометрических характеристик черепов было осуществлено по комплексу 13 признаков: продольный и высотный от po диаметры мозговой коробки, ширина основания черепа, верхняя и средняя ширина лица, высота носа, ширина носа, ширина и высота орбиты,

ширина и высота переносья, глубина клыковой ямки, назомалярный угол. Автору статьи представляется, что с учетом результатов анализа внутригрупповых корреляций обозначенный набор признаков должен в какой-то мере отражать морфологическую специфику серии, определяемую в первую очередь наличием компонентов европеоидной и монголоидной рас. Выбранные признаки позволили включить в анализ 20 черепов.

Таблица 3

Кoeffициенты корреляции между признаками в серии из Шаринного бугра

1	1																			
8	0,48	1																		
17	0,42	0,09	1																	
20	0,56	0,50	0,41	1																
9	0,74	0,28	0,34	0,53	1															
11	0,19	0,77	-0,04	0,01	0,10	1														
45	0,29	0,54	0,17	-0,18	-0,02	0,70	1													
48	0,14	0,65	0,23	0,14	-0,12	0,61	0,43	1												
43	0,71	0,54	0,35	0,29	0,66	0,58	0,58	0,37	1											
46	0,17	0,47	0,03	-0,26	0,05	0,72	0,72	0,45	0,60	1										
55	-0,08	0,33	0,04	0,03	-0,08	0,60	0,45	0,78	0,34	0,58	1									
54	0,32	0,42	-0,02	0,13	0,02	0,62	0,52	0,67	0,59	0,68	0,64	1								
51	0,39	0,23	0,33	0,05	0,41	0,58	0,68	0,45	0,82	0,58	0,57	0,59	1							
52	-0,19	0,40	-0,17	-0,05	-0,24	0,52	0,27	0,66	0,14	0,17	0,65	0,48	0,26	1						
SC	0,07	-0,26	0,09	-0,06	0,18	-0,03	0,02	0,01	0,12	-0,08	-0,06	0,09	0,26	-0,12	1					
SS	-0,09	-0,32	0,22	-0,14	0,00	-0,07	-0,03	0,24	0,05	-0,22	0,11	0,08	0,24	0,25	0,73	1				
FC	-0,12	-0,33	-0,21	-0,08	-0,06	-0,48	-0,25	-0,55	-0,36	-0,45	-0,33	-0,37	-0,40	-0,27	0,11	-0,03	1			
75(1)	-0,37	-0,41	-0,44	-0,34	-0,20	-0,30	-0,26	-0,49	-0,27	-0,32	-0,31	-0,42	-0,24	0,02	-0,06	0,17	0,17	1		
77	-0,24	-0,15	-0,37	-0,37	-0,37	0,29	0,38	0,24	-0,10	0,25	0,41	0,12	0,00	0,38	-0,31	0,03	0,08	0,24	1	
<zm'	0,08	0,13	-0,31	-0,32	-0,02	-0,01	0,22	-0,08	-0,14	0,25	-0,04	-0,07	-0,16	-0,14	-0,16	-0,26	-0,05	-0,45	0,34	1
	1	8	17	20	9	11	45	48	43	46	55	54	51	52	SC	SS	FC	75(1)	77	<zm'

Примечание. Жирным шрифтом выделены коэффициенты, достоверные при $p \leq 0,05$; курсивом обозначены коэффициенты, достоверные при $0,05 < p < 0,1$ (по: [Каминский, 1959]).

Перейдем непосредственно к результатам внутригруппового анализа. Три первые главные компоненты (далее — ГК) описывают в сумме почти 69 % общей дисперсии (табл. 4). В ГК I, играющей основную дифференцирующую роль (37,2 % общей дисперсии), статистически значимые нагрузки (в порядке уменьшения модуля абсолютной величины) испытывают ширина носа, ширина орбиты, ширина основания черепа, средняя ширина лица, верхняя ширина лица, высота носа и глубина клыковой ямки. Учитывая выявленные закономерности в корреляционной зависимости краниометрических признаков, можно сделать вывод, что ГК I рисует контуры вектора внутригрупповых различий, задаваемого выраженностью черт европеоидной и монголоидной рас.

Наибольшие нагрузки в ГК II (17,1 % дисперсии) имеют продольный диаметр и назомалярный угол. ГК III (14,8 % дисперсии) выявляет различия по ширине и высоте переносья.

Графический результат компонентного анализа (рис. 1) позволяет выделить группу из четырех черепов (№ 1803, 1812, 6488 и 6495), занимающих относительно обособленное положение; они имеют большие значения ГК I при относительно малых величинах ГК II. Такое положение обусловлено схожими особенностями обозначенных черепов: для них характерна очень большая ширина основания черепа, наивысшие в рамках серии значения средней ширины лица, широкие или очень широкие орбиты, широкий или очень широкий нос. По сути, зафиксированные характеристики позволяют говорить о наибольшей (в масштабе серии) концентрации черт монголоидной расы. Особенно это касается черепа № 6488, чей краниологический комплекс определяется резко брахикранной мозговой коробкой (черепной указатель — не менее 88), высоким и очень широким лицом, высокими орбитами, высоким переносьем, средним вы-

Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии

ступанием носовых костей, слабым развитием клыковой ямки — т.е. чертами, свойственными популяциям южно-сибирской расы [Дебец, 1934; Левин, 1951; Гинзбург, 1951].

Таблица 4

Факторные нагрузки на признаки по результатам компонентного анализа

Обозначение и название признака		ГК I	ГК II	ГК III
1	Продольный диаметр	0,348	0,789	-0,129
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	0,063	0,597	-0,159
11	Ширина основания черепа	0,832	-0,140	-0,227
43	Верхняя ширина лица	0,781	0,468	-0,058
46	Средняя ширина лица	0,789	-0,071	-0,206
55	Высота носа	0,758	-0,399	0,038
54	Ширина носа	0,852	0,050	0,162
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	0,843	0,223	0,177
52	Высота орбиты	0,527	-0,551	0,094
SC	Симотическая ширина	0,139	0,216	0,890
SS	Симотическая высота	0,198	-0,156	0,892
FC	Глубина клыковой ямки	-0,609	-0,014	0,264
77	Назональный угол	0,232	-0,645	-0,227
Собственные числа		4,824	2,226	1,917
% общей дисперсии		37,106	17,120	14,750

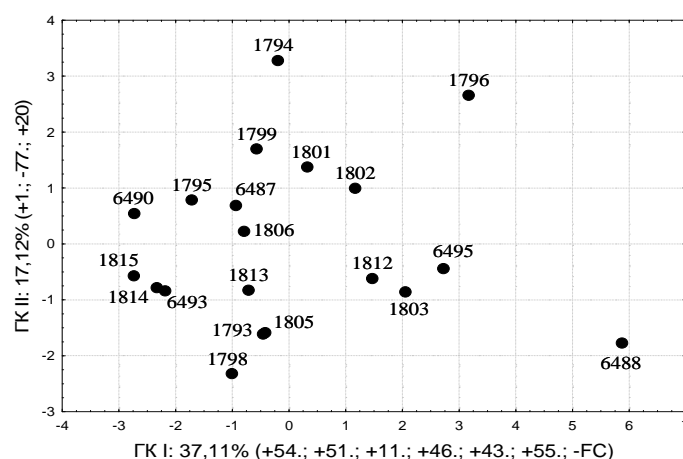

Рис. 1. Расположение черепов в пространстве двух первых ГК.

Примечание: черепа обозначены инвентарными номерами в соответствии с каталогом [Алексеева и др., 1986].

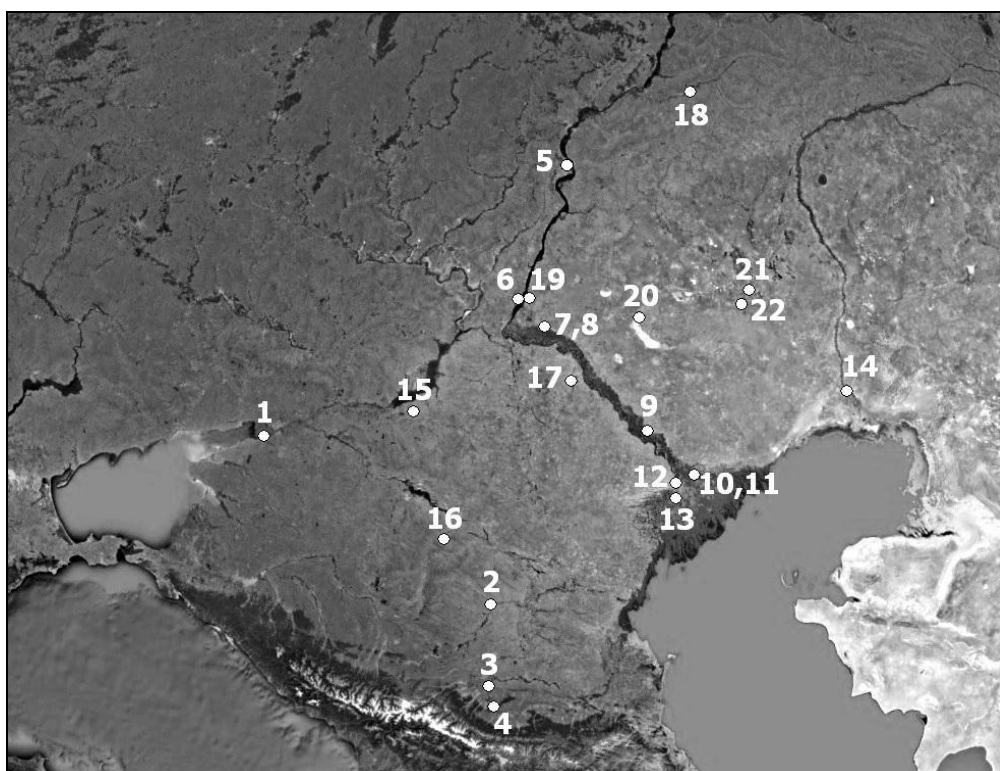
Специального рассмотрения заслуживают два черепа, расположенных в правой половине графика. В черепе № 1796 сочетаются, с одной стороны, широкая мозговая коробка, большая скуловая ширина, очень широкие орбиты, очень слабое развитие клыковой ямки, с другой — среднее по высоте и очень резко профилированное на обоих уровнях лицо. Череп № 1802 характеризуется брахикранией, очень высоким лицом, неглубокой клыковой ямкой, очень малым углом выступания носовых костей при средней ширине лицевого скелета, средне профилированного в верхнем ярусе и резко — на нижнем уровне. Наблюдаемая в каждом случае картина, вероятно, свидетельствует о присутствии в краниологическом комплексе как европеоидных, так и монголоидных особенностей. Подобные комбинации, по всей видимости, можно трактовать как следствие процесса метисации, игравшего важную роль в сложении физического облика средневекового населения городских центров Нижнего Поволжья, в том числе Хаджи-Тархана.

Основное скопление черепов сосредоточено в левой половине графика, что говорит о преобладании в группе индивидов с европеоидными характеристиками, а также о том, что в смешанных морфологических комплексах доля монголоидных элементов относительно невелика.

Таким образом, в результате компонентного анализа может быть обозначена краниологическая структура населения Хаджи-Тархана, представленного исследуемой серией. Основной

массе жителей города были свойственны европеоидные черты (вероятно, преимущественно с характеристиками расы Среднеазиатского междуречья), облик незначительного числа индивидов определялся монголоидным строением черепа (в южно-сибирском варианте), наконец, некоторая часть населения сочетала морфологические особенности двух больших рас.

С целью определения места краниологического комплекса жителей Хаджи-Тархана в масштабе морфологического разнообразия, создаваемого различными группами населения Восточной Европы в эпоху Золотой Орды, был проведен межгрупповой сравнительный анализ. На первом его этапе в качестве сравнительного фона выступают мужские черепа 21 серии, характеризующие особенности физического облика населения Нижнего Подонья, Северного Кавказа и Предкавказья, Нижнего Поволжья и Волго-Уральского междуречья (рис. 2). Оседлое население представлено 14 сериями, из которых только одна — из грунтового могильника Нижняя Студенка I — соотносится с сельскими жителями; остальные выборки городские. Краниологические материалы кочевников сосредоточены в 8 сериях (см. подписи к рис. 2).

Рис. 2. Локализация археологических памятников, из которых происходят использованные в сравнительном анализе краниологические материалы:

Серии оседлого населения: 1 — Азак [Балабанова, 2000]; 2 — Маджары [Алексеев, 1967; Евтеев, 2003]; 3 — Нижний Джулат [Алексеев, 1974]; 4 — Верхний Джулат [Алексеев, Беслекоева, 1963]; 5 — Нижняя Студенка I [Евтеев, 2007]; 6 — Водянское [Яблонский, 1987]; 7 — Царевское [Залкинд, 1972; Яблонский, 1987]; 8 — Царевское [Балабанова, 1999]; 9 — Селитренное [Яблонский, 1987]; 10 — Вакуровский бугор [Балабанова, 2011]; 11 — Маячный бугор II [Ходжайов, 2005; Балабанова, 2011]; 12 — Шаринный бугор (материалы, публикуемые в данной работе); 13 — Хан-Тюбе [Шевченко, 1980]; 14 — Сарайчик [Гинзбург, Залкинд, 1955].

Серии кочевого населения: 15 — могильники Нижнего Подонья [Батиева, 2010]; 16 — могильники Ставрополя [Герасимова, 2003]; 17 — Кривая Лука, Никольское (использовались измерения автора); 18 — Давыдовка и другие могильники Саратовской обл. (использовались измерения автора); 19 — Калиновский могильник [Гинзбург, 1959]; 20 — курганы Букеевской степи [Комаров, 2012]; 21 — Мокринский могильник [Комаров, Китов, 2014]; 22 — могильники Западно-Казахстанской области [Гинзбург, Фирштейн, 1958].

Примечание: сборные серии представлены на карте только одним памятником.

Сопоставление серий проведено методом канонического дискриминантного анализа с помощью специальной программы, разработанной Б.А. Козинцевым (1991). Серии сравнивались между собой по комплексу 14 признаков: продольный, поперечный и высотный от *ba* диаметры мозговой коробки, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и

Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии

высота орбиты, ширина и высота носа, угол выступания носовых костей, углы горизонтальной профилировки лицевого скелета и симотический указатель. Нагрузки на признаки были пересчитаны в программе Statistica 7.0.

Первый канонический вектор (далее — КВ) описывает 63,9 % общей дисперсии (табл. 5). Большинство признаков, по которым проводится сравнительный анализ, имеют высокие нагрузки в КВ I. Наибольшие нагрузки (в порядке убывания модуля абсолютной величины) приходятся на угол выступания носа, высоту носа, назомаллярный угол, высоту орбиты, ширину орбиты, высоту лица, зигмаксиллярный угол, поперечный и высотный диаметры — в большинстве своем ключевые расово-диагностические признаки, имеющие высокую таксономическую ценность при разграничении европеоидных и монголоидных краниологических комплексов. Такая ситуация является вполне предсказуемой с учетом того обстоятельства, что в золотоордынское время биологической основой расо- и этногенетических процессов в степях Восточной Европы было взаимодействие европеоидных и монголоидных групп [Яблонский, 1987, 2008; Трофимова, 1949; Комаров, 2013].

Таблица 5

Нагрузки на признаки в канонических векторах

Обозначение и название признака	КВ I	КВ II	КВ III	
1	Продольный диаметр	-0,59	-0,17	0,56
8	Поперечный диаметр	0,68	-0,49	0,29
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	-0,67	0,04	0,22
9	Наименьшая ширина лба	-0,48	-0,26	0,53
45	Скуловой диаметр	0,52	-0,74	0,34
48	Верхняя высота лица	0,73	-0,43	0,05
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	0,73	0,05	-0,36
52	Высота орбиты	0,76	-0,31	-0,18
54	Ширина носа	0,26	-0,15	-0,33
55	Высота носа	0,77	-0,24	0,14
77	Назомаллярный угол	0,77	-0,17	-0,31
< <i>zm'</i>	Зигмаксиллярный угол	0,70	-0,43	-0,05
SS/SC	Симотический указатель	-0,54	-0,12	0,18
75(1)	Угол выступания носа	-0,77	0,19	0,64
% общей дисперсии		63,857	25,896	10,247

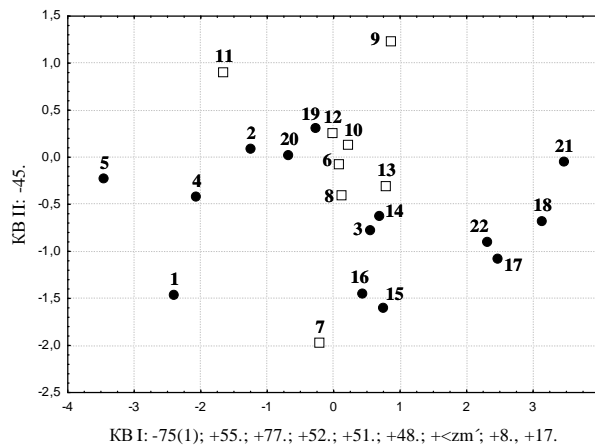
КВ II отражает значительно меньшую долю межгрупповых различий по сравнению с КВ I — 25,9 %. Статистически значимая нагрузка в КВ II падает лишь на скуловой диаметр. В такой ситуации на графике, иллюстрирующем взаимное расположение сравниваемых серий (рис. 3), основное внимание должно быть уделено межгрупповым различиям по комплексу признаков КВ I. Это обусловлено, кроме того, тем обстоятельством, что положение серий относительно оси КВ II труднообъяснимо. В левой половине графика сосредоточены серии с малыми координатами по КВ I, характеризующиеся согласно нагрузкам на признаки относительно узкой черепной коробкой, низким, резко профилированным лицевым скелетом с узкими невысокими орбитами, низким носом, большим углом выступания носовых костей — т.е. преобладанием европеоидных характеристик в межгрупповом масштабе. Правая половина графика соответственно содержит выборки с противоположными — монголоидными — особенностями строения черепа.

Пределы межгрупповых вариаций по комплексу расово-диагностических признаков, играющих в анализе основную дифференцирующую роль, маркирует, с одной стороны, серия из Нижней Студенки с наибольшей концентрацией европеоидных черт, а с другой — выборка из Мокринского могильника как типично монголоидная. Расположением остальных серий с некоторой долей условности может быть определена степень выраженности в них особенностей той или иной расы. Группа серий с промежуточными (европеоидно-монголоидными) характеристиками имеет координаты по КВ I, близкие к оси КВ II. Фактически в эту группу входит большинство участвующих в анализе выборок.

Согласно результатам канонического анализа свойственный жителям Хаджи-Тархана краниологический комплекс находит наиболее близкие аналогии у населения нижеволжских городских центров Золотой Орды, представленного прежде всего черепами из Водянского городища, из могильника Вакуровский бугор и обеими сериями из Царевского городища. В масштабе, задаваемом морфологическим разнообразием всех включенных в анализ серий, население средневековых городов Нижнего Поволжья может считаться относительно однородным по ком-

плексу расово-диагностических признаков. Исключением являлись жители Красноярского городища (захороненные в могильнике Маячный бугор), у которых преобладание европеоидных особенностей было ярко выражено.

Рис. 3. Взаимное расположение краниологических серий золотоордынской эпохи в пространстве двух первых КВ:

- 1 — Азак; 2 — Маджары; 3 — Нижний Джулат; 4 — Верхний Джулат; 5 — Нижняя Студенка I; 6 — Водянское; 7 — Царевское [Залкинд, 1972; Яблонский, 1987]; 8 — Царевское [Балабанова, 1999]; 9 — Селитренное; 10 — Вакуровский бугор; 11 — Маячный бугор II; 12 — Шаринный бугор; 13 — Хан-Тюбе; 14 — Сарайчик; 15 — могильники Нижнего Подонья; 16 — могильники Ставрополя; 17 — Кривая Лука, Никольское; 18 — Давыдовка и другие могильники Саратовской области; 19 — Калиновский могильник; 20 — курганы Букеевской степи; 21 — Мокринский могильник; 22 — могильники Западно-Казахстанской области.
 □ — серии из золотоордынских городских центров Нижнего Поволжья.

Следует обратить внимание на соотношение основного массива городских нижеволжских серий и выборок, характеризующих морфологические особенности золотоордынских кочевников. Как показывают результаты анализа, население большинства городов Нижнего Поволжья, включая Хаджи-Тархан, было морфологически схожим с наиболее европеоидными группами номадов Золотой Орды — оставившими погребения в Калиновском могильнике и курганы в Букеевской степи. При этом кочевнические серии выраженного монголоидного облика весьма существенно отличаются от всех городских выборок, в том числе нижеволжских.

Второй этап межгруппового анализа связан с выяснением, как морфологические особенности жителей Хаджи-Тархана соотносятся с краниологическими комплексами населения других золотоордынских городских центров Нижнего Поволжья. Фактически на этом этапе должен быть проверен вывод о близости физического облика жителей нижеволжских городов Золотой Орды. С этой целью использовался метод сравнения метрических характеристик черепов при помощи парного t -критерия Стьюдента.

К сожалению, серия из Царевского городища [Залкинд, 1972; Яблонский, 1987] была опубликована без данных о показателях дисперсии краниометрических признаков и поэтому на рассматриваемом этапе не участвует в анализе. Сопоставление черепов из Шаринного бугра с сериями из нижеволжских городских могильников проводилось только по признакам, значения которых есть для всех семи серий (табл. 6).

Прежде всего, обращает на себя внимание количество достоверных различий между сериями из Шаринного бугра и могильника Маячный бугор. Исследуемая в данной работе выборка характеризуется меньшими значениями (в большинстве случаев разница очень велика) таких признаков, как продольный диаметр, высотный диаметр, глубина клыковой ямки, угол выступления носа, орбитный и симотический указатели. При почти идентичной ширине мозговой коробки черепной указатель в выборке из Маячного бугра относительно меньше. Отличия двух серий по высотному диаметру и черепному указателю являются наиболее яркими: они наблюдаются только в одном случае из шести пар сравниваемых групп, к тому же чрезвычайно велико абсолютное значение t -критерия — 4,21 и 2,52 соответственно. При этом следует отметить, что серия из Маячного бугра является единственной, у которой отсутствуют различия с черепами из Шаринного бугра по высоте лица.

Сравнительная характеристика мужских черепов по значениям парного *t*-критерия Стьюдента

Обозначение и название признака		Шаринный бугор — Водянское городище	Шаринный бугор — Царевское городище [Балабанова, 1999]	Шаринный бугор — Вакуровский бугор	Шаринный бугор — Селитренное городище	Шаринный бугор — Хан-Тюбе	Шаринный бугор — Маячный бугор
1	Продольный диаметр	0,87	0,50	3,45**	2,06*	1,25	3,65**
8	Поперечный диаметр	0,42	0,25	0,24	0,45	2,14*	0,12
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	0,50	1,00	0,64	0,98	0,70	4,21**
5	Длина основания черепа	0,37	0,84	0,37	0,38	0,56	0,87
9	Наименьшая ширина лба	1,12	0,75	1,54	0,20	0,00	1,62
8:1	Черепной указатель	0,17	0,69	1,84	1,20	0,92	2,52*
40	Длина основания лица	2,02*	1,11	0,57	0,25	0,39	0,08
45	Скуловой диаметр	1,24	1,09	1,78	1,59	2,52*	0,73
48	Верхняя высота лица	2,37*	2,05*	2,11*	2,74**	3,08**	1,12
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	0,94	0,00	0,32	0,83	0,57	1,19
52	Высота орбиты	2,25*	1,65	1,77	2,08*	1,12	1,94
FC	Глубина клыковой ямки	1,17	0,71	2,03*	1,26	0,24	2,07*
SC	Симотическая ширина	1,22	0,91	0,35	0,61	0,18	1,09
SS	Симотическая высота	1,30	1,62	1,29	0,58	1,14	1,51
52:51	Орбитный указатель	2,65**	1,57	1,90	2,90**	1,28	2,80**
SS:SC	Симотический указатель	0,60	3,12**	1,42	1,29	1,33	3,52**
75(1)	Угол выступания носа	0,67	0,58	0,51	2,37*	1,65	2,97**
77	Назозащечный угол	1,88	0,70	1,06	0,09	0,40	1,34
<zm'	Зигомаксиллярный угол	0,67	0,20	2,15*	0,27	2,38*	0,74
Количество значений <i>t</i> -критерия $\leq 1,00$		9	12	7	10	9	5

*Различия достоверны при $p \leq 0,05$.

**Различия достоверны при $p < 0,01$.

Сходство серий может быть в определенной мере оценено количественно. С этой целью воспользуемся подсчетом величин *t*-критерия, которые меньше единицы — условного порога для констатации почти полного отсутствия различий между выборками. Наименьшее число таких величин — 5 наблюдается как раз для пары Шаринный бугор — Маячный бугор, что подчеркивает различия двух серий. Самое большое количество малых значений *t*-критерия — 12 фиксируется при сопоставлении черепов из Шаринного бугра и Царевского городища. Это вполне закономерно, так как серии различаются только по высоте лица и симотическому указателю (оба признака в выборке из Царевского городища имеют большую величину).

Сравнение черепов из Шаринного бугра и серий из Водянского городища, Вакуровского бугра, Селитренного городища и Хан-Тюбе дает соответственно 9, 7, 10 и 9 значений *t*-критерия, не превышающих единицу. Исследуемую серию от черепов из Водянского городища отличает большая длина основания лица, меньшая величина высоты лица, орбиты и орбитного указателя. Достоверные различия с выборкой из Вакуровского бугра фиксируются по длине черепной коробки, высоте лица, глубине клыковой ямки и степени уплощенности лицевого скелета на зигомаксиллярном уровне (все обозначенные признаки имеют большую величину на черепках из Вакуровского бугра). Серии из Шаринного бугра и Хан-Тюбе отличаются шириной мозговой коробки, скуловым диаметром и, как и в предыдущем случае, высотой лица и значением нижнего угла горизонтальной профилировки лицевого скелета (значения всех названных признаков относительно выше для черепов из Хан-Тюбе). По сравнению с выборкой из Шаринного бугра серия из Селитренного городища характеризуется большим продольным диаметром, большей высотой лица и орбиты, большим орбитным указателем и, наконец, меньшим углом выступания носовых костей.

Таким образом, наименьшую близость к исследуемым черепам проявляет выборка из могильника Маячный бугор. Краниометрические параметры черепов из Шаринного бугра и других серий, оставленных городским золотоордынским населением Нижнего Поволжья, в значительной степени схожи.

Подведем основные итоги исследования. Население золотоордынского города Хаджи-Тархана, представленное изученной серией, характеризовалось преимущественно европеоидным строением черепа с преобладанием черт расы Среднеазиатского междуречья. Вместе с тем в антропологическом составе жителей города был представлен также монголоидный компонент, удельный вес которого был относительно низок. В целом исследованная группа не может считаться морфологически однородной, вероятно, в первую очередь именно за счет наличия элементов двух больших рас. В масштабе оседлого и кочевого золотоордынского населения Нижнего Подонья, Северного Кавказа и Предкавказья, Нижнего Поволжья и Волго-Уральского междуречья жители нижневолжских городов, включая Хаджи-Тархан, имели в целом схожий физический облик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П.* Антропологический состав средневекового города Маджара и происхождение балкарцев и карачаевцев // Учен. зап. Кавказо-Балкарского НИИ. Нальчик, 1967. Вып. 25. С. 158–171.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974. 320 с.
- Алексеев В.П., Беслекоева К.Х.* Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. № 114. 1963. С. 107–121.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б.* Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986. 224 с.
- Балабанова М.А.* Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. Вып. 3. С. 199–228.
- Балабанова М.А.* Краниологическая характеристика населения золотоордынского Азака // Донская археология. 2000. № 3–4. С. 99–109.
- Балабанова М.А.* Половозрастная структура и краниология погребенных в могильнике золотоордынского времени Маячный Бугор // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб., 2009. С. 4–22.
- Балабанова М.А.* Антропологический облик населения Красноярского городища по данным краниологии // Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. С. 35–76.
- Батиева Е.Ф.* Материалы к антропологии нижнедонского населения эпохи Золотой Орды // Человек: Его биологическая и социальная история: Тр. междунар. конф., посвященной 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М., 2010. Т. 1. С. 130–138.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 268 с.
- Васильев Д.В.* О взаиморасположении городов Сарай, Суммеркент и Хаджи-Тархан // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. 2011. № 2. С. 220–233.
- Васильев Д.В.* Где находилась и как называлась татарская Астрахань? (О фальсификациях истории происхождения города) // Гуманитар. исследования. 2012. № 4 (44). С. 228–236.
- Герасимова М.М.* Краниология калаусских ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. Вып. IV: Антропология ногайцев. С. 36–68.
- Гинзбург В.В.* Древние и современные антропологические типы Средней Азии // Происхождение человека и древнее расселение человечества. Т. 16. М.; Л., 1951. С. 371–392. (ТИЭ. Н.С.).
- Гинзбург В.В.* Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по материалам Калиновского могильника) // МИА. № 60. 1959. Т. I. С. 524–594.
- Гинзбург В.В.* Краниологическая характеристика узбеков (по материалам из кладбища Шейхантаур в Ташкенте) // Антропол. сб. IV. М., 1963. Т. 82. С. 96–121. (ТИЭ. Н.С.).
- Гинзбург В.В., Залкинд Н.Г.* Материалы к краниологии казахов // СМАЭ. 1955. Т. XVI. С. 432–461.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.
- Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В.* Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // СМАЭ. 1958. Т. XVIII. С. 407–417.
- Гузейров Р.А.* Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 19 с.
- Дебец Г.Ф.* К характеристике остеологических особенностей южносибирской расы // Антропол. журн. 1934. № 3. С. 142–150.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 4. 392 с.

Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии

- Евтеев А.А. Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии // Вестн. антропологии. 2003. Вып. 10. С. 91–103.
- Евтеев А.А. Антропологические материалы из Могильника Нижняя Студенка-I // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 221–237.
- Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. Изд. 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 248 с.
- Залкинд Н.Г. Краниологические материалы из Нового Сарая (Сарай Берке) // Тр. Московского о-ва испытателей природы. М.: Изд-во МГУ, 1972. Т. 43. С. 162–166.
- Каминский Л.С. Обработка клинических и лабораторных данных: Применение статистики в научной и практической работе врача. Л.: Гос. изд-во мед. лит., 1959. 196 с.
- Комаров С.Г. Население Букеевской степи в эпоху Золотой Орды по данным краниологии // Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 45–57.
- Комаров С.Г. Население степей Восточной Европы II тысячелетия по данным краниологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.
- Комаров С.Г., Китов Е.П. Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды (по материалам из могильника Мокринский I) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 2 (25). С. 80–88.
- Левин М.Г. Древние переселения человека в северной Азии по данным антропологии // Происхождение человека и древнее расселение человечества. Т. 16. М.; Л., 1951. С. 469–496. (ТИЭ. Н.С.).
- Трофимова Т.А. Краниологический очерк татар Золотой Орды // Антропол. журн. 1936. № 2. С. 166–189.
- Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // ТИЭ. Н.С. Т. 7. 1949. 262 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
- Ходжайов Т.К. Средневековые краниологические материалы из Астраханской области // Вестн. антропологии. Вып. 12. 2005. С. 76–97.
- Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения низовьев Волги по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 139–168.
- Яблонский Л.Т. Монголы в городах Золотой Орды (по материалам мусульманских некрополей) // Проблемы антропологии древнего и современного населения советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 6-27.
- Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии: (Монголы в средневековых городах Поволжья) // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 142–236.
- Яблонский Л.Т. К палеоантропологии средневекового населения Поволжья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонГУ, 2008. Т. 6. С. 269–286.

Москва, ИЭА РАН
snirrr@mail.ru

The article is devoted to studying cranial series of the Golden Horde time, obtained as a result of excavations in 1874 at Sharinny hillock and in Streltsy suburb — an archaeological site correlated with Khadzhi-Tarkhan town in the lower reaches of Volga. The basis of a craniological structure of the population represented by the investigated series is formed by a Caucasian component, mainly with racial distinctions of the Middle Asian inter-fluve. The intragroup comparative analysis showed that residents of Khadzhi-Tarkhan town and the majority of other Golden Horde towns from the Low Volga basin were morphologically quite alike.

Paleoanthropology, craniology, Golden Horde, Low Volga basin.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ СВЯЩЕННЫХ МЕСТ МАНСИ

Т. Боукал

Предложено рассматривать феномен священных мест манси как важный аспект этнической экосистемы. Автор попытался представить некоторые отношения, связывающие священные места манси с другими компонентами этнической экосистемы (социально-культурная система в версии Э. Волфа). Продемонстрирована активная роль, которую играют священные места в складывании экологических отношений в среде коренных народов Севера.

Этническая экология, коренные жители, манси, священные места.

В этнической экосистеме необходимо учитывать связи не только с природной составляющей, но и с частями социально-культурной системы, как предлагает один из основателей политической экологии Э. Вольф (см.: [Townsend, 2009, p. 44]). В своей работе я попытался представить некоторые отношения, связывающие священные места манси с другими компонентами этнической экосистемы, и ответить на ряд важных вопросов: какое место занимают священные места в жизненной среде коренных народов Севера; какова динамика этих отношений.

Ялпынг-ма — на языке манси «святая земля», этим термином обозначают территорию, центром которой является святилище. На подобных землях, как правило, традицией запрещалась любая хозяйственная деятельность [Мифология манси, 2001, с. 173]. *Ялпынг-ма* известны как места, где правит дух-хозяин (*пуби, торум*). Это, еще живое явление соединяет в себе многие аспекты культуры манси, а также отражает изменения, происходящие в жизненной среде манси как этнической группы. Географическое распределение *ялпынг-ма* сопряжено с родовой структурой населения, родственные связи на уровне культовых объектов соотносятся со структурой родства местного населения, судьбы священных мест переплетаются с судьбами отдельных людей и групп. Священные места и их духи представляют собой и важный аспект локальной идентичности.

Каковы основания появления священных мест у манси?

Существуют разные основания выделения категорий (напр.: [Swan, 1990]) и множество различных интерпретаций таких мест. В последнее время высказаны версии о важной роли влияния самого священного места. Ряд исследователей полагают, что оно обладает имагинативной силой — неким «голосом», который может воздействовать на посетителей. Б. Лейн утверждает, что научным языком невозможно полностью описать священные места. Если для определения расположения такого места в пространстве нужна точная картографическая информация, то при интерпретации эмоциональной важности и силы места значительно более подходящим средством будет поэтический язык [Lane, 2001, p. 73]. Эта позиция близка пониманию известного религиоведа М. Элиаде, который видел в сакральных местах проявление священного (иерофания). Они как будто сами являют себя в качестве священных [Eliade, 2004]. Лейн даже говорит о необходимости скорректировать распространенную в гуманитарных науках представление о социальном и культурном конструировании сакральных мест. В некоторых случаях само место настолько сильно влияет на посетителей, что скорее можно говорить о его формирующем воздействии на людей, чем наоборот [Lane, 2001, p. 55].

Представляется, что некоторые из святилищ манси обладают подобной силой. Такие территории сами выделяются из окружающей среды (например, скалы, горы, необычные деревья) (см.: [Слипкина, 2011, с. 9]). Но если согласиться с тем, что священные места манси выбирают не случайно, что те имеют свойство «выявляться», то почему культовые лабазы (*ура-сумлях*) с изображениями духов (*пуби*) зачастую находятся в местах, которые, казалось бы, таким качеством не обладают?

Место *ялпынг-ма* в структуре мансийского космоса

Мансийский ученый Е.И. Ромбандеева описала представления манси о структуре космоса. Он состоит из семи слоев. *Ялпынг-ма* — «священная земля», место, где находится жизненная сила. Это второй слой над *Ёл-Торум* — «подземным миром», местом «злых духов». *Ялпынг-ма* находится отдельно от *Ма-унлуп* — «королевства земли», которое населяет все живое вокруг нас [Ромбандеева, 1993, с. 19]. В.Н. Чернецов также разделял космос на семь слоев, но *Ялпынг-ма* у него как особый слой не указан. Скорее он входит во второй слой — это земля, где живут люди, *менквы*, *пупыхи* и *Тором* [Источники..., 1987, с. 154].

Из этих источников становится понятна локализация священных мест в вертикальной структуре космоса. *Ялпынг-ма* (священная земля) является составляющей сферы, населенной не только духовными существами, но также людьми. Если рассматривать место *ялпынг-ма* в горизонтальной структуре космоса, то мы одновременно видим его отношение к ландшафту. Часто священные места включают целые элементы ландшафта: горы, озера, участки леса, реки.

И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев разделяют культовые места на природные и сотворенные человеком [1986, с. 120]. Манси, как и другие коренные народы Сибири, почитают природные объекты, такие как горы или деревья, но во многих случаях их священные места связаны с культовыми постройками, в которых находятся антропоморфные изображения (*пуби*). Определить границу между природным и культурным сакральным местом бывает достаточно сложно. Какой элемент почитания места первичен: например, само дерево или персонаж пантеона, которому такое место посвящено?

Священное место обычно находилось недалеко от селения, но часто на труднодоступном участке. Элементы, которые обычно присутствуют на родовых священных местах: лабазы-сумлях с изображением духа и его жены, кострище, деревья, на которые подвешиваются черепа жертвенных животных и добытых медведей. Поселковые культовые места посещались только мужчинами данного селения. Мужчины из других селений могли бывать там только по приглашению.

В прошлом принадлежность к фратрии (Мось или Пор) скорее была связана с культом определенного предка-защитника деревни [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 123]. Эти мифические предки, возможно, имеют свою историческую подоплеку. В пользу этого говорит то, что территории, которыми по легендам владели разные святые покровители, соотносятся с разными по диалектным и антропологическим признакам группами манси. Осознание родственных связей с предками-богатырями (*най-отыр*), которым поклоняются как духам-защитникам деревень, сохранилось до современности.

Предки-защитники деревень и определенных территорий в представлении манси фигурируют в разных формах: как животные-тотемы (например, филин), персонажи пантеона (*Куль-отыр*), герои — вожди родов (*Лускы-ойка*), а также как предметы сакральной силы (наконечник копья) [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 120–121].

В.Н. Чернецов утверждал, что даже те почитаемые персонажи, которые в основном встречаются в антропоморфном виде, имеют свой зооморфный облик. Почитаемый предок в некоторых случаях выступает как человек, в других случаях преобладает его зооморфная (тотемная) сущность. Как пример В.Н. Чернецов приводит *пупых д. Хол-пауль* — *Йупых-ойку* (Филин-старик), который обычно предстает в образе филина, но изредка облачается в антропоморфную форму. С другой стороны, *Щохрын-ойка* (Стрекоза-старик) очень редко встречается в своем зооморфном облике. В.Н. Чернецов предполагал, что таким образом проявляется тотемизм. Если тотемизм возник на основе соединения охоты на самых распространенных животных и попытки магического влияния на их изобилие, то на следующем этапе, когда нарастало его почитание и тотем становился «священным предком», появился запрет на его убивание [Источники..., 1987, с. 185].

И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев видят в этих представлениях разные этапы развития культа предков. В самых архаичных представлениях дух-предок имеет зооморфную форму. Постепенно появляется тенденция к его антропоморфизации, к имени добавляется слово *ойка* — «мужчина», «старик». В представлениях о духе начинают преобладать антропоморфные черты. Большинство почитаемых персонажей наделены у манси героическими чертами (*отыр* — «богатырь») [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 120–121].

Несмотря на кажущуюся неактуальность, хотелось бы напомнить теорию З. Фрейда, который в своей работе «Тотем и табу» [Freud, 1913] сделал попытку соединения концепции воз-

никновения тотемизма и культа предков с помощью психоанализа. Заключение З. Фрейда в рамках этнографии мало востребованы, но в связи с некоторыми наблюдениями кажутся небезыносными. На медвеьем празднике пельымских манси в 2000 г. меня удивила двойственность отношения охотников к медведю. Он представляет для манси желанную добычу, но в то же время считается их родственником (младший брат — *апшикве* или предок фратрии Пор). Радость от удачной охоты уступала грусти, может быть, даже чувству вины из-за убийства. Хорошо известно, что многие действия в рамках медвежьего праздника призваны отвести ответственность за убийство зверя от своей группы. В случае медвежьего праздника на р. Пелым одна из масок, которую надевали во время церемонии, изображала «чужого солдата», якобы убившего медведя (были использованы детали военной формы). Важный аспект теории З. Фрейда связан с общим «тотемным пиршеством» [ibid., p. 122–123]. Ритуальное совместное поедание мяса встречается не только на медвеьем празднике. Подобные пиршества проводились также при жертвоприношениях на священных местах. Люди могли уехать домой только после совместного поедания мяса животных, принесенных в жертву. Интерпретация З. Фрейдом такого вида пиршества как обновления общей тотемной субстанции, возможно, недалеко от истины.

Медвежий праздник и персонажи, населяющие священные места, тесно связаны. Как уже было сказано, медведь считается предком фратрии Пор. В п. Вежакоры стоял специальный дом, в котором проводились периодические медвеьи праздники членов фратрии Пор [Молданов, 1999, с. 6]. Медведь (под именем *Консу-аки* и *Кунсен-ойка*) встречался мной на исследованной территории в *ура-сумлях*, наряду с другими *луби*. Медвежий праздник тесно связан и с одним из главных персонажей пантеона этой территории *Полм-торум-ойкой* — «Пелымским богом». Согласно Т. Молданову, «Пелымский дух» входит в число наиболее почитаемых духов на медвежьих праздниках северных хантов. Песня Пелымского духа считается одной из самых важных, так как она описывает происхождение медведя и становление медвежьих игрищ [Там же, с. 20].

Информация о том, что *луби* являются предками манси, не совсем соответствует моим данным из п. Тресколье (Кересколяпауль). По словам пожилой мансийки, в прошлом много людей исчезало потому, что в лесу их похищали *менквы*. *Менквы* могли даже приходить в дом к манси. Лишь после того, как появились *луби*, *менквы* начали их бояться и уже не приближались. Из этого короткого рассказа видно, что *луби* в нем не выступают как предки, а появляются уже при жизни людей. По словам другого манси, *луби* были в прошлом героями. Такая информация больше соответствует теории культа предков.

О сложной природе *луби* свидетельствует и высказывание мансийского охотника: «*Запомни, есть боги. Они тебя никогда не бросят. У каждого есть как ангелы. Но мы их не видим. У каждого есть свой. У одного один, у другого два, три. На мансийском они называются пунквороп. Как голова, они всех охраняют. Там не один. У мансей их до семи. Если человек рождается как идолопоклонник, богам что-то делают (жертвоприношение.— Т. Б.) Одним, другим, третьим, четвертым. До семи. Семь ангелов. Они тебя не бросят. От того — у кого какие родители. В настоящее время никто про это не думает. Раньше решали, каких семь идолов-луби. Эти ангелы-луби тебе всегда помогут. Пойдешь в лес, там у тебя будет удача. Пойдешь в деревню. Там на тебя нападут. Как в кино — боевике. За тобой стоят ангелы и помогают. Как по календарю. У тебя есть определенно, когда умрешь. Кто-нибудь на тебя напал, но твое время еще не пришло. У меня ангелы. Они стоят за мной. Будут меня защищать».*

Соприкосновение этого понимания «посвящения» ребенка духам-охранникам и культа предков можно найти в мансийском обычае, связанном с рождением ребенка. Благодаря этому обычаю опытный человек узнает, душа кого из предков воплощена в новорожденном.

Священные места, примеры

В данном разделе я представляю описание нескольких священных мест высшего уровня, информация о которых собрана в процессе полевых работ с 2000 по 2009 г.

Полум-торум-ойка, р. Пелым (Ивдельский р-н, Свердловская обл.). На р. Пелым, которая пересекает с севера на юг Ивдельский район Свердловской области, местным мансийским населением почитался *Полум-торум-ойка* (Бог Пелыма). Мансийская мифология считает *Полум-торум-ойку* сыном главного бога *Нуми-Торуа*. О месте почитания важного идола в бассейне Пелыма сообщает уже в первой половине XVIII в. миссионер Г. Новицкий. Вблизи укрепленного п. Пелым, который находился при слиянии Пелыма и Тавды, располагалось священное место.

В его центре стояла необычная лиственница, на нее местные манси вешали шкуры жертвенных лошадей. На месте стояла также «кумирня», вероятно *ура* (священный лабаз), в которой было пять деревянных антропоморфных фигур в одежде. Здесь же хранились останки птиц и кости животных. Рядом с главной «кумирней» находилось еще несколько, поменьше, их Г. Новицкий описывает как *ура* на четырех столбах антропоморфной формы [1999, с. 83–84]. В некоторых документах XVII в. место упоминается в связи с жертвоприношением людей (см.: [Карьялайнен, 1995, с. 104]). Имя «идола» Г. Новицкий не называет, но, по всей видимости, это был *Полум-Торум*.

На основании материалов венгерского исследователя Б. Мункачи, К.Ф. Карьялайнен ставит «Пелымского бога» в ряд самых важных божеств, как старшего из семи сыновей Бога, который живет в хорошем деревянном доме на своем священном месте на р. Пелым [Там же, с. 157]. Но, по данным А.В. Бауло, песня, посвященная *Полум-Торуму*, была записана Б. Мункачи в 1889 г. не на Пелыме, а на Сев. Сосьве в п. Нильдино. В окрестностях поселка до сих пор находятся два священных места, связанных с *Полум-Торумом*. Первое место посвящено самому *Полум-Торум-аки*, а второе его сыну *Полум-Тору-пигу* — *Полум-урне-ойке* («Деревенскому старику») [Бауло, 2013, с. 30, 44].

Как же получилось, что божество, связанное с р. Пелым, находится в качестве объекта почитания в бассейне другой реки? Интересную информацию по этому поводу встречаем у В.Н. Чернецова, который обозначает некоторых жителей Илпил-паула, что на Оби, как *Полум сир* — пелымский род. Эти люди почитали *Полум-Торум-пига* — «Сына пелымского бога». В.Н. Чернецов далее пишет, что фигуру *Полум-Торум-пига* каждые семь лет возили в гости к отцу на Пелым. Последний раз это произошло в 1927 г. [Источники..., 1987, с. 244]. Эти данные, во-первых, указывают на связь между священным местом, о котором пишет Г. Новицкий, и культом *Полум-Торума*, а во-вторых, показывают, что родственные связи сохранялись не только между манси, но и между их богами.

По моим источникам, священные места, связанные с *Полум-Торумом*, есть на р. Пелым и в настоящее время. По ним, *Полум-Торум* находится в окрестностях п. Гаревка (Месипауль) в среднем течении Пелыма. Правда, эта информация относилась к 2000–2001 гг., когда п. Месипауль населяли последние манси, и среди них шаман Иван Куриков — *Месу-ойка*. Поселение для нас важно также тем, что находится на границе территории пелымских манси (*Полумманши*), относящихся к западной диалектной ветви народа.

Интересные сведения я получил от последнего жителя п. Апсияпауль, который находится недалеко от северной границы бассейна р. Пелым (здесь р. Апсия уже впадает в Сев. Сосьву). П. Куриков будто бы был хранителем изображения верховного бога *Торум-ойки* и хотел передать изображение отцу. Некоторые манси считали отца информатора шаманом (*няйт*), и он был сыном *койпняйта* (шамана с бубном). Но предлагаемого изваяния бога он не принял, так как тот не принадлежал территориально к божествам, хранителем которых он уже был, а относился к другому речному бассейну. Отец моего информатора является хранителем следующих фигур духов:

- 1) *Кунсен-ойка* (информатор его обозначал как медведя);
- 2) *Мисс-хуум* (по словам информатора, находится в *ура сумлях* на краю деревни);
- 3) *Тек-отыр*;
- 4) *Ас-отыр-ойка* («Обской мужик-богатырь»). По словам информатора, идол был привезен.

Судя по имени, его могли привезти со стороны Оби и Сев. Сосьвы);

- 5) *Шохрин-ойка* (информатор сказал, что «идол» тоже находится в *ура сумлях* и что у него есть *чохри* — нож. Известное священное место *Шохрин-ойки* расположено при впадении р. Тапсуй в Сев. Сосьву).

По моей версии, информация об изображении *Торум-ойки* могла относиться к *Полум-Торум-ойке*. Предположение возникло на основании других рассказов П. Курикова об этом персонаже. Если оно верное, то отказ жителя Апсияпауля от хранения *луби* бассейна р. Пелым подтверждало бы их региональную привязанность (к бассейнам рек): п. Апсияпауль действительно расположен в бассейне другой реки — Сев. Сосьвы (Оби) и *луби*, которые находятся в Апсияпауле, также принадлежат скорее бассейну Сев. Сосьвы (*Шохрин-ойка*) и Оби (*Ас-отыр-ойка*).

Из других источников я узнал, что после смерти П. Курикова (он был самым старым в роду Куриковых) возник вопрос о новом месте хранения изображения (*Полум*)-*Торум-ойки*. Проблема, наверно, появилась с уменьшением территории обитания манси, когда люди постепенно

уходили в русские поселки и священные места оставались без присмотра. Скорее всего, *луби* П. Курикова не является той же скульптурой *луби Полум-Торум-ойки*, которому поклонялись еще в XVIII в. при слиянии Пелыма и Тавды. Если проанализировать этническую карту бассейна р. Пелым, то станет очевидно, что постепенный исход манси с прежней территории обитания совершался именно с юга на север: от п. Пелым при слиянии с Тавдой через п. Вершина (Полупауль), находящийся недалеко от современного п. Пелым, п. Гаревка (Месипауль) к последним мансийским поселкам в верхнем течении р. Пелым. Местное население резко сократилось за последнее десятилетие. Еще в 2002 г., когда уже стоял вопрос о перевозе *луби* П. Курикова на безопасное место (П. Куриков жил недалеко от п. Бурмантово), в верхнем течении Пелыма в трех селениях (Юрта Хандыбина, Ворниктытурайпауль, Унгяпауль) жило 12 манси. В 2014 г. их было только двое — в Юрте Хандыбина и Ворниктытурайпауле. Если бы хранители *Полум-Торума* успели передать идола в более безопасное место в пределах бассейна Пелыма, он должен был бы появиться в верхнем течении реки. Только здесь сохранились подходящие условия.

Если мое предположение верно, то оно указывает на связь *луби* скорее с бассейном реки, чем с конкретным местом. С другой стороны, перемещение *луби* было, по всей вероятности, вынужденным (колонизация, промышленная эксплуатация природных ресурсов).

На р. Пелым, примерно в 2 км от современного п. Пелым, также есть священное место. И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев предполагали, что оно имело территориальное значение. Такие места связаны с существованием былых мансийских княжеств. Их функцией было обеспечение политической интеграции и стабильности манси на большой территории. Обычно на таких священных местах хранили *луби* богов высокого ранга, почитание которых выходило за границы фратрий (*Калташ*, *Мир-сусне-хум*). Такое место (*Торум-кан*) находилось, например, у п. Ломбовож, центра Ляпинского княжества. [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 126]. Не исключено, что это место было когда-то хранилищем *Полум-Торум-ойки*, но с приходом русских его перенесли. Память о священности места, возможно, сохранилось до современности.

Ялпынг-нёр (Молебный камень, Алы-Ялпынг-Нёр), Ивдельский р-н, Свердловская обл.) (см. подробнее: [Матвеев, 1984, с. 87; Слинкина, 2011, с. 298]). Про это интереснейшее священное место мне рассказывал мансийский охотник из д. Кимшупауль (Юрта Бахтиярова). Местность называется *Ялпынг-нер* («Священная гора»). Урочище входит в уральский хребет и на географических картах обозначено как хребет Молебный камень. По словам информатора, священное место состоит из трех главных вершин: *Ойка-чахл* («Мужчина-вершина»), *Эква-чахл* («Женщина-вершина») и *Хуш-ойка* (находится в хребте Муравенный камень). Эти горные вершины считались богами, *Хуш-ойку* называют сыном *Ойка-чахл* и *Эква-чахл* и иногда сравнивают с игральной картой «валет». Ни мужчинам, ни женщинам нельзя было подниматься на вершины. По рассказам, на вершинах *Ойка-чахл* и *Эква-чахл* находятся необычные камни, которые на других вершинах этой местности не встречаются. Еще на них растет лиственница вместо березы, в основном распространенной по территории. И в этом случае видим, что священное место само выделяется из окружающей среды специфическими качествами. Между *Ойка-чахл* и *Эква-чахл* находится место, называемое *Пурлахтын-сори*. На нем манси проводили жертвоприношения оленей, варили и употребляли в пищу их мясо (участвовали только мужчины). В жертву приносили сразу несколько оленей (*чан*). Самый старый мужчина разделял мясо на куски. Кости, рога и шкуру оставляли на месте. Люди не разезжались, пока все мясо не было съедено. На жертвоприношения собиралось до 50–60 манси даже из удаленных мест. С собой привозили свои *луби*, которые хранились у них в *ура-сумлях*. Им также приносили жертву в виде оленей. Информатор в разговоре делал различие между домашними *луби* и «общественными». Женщинам на такие места ходить было не положено, а при приближении следовало закрывать лицо платком.

Молебный камень упоминает в работе о чердынских вогулах И.Н. Глушков. Этот камень в виде человеческой головы принадлежал роду Бахтияровых, манси облачали его в одежду и, вероятно, почитали. Служащие местного рудника увезли камень, но им пришлось вернуть его обратно, чтобы избежать развития конфликта. Территорию Молебного камня манси называли «диким местом» и считали живым существом: если там ударить топором, то потечет кровь. «Дикое место» могло рассердиться, и, чтобы его умилостивить, надо было закопать серебряную монету [Глушков, 1900, с. 69, 70].

К.Ф. Карьялайнен ставит «Священного князя вод Лозьвы» на второе место среди божеств вогулов [1995, с. 157]. Видимо, имеется в виду *Вит-ялпынг-аки*, покровитель р. Лозьвы и священного места *Ялпынг-нёр*.

Река Вижай, которая берет начало в районе *Ойка-чахл* и *Эква-чахл*, считается священной (*ялпинг-я*). Это может объяснить, почему местные манси почитают священными и места при впадении Вижая в Лозьву. Женщинам положено данный участок обходить, он лежит недалеко от п. Вижай. Мансийский информатор из п. Лепляпауль характеризовал район истоков р. Вижай (около *Ойка-чахл* и *Эква-чахл*) как территорию божества *Вит-ялпин-аки* («Водяной священный старик»). По его словам, манси туда ходить нельзя. Это священное место имеет родственные связи с *ялпинг-ма Анянг-аки*, которое находится на р. Анянъя (правый приток Пельима), и *Тапс-ялпинг-аки* на р. Тапсуй (правый приток Сев. Сосьвы). Божества этих мест считаются братьями.

Хребет Молебный камень считали важным местом также манси бассейна Вишеры (западный склон Урала). Для них священной была и р. Вижай, которая здесь начинается. Возможно, территория имела значение, выходящее за пределы этнической территории манси. Само название «Ви-жай» можно перевести как «священная река», но с языка коми-зырян [Матвеев, 1985, с. 45].

Мансийский информатор рассказывал о запрете на посещение священных мест, но на мой вопрос о возможности жертвоприношения на таких местах ответил, что раньше, когда держали оленей, манси туда регулярно приходили. *«В течение зимы — несколько раз. То одним, то другим (божествам). И четырнадцать сразу (оленей). На Тресколье (мансийская деревня в верховьях Лозьвы). Тому, который поменьше, семь. Следующий раз опять на полнолуние или в его начале — семь и семь, четырнадцать или двадцать один. Молодые мясо разделявают».*

Нёр-ойка (Ялпинг-нёр) (Березовский р-н ХМАО) (см.: [Матвеев, 1984, с. 78]). В предгорьях Урала, вблизи северной границы Свердловской области и ХМАО возвышается гора *Нёр-ойка* (*Ялпинг-нёр-ойка*, *Уш-тахталех-нёр-ойка*) — «Гора мужчина». У ее подножия располагается оз. Турват. Согласно местным источникам, озеро и гора являются священным местом. Главное место почитания, по некоторым данным, не само озеро Турват, а небольшое озеро примерно в 3 км южнее. Манси называют его *Ялпинг-тур*, *Мань-ялпинг-тур* (Священное озеро, Малое священное озеро).

Священное место представляет собой соединение природного и культурного ландшафта. Священными считаются составляющие ландшафта (гора, озера), также на этой территории находятся культовые постройки — *ура-сумлях* с антропоморфной фигурой *Нёр-ойки*. *Нёр-ойка* в мансийской мифологии — сын *Нуми-Торума* и покровитель оленьих стад [Мифология манси, 2001, с. 99].

По К.Ф. Карьялайнну, «Священный старик Урала» является третьим по значению из божеств манси; согласно Н.Л. Гондатти, он — третий сын Бога, живет со своей семьей у истоков Сев. Сосьвы «в каменном доме» и прежде всего заботится об оленьих стадах. Раз в три года его изображение доставляют к брату — Пельмскому богу (по: [Карьялайнн, 1995, с. 158]). Описание третьего брата соответствует *Ялпинг-нёр-ойке*. «Каменный дом», вероятно, сама гора Нёр-ойка. Из оз. Турват, которое находится рядом с горой, вытекает один из истоков Сев. Сосьвы.

Один из манси рассказывал о случае, когда старатели подошли к горе на расстояние около 1 км и у них произошел сбой электронных приборов. Не исключено, что магнитная аномалия влияла на флору или фауну и способствовала выделению места из окружающей среды

Анянг-аки (р. Анянъя, Ивдельский р-н, Свердловская обл.). Как я писал выше, священное место *Ялпинг-нёр* манси считали местом обитания *Вит-ялпинг-аки*, брата *Анянг-аки* — хозяина священной территории на р. Анянъя (правый приток р. Пельим). *«Когда через нее плавают собака — слезет у нее шерсть. Так она ялпинг — священная. Это священное место. Хотели там построить деревню. Привезли туда бригаду, чтобы его построила. Но у них животы раздуло — чуть ли не лопались. Привезли другую бригаду, но случилось то же самое. Хотели там открыть какую-то геологическую базу, но никто так и не смог. Это священное место. Священное значит священное. Но рыбы там плавают. Собака переплывает речку, поднимется на берег и шерсть из него падает, голый остается. Клим там где-то жил, но я туда никогда не пойду. Но, может, пойду, но охотиться я там не буду. Священное, по нашим меркам, очень священное».*

Священные места *Анянг-аки* и его брата *Вит-ялпинг-аки* также находятся в особенных взаимоотношениях: *«Один на другого (брата. — Т. Б.) видит. Между ними находится открытое пространство. Это воины. Стреляли. Когда-то было такое время. Охраняли мансей. Там находится такое пространство — от стрел, там не растут ни деревья, ни трава, где стреляли луки и стрелами. От верхнего Вижая — Молебного камня к Анянг-аки на верхней Посре. Один другого охранял. Их семь братьев на Лозьве».*

В случае священного места *Анянг-аки* мы вновь видим, что из окружающего ландшафта его выделяет специфическое качество. Место проявляется само, и культура манси его свойства интерпретирует как *ялпынг* — священное.

Тапс-якван-аки (р. Тапсуй, Советский р-н ХМАО). Святое место духа-хозяина Тапсуя *Тапс-якван-аки* («Тапсуйского священного старика»). Его *ялпынг-ма* расположено на р. Тапсуй в Советском районе ХМАО. Оно включает в себя обширный участок леса, внутри которого находится место хранения божества.

Тапсуйский манси И.Д. рассказывает: «*Тапс-якван-аки*. Ранее, которые жили на Тапсуе, они верили во все это, но сделали ошибку, большую ошибку. Они сделали это, и тогда все, кто был там, — Дунаевы (живший на Тапсуе род. — Т. Б.) умерли. Они должны были что-то сделать. Таким образом, все умерли. Тапс-яны-аки не любит шуток. Он священный, не очень далеко отсюда» (из интервью, записанного в д. Шолтытпауль на Тапсуе, примерно в 11 км от *ялпынг-ма*). Несчастья, которые коснулись рода Дунаевых, И.Д. считает последствием нарушения обычаев в выборе брачных партнеров между родами: «*Братья матери и Т. прибыли на Тапсуй. Он хотел жениться на К., и нужно было польстить* (ее родственникам. — Т. Б.). Он пошел на охоту на диких оленей. Во время охоты Т. пришел на святое место, где Тапс-ялпынг-аки сидит. Там никогда нельзя ходить. Он знал оленей, стрелял. Но не смог добыть его. После этого у него были проблемы с ногами. Никакое лечение не помогло ему. Он имел отверстие в ноге. Он стал калекой на всю жизнь».

По словам И.Д., этот случай был тяжелым преступлением против обычаев. Он упоминает, что молодой манси Т. прибыл в п. Налымпауль на Тапсуе, где он встретился с К., а затем они бежали вместе: «*Когда узнал мой дед, он сказал, что, если бы он знал, догнал бы их и убил*». И.Д. это нарушение правил связывает со смертью своего отца, который попал в годы раннего детства И.Д. под поезд в русском поселке Пионерский.

Из этих, несколько обрывочных заметок очевидно, насколько сильно священное место влияет на верящие в его мистическую силу людей. По словам И.Д., было совершено два проступка: вторжение на запретную территорию *луби* чужого рода, а также нарушение правил брачных связей, в отношении которых духи священных мест играют важную роль. *Тапс-ялпынг-аки* считался состоящим в мифических родственных отношениях с духами *Вит-ялпынг-аки* и *Анян-ялпынг-аки*, священные территории которых были расположены дальше на запад к Уралу. Можно предположить, что родственные отношения между богами-луби «регулировали» и социальные отношения между манси разных региональных групп.

По обычаю, ритуальные постройки (*ура*), связанные с культом *Тапс-ялпынг-аки*, по мере необходимости обновлялись. Согласно некоторым данным, последний хранитель священного места *Тапс-ялпынг-аки* решил не продолжать их обновление. По словам местных манси, место в будущем должно оставаться без ухода со стороны людей.

Ритуальные постройки в поселениях

Помимо священных мест — *ялпынг-ма*, которые в настоящее время посещаются довольно редко, я обнаружил на исследованной территории также ритуальные постройки в границах деревень — *лубикол* (дословно «дом духов»). В некоторых поселениях (Кересколяпауль, Апсияпауль) стоят срубные постройки в виде мансийского «традиционного» дома (*норкол*) без потолка. В современных мансийских поселках жилища такой формы уже почти не используются. В случае п. Кересколяпауль (мансийское селение в верхнем течении Лозьвы, большинство жителей которого переселились в соседний п. Ушма) манси сказали, что в нем хранятся *луби*, чье значение выше семейного. Молодые женщины не допускаются в *лубикол*. Тем не менее я наблюдал, что пожилая женщина посещала его регулярно зимой и топила в *лубикол* печку. Но в д. Кересколяпауль находился помимо *лубикол* также *ура-сумлях*. В *лубикол* хранились, по словам манси, следующие *луби*:

- 1) *Хуль-отыр-ойка* — в черной одежде;
- 2) *Сорт-хурин-ати* — от слова *сорт* (щука). Щука считается на Лозьве священной. Женщинам нельзя ее ни чистить, ни есть во время менструации;
- 3) *Калташ-шань* — «божья мать»;
- 4) *Шохрин-хурин-ойка*;
- 5) *Консу-аки* — медведь;
- 6) *Вит-ялпынг-аки* — «Старик священной воды». Информатор связывал его с р. Лозьвой (*Лусн*), в которой женщинам купаться нельзя.

Среди упомянутых *пуби* снова встречаем *Вит-ялпинг-аки*, который имеет свое место почитания в районе *Ялпынг-нёр*. Возможны два объяснения: *пуби Вит-ялпинг-аки* мог быть перенесен с места, где он уже не был в безопасности, или речь идет о другом изображении того же персонажа мансийского пантеона. В случае некоторых мансийских божеств такая ситуация встречается довольно часто. Но обычно это касалось персонажей со слабо выраженной региональной принадлежностью. Например, *Мир-сусне-хуму* поклонялись во многих местах, но он считался скорее общемансийским божеством.

Предполагаю, что причиной возникновения *пубикол* могло быть воздействие на окружающую среду манси. Почти по всей исследованной территории происходили интенсивные промышленные заготовки древесины, а также геологические работы. *Ялпынг-ма*, описанные выше, было сложно сохранять «чистыми». Однако на окраине деревень, в которых стояли *пубикол*, находились также *ура-сумлях* — такие же ритуальные постройки, какие бывают на священных местах. Вероятно, в них хранятся *пуби* другой категории. По словам некоторых информаторов, в поселковых *ура-сумлях* находились медвежьи шкуры (Апшяпауль, Юрта Курикова, р. Лепля).

Любопытно предположение К.Ф. Карьялайнена, что в прошлом хранение *пуби* (духов более высокого ранга, чем домашние) в домах было более частым явлением. Однако, так как дома стали небезопасными (возможно, из-за христианизации. — Т. Б.), идолов пришлось прятать в лесу [Карьялайнен, 1995, с. 63].

В некоторых местах исследованной территории наблюдается «приближение» священных лабазов к границе поселений (Ворниктыурайпауль, Юрта Хантыбина). Особенно это заметно в п. Ворниктыурайпауль, который я посетил первый раз в 2000 г. Тогда *ура-сумлях* в его границах не было, а в 2014 г. я его заметил уже в деревне.

Обсуждение и выводы

Важной остается проблема происхождения священных мест. Нередко считается, что элементы ландшафта, признанные сакральными, созданы социальным конструированием. Однако мы находим широкий спектр возможных путей такого конструирования. Есть места, которые возбуждают сильные эмоции независимо от веры наблюдателя (например, некоторые скалы, деревья, водные объекты) или сами вызывают ощущение священности [Lane, 2001, p. 60]. Другие почитаемые места появляются из рациональных соображений (например, как важные средоточия источников пищи) или даже по политическим мотивам (см., например, святилище *Торум-кан* рядом с п. Ломбовож [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 90, 126–127]). Поэтому священное пространство может иметь большое не только религиозное, экономическое и социальное значение, но и политическое [Kong, 2001, p. 213]. Так возникает вопрос, который развивает Л.Е. Шинер: оправдана ли дихотомия священное — профанное, разработанная, например, М. Элиаде. В случае сакральных мест присутствуют характеристики, которые принадлежат к сфере как священного, так и профанного [Schiner, 1972, p. 436].

С этой дискуссией также связан вопрос функции сакрального места. С точки зрения местного населения, святилище — прежде всего место жертвоприношения богам, обеспечивающим успех и счастье в жизни членов общины. С точки зрения социальных наук эта положительная функция может выполняться и без признания существования сверхъестественной силы (классическое объяснение этого дали Э. Дюркгейм [Durkheim, 2002] и М. Мосс [2000]). Остается вопрос, может ли это объяснить само существование священного, как считали указанные ученые. Здесь я возвращаюсь к статье Б. Лейн, в которой упоминается «поэтическая» сила подобных мест [Lane, 2001]. Даже если мы обнаружим целый ряд рациональных причин появления и почитания таких мест, остается важный аспект, который их социальной и экономической значимостью не объяснить.

Религия, и культ священных мест в частности, несомненно, является важным элементом интеграции групп манси. Культ сакральных мест был сильным во всех местах их проживания. В исследуемом регионе я отметил ряд территорий, известных как *ялпынг-ма*. Большинство из них в настоящее время не действуют. Посещения этих мест и коллективные жертвоприношения объединяли людей, происходящих с относительно отдаленных территорий. Даже если не придерживаться крайних позиций классиков социологии Э. Дюркгейма и М. Мосса, которые рассматривали социальный аспект в контексте религии в качестве ключевого, вряд ли можно переоценить важность встреч на священных местах. *Ялпынг-ма* были не только частью экологических и социальных отношений, но также эти отношения создавали и поддерживали. Сопостави-

мую социальную значимость имел и так называемый медвежий праздник — обряд поклонения медведю, тесно связанный с духами-хозяевами священных мест. На празднике исполнялись песни, в которых приглашались *луби*. Помимо этого, в ряде театральных сцен праздника подчеркивалась важность священных мест. На медвежьем празднике верхнепелымских манси зимой 2001 г. я стал свидетелем такой сцены. Два брата оказались на священном месте, и один из них предупредил другого, что там ничего нельзя брать. Тот не подчинился запрету и съел кедровую шишку. После он почувствовал себя плохо и поправился, только извинившись перед медведем.

В настоящее время эти факторы интеграции имеют небольшое значение. В рамках семьи или на местном уровне религиозные ритуалы до сих пор практикуются, но мне уже не встречалась информация о проведении в наши дни таких церемоний межтерриториального уровня. Отчасти исчезновение отдельных религиозных практик местных групп манси сопряжено с утратой ими оленеводства, так как некоторые из важных праздников были связаны не только с жертвоприношением оленей, но и с экономикой оленеводческого цикла [Boukal, 2010, с. 167].

Часто обсуждается вопрос о возможной экологической значимости священных мест (см., напр.: [Ромбандеева, 1993; Адаев, 2007]; на материалах других территорий: [Anderson et al., 2005]). В случае некоторых почитаемых манси мест, таких как *ялпынг-ма Тапс-ялпынг-аки*, очень вероятно, что экологический аспект присутствует. Строгие запреты в отношении ряда видов хозяйственной деятельности (охоты, собирательства, рыболовства и т.д.) могли иметь такой же эффект, как в заповеднике. Дикие животные постепенно привыкали к существованию таких территорий, где их меньше преследовали, и начинали их использовать. Е.И. Ромбандеева сообщает о священных местах манси, расположенных на нерестилищах [1993, с. 64]. Некоторые священные места были настолько обширны, что простое снижение интенсивности использования природных ресурсов могло способствовать долгосрочной экологической устойчивости. Однако остается вопрос, является ли экологический эффект побочным продуктом религии или он может возникнуть как первичное качество данного места. Во втором случае мы бы приблизились к позиции таких антропологов, как Р. Раппапорт, который предполагает существенное влияние религии на экологические процессы (см.: [Rappaport, 1988]).

Представляется, что кризис священного пространства и его понимания тесно сопряжен с кризисом самого образа жизни манси и деградацией окружающей их среды. Мансийский охотник-рыбак, который оставляет религиозные убеждения своих предков, может продолжать заниматься охотой и рыболовством, жить в небольшом родовом селении, но мир меняется. Горы вокруг уже не являются божествами, река потеряла своего духа, в лесу не обитают опасные *менквы*. В этой его сложной жизни утрачиваются некоторые отношения с «традиционной» экосистемой. «Десакрализация» пространства и ландшафта, населенного манси, связана с постепенным исходом этой этнической группы из прежней экосистемы (например, с миграцией в города). С экологической точки зрения вместе с исчезновением священных мест их жизнь теряет важные связи с окружающей средой, как природной, так и социальной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
- Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места XIX — начала XX в. Новосибирск: Наука. 1986. 192 с.
- Глушков И.Н. Чердынские вогулы // ЭО. 1900. Т. 15. Вып. 2. С. 15–78.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: ИТУ, 1987. 284 с.
- Карьялайнен К.Ф. Религия Югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 2. 282 с.
- Матвеев А.К. От Пай-Хоя до Мугоджар. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Матвеев А.К. Топонимия Урала. Свердловск: УрГУ, 1985. 76 с.
- Мифология манси. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Молданов Т. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 141 с.
- Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 13–109.
- Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993. 208 с.

Этническая экология священных мест манси

- Слинкина Т.Д.* Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск: Издат. дом «Новости Югры». 2011. 480 с.
- Anderson D., Salick J., Moseley R., Xiaokun Ou.* Conserving the sacred medicine mountains: A vegetation analysis of Tibetan sacred sites in Northwest Yunnan // *Biodiversity and Conservation*. 2005. № 14.
- Boukal T.* Příroda, lidé a politika. Původní obyvatelstvo severu Sverdlovské oblasti a přilehlých regionů: Factory vývoje osídlení // *Bahenský František a kolektiv. Národnostní politika na teritoriu bývalého SSSR*. Praha, 2010. 219 s.
- Durkheim E.* Elementární formy náboženského života: systém totemismu v Austrálii. Praha: OIKOYMENH, 2002. 491 s.
- Eliade M.* Pojednání o dějinách náboženství. Praha: Argo, 2004. 460 s.
- Freud S.* Totem a tabu. Vtip a jeho vztah k nevědomí. Praha: Práha, 1991. 181 s.
- Kong L.* Mapping «new» geographies of religion: politics and poetics in modernity // *Progress in Human Geography*. 2001. № 25 (2). P. 211–233.
- Lane B.* Giving voice to place: three models for understanding sacred space // *Religion and American culture: A journal of interpretation*. 2001. Vol. 11. № 1. P. 53–81.
- Shiner L.E.* Sacred space, profane space, human space // *Journ. of the Amer. acad. of religion*. 1972. Vol. 40. № 4. P. 425–436.
- Rappaport R.A.* Ritual regulaion of environmental relations among a New Guinea people // *Environment and cultural behavior, ecological studies in cultural anthropology*. Austin: Univ. of Texas Press, 1988. 485 p.
- Swan J.* Sacred places: How the living earth sees our friendship. Santa Fe, New Mexico: Bear and Company Publishing, 1990. 237 p.
- Townsend P.K.* Environmental anthropology, from pigs to policies. LongGrove: WavelandPress, Inc., 2009. 119 p.

Чехия, Университет Пардубице
tom-b@email.cz

The article proposes considering the phenomenon of Mansi sacred places as an important aspect of ethnic ecosystem. The author tried to present certain relations connecting the Mansi sacred places with other components of the ecosystem (a sociocultural system, as interpreted by E. Wolf). Subject to demonstration being an active role in the shaping of ecological relations played by the sacred places in the environment of northern indigenous peoples.

Ethnic ecology, native residents, Mansi, sacred places.

СЕЛЬКУПЫ СЕЛА СОВРЕЧКА

О.Б. Степанова

Статья посвящена проблеме субэтнической и этнической принадлежности небольшой группы селькупов, проживающей в районе с. Совречка на северо-западе Туруханского района Красноярского края близ границы с Тюменской областью и смешанной с преобладающим здесь по численности эвенкийским населением. В результате исследования было установлено следующее. Первое: селькупов Совречки в силу их географического положения и ряда культурных особенностей правильнее относить не к туруханским (баихинским) селькупам, а к тазовским. Второе: мнение о полной ассимиляции этой группы местными более многочисленными эвенками ошибочно. Совреченские селькупы сохраняют свою этническую идентичность. Процессы ассимиляции, культурного влияния среди смешанного селькупско-эвенкийского населения Совречки происходят, но не столь активно, как может представляться. Эти процессы идут в двух встречных направлениях, и влияние селькупов на эвенков как минимум не уступает влиянию эвенков на селькупов.

Этнография, селькупы, идентичность, ассимиляция, культурные особенности, оленеводство, межкультурное взаимодействие.

Целью экспедиции автора в Туруханский район Красноярского края, состоявшейся в сентябре 2014 г., была полевая работа в одной из двух основных групп североселькупского этноса — туруханских селькупов, проживающих в бассейне рек Верхняя и Нижняя Баиха (правых притоков Турухана), именуемых также баишенскими или баихинскими селькупам. Согласно имеющимся данным, в начале XX в. эта группа уже имела некоторые культурные особенности, отличающие ее от другой, более многочисленной «половины» северных селькупов, расселенной в бассейне р. Таз,— тазовских селькупов [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 74; Островских, 1931, с. 168–171; Прокофьева, 1956, с. 671]. Сегодня тазовские селькупы занимают территорию Красноселькупского и частично Пуровского и Тазовского районов Тюменской области. Красноселькупский район имеет протяженную границу с Туруханским районом Красноярского края.

По статистике, предоставленной отделом по делам коренных народов Севера при администрации Туруханского района (г. Туруханск), на 1 января 2014 г. в Туруханском районе проживало 373 селькупа, из них 72 чел. — в самом Туруханске (в большинстве своем это обрусевшие селькупы-переселенцы), 229 чел. — в с. Фарково и 32 чел. — в с. Совречка. Еще 39 селькупов рассредоточенно проживали в ряде населенных пунктов района.

Села Фарково и Совречка имеют статус национальных, их население сохраняет исконные виды промысловой деятельности и ведет традиционный образ жизни. Главное время и внимание в полевой работе было уделено фарковским селькупам, как основной по численности селькупской группе района; я полагала, что их культура типична для всех туруханских селькупов, в том числе проживающих в с. Совречка. Однако по мере накопления информации обнаружилось, что совреченские селькупы существенно отличаются от фарковских и говорить об их полной идентичности ошибочно.

У фарковских селькупов было зафиксировано отсутствие оленеводства, а также сожаления об его утрате, что вполне объяснимо, поскольку еще до революции и войны туруханские/баихинские селькупы считались преимущественно безоленными [Прокофьева, 1956, с. 671]. Как удалось выяснить у информантов, в период колхозов-совхозов некоторые баихинские семьи держали оленей, но уже в 1971–1972 гг. их ни у кого не было. Общественное оленеводство здесь также «не задалось»: колхозное стадо с максимальной численностью в 300 голов перестало существовать в конце 1960-х. Совречка, напротив, оказалась единственным селом в районе, где в основе современной системы жизнеобеспечения населения — эвенков и селькупов — лежит оленеводство. Шесть лесных угодий в округе села, которые мне удалось посетить, оказались стойбищами оленеводов.

Мысли о должном отличии совреченских селькупов от фарковских возникают и тогда, когда летишь к ним на вертолете: разница во времени полета к одним и другим из районного центра говорит о том, что между местами проживания этих двух групп пролегают сотни километров. Очевидно, что из-за разделяющих их расстояний фарковские и совреченские селькупы не име-

Селькупы села Совречка

ют тесных хозяйственных контактов. Если взглянуть на карту Туруханского района, с. Совречка находится за пределами бассейна рек Верхняя и Нижняя Баиха. Следовательно, совреченских селькупов некорректно даже называть баихинскими. Вместе с тем среди жителей района бытует странное мнение, что в Совречке селькупов нет: «там живут все эвенки». Это утверждали люди разных социальных категорий из разных мест района.

Противоречивость в сведениях, полученных о совреченских селькупках в ходе полевой работы, обнажила необходимость проведения небольшого исследования, задачей которого является поиск ответа на вопрос, кто такие эти 32 жителя с. Совречка и какова в действительности их групповая и этническая принадлежность. Исходила я из того, что это все-таки селькупы, ведь при переписи они сами назвали себя таковыми, т.е. они селькупы по самосознанию и самоопределению.

Селькупы с. Совречка пока еще не становились самостоятельным объектом этнографического изучения. Косвенные сведения, на которые опирается настоящее исследование о совреченских селькупках, были почерпнуты из работ Е.Д. Прокофьевой [1956, 1976], В.Н. Скалона [1931], В.А. Козьмина [2003] (по проблеме селькупского оленеводства), В.А. Туголукова [1963], Г.М. Василевич [1969] (по этногенезу и культуре эвенков), Б.О. Долгих [1960, 1982], В.И. Васильева [2005] (по этнической истории селькупов) и ряда других авторов.

Село Совречка расположено на крайнем северо-западе Туруханского района вблизи границы с Тюменской областью и является самым западным в районе населенным пунктом. Стоит оно в месте слияния р. Советская Речка и р. Ирба. По карте легко определить, что по прямой расстояние от Совречки до Фарково и Туруханска заметно больше, чем от нее же до с. Красноселькуп — районного центра Красноселькупского района Тюменской области. Самый близкий к Совречке населенный пункт — бывшее селькупское село, а ныне фактория Сидоровск того же района, расположенная на р. Таз. Картографический анализ местоположения с. Совречка позволяет предположить, что его селькупское население — это часть тазовских селькупов, оказавшаяся в одних административных границах с баихинскими селькупками.

На то, что у совреченских селькупов больше сходства с тазовскими селькупками, чем с баихинскими, указывает факт сохранения у них традиции оленеводства, устойчивость которой у тазовских селькупов служит особой характеристикой хозяйственного уклада. По данным В.Н. Скалона, в 1929 г. (на момент начала колхозного строительства) из 215 оленеводческих хозяйств бассейна р. Таз 151 хозяйство имело от 1 до 20 голов оленей, 30 хозяйств держало от 21 до 30 голов, 17 хозяйств — от 31 до 50 голов, 9 хозяйств — до 100 голов и 7 хозяйств — от 101 до 1000 голов [1931, с. 76]. Основное значение тазовского оленеводства определяется как транспортное. В многооленных хозяйствах олень служит также источником питания и дает материал для изготовления покрывал на чумы, постелей, одежды, упряжи, арканов и т.д. В советский период в Красноселькупском районе поголовье общественных оленей достигало (в 1986 г.) 8 тыс. голов [Бакулин, 2000, с. 187]. В 1990-е гг. в оленеводстве тазовских селькупов случился кризис, и почти все поголовье было утрачено, но в течение первого десятилетия XXI в. благодаря мерам государственной поддержки и любви селькупов к оленям кризис был преодолен. Сегодня олени есть в каждой семье тазовских селькупов, сохраняющей традиционный образ жизни. Их берегут, содержать оленей престижно. Основное значение современного селькупского оленеводства по-прежнему остается транспортным. В хозяйствах верхнетазовских селькупов насчитывается от 10 до 40 оленей на семью.

Средняя численность оленьего стада у совреченских оленеводов составляет 150 голов. По сведениям Е.Д. Прокофьевой, крупные стада оленей — в 200–500 голов — содержали средне(нижне)тазовские селькупы [1976, с. 139]. Селькупы среднего (нижнего) течения р. Таз, как уже было определено, — это ближайшие соседи совреченцев, проживающие с ними на одной широте и в одной природной зоне. Стойбища жителей Совречки располагаются главным образом к северу от села, в системе Советских озер. Земли этой области относятся к зоне лесотундры и представляют собой замечательные оленьи пастбища. Таких пастбищ нет в месте проживания фарковских/баихинских селькупов: природная зона бассейна рек Верхней и Нижней Баихи — это тайга, непригодная для крупностадного оленеводства (потому что зимой она очень заснежена и олени не могут добывать из-под снега в достаточном количестве корм). Таким образом, можно считать, что совреченские селькупы не только территориально, но и культурно ближе к тазовским селькупкам, чем к баихинским.

Теперь пришла очередь рассмотреть вопрос, почему население Совречки жителям района представляется полностью эвенкийским и какие ассимиляционные процессы протекают в местной селькупско-эвенкийской среде.

Один из информантов с р. Баиха, Г.П. Кукушкин, учившийся в 1950–1960-е гг. в совреченском интернате и знающий о жителях Совречки не понаслышке, считает, что в Совречке селькупов нет, поскольку там никто не знает селькупского языка: «Сайготин Вовка — эвенк, хоть и фамилия селькупская. Аркадьевы тоже эвенки, Курматовы тоже. И Яроцкие. Эти эвенки под селькупов косят. Там селькупов нет, селькупского языка они не знают». Многие туруханцы (в том числе чиновники) даже не слышали, что в Совречке проживают также селькупы, в их представлениях селькупское село — Фарково, а Совречка — эвенкийское. Некоторые приводят следующий довод: «раз оленеводы, значит, эвенки».

Думаю, в первую очередь на формирование такого мнения оказывает влияние статистический фактор. Селькупов Совречки «принудительно ассимилируют» эвенками или «объединяют» с ними по причине эвенкийского численного превосходства. По данным отдела по делам коренных малочисленных народов Севера Туруханского района, на 1 января 2014 г. население с. Совречка насчитывало 160 чел., из них 119 составляли эвенки, 32 — селькупы, 5 — кето и 4 — ненцы.

Игнорирование совреченских селькупов характерно не только для жителей Туруханского района. Этнограф В.А. Туголуков, посетивший Совречку в 1962 г., опубликовал довольно подробные сведения о родовом составе и происхождении ее жителей-эвенков, а селькупов он упомянул в виде цифры в «сводке» по этническому составу села. По его данным, в селе насчитывается 34 двора, из них 24 двора эвенкийских, 6 селькупских, 2 ненецких и 2 русских [Туголуков, 1963, с. 164]. Вероятно, причина такого отношения В.А. Туголукова к этим селькупам та же — их малочисленность в сравнении с местными эвенками.

Другая причина того, что местные жители не замечают и не признают совреченских селькупов, по-видимому, кроется в административных связях Туруханского района. Мнение «раз оленеводы, значит, эвенки» у населения Туруханского района основывается на мощном потоке информации об эвенках-олленеводах, составляющих большую часть населения соседнего Эвенкийского района того же Красноярского края, и, наоборот, на отсутствии информации о традиционном оленеводстве тазовских селькупов, проживающих в Тюменской области — другом субъекте РФ. Туруханский район не имеет прямого транспортного сообщения ни с одним из тех районов Тюменской области, где проживают селькупы.

Важным показателем определения этничности служит язык. Г.П. Кукушкин отчасти оказался прав: языковая неустойчивость у селькупов Совречки действительно имеет место. По устным сообщениям лингвистов, приехавших в Совречку в 2014 г. для изучения эвенкийского языка, носителей селькупского языка в селе «совсем мало»; в здешней языковой ситуации наблюдаются две тенденции: замещение селькупского языка эвенкийским и замещение эвенкийского и селькупского языков русским. Эти тенденции особенно видны, если связывать устойчивость языка с местными топонимами. В топонимах района Советских озер русские названия перемежаются с эвенкийскими, а селькупские почти отсутствуют. Названия стойбищ, которые мне удалось посетить, все русско-эвенкийские: Номнякит (озеро Весеннее), Малый Дюгокит (Малое Летнее озеро), речка Данила, озеро Подвальное, Малое Советское (по эвенкийски — озеро Бога); Большое Советское (тоже озеро Бога). На вопрос, в честь какого бога названы Советские озера, все жители отвечают без раздумий: Хаваки/Хэвэки (верховное божество эвенкийского пантеона). Лишь в первой части названия Номнякит стоит имя главного селькупского бога Нома или ненецкого Нума, но вторая часть — эвенкийская.

Для кого-то ситуация с языком у совреченских селькупов служит причиной сомнений в их этнической идентичности. Другие в ней увидят только подтверждение влияния эвенков на селькупов и ничего более. Влияние эвенков на селькупов очевидно и бесспорно. Но любая ассимиляция — это процесс, имеющий два направления. Интерес исследователя в данном случае больше будет соответствовать встречно ориентированному явлению: влиянию селькупов на эвенков, поскольку оно не так очевидно.

За свою историю северные селькупы не раз демонстрировали пассионарные возможности и способность быть не уступающей, а наступающей в ассимиляционном смысле стороной. Будучи немногочисленным народом и начав в середине XVII в. переселение со Средней Оби на север, они отвоевали земли среднего и верхнего течения р. Таз и бассейн Турухана у лесных

Селькупы села Совречка

энцев, сдвинув границу расселения энцев значительно на север [Долгих, 1960, с. 142–143; 1982, с. 121–122]. К 1920-м гг. тазовские селькупы полностью ассимилировали 15 семей ваховских хантов, пришедших в бассейн р. Толька (левый приток Таза), и 26 семей эвенков Боякиных, а также кетов, переселившихся в верховья Таза [Васильев, 2005, с. 315]. В бассейне Турухана селькупы ассимилировали кетов, пришедших вместе с ними вниз по Енисею [Долгих, 1960, с. 121–122].

Назвать сразу точное время образования в районе Боговых (Советских) озер смешанной селькупско-эвенкийской группы довольно трудно. Г.М. Василевич пишет, что тунгусы выходили на западный берег Енисея — между Кетью и Туруханом — еще в XVII в., а в конце XIX — начале XX в. часть западных групп эвенков уже жила по верхним притокам Турухана и Таза [1969, с. 3–6].

В.А. Туголуков приводит данные о том, что эвенки (принадлежащие к байкитско-чунской диалектно-этнографической группе) переселялись в район Совречки в несколько этапов: «Эвенки Совречки довольно отчетливо делятся на две территориальные группы: эвенки собственно района Совречки и эвенки озера Момчик (в 120 км водным путем от поселка)... Эвенки собственно района Совречки являются потомками родов Люток (Курматовы, Орловы) и Панкагир (Давиндуки). Среди них живут также отдельные представители родов Хомпо (Сапожников), Чапогир (Чапогирский, Дярлауль), Кильмагир (Яроцкий), Чумиски (Даурская) и Оегир (Оягир). Эвенки, живущие на оз. Момчик, все являются однофамильцами — Аркадьевыми — и принадлежат одному роду — Чоноко. Это давние выходцы из бассейна Подкаменной Тунгуски. Вместе с эвенками Баяки они сначала обитали в верхнем течении р. Таз, а затем пришли на Момчик. У них одинаковый говор с панкагирами. Живут они обособленно от остальных жителей Совречки, занимаются рыболовством и охотой на белку в южной части колхозного землепользования. Об эвенках рода Люток известно, что на Советской речке они появились позже панкагиров. До своего переселения они жили на правом (восточном) берегу Енисея и считались чапогирами. После того, как один из чапогиров перебрался на западный берег Енисея, он стал называться Люток. Перейти через какой-нибудь рубеж по-эвенкийски означает *лютунен*. Родовое название Люток происходит от этого корня... Байкитско-чунские эвенки перешли Енисей и основали поселения по Сыму, Тазу и Советской речке. Эвенки Совречки — самая северо-западная группа эвенкийского народа, вступившая при своем продвижении к северу в непосредственный контакт с ненцами и селькупами» [Туголуков, 1963, с. 164–165].

По В.А. Туголку, в селькупские земли пришли главным образом эвенки Нижней и Подкаменной Тунгусок, но не «напрямик»: путь переселения большинства родов был долгим и лежал сначала на север, через Илимпейскую тундру, а затем на запад — через Енисей [Туголуков, 1963, с. 159–165]. По-прежнему неясным остается время переселения.

Переписью 1897 г. на территории трех административных родов северных селькупов — Баишенского, Карасинского и Тымско-Караконского — учтены лишь 8 эвенков, кочевавших в верховьях Таза (а также — для сравнения — 844 селькупа обоих полов) [Васильев, 2005, с. 314]. Похозяйственная перепись Приполярного Севера 1926/1927 гг. фиксирует стойбища эвенков в верховьях Турухана и на Ван-Коре [Там же].

По опросным сведениям, собранным охотоведом В.Н. Скалоном в период начала колхозного строительства, в 1929 г. среди пяти туземных родовых советов бассейна Таза был Чапогиро-Панкагирский родовой совет, в который входило 25 хозяйств, содержащих 452 оленя [Скалон, 1931, с. 76]. В том же 1929 г. род Аркадьевых с оз. Момчик образовал колхозное объединение «Красный эвенк» из 8 хозяйств [Шапошникова, 2004, с. 14].

Если суммировать приведенные сведения, время и последовательность переселения эвенков в район проживания северных селькупов будут следующими. Первые эвенки — Баякины и Аркадьевы — поселились в верховьях Таза не ранее конца 30-х гг. XIX в. (по Материалам VIII ревизии 1833–1835 гг., эвенков в селькупских волостях еще не было [Васильев, 2005, с. 314]). Аркадьевы впоследствии ушли с Таза и основали поселения на оз. Момчик. Баякины, оставшиеся на Тазу, были полностью ассимилированы селькупами. Эвенки родов Панкагир и Чапогир, составившие костяк населения района Боговых/Советских озер, появились здесь (Чапогиры вслед за Панкагирами) после 1897 г. (даты Первой переписи населения России), но не позднее середины 1920-х (времени Приполярной переписи).

В «Материалах по землеустройству Туруханского района 1936–37 гг.» указано, что часть эвенков перекочевала с р. Курейки в междуречье Турухана и Большой Хеты в 80-х гг. XIX в. [Туруханский муниципальный архив, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 370]. Однако либо здесь закралась ошибка

в датировке и переселение эвенков произошло позднее, либо эти эвенки не были учтены Первой переписью населения.

Для темы настоящего исследования имеет значение, что эвенки появились в районе Совречки значительно позже селькупов. Непродолжительность тесных контактов с эвенками, несомненно, сыграла роль в сохранении селькупами своей идентичности в условиях меньшинства.

По всей видимости, селькупское меньшинство установилось в этом месте по мере переселения сюда новых эвенкийских семей, а не за счет ассимиляции эвенками селькупов, как можно было бы подумать. Эту мысль подтверждает стабильность соотношения селькупского и эвенкийского населения в с. Совречка за последние 50 лет. В 1962 г. это соотношение составляло 6 селькупских дворов к 24 эвенкийским [Туголуков, 1963, с. 164], в 2014 г. — 32 селькупа к 119 эвенкам [ПМА]. Для обоих временных срезов это соотношение составляет приблизительно 1:4.

Процессы ассимиляции в Совречке определенно не были активными. В.А. Туголуков, подсчитывая национальный состав населения Совречки по дворам/семьям, не выделяет смешанные эвенкийско-селькупские семьи. Не потому ли, что количество таких семей было совсем незначительным? Упомянутые мной выше лингвисты тоже признают, что в этой зоне «интенсивных эвенкийско-селькупских контактов, иногда приводивших к ассимиляции селькупов эвенками, сохраняется группа не ассимилированных селькупов» [Поселок Совречка].

Селькупское меньшинство в локальном районе Советских озер, создающее условия для подавления эвенками селькупской идентичности, — факт объективный, но одновременно относительный. Если немного «раздвинуть рамки» во взгляде на район проживания совреченской эвенкийско-селькупской группы, нетрудно заметить, что она со всех сторон окружена селькупами: на западе и юго-западе от нее проживают тазовские селькупы, на юго-востоке — баихинские, на востоке — карасинские (значительно ассимилированные кетами). Только на севере у эвенков существует возможность время от времени вступать контакты с ненцами, чьи маршруты кочевок иногда достигают северной границы района Советских озер. То есть при немного более широком диапазоне эвенки превращаются в меньшинство (тоже объективное), находящееся «в гостях» у «принимающей стороны» — селькупов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Новое соотношение в очередной раз объясняет национальную устойчивость совреченских селькупов и призывает к поиску фактов уже обратного порядка — ассимиляционного влияния селькупов на эвенков.

В моих полевых материалах нашлось достаточно свидетельств того, что влияние селькупов на эвенков в Совречке не только имело место, но было порой даже очевиднее, чем влияние эвенков на селькупов. Например, несколько источников называют Аркадьевых с оз. Момчик эвенками. С этим трудно согласиться, поскольку какая-то часть из Аркадьевых уже давно стала селькупами. Во время работы в Красноселькупском районе Тюменской области я заочно познакомилась с одной семьей с оз. Момчик — Аркадьевых-Оягиров. Эвенки братья Оягиры при посредничестве Красноселькупского краеведческого музея в 2001 г. продали музейно-выставочному комплексу им. И.С. Шемановского в Салехарде костюм своего свекра (отца или дяди своего свекра) большого селькупского шамана Коптык ира из рода Аркадьевых, который жил на Момчике. Жена одного из братьев Оягиров — Любовь Ивановна Аркадьева — селькупка и внучка (правнучка) шамана Коптык ира. Сотрудники Красноселькупского музея приезжали на оз. Момчик и сняли на камеру процесс демонстрации хозяевами содержимого шаманской нарты с выполнением всех необходимых ритуалов. К коим относились: кормление жиром *порге* — старинного духа, вырезанного на дереве, задабривание и кормление (окуривание дымом горящего оленьего жира) духов с шаманского костюма, обитающих в шаманской нарте. К оставшимся от Коптык ира предметам относилось также шаманское дерево с зарубками — «лестница на небо», стоящее на берегу озера. Оягиры рассказали о шаманских подвигах Коптык ира: как он убил *кунема* (духа-людоеда), не видя его и не прикасаясь к нему, о его битве с другим великим селькупским шаманом Карлушкой ира, который был знаком с Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми [Прокофьева, 1949], и т.д. Те же специалисты мне сообщили, что на Момчике есть два кладбища рода Аркадьевых — простое и, на другом берегу озера, шаманское, где все гробы-колоды поставлены на *поры* — помосты. Описанные ритуалы, предметы, прозвучавшие имена и названия — селькупские, вне сомнения. То есть селькупское присутствие на оз. Момчик, а также принадлежность фамилии Аркадьевых не только эвенкам, но и селькупам имеют четкие и уверенные подтверждения.

Далее, на стойбище Малый Дююкит главой администрации села Антониной Давындук мне был представлен Аркадьев Вячеслав Васильевич — как «селькуп и самый старый оленевод

Селькупы села Совречка

района». Если Аркадьевы — это чисто эвенкийская фамилия, чем еще можно объяснить Аркадьевых-селькупов, как не ассимиляцией селькупами эвенков?

Этническая идентичность обычно определяется целым набором признаков (которые могут быть взяты в разных сочетаниях): самоопределением, знанием языка, фамилией/историей, характерными для каждого народа особенностями материальной и духовной культуры и т.д. Следующие свидетельства селькупского влияния на эвенков лежат в плоскости местной оленеводческой культуры.

На стойбищах в округе Совречки я видела олени сараи и нарты. Самих оленей на стойбищах не было. Они были отпущены на вольный выпас и разбрелись или ушли в лес. Размеры оленьих сараев соответствовали уже известной мне численности оленьего стада в 150 голов. Все стойбища оказались летними и были расположены на местах летнего рыболовного промысла. Через две-три недели, по первому снегу, хозяева собирались идти искать своих оленей, после чего перекочевать на зимние стойбища, иногда удаленные от летних на два-три десятка километров.

Первым впечатлением от посещения стойбищ в системе Советских озер становится уверенность, что перед вами типичная селькупская (западно-сибирская) система оленеводства и типичный селькупский полукочевой образ жизни, которые местные эвенки целиком переняли у селькупов. Ту же картину можно наблюдать на стойбищах тазовских селькупов.

Но после изучения особенностей эвенкийского оленеводства оказывается, что это впечатление не совсем верно. Большая часть признаков селькупского оленеводства характерна и для эвенкийского типа эвенкийского оленеводства, который был выделен Г.М. Василевич. Кочевки эвенкийских семей с этим типом оленеводства определялись охотой и рыбалкой, а не потребностью оленя в подножном корме, что делало этих эвенков полукочевыми, длительно живущими на одном месте. Уход за оленями в таких группах эвенков осуществлялся только в летний период; он сводился, в частности, к устройству загородок во время отела, устройству дымокуров и сбору оленей, необходимых лишь на время перекочевков, а в остальное время отпускаящихся на вольный выпас в тайгу [Василевич, 1969, с. 75–76]. То есть такие характеристики, как полукочевой образ жизни и вольный выпас оленей, в селькупской и в эвенкийской традиционных системах хозяйства обнаруживают полную идентичность, и искать здесь какие-то заимствования не представляется возможным.

Постройку оленьих сараев Г.М. Василевич не включила в описание типов эвенкийского оленеводства. Однако известно, что в некоторых группах эвенков кроме дымокуров, так же как у селькупов, сооружались оленьи сараи. По материалам В.А. Туголукова, у байкитских эвенков «вольный выпас сочетается с летним содержанием оленей в крытых загонах с дымокурами, где животные укрываются от гнуса» [1963, с. 161]. Г.М. Василевич пишет об аналогичных постройках у ербогоченских эвенков Нижней Тунгуски (проживающих северо-восточнее байкитских эвенков), одновременно проливая некоторый свет на конструкцию этих сооружений: «Ербогоченские эвенки, жившие более или менее оседло и занимавшиеся летом рыболовством, устраивали летом для оленей навесы или сараи с односкатной крышей» [1969, с. 73]. То, что эвенки пришли на Боговы/Советские озера со своими оленьими сараями, подтверждает наличие у них эвенкийского названия — здесь они называются *орорук*.

На всех стойбищах района Совречки было много нарт. На некоторых хранились тюки с одеждой, другие стояли пустыми и ждали наступления сезона. На оз. Малый Дюгабит на момент прилета вертолета один из хозяев изготавливал новые нарты. Эвенкийскому типу оленеводства присущи пешая охота и пешие перекочевки с вьючным оленем, а также использование охотничьей нарты. Г.М. Василевич пишет: «Езда на нартах была не характерна для эвенков. Появление ее зарегистрировано у некоторых групп эвенков в XVIII–XIX вв. Эвенки тундры, лесотундры (к северу от Нижней Тунгуски) упряжку самодского типа заимствовали, судя по терминологии, через русских и долган... Заимствовав ездовую упряжку, эвенки творчески приспособили ее к условиям тайги. Если в тундре упряжка была веерной, то в тайге у эвенков она стала парной... К ербогоченским эвенкам нартенная упряжка проникла в самом конце XIX в. Для них была характерна лишь ездовая заимствованная нарта, грузовая же отличалась от охотничьей лишь своим большим размером» [1969, с. 101–103]. Таким образом, скорее всего, эвенки, чей путь в район Совречки лежал через Илимпейскую тундру, появились здесь уже со «своими» ездовыми нартами. По всей видимости, и способ запрягания в нарту оленей — парой (одного рядом с другим) они тоже позаимствовали не у местных селькупов, имеющих такую же упряжку.

Не остается сомнений, что системы оленеводства совреченских эвенков и селькупов очень похожи. Тем не менее выделить в них отличия и заимствованные элементы все же можно. Но сначала одна ремарка. На стойбищах района Совречки мне удалось пробыть очень недолго, и я не имела возможности изучить местные хозяйства во всех деталях. Поэтому для проведения сравнения пришлось использовать довольно ограниченный материал.

Первое отличие в типах оленеводства селькупов и более поздних пришельцев-эвенков обнаруживается в численности стада. Олени стада района Совречки насчитывают, как уже упоминалось, в среднем 150 голов, что характерно для селькупских хозяйств этой географической широты и не характерно для пеших эвенков. Согласно Г.М. Василевич, эвенкийскому типу эвенкийского оленеводства свойственна малая численность стада, около 10 голов на семью [1969, с. 75]. Логично заключить, что увеличение численности оленьего стада у здешних эвенков произошло под влиянием селькупов.

Разница в характерном для селькупского и эвенкийского оленеводства поголовье оленей не могла не породить отличия не только в размерах, но и в конструкции селькупских и эвенкийских оленных сараев. Типичный селькупский оленный сарай в плане имеет форму прямоугольника. Стены сделаны из подогнанных друг к другу горизонтальных бревен или толстых жердей, крепящихся к вертикальным деревянным столбам, вбитым по периметру сарая. Половины торцевых стенок не «зашивают» бревнами/жердями, оставляя сквозной проход для оленей. Эти проходы завешивают брезентом или другим материалом, чтобы дым от устроенных внутри сарая двух дымокуров (в виде ограждения из тонких жердей) задерживался в сарае и защищал оленей от кровососущих насекомых. По центру сарая в землю вбивается еще один ряд столбов, более высоких, чем по периметру. На этот ряд укладывается коньковая слега двускатной крыши, на нее опираются стропила, на которые укладываются другие следи. Покрытие скатов крыши делают из жердей, бересты, подкладывая под них рубероид, или из рубероида, подручного листового и тканевого материала, придавливая все это жердями. Устройство селькупских оленных сараев неоднократно описано в этнографической литературе [Козьмин, 2003, с. 33; Прокофьева, 1976, с. 140; и др.].

Сколько-нибудь подробное описание конструкции оленных сараев и крытых теневых навесов у эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок в литературе отсутствует. Как уже упоминалось, о них известно только, что крыша у них была односкатная [Василевич, 1969, с. 73]. Но уже в этом проявляется их различие с селькупскими оленными сараями, у которых крыша, как правило, двускатная. Сарай на стойбищах совреченцев имеют двускатную крышу, следовательно, местные эвенки заимствовали этот элемент конструкции оленных сараев у селькупов.

Рис. 1. Оленный сарай на стойбище Номнякит, район с. Совречка Туруханского р-на Красноярского края. 2014 г. Фото автора.

Некоторые сараи на стойбищах района Советских озер вообще ничем не отличаются от селькупских (рис. 1). Другие в целом такие же (со столбами, двускатной крышей, дымокурами и т.д), но имеют особенность, которая, возможно, связана с эвенкийской оленеводческой культурой, потому что не встречается у селькупов. Одна из длинных боковых стен таких сараев сделана не из жердей, а завешана спадающим с крыши тканевым материалом типа синтетического войлока. Если возникает необходимость «открыть» сарай, ткань закидывают на крышу, и сарай

Селькупы села Совречка

превращается в теневой навес (рис. 2). Сложно решить, как правильнее называть такие сооружения — сараями или навесами. Совреченцы этой проблемы не имеют, для них и сарай, и навес — просто «дом оленя».

Рис. 2. Олений сарай на стойбище Речка Данила, район с. Совречка Туруханского р-на Красноярского края. 2014 г. Фото автора.

Считается, что тазовские селькупы заимствовали от пришедших к ним эвенков вьючно-верховое оленеводство [Прокофьева, 1976]. Однако уже к середине XX в. этот тип оленеводства был утрачен здесь как селькупами, так и самими эвенками. Следовательно, во-первых, можно сделать вывод, что какая-то часть перекочевавших в селькупскую зону эвенков практиковала вьючно-верховое оленеводство ороченского типа. Во-вторых, совершенно очевидно, что этот тип оленеводства эвенки утратили под влиянием селькупов.

Попытка найти признаки культурных заимствований в традиционных жилищах и хозяйственных постройках (чумах, землянках, свайных амбарах и пр.) не стала удачной: таковых на стойбищах не оказалось. Кроме угодья Подвальное, где стояли избушки-срубы, жилые сооружения на стойбищах представляли собой палатки, утепленные панелями пенопласта, или каркасные пенопластовые домики. Некоторые из них были покрыты плотным полиэтиленом или рубероидом и изнутри утеплены войлоком. Каждое жилище отапливалось печкой типа буржуйки. Этот тип жилища — новшество. Еще 10–15 лет назад здесь стояли чумы. Хозпостройки представляли собой такие же каркасные домики кубической формы, многие из которых были поставлены на бочки из-под бензина и лишь отдаленно напоминали селькупские *кор'ы* (свайные амбары).

Таким образом, влияние селькупов на эвенков проявляется в частности в некоторых элементах местной системы оленеводства: количестве оленей в стаде, конструкции оленных сараев, а также в утрате эвенками вьючно-верхового типа оленеводства.

Чтобы описанная картина стойбищ на Советских озерах приобрела какую-то завершенность, нужно сказать еще о нескольких вещах. В первую очередь о поразившем меня обилии здесь всякой рыбы. Пользуясь оказией — прилетевшим вертолетом, — хозяева передавали родственникам в поселок свежую рыбу разных пород, малосол, юколу, а также мясо — на двух стойбищах недавно забили оленей, их головы (еще со свежей кровью) лежали на крышах жилищ и сараев. Вертолет доставил на стойбища сахар, мука, яйца, консервы и т.д. Возвращавшийся в Туруханск рейс жители Совречки загрузили мешками с брусникой и клюквой, надеясь продать эту ягоду районном центре.

Зимой совреченцы надевают национальную одежду и выезжают на оленях на «трассу» — зимник на Ванкорское месторождение, находящееся неподалеку, чтобы торговать продукцией своих промыслов. Благодаря мощной антенне, поставленной компанией «Ванкорнефть» в Совречке, хозяйства на Советских озерах имеют сотовую связь. Совречка — единственное село в районе, где устраивают праздник День оленевода.

Совреченцы, как и все жители Туруханского района, занимающиеся традиционными видами деятельности, не имеют регулярного сбыта продукции своих промыслов. Основной доход большинства из них составляет пособие коренным малочисленным народам Севера, ведущим традиционный образ жизни (оно составляет 3695 руб. в месяц), и общероссийские социальные выплаты. Государство помогает живущим в лесу также некоторыми промышленными товарами.

Итак, в результате анализа полевых материалов и данных научной литературы были сделаны два следующих вывода. Первый: селькупов с. Совречка Туруханского района Краснояр-

ского края в силу их географического положения и ряда культурных особенностей правильнее относить не к баихинским, а к тазовским селькупам. Второй: мнение о полной ассимиляции этой группы селькупов местными более многочисленными эвенками ошибочно. Совреченские селькупы сохраняют свою этническую идентичность. Процессы ассимиляции, культурного влияния среди смешанного селькупско-эвенкийского населения. Совречки происходят, но не столь активно, как кому-то представляется. Эти процессы идут в двух встречных направлениях, и влияние селькупов на эвенков как минимум не уступает влиянию эвенков на селькупов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Материалы по землеустройству Туруханского района 1936–37 гг. // Туруханский муниципальный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. 439 л.

Литература

Бакулин В.В. Экономика и традиционное хозяйство // В краю селькупов. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. С. 179–195.

Василевич Г.М. Эвенки. Л.: Наука, 1969. 305 с.

Васильев В.И. Селькупы. Основные этапы этнической истории // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 311–317.

Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск: Изд-е Сиб. революц. комитета, 1925. 81 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Н. С. М., 1960. Т. LV. 621 с.

Долгих Б.О. К истории родоплеменного состава кетов // Кетский сб. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. С. 84–132.

Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 236 с.

Островских П.Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Сов. Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.

Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // СМАЭ. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 335–375.

Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М.; Л.: Наука, 1956. С. 665–686.

Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 139–155.

Скалон В.Н. Оленеводство в Бассейне р. Таз // Сов. Север. 1931. № 3. С. 70–87.

Туголуков В.А. У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края // СЭ. 1963. № 3. С. 159–165.

Шапошникова Э. Коллективизация // Сев. край. 2004. № 27. С. 14.

Поселок Совречка. Туруханский район, Красноярский край // Малые языки Сибири: Наше культурное наследие [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://minlang.srcc.msu.ru/ru/naselennyu-punkt/sovetskaya-rechka-sovrechka>.

Санкт-Петербург, МАЭ РАН
stepanova67@mail.ru

The article is devoted to a problem of subethnic and ethnic affiliation regarding a small group of the Selkups residing in the vicinity of Sovrechka village in the north-west of Turukhansk District, Krasnoyarsk Krai, on the border side with Tyumen Oblast', being mixed with the Evenk population dominating here in size. Resulting from an undertaken investigation, it was established as follows. Firstly: the Selkups from Sovrechka, due to their geographical location and a number of cultural distinctions, would be more properly referred not to the Turukhansk (Baikha) Selkups, but to the Taz ones. Secondly: the opinion on the total assimilation of this group by the local and more numerous Evenks is erroneous. The Sovrechka Selkups tend to preserve their ethnic identity. Processes of assimilation and cultural influence among the mixed Selkup and Evenk population of Sovrechka do occur, but not so actively, as it would appear. These processes proceed in two reverse directions, and the influence of the Selkups on the Evenks stays at least highly competitive with that of the Evenks on the Selkups.

Ethnography, Selkups, identity, assimilation, cultural distinctions, reindeer breeding, intracultural interaction.

ВАВЛЁ НЕНЯНГ (опыт обобщения материалов и составления родословной)¹

Ю.Н. Квашнин

Обобщены и проанализированы сведения о руководителе выступлений ненецкой и хантыйской бедноты 1830–1840 гг. Вавлё Нянянг, опубликованные в дореволюционных краеведческих изданиях, историко-этнографических исследованиях советского времени, а также в художественной литературе. Впервые на основе архивных материалов XVIII–XIX вв. и новейших исследований историков предпринята попытка составления его родословной, высказано мнение о разбойничьем характере его выступлений, определено возможное место его ссылки и смерти.

Вавлё Нянянг, Ваули Пиеттомин, Березов, Обдорск, самоеды, остяки, ненцы, ханты, разбойник, народный герой, родословная, Карачея, арест, ссылка.

Вавлё Нянянг, или, как его чаще именуют, Ваули Пиеттомин,— возмутитель спокойствия на севере Тобольской губернии в 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Происходил он из небогатой семьи ненцев рода Нянянг, кочевавшей в низовьях р. Таз. В течение 10 лет Ваули с сообщниками грабил богатых соплеменников, отбирая у них оленей и пожитки. В 1839 г. его арестовали, судили, били плетью и сослали на поселение в Пирчинскую волость Сургутского уезда. Через два месяца он бежал оттуда в родную Тазовскую тундру, собрал ватагу из малоопленных ненцев и хантов и продолжил воровство и грабежи. Обладая значительной физической силой и, как говорили, шаманским даром, он объявил себя старшиной над всеми инородцами. Продвигаясь со своей ватагой к Обдорску (ныне Салехард), Ваули обещал людям сместить ставленника царской власти хантыйского князя Тайшина, снизить налоги и повисить цены на пушнину. В январе 1841 г. в Обдорске он был обманом схвачен и препровожден в Березов. После долгого следствия, в 1843 г., Ваули был осужден, сослан в Восточную Сибирь, где его следы и затерялись. Такова краткая хронология и история событий [Судьбы..., 1994, с. 23–27].

В данной статье собраны и проанализированы сведения о Вавлё Нянянге, опубликованные в дореволюционных краеведческих изданиях, историко-этнографических исследованиях советского времени, а также в художественной литературе. Впервые, на основе материалов Тобольского государственного архива (ГУТО ГАТ) и новейших исследований историков, предпринята попытка составления родословной Вавлё и его родственников. Основываясь на фактах, изложенных в материалах следственного дела, высказано мнение о разбойничьем характере выступлений Вавлё и его сообщников. Актуальность темы обоснована непреходящим интересом со стороны историков, этнографов, краеведов к личности Вавлё, неустоявшимся четким отношением к нему как к народному герою или разбойнику, невыясненными до конца обстоятельствами его ссылки и смерти.

Написано о Ваули не так уж много. Современники событий и краеведы второй половины XIX в. не уделяли ему особого внимания. Всего полторы страницы посвятил ему Н.А. Абрамов в «Описании Березовского края». Вероятно, он опирался на свидетельства очевидцев и людей, имевших отношение к следствию. Правильно указывая даты событий, автор неверно называет имена некоторых участников. К примеру, упоминая одного из сообщников Ваули, он пишет, что тот «бежал с главным товарищем своим Майри Ходакым» (правильно Майри Ходиным). Остяка Япту Мурзина, которого Ваули хотел назначить князем вместо Тайшина, Абрамов называет Янка Муржан. Обдорский мещанин Нечаевский, сыгравший одну из главных ролей в поимке Ваули, назван у него Нечальским [Абрамов, 1857, с. 356–357].

Компиляцией текста Н.А. Абрамова, с незначительным перефразированием и обрезкой, можно назвать заметку о Ваули Пиеттомине в «Исторических этюдах» С.С. Шашкова. Там мы встречаем того же «Майри Ходакым» [Шашков, 1872, с. 220–221].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00097 «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов».

Издавелека, как бы из тумана времени, встает перед нами образ Ваули в рассказе З.А. Барша «Обдорский возмутитель», опубликованном в журнале «Русская старина» в 1881 г. Не отступая в целом от канвы событий, автор описывает их вольно, применяя весь свой литературный талант. Кроме того, не обременяя себя уточнением подробностей, Барш называет князя Тайшина Тайминим и неправильно указывает годы, когда Ваули учинял беспорядки: «1844 или 1845» [1881, с. 377–386].

Не отличаются оригинальностью и произведения о Ваули Пиеттоmine в краеведческой литературе начала XX в. Например, в статье П.П. Славнина «Самоеды-грабители в Обдорском крае» и в историческом очерке об Обдорске В.Н. Герасимова почти полностью повторяется описание З.А. Барша [Славнин, 1909, с. 1–10; Герасимов, 1909].

Особое место среди источников о Ваули занимает рассказ Евы Фелинской², польской ссыльной, проживавшей с 1839 по 1841 г. в Березове. Опираясь, по всей видимости, на рассказы очевидцев, она приводит некоторые интересные подробности и несколько иначе, чем в документах следствия, описывает ход событий. Она пишет о крайне панических настроениях жителей Березова, боявшихся, что Ваули (Waul) сначала возьмет и разграбит Обдорск, а затем доберется и до них. Князь Тайшин (Obdorski), по ее словам, был захвачен одним из постов охраны Ваули, и тот, желая отомстить за обиды, приказал своим людям немедленно казнить князя. От расправы Тайшина спас купец Нечаевский (Neczajew), находившийся в стойбище Ваули и уговаривавший его приехать в Обдорск. Ваули пощадил князя, но потребовал от него отказа от управления своей ватагой и уплаты контрибуции в размере нескольких сотен оленей. Князь принял оба условия и клятвой подтвердил договоренность, по принятому у них обычаю полизав слюну, сплюнутую Ваули. В Обдорске Ваули пировал и принимал все знаки уважения в юрте Тайшина. В это время местные жители под предводительством зырян, приехавших на ярмарку из Архангельской губернии, захватили сообщников Ваули и отвязали оленей от их нарт. После ареста Ваули заковали в кандалы, в которые при ковке был добавлен гвоздь из конской подковы. Такое железо, по словам кузнеца, не поддается никаким шаманским чарам, и Ваули не сможет освободиться из оков [Felińska, 1852, s. 324–338].

Интерес к личности Ваули Пиеттомина возродился после революции 1917 г., когда историки, вдохновленные идеями коммунистической партии, пытались у каждого народа, проживающего в Советском Союзе, найти вождей народно-освободительного движения против царизма [История Сибири, 1968, с. 442–443]. В 1920–1930-е гг. в тобольских и омских газетах появлялись короткие статьи и заметки о Ваули, пафосно описывающие события тех далеких лет [Гущин, 1925; Наговицын, 1937].

Одной из первых научных публикаций тех лет является статья В. Корниенко «Восстание Вауля» в журнале «Советская этнография». Статья получилась не строго научной, но идеологически выдержанной в духе времени. Больше половины ее занято рассуждениями о бедственном положении ненцев при царизме и критике буржуазных историков (В. Иславина и З.А. Барша), а полноценного представления о сути «восстания» и о личности «вождя» не дано [1932, с. 112–119].

Небольшой двухстраничный отрывок, посвященный Ваули, имеется в одной из работ В.Г. Карцова. Текст отрывка заполнен цитатами из работ Н.А. Абрамова, З.А. Барша и П.П. Славнина и завершается пессимистичной концовкой о бессилии народов Севера в борьбе с самодержавием [1937, с. 107–109].

В 1939 г. коллективом работников Омского исторического архива под редакцией К.Е. Розанчугова были подготовлены и напечатаны в журнале «Красный архив» материалы о деятельности Ваули Пиеттомина [Из истории..., 1939, с. 152–177]. Годом позже они были дополнены и собраны в книгу «Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в.» [Ваули..., 1940]. Это первая публикация материалов следствия по делу «о возмущении инородцев Обдорского отделения». Кроме официальной переписки местных чиновников с высокопоставленными лицами здесь представлены материалы допросов участников и свидетелей событий. В целом по прочтении материалов дела складывается довольно полная картина деятельности Ваули и его сообщников, которую иначе как воровством, грабежами и насилием не назовешь. Хотя редакторы в одном из примечаний попытались оправдать его словами: «Царская

---

² Фелинская Ева (урожденная Вендорфф) (1793–1859) — одна из выдающихся польских женщин XIX в., мать Зигмунта Фелинского, архиепископа Варшавы. За участие в тайной организации «Содружество польского народа» в 1839 г. была сослана в Березов. Литературную деятельность начала с 1843 г.

администрация стремилась всякому социальному движению угнетенных масс приклеить ярлык грабительства» [Там же, с. 15].

В том же 1940 г. в «Историческом журнале»³ была опубликована рецензия С. Карамоленко на омскую книгу о Ваули. Объективной оценки публикации она не дала, большая часть текста состояла из экскурса в историю народов Сибири и их бедственного положения при царизме, а остальная — почти полностью из цитат опубликованных архивных материалов [1940, с. 136–139]. На публикацию материалов омского архива откликнулись также журналы «Омская область» и «Сибирские огни», напечатавшие статьи «Новое о Ваули Пиеттомине» и «Ваули Пиеттомин» [Новое..., 1939, с. 52–53; Утков, 1940, с. 228–231].

После долгого перерыва, во второй половине 1990 г., к теме восстания Ваули попытались вернуться исследователи из Тюмени и Салехарда. В монографии В.П. Петровой и Г.П. Харючи был опубликован краткий очерк [1999, с. 22–27], а в материалах одной из конференций — доклад В.Ю. Вануйто, посвященные восстанию [1995, с. 16–19]. Авторы очерка, описывая ход событий 1830–1840 гг., по сложившейся традиции характеризуют Ваули как народного героя и защитника бедноты. Автор доклада не столь категорична и призывает исследователей спокойно изучить литературные и архивные материалы и дать взвешенную оценку событиям тех лет.

Не остались в стороне от этой темы и беллетристы. Одним из первых, в 1932–1937 гг., повесть о Ваули написал уральский писатель А.М. Климов. Используя фактические данные из работы Н.А. Абрамова, он повторил все его ошибки (Янка Муржан, Майри Ходакым). Ненецкие шаманы и родовые старшины показаны автором толстыми, злыми и жадными, а Ваули и его товарищи — слабыми и безвольными [1950, с. 5–45].

Облеченные в форму красивой легенды материалы о Ваули вставил в свою повесть «Полярная гвоздика» Е. Коковин [1972, с. 9–12]. В рассказе И.Г. Истомина «Легенда» продолжателями дела «отважного Ваули» стали Ленин и коммунисты [1997, с. 342–353].

Историческую повесть «Сын племени Ненянгов» выпустил в 1964 г. омский историк-краевед и писатель М.Е. Бударин [1964]. Основной повестью стала глава «Восстание Ваули Пиеттомина» в его монографии «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири» [Бударин, 1952]. Используя материалы Омского архива и собственные изыскания, он попытался создать образ «борца за счастье народов Обского Севера». Несмотря на большую работу, проделанную автором, повесть, на наш взгляд, получилась неудачной. Фактический материал перемежается здесь с художественным вымыслом, что, в принципе, допустимо. Однако в произведении сквозит полное незнание и непонимание образа жизни кочевых народов Севера, которым автор приписывает речь и поступки современных ему людей с «большой земли». Имена героев повести, ненцев и хантов, заимствованы из материалов следственного дела, многие из которых записаны там неправильно.

Самым объемным художественным произведением о Ваули Пиеттомине стало творение сибирской писательницы М. Анисимковой. Законченная в 1977 г. историческая повесть «Ваули» [1980] была постепенно доработана ею и стала романом в 368 страниц, выдержавшим два издания [Анисимкова, 1984, 1994]. По прочтении складывается впечатление, что М. Анисимкова также была мало знакома с аборигенами Севера, хоть и была замужем за манси. В романе допущена масса неточностей в описании природы, социальных и бытовых особенностей жизни ненцев. Кроме того, консультантом М. Анисимковой был М.Е. Бударин, и все неправильные имена ненцев перекочевали из его повести в ее произведения. Некоторые из имен были перепутаны так, что не сразу разберешь, где женщина, а где мужчина.

Как видно из вышеизложенного, имеющиеся источники и литература не дают объективной оценки личности Ваули Пиеттомина и его деятельности. Дореволюционные авторы однозначно называют его разбойником и грабителем, а советские — народным героем и освободителем от царского гнета. Эти вопросы вызывали острые дискуссии среди исследователей на рубеже XX–XXI вв. и остаются спорными по сей день [Огрызко, 1997, с. 279–280; Рогачев, 1998, с. 300; Каргаполов, 2004, с. 37–41]. За рамками описаний и оценок событий в научной и художественной литературе совсем затерялись сведения о семье Ваули. Известно только, что родом он был из Тазовской тундры.

---

³ В 1941 г. редакция «Исторического журнала» была объединена с редакцией «Историка-марксиста». С 1945 г. журнал выходит под названием «Вопросы истории».

Тазовской тундрой на географических картах XIX в. обозначалась территория Гыданского п-ва, простирающегося от Карского моря на севере до низовий р. Таз на юге. В 1796 г. она была причислена к Тобольской губернии, в 1804 г. — к Томской, а с 1822 г. вошла в состав Туруханского края Енисейской губернии. Материковая граница между Тобольской и Енисейской губерниями на картах того времени указана по-разному, то по р. Пур, то по р. Таз.

Ненцы, кочевавшие между Тазом и Енисеем начиная с середины XVII в., были приписаны к Обдорской инородной управе. Ясак они всегда платили в Обдорске, несмотря на все изменения административной принадлежности территории. Только в 1915 г. ненцам, кочевавшим вблизи Енисея, было разрешено вносить ясак в Дудинке. В конце XI — начале XX в. сезонные перекочевки на енисейскую сторону совершали около 500 обдорских самоедов. Между Тазом и Енисеем в летнее время кочевали семьи Адер, Евай, Тэседа, Пяся, Яндо, Яптунай, Яр; между Пуром и Тазом жили Сёгой и Тогой; на Тазу — Тазу-Харючи. Род Ненянг, вместе с родами Вора и Нячь, кочевал в то время по тундре в низовьях Пура [Нансен, 1915, с. 126; Васильев, 1979, с. 170–172; Судьбы..., 1994, с. 45].

Название рода, к которому принадлежал Ваули Пиеттомин, — Ненянг переводится с ненецкого языка как «комар». На обширной территории проживания ненцев можно встретить географические названия с приставкой *Ненянг-*. Некоторые из них, особенно расположенные на территории Тазовского района ЯНАО, возможно, связаны с кочеванием здесь рода Ненянг. Другие просто обозначают места, где всегда много комаров. Одним из названий Тазовского п-ва является Ненянг-Сале⁴. На северо-западе его расположена долина Ненянг-Лапте. В Тазовскую губу впадает протока Ненянг-Юн. В Приуралье есть озеро Ненянг-То и протока Ненянг-То-Танё. Еще одно озеро Ненянг-То мы находим в низовьях р. Таз, а другое в Ненецком автономном округе Архангельской области [Алекса, 1971; Лезин, 1995, с. 145; Квашнин, 2011, с. 29–30, 47].

Собственно название «Ненянг» впервые зафиксировано в материалах Всероссийской переписи населения 1897 г. [Патканов, 1911, с. 394, 422]. Однако прозвище Комар встречается в разных источниках, связанных с ненцами, значительно раньше. Впервые оно упоминается в документах 1735 г., где записан «Еней, прозванием Комар» [Обдорский край..., 2004, с. 166]. Крещеный «самоед» Собских юрт Матфей Комар отмечен в метрической книге Градо-Березовской Богородице-Рождественской церкви за 1758 г. [ГУТО ГАТ, ф. 156, оп. 20, д. 679, л. 168]. Однако в документах 1756 в. уже фигурирует «князец» низовых «самоедов» Палка Гымов (Палма Гымин), «он же и Комаров» [Там же, ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 116; Васильев, 1979, с. 158]. Юрак Комар (чаще просто Комар) упоминается в числе лиц, получавших хлеб в Плахинском хлебозапасном магазине на Енисее с 1838 по 1842 г. [ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 846, л. 7 об., 10 об., 12 об., 16 об.]. В 1845–1847 гг. там же выдавали хлеб Хинде, Личе, Лите и Нике Комаровым [Васильев, 1979, с. 158].

С упомянутым выше самоедом Енеем в 1735 г. возле старого Мангазейского городища познакомились участники одного из сухопутных отрядов Великой Северной экспедиции. Намереваясь двинуться к Туруханску, начальник отряда Федор Прянишников потребовал подводы для перевозки людей и снаряжения. Посланные 26 октября к кочевавшим вниз по Тазу юрацким самоедам казаки привезли «Енея прозванием Комара роду Оды с сыном Мяпоем»⁵. Через два дня отряд в сопровождении самоедов двинулся в сторону Енисея. Однако 3 ноября на очередной ночевке около 20 самоедов во главе с Енеем напали на русских, ограбили отряд почти дочи́ста и скрылись. Увезли они с собой санки с провиантом, 11 фузеями⁶ и геодезическими инструментами [Вершинин, 2001, с. 98].

Историк Е.В. Вершинин, используя архивные документы, попытался воссоздать родословную Енея Комара. Известно, что род Ненянг выделился из рода Харючи или, как писали в документах XVI–XVIII вв., «роду Карачей». С главы этого рода и начинается родословная, а далее, по нисходящей линии, прослеживаются прямые и боковые предки Енея:

— князь рода Карачей по имени Седа впервые упоминается среди других самоедских князей в грамоте Василия III 1525 г. о принятии в подданство «самоеди югорской, которая живет по Оби реке»;

⁴ Другие названия — «Безымянный», «Малый Ямал».

⁵ Возможно, Мяпой — это не имя сына Енея (*мяпой* в пер. с нен. — небольшой аргиш для перевозки легкого чума, который берут с собой, когда перекочевывают на сравнительно далекое расстояние с частью оленей (см.: [Терещенко, 1965]).

⁶ Фузе́я — дульнозарядное гладкоствольное ружье с кремневым замком.

Вавлѐ Ненянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

- Карачеи, братья Трясоголов и Пидирииска, в 1633 г. совершили набег на казымских самоедов и часть их «захватили в полон»;
- тот же Трясоголов, а с ним Немчин, Хиян, Малой, Хозка, Урей, люди из других родов в 1641 г. убили воеводского посыльного Ледешку Кириллова и служилого человека;
- «самоядь Большая Карачея — Хулейка с детьми, с Поскою, с Едурейком, с Немчинкой, с Хаскою — а с ними было самояди человек с двесте» в 1642 г. совершили набег на Пустозерский уезд (Хулейка брат Пидириски);
- в документах 1650–1660 гг. отмечен «лучший князец Больших Карачеев Пось Хулеев»;
- в 1652 г. захвачены и доставлены в Березов лучшие люди «Карачейской самояди» Пося (Поска) и Илга Хулеевы;
- самоеды под предводительством Маулки и Игонки Посевых в 1678 г. осаждали Обдорск;
- Корючи Хынин, предположительно сын старшего брата Пося Хулеева, в 1679 г. напал на Хантайское зимовье в Мангазейском уезде;
- Одычко Немчинов в 1696 г. во главе 400 воинов напал на ясачных самоедов;
- Еней, прозванием Комар, роду Оды в 1735 г. ограбил отряд Ф. Прянишников [Вершинин, 2001, с. 98–99; Обдорский край..., 2004, с. 10, 20, 22, 23, 35, 38, 42, 70, 166; Перевалова, 2004, с. 53].

Из этого следует, что Еней, возможно, был сыном Оды, внуком Немчина и правнуком Хулея. Прозвище Еней (Ёнэй) в переводе на русский означает «средний». Другим именем Енея предположительно было Гыма, и соответственно он был отцом князца низовых самоедов Палки Гымова (Палмы Гымина).

Провести прямые нисходящие линии от Енея-Гымы до Ваули Пиеттомина по имеющимся архивным материалам не получается. Скорее всего, линия Ваули идет от брата Гымы. Попробуем обосновать эту гипотезу, опираясь на материалы ревизских переписей конца XVIII — начала XIX в. (рис. 1).

В IV переписи 1783 г. записан самоед по имени *Пиитома Кыимдин* (Хымдин⁷), 1744 г.р. Других людей с таким же или похожим именем во всей остальной переписи не обнаруживается. Исходя из этого рискнем предположить, что это и есть отец Ваули — *Пиеттома*. Здесь же записаны его старшие братья: Пайда 1729 г.р., Нолонда 1734 г.р., Нот 1739 г.р., а также их отец Кыимда Вынин, умерший в 1769 г. в возрасте 80 лет [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 124 об.–125, 133]. Соответственно деда Пиеттомы звали Вына, и он предположительно приходился родным или двоюродным братом Енею-Гыме Комару.

У Пайды и Нота жены были из рода Айвасида, не исключено даже, что это родные сестры. Жена Нолонды — из рода Яр. У Пиеттомы было две жены: первая взята из рода Айвасида, а вторая — у остяка Обдорского городка Тави [Там же, д. 72, л. 115].

К 1816 г., когда проходила VII ревизия, от двух жен у Пиеттомы было 9 детей: 4 дочери⁸ и 5 сыновей — Меюптю 1782 г.р., Майлы 1786 г.р., Ензору 1788 г.р., Семен 1791 г.р. и Хонзи 1797 г.р. Две дочери были выданы замуж, одна за остяка Обдорского городка Секманова, вторая — за Сану Лазеримина, самоеда Каменной стороны рода Ванкюты (Вануйто) [Ваули..., 1940, с. 1937]. Все сыновья к тому времени были женаты, у двух старших было по одной дочери [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 404, л. 812] (рис. 2).

Итоги VIII ревизской переписи 1829 г. по Обдорской волости были подведены по данным отчетов 2-й ясачной комиссии [Абрамов, 1857, с. 383–384]. Из них следует, что в перепись не вошли шесть самоедских родов, а именно: Нарачи, Айвасиды, Сигунеев, Тазу-Карачей, Содомы и Аседы. Причинами их неявки, по сообщению самоедских старшин, стали малооленность и бедность, а также болезни [Сословно-правовое положение ..., 1999, с. 124–125]. Кроме того, не сохранились первичные данные переписи, где расписаны все плательщики ясака, поэтому проследить дальнейшую судьбу Пиеттомы и его детей практически невозможно. Однако на материалах следующих двух ревизий можно показать, как развивался род Ненянг.

⁷ В ненецком языке нет слов, начинающихся на букву К.

⁸ Имена женщин в переписи самоедов Обдорской волости не вносились.

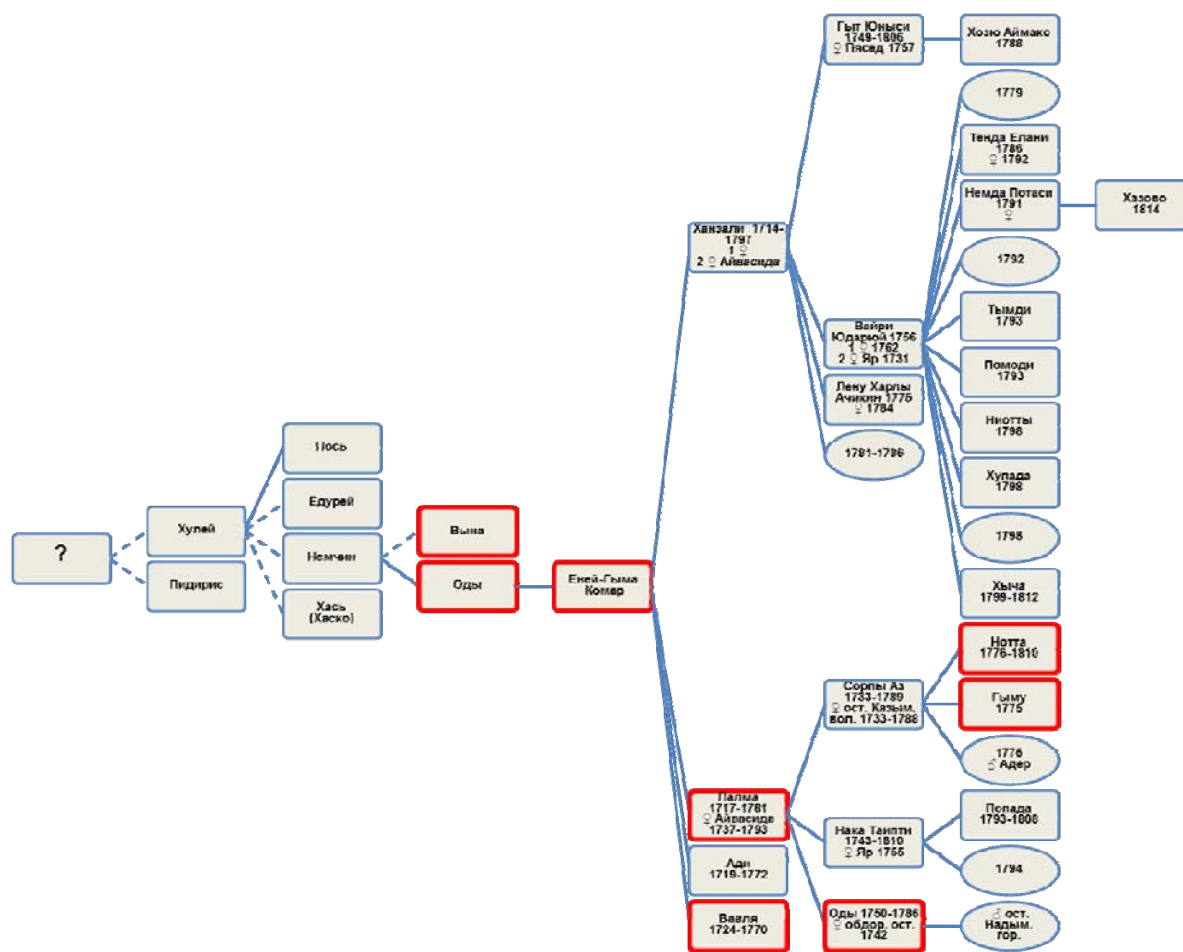

Рис. 1. Родословная предков Вавлэ Ненянга:

□ — мужчина, ○ — женщина; ♂ — супруг, ♀ — супруга; жирный контур — люди с совпадающими именами.

В IX ревизии 1851 г. все низовые самоеды были разделены на шесть родов. Кроме того, род Харючи подразделен на пять ватаг, а род Адер — на две. Пятым числится здесь род Содомы, старшиной которого является Ночи Нимгатов, 38 лет. По всей видимости, он был последним сыном в семье, так как с ним вместе по ненецкому обычаю проживала овдовевшая мать. Сразу после него записан его старший брат Содома Нимгатов (по материалам следственного дела — Ненянгин), 56 лет. Следует отметить, что в 1851 г. в роду Ненянг числилось 43 чел.: 20 мужчин и 23 женщины [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 756, л. 95 об.–96].

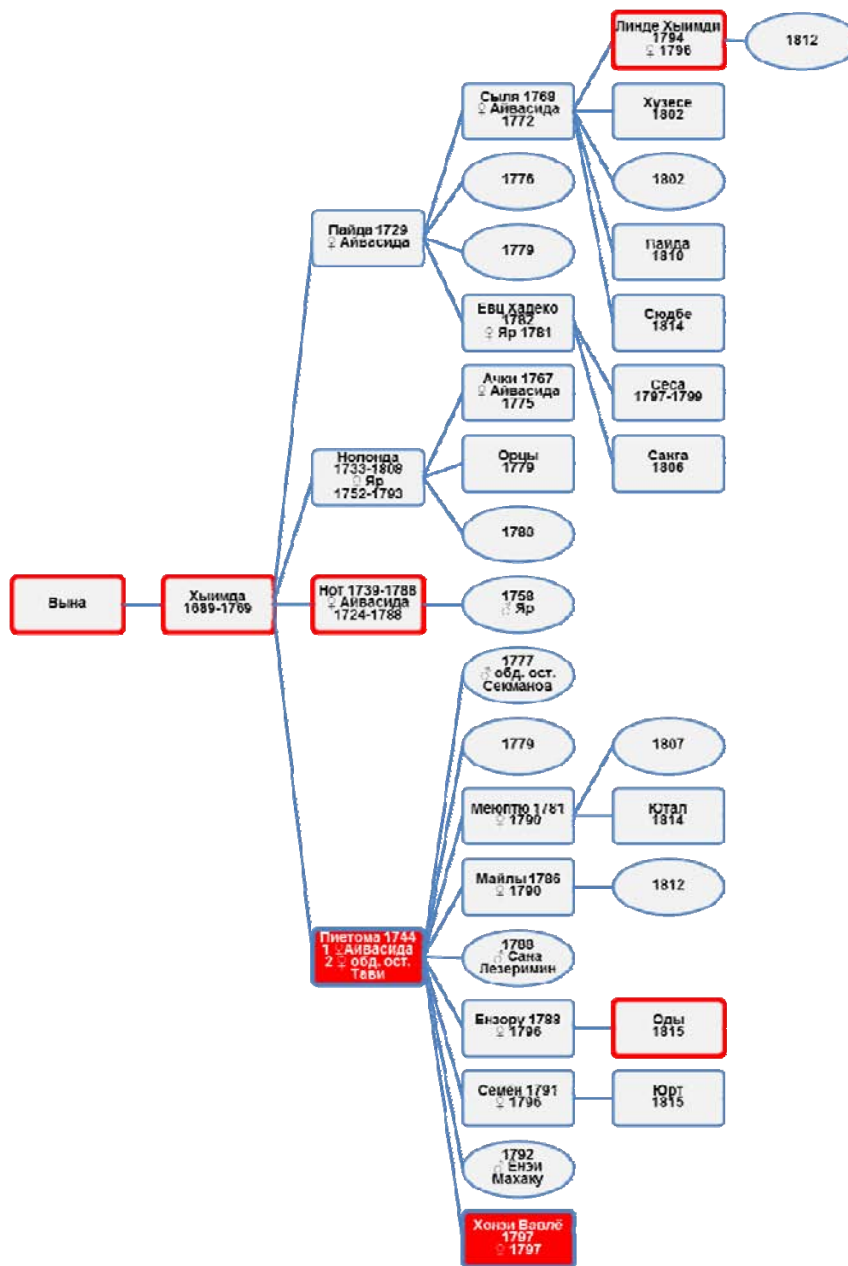
В последней, X ревизской переписи 1858 г. среди 14 ватаг «бродячих самоедов» Низовой стороны отмечена 11-я ватага без названия [Там же, д. 992, л. 653 об.]. Старшиной ватаги записан Содома Ненанчин (Ненянгин⁹), 63 лет от роду, избранный старшиной скорее всего после смерти младшего брата, так как тот в ревизии не отмечен. В его ведении находились: семеро его сыновей с женами и детьми, семья другого его брата — Напти Ненанчина и еще одна, видимо, родственная семья. Всего 27 человек: 17 мужчин и 10 женщин.

Возникает вопрос, а где же среди этих записей найти Вавлэ? Здесь необходимо краткое пояснение о системе имянаречения у ненцев. Особенности ненецкой антропонимии подмечали путешественники и исследователи начиная с XVIII в. Голландский художник, путешественник и писатель Корнилий де Бруин писал: «Когда у них родится дитя, они тотчас дают ему имя, по имени того, кто первый войдет в их палатку, будь это человек или животное, или же по имени первого встреченного ими при выходе из палатки, человек ли то, животное или пти-

⁹ Комар — Комаров; Ненянг — Ненянгин.

Вавлэ Ненянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

ца. Часто они дают ему имя даже той вещи, которая первая представится их взору, как-то: реки, дерева или другого чего-нибудь» [Путешествие..., 2009, с. 76].

Рис. 2. Родословная семьи Вавлэ Ненянга:

□ — мужчина, ○ — женщина; ♂ — супруг, ♀ — супруга; жирный контур — люди с совпадающими именами; темный фон — Вавлэ и его отец.

Студент Василий Зуев, работавший в сибирской экспедиции академика П.С. Палласа в 1771–1772 гг., сообщал о ненецких именах следующее: «Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают ему настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по сложению, сходству с животным, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее...» [1947, с. 65].

Сведения о ненецких именах, полученные в XVIII в., подтверждаются исследователями XX в. Как писала Н.М. Терещенко, ненцы при выборе имени учитывали «отличительные черты наружности и поведения ребенка, сопутствующие его появлению на свет обстоятельства семейной жизни, место и время его рождения, особенности погоды, пожелания в связи с рождением и т.п.» [1989, с. 234–237].

Ненецкие имена, по данным исследователей, по сути являются прозвищами и часто носят описательный характер: Мэбета — сильный; Едейко — новенький, Сэрако — беленький, Париконе — черненькая женщина, Саване — хорошая. Выделяющуюся часть тела иногда подчеркивают, называя, например, мальчика Пыянгарка — большой нос. Родившуюся вместо мальчика-наследника девочку могут назвать Ватане — лишняя или Пуйне — последняя. Кроме имен-прозвищ, употребляемых довольно свободно, у каждого ненца имеется запретное имя, произносить которое можно или детям между собой, или когда старший зовет младшего [Хомич, 1995, с. 192–193; Сусой, 1994, с. 36; Квашнин, 2000, с. 235–238].

Иногда имя могло быть присвоено ребенку в честь уважаемого и чтимого предка. По мнению Н.М. Терещенко, ребенку предлагался образец человека, которому стоило подражать в делах и поступках. Например, имя **Вавля** в переводе означает «*ляжет на постель умершего*». Оно как бы обязывает мальчика занять в жизни место покойного деда. Это мечта о сильном человеке, хорошем хозяине, главе семьи [Терещенко, 1989, с. 235].

Основываясь на приведенных выше данных, можно предположить, что имя Вавля (Вавлэ) носил **Хонзи**, пятый сын Пиеттомы. Однако здесь трудно сказать, какое из имен было первым, а какое вторым. Кстати, имя Вавля носил один из родственников, возможно дядя Ваули Пиеттомина.

Итак, что же мы можем обоснованно предполагать о Вавлэ Ненянге? Родился он в 1797 г. в низовьях Таза. Одним из его имен было Хонзи. Именем Вавлэ он был назван в память об уважаемом покойном предке. Его отца звали Пиетома, деда — Хымда, а прадеда — Вына. Мать его была остячкой из Обдорского городка. У Хонзи-Вавлэ было восемь родных братьев и сестер. Он был женат, но детей не имел. Его отдаленные предки происходили из рода Харючи Низовой стороны. Один из них, Еней-Гыма, прозвищем Комар, стал родоначальником рода Ненянг.

Подтвердить родство Гымы с его «братом» Выной можно сопоставляя имена людей в обеих родословных (рис. 1, 2):

- Оды, отец Енея Комара, — Оды, его правнук, 1750 г.р.; Оды, один из внуков Пиеттомы, 1815 г.р.;
- Гыма, отец «князца» Палки Гымова (Палмы Гымина), — Гыму, его правнук, 1775 г.р.;
- Нот, сын Хымды, 1739 г.р., — Нотта, правнук Гымы, 1776 г.р.;
- Хымда, дед Ваули, 1689 г.р., — Линде Хымди, правнук Хымды, 1794 г.р.;
- Вавля, сын Гымы, 1724 г.р., — Хонзи Вавлэ, сын Пиеттомы, 1797 г.р.

Как известно, наличие фонда личных имен является одним из признаков рода, поэтому вероятность ошибки в установлении родства сводится здесь практически к нулю. Из шести случаев три имени совпадают у прадедов и правнуков, что соответствует ненецким обычаям имянаречения.

Предки Ненянгов, как видно из документов XVII — начала XVIII в., были людьми сильными, смелыми, воинственными, а порой даже жестокими. Эти качества отмечены и у Вавлэ. Судя по материалам следственного дела, Ваули Пиеттомин сумел объединить вокруг себя много сторонников (до 400 чел.). Прежде всего, в его ватагу вошли родственники: его двоюродные братья Тогомпада Топкин и Ханди Ненянгин, дядя Моттай Ванцын Нырин (Моттий Таск), зять Сана Лазеримин с сыновьями. Отдельные самоеды примкнули к нему «по случаю бедности», как, например, Менчеда Санин, который до этого «бродяжа по низовым местам для пропитания себя с семейством, чинил кражи оленей из стад неизвестных ему людей». Многие же, как написано в деле комиссии по расследованию дела, были привлечены к нему «лестными обещаниями богатой добычи, шаманством и другими способами». На богатых оленеводов Ваули с ватагой навели страх неожиданными набегами и наглым уводом их оленей. По мнению «начальника губернии» М.В. Ладыженского, самоеды «боялись ослушаться его, как сильного, наглого и, по их понятиям, святого человека» [Ваули..., 1940, с. 29–47].

Жестокость Ваули проявлялась в отношении людей, не желавших подчиниться его воле. Самоед Пура Сой отказался вступить в ватагу Пиеттомина, за что тот «жестоко его избил, вышиб ему передние зубы, приказал его убить, и этот несчастный обязан своим спасением сообщникам самого Ваули». Чуть не лишился зубов и другой самоед, Готта Выньпад, за то, что не стал сообщником Ваули. Чудом остался жив самоедский старшина Лаби, пытавшийся отбить у грабителей своих оленей. Князя Тайшина Ваули хотел, согласно материалам дела, избить

Вавлѐ Ненянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

оленьим рогом, а по другим сведениям, казнить [Ваули..., 1940, с. 31–33, 35, 40; Felińska, 1852, s. 332–333].

Конфликты происходили у Ваули и с его родственниками, в частности с упоминавшимся выше Содомой Ненянгиним, которого Ваули отстранил от старшинства за его преступления. Содома был не менее жестоким, чем Ваули. Будучи старшиной ватаги в 1820–1830-е гг., в 1839 г. убил грудного младенца у человека, женившегося на его невесте. Кроме этого, Содома избил беременную жену самоеда Хочь-Морика (возможно, Хабт-Нгарка¹⁰), обитавшего в Туруханском округе. От этих побоев женщина выкинула мертвого младенца [Ваули..., 1940, с. 24–25].

Во время следствия Ваули и его сообщники говорили, что сами они «смертоубийства не производили». Однако одно интересное свидетельство позволяет говорить об обратном. Это «Песня сестры Вавлѐ Ненянга», которая является одним из лучших образцов индивидуального творчества, ставшим общененецким достоянием. В ней рассказывается драматическая история женщины, спешащей на оленьей упряжке на выручку к своему мужу по прозвищу Ёнэй Махаку (средний Махаку)¹¹. К сожалению, она не успеваает. Вавлѐ уже убил своего зятя, видимо, за неповиновение. Но этим дело не кончается. Вавлѐ убивает и своего маленького племянника, которого он воспринимает как потенциального мстителя за отца. Он хочет расправиться и с сестрой, но та перестает ему противоречить и выказывает покорность. По мнению исследователей, в этой песне отражены реальные события того времени [Фольклор..., 2001, с. 38–39, 394–397].

Дальнейшая судьба участников событий сложилась по-разному. Сану Лазеримина сослали на поселение в Иркутскую губернию, Хонзали Палумина — в Восточную Сибирь. За остальными, «неизвестно куда скрывшимися», приказано было ограничиться строгим местным наблюдением [Ваули..., 1940, с. 45].

Среди скрывшихся в отдаленных тундрах был, вероятно, и верный товарищ Пиеттомина Майри Ходин. А.В. Головнев считает, что Пани Ходин (Тогой), продолживший в Низовой тундре в 1850-е гг. набеги на богатых олениводов и призывавший самоедов не подчиняться властям, — это родной брат Майри [Головнев, 1995, с. 119–124]. Мы же склонны предполагать, что Пани — всего лишь второе имя Майри. Во всяком случае, в материалах VII ревизии 1816 г. у самоеда Ходы Восмова записан только один сын — Майри [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 404, л. 815 об.].

Убийство грудного младенца Содомой Ненянгиним до поимки его из бегов комиссия оставила «без положения» [Ваули..., 1940, с. 45]. Судя по тому, что в 1858 г. Содома снова числился старшиной, его преступление осталось без наказания.

Судьба Вавлѐ Ненянга неизвестна. В 1843 г. он был осужден военным судом на каторжные работы и сослан куда-то в Восточную Сибирь. По мнению исследователя О.Р. Аюпова, Ваули могли отправить в Акатуевскую каторжную тюрьму, располагавшуюся в 625 км от г. Читы при Акатуевском серебряно-свинцовом руднике Нерчинско-Заводского округа Алгачинского района Забайкальской области. Именно сюда чаще всего ссылали осужденных за грабежи, убийства, неоднократные побегі, а также разбойничьих атаманов. Скорее всего, Ваули прожил здесь недолго, потому что смертность на этом руднике была самой высокой [Аюпов, 2001, с. 23]. Возможно, какие-то сведения о нем сохранились в архивах Забайкальского края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 846. Л. 7 об., 10 об., 12 об., 16 об.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 116.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 124 об.–125, 133.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 72. Л. 115.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 404. Л. 812.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 756. Л. 95 об.–96.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 992. Л. 653 об.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 404. Л. 815 об.
ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 20. Д. 679. Л. 168.

---

¹⁰ Хабт-Нгарка — одно из подразделений рода Яптунай.

¹¹ Махаку — одно из подразделений рода Вануйто.

Литература

- Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Зап. ИРГО. Кн. XII. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. 488 с.
- Алекса А.П. Словарь терминов и других слов, встречающихся в ненецких географических названиях. М.: ГУГК, 1971. 106 с.
- Анисимкова М. Ваули: Историческая повесть. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 192 с.
- Анисимкова М. Ваули: Роман. М.: Советская Россия, 1984. 304 с.
- Анисимкова М. Ваули: Роман. Сургут; Омск: Сев. дом; Омск. кн. изд-во, 1994. 368 с.
- Аюпов О.Р. Последний военный вождь или Ваули Пиеттомин: Загадки и версии // Культура Ямала. № 3–4. 2001. С. 22–23.
- Барш З.А. Обдорский возмутитель // Рус. старина. 1881. Окт. С. 377–386.
- Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. 187 с.
- Бударин М.Е. Сын племени Ненянгов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 70 с.
- Вануйто В.Ю. Народное восстание 1841 г. // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: Исторический опыт и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 1995. С. 16–19.
- Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
- Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в. Омск: Обл. гос. изд-во, 1940. 48 с.
- Вершинин Е.В. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д.Л. Овцына // Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири. Самодийцы». Тобольск; Омск, 2001. С. 96–99.
- Герасимов В.Н. Обдорск: (Исторический очерк). Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты» А.А. Крылова, 1909. 83 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
- Гущин П. Уголок краеведа: Страна Вауля: (Организатор остяцко-самоедского бунта Ваули Пиеттомин). // Северянин. 1925. 11 янв.
- Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в.: (1771–1772). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 96 с.
- Из истории ненецкого народа 30–40-х годов XIX в.: (Движение Ваули Пиеттомина) // Красный архив. 1939. № 1 (92). С. 152–177.
- Истомин И. Легенда // Живун: Роман, повесть, рассказы. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. Т. 1. С. 342–353.
- История Сибири: В 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 536 с.
- Карамоленко С. «Ваули Пиеттомин» // Ист. журн. 1940. № 12. С. 136–139.
- Каргаполов Е.П. Творчество писателей Обь-Иртышья: Учеб.-практ. пособие для преподавателей и студентов профессиональных учебных заведений ХМАО — Югры: В 3 ч. Омск; Ханты-Мансийск, 2004. Ч. 1. 248 с.
- Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М.: Соцэкгиз, 1937. 132 с.
- Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.
- Квашнин Ю.Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропол. форум. № 14. 2011 (online). С. 23–66.
- Климов А.М. Ваули Пиеттомин: (Из прошлого ненцев) // Северные рассказы. Челябинск: Обл. гос. изд-во, 1950. С. 5–45.
- Коковин Е. Полярная гвоздика: Повесть-путешествие // Мы поднимаем якоря. Архангельск: Сев-зап. кн. изд-во, 1972. С. 9–12.
- Корниенко В. Восстание Вауля // СЭ. 1932. № 5–6. С. 112–119.
- Лезин В.А. Реки и озера Тюменской области. Тюмень: Тип. фирмы «Пеликан», 1995. 300 с.
- Наговицын С. Ваули — герой ненецкого народа // Омская правда. 1937. 5 апр.
- Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915. 456 с.
- Новое о Ваули Пиеттоmine: Предводитель народного движения ненецкой и хантэйской бедноты в 30-е — начале 40-х гг. XIX в. // Омская область 1939. № 6. С. 52–53.
- Обдорский край и Мангазея в XVII в.: Сб. док. / Авт.-сост. Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.
- Огрызко В. Что имеем — не храним: (Об итогах международной конференции «Слово в духовном возрождении народов» // Эринтур. 1997. № 2. С. 279–280.
- Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) Т. II: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. 431 с.
- Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 222 с.
- Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Вавлѐ Нянянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. 1701, 1708 // Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии / Сост., вступ. ст., примеч. Д. Николаева. М.: ОГИ, 2009. С. 51–112.

Розачев Н. Хлеб и соль прозы Маргариты Анисимковой // Эринтур. 1998. № 3. С. 299–308.

Славнин П. Самоеды-грабители в Обдорском крае. ЕТГМ. 1909. Вып. XIX. С. 1–10.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): Сб. прав. актов и док. / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. 238 с.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941): Сб. док. / Сост. Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова Тюмень, 1994. 320 с.

Сусой Е.Г. Из глубины веков: (Традиции и обычаи ямальских ненцев). Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 174 с.

Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965.

Терещенко Н.М. Ненцы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 234–237.

Утков В. Ваули Пиеттомин // Сиб. огни. 1940. № 4/5. С. 228–231.

Фольклор ненцев / Сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 23).

Хомич Л.В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Рус. двор, 1995. 336 с.

Шашков С.С. Исторические этюды. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872. 352 с.

Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i Saratowie. Wilno, 1852. Т. 1. 348 s.

Тюмень, ИПОС СО РАН
ukwa@yandex.ru

Subject to summarizing and analysis being popular data about Vavlyo Nenyang — a leader of rebellions by the Nenets and Khanty poor in 1830–1840, published in pre-revolutionary regional editions, historical and ethnographic investigations of the Soviet time, and in fiction. For the first time, basing on archive materials of XVIII–XIX cc. and the newest historical investigations, the author undertook an attempt to compile his genealogy, expressing an opinion on the outlaw character of his rebellions, and establishing a possible location of his exile and death.

Vavlyo Nenyang, Vauli Piettomina, Beryozov, Obdorsk, Samoyeds, Ostyaks, Nenets, Khanty, outlaw, popular hero, genealogy, Karacheya, arrest, exile.

ПРАКТИКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОГОДУ И ЗАЩИТЫ ОТ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ У КОМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Н.А. Лискевич, А.Х. Машарипова

Представлены полевые материалы, характеризующие практики воздействия на погоду и стихийные бедствия у разных этноареальных групп коми. На территории Северного Зауралья у ижемских коми, основным занятием которых было оленеводство, использовались приемы влияния на ветер, дождь, профилактика снежных лавин. У земледельческих групп коми, расселенных в более южных районах в бассейне Тобола и Иртыша, применялись способы борьбы с засухой и вызывания дождя либо остановки затяжных осадков, отведения грозы, вихря. Ритуальные действия проводили, как правило, индивидуально, в случае сильных бедствий (пожара или засухи) у всех групп коми практиковалось коллективное воздействие. Основные приемы — заговоры, использование острых предметов, поливание могил утопленников, замачивание могильного креста, табуирование некоторых действий, а также молебны, крестные ходы, использование церковной атрибутики и др. В настоящее время метеорологическая магия у коми почти не применяется, некоторые приемы вспоминаются как детские забавы, но сохраняется практика молитвенных прошений о предпочтительной погоде.

Коми, метеорологическая магия, народная метеорология, вызывание дождя, вызывание ветра, остановка вихря, остановка пожара.

В арсенале традиционной культуры широко распространены приемы вызывания или остановки различных природных явлений (дождя, ветра, солнечного света, града и пр.), получившие название метеорологической магии [Токарев, 1990, с. 491–506]. У современных народов попытки влияния на погоду, как правило, сопровождаются молитвенным обращением к Богу и привлечением религиозных служителей, но, по мнению С.А. Токарева, представляют собой те же древние приемы «магии погоды» [Там же, с. 496–497].

В отечественной историографии первыми методологически значимыми являются работы Н.И. Толстого и С.М. Толстой, посвященные метеорологии славян [Толстой, 2003а; Толстой, Толстая, 2003а–г], в приложении к которым содержатся программы для собирания сведений по полесским обрядам вызывания дождя и обрядам, связанным с громом и градом [Толстой, Толстая, 2003б, с. 122–125; 2003г, с. 158–161], а также указатель предметов, действий, признаков, лиц, животных и мифических существ, вокативов и локативов, времени дня и даты календаря, числа, географических объектов и зон [Толстой, 2003б, с. 242–252]. Эти работы во многом определили народную метеорологию как исследовательское направление в этнологии, вписывающееся в сферу духовной культуры и включающее как мифологические компоненты, фенологические знания и опыт наблюдения за погодой, так и систему практических действий и запретов для вызывания, изменения или предотвращения природных явлений (напр., [Миненко, 1991, Левкиевская, 1995, с. 379–382; Плотникова, 1995, с. 35–361; Шабалина, 2006, с. 23–25; Казакова, 2009, с. 22–26; Чернецов, 2010, с. 349–358; Голева, 2013, с. 41–46; Любимова, 1997, с. 72–78; 2012, с. 45–60; 2013, с. 79–82; Чемерчева, 2013, с. 23–26]). К народной метеорологии также относится система гаданий, предсказаний и примет, связанных с погодой [Толстая, 2004, с. 248].

Отдельные описания предсказаний или влияния на погоду у коми имеются в трудах исследователей и путешественников XIX — начала XX в. Так, приметы грядущего пожара и способы защиты от грома и молнии обозначил К.А. Попов [1874, с. 60]. Приводятся примеры отношения к горе Тэл-Поз-Из¹, где нельзя было шуметь, чтобы не вызвать бурю, по облакам над ним и Саблей определяли погоду [Арсеньев, 1881, с. 205–206; Ермилов, 1888, с. 48; Иваницкий, 1886, с. 7; и др.]. В.В. Кандинский в ходе экспедиции 1889 г. к сысольским и вычегодским зырянам отметил случаи одушевления явлений природы, в том числе обращение к ветру, закрытие льда от летнего солнца, чтобы оно не послало град [2000, с. 110]. П. Засодимский описывает случай, когда колдунья «отняла силу у земли», чтобы не было урожая ржи [1901, с. 14].

¹ Приводится современное написание оронима: [Матвеев, 1984, с. 100–102].

Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий у коми Западной Сибири

В современной историографии важным вкладом в изучение народной метеорологии стали сбор, обобщение и систематизация малых форм фольклора — загадок, пословиц, поговорок, закличек, народных примет [Плесовский, 1975, с. 12–19; 1983, с. 14–25; Кудряшова, 1993; Филиппова, 2007, с. 48, 192]. В работах Н.Д. Конакова анализируются календарная символика коми, семантика и этимология названий месяцев, календарные приметы, отражающие сезонные изменения в окружающем мире и их взаимосвязь с основными хозяйственными занятиями [1989, 1990, 1993], приводятся отдельные приметы для предсказания погоды, будущего урожая и успеха в промысле [1996, с. 32, 43, 119]. Н.Д. Конаков отмечает многообразие и разноплановость коми народных метеорологических примет: по состоянию космических светил, различным природным явлениям, поведению птиц, животных, насекомых, самодельным метеоприборам [2004, с. 241–244]. Примеры обрядов вызывания дождя или, напротив, чистого неба, проведения молебнов и крестных ходов для защиты от пожаров, вызывания ветра приводятся в работах В.Э. Шарапова [2001, с. 158–159], О.В. Голубковой [2006, с. 102–103], Н.А. Лискевич [2012, с. 193–194] и др. К.В. Истомин анализирует знания о природно-климатических явлениях региона у коми оленеводов и выделяет их основные блоки: классификации ветров, осадков и явлений, связанных со снегом и снежным покровом [2004, с. 87–100].

У современного коми населения Западной Сибири сохраняются представления о приемах прогностики и воздействия на погоду. Отдельные сведения о метеорологической магии и способах противостояния стихийным бедствиям были собраны в ходе полевых исследований среди ижемских коми (потомков переселенцев с территории бассейна Ижмы и низовьев Печоры Архангельской губернии) в 2006, 2008, 2009–2010 гг. на территории Шурышкарского (села Мужы, Восьхово, Горки, Овгорт, Шурышкары, д. Новый Киеват) района ЯНАО и Казымского (села Казым, Полноват) и Березовского (с. Саранпауль, д. Щекурья) районов ХМАО — Югры, а также в 2003–2008 и 2012–2013 гг. среди потомков переселенцев коми в основном из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, проживающих в настоящее время в Заводоуковском, Юргинском, Ярковском и Ялуторовском районах Тюменской области и Горьковском, Знаменском, Калачинском, Оконешниковском, Тарском районах Омской области. При сборе материала применялись методы интервьюирования и свободной беседы с аудиофиксацией, при этом тематика бесед варьировалась от представлений о небесных светилах и природных явлениях до календарной и окказиальной обрядности.

Практика воздействия на погоду и стихийные бедствия у разных этноареальных групп коми имела свою специфику и была обусловлена хозяйственными потребностями и природно-географическими условиями. На территории Северного Зауралья у ижемских коми, основным занятием которых было оленеводство, использовались приемы влияния на ветер, вихрь, дождь, профилактика снежных лавин. Деятельность оленеводов была сопряжена с каждодневной потенциальной или реальной опасностью и экстремальными ситуациями, которые могли представлять угрозу как людям, так и животным. Это было связано с трудностью прохождения через перевалы в горах, где случались обвалы и сходы лавин, туманы и шквалистые ветра, переправ через стремительные горные реки, нападением хищников, внезапными эпизоотиями, из-за которых можно было потерять все стадо, и пр.

От метеоусловий во многом зависел успех перехода и безопасность людей, особенно на перевалах. При перекочевке оленеводы смотрели на фазу луны; считалось, что если отправиться в дорогу на «конец луны», то можно попасть в непогоду: *«В субботу как раз конец луны, новолуние. Вот погода и портится. Вечером смотрят — новолуние — можно, а когда кончается: э! Когда кончается, остановились чё-то»* [ПМА, Березовский р-н, 2012]. Предстоящую погоду определяли по облакам над горой Нёр-Ойка: *«Неройка — это Хозяин гор. По нему определяют, тучи или нет, какая погода дальше будет»* [Там же]. Подобный прогноз можно было сделать по наблюдениям за облаками над горами Тэл-Поз-Из и Сабля: если тучи шли ниже вершин и, переползая через них, вытягивались в виде дыма, идущего из печной трубы, то говорили, что на Урале «топятся печи», и это признак дурной погоды [Иваницкий, 1886, с. 7]. В горах традиционными были шумовые запреты, хотя в большей степени они соблюдались вблизи вершины Тэл-Поз-Иза, на границе Северного и Приполярного Урала. Эта гора считалась «гнездом ветра», и поэтому даже самый слабый звук голоса, малейший стук вызывали будто бы страшную бурю. *«Промышленники, проезжая мимо... сохраняют глубокое молчание и даже обертывают тряпками уключины весел, чтобы они не скрипели»* [Арсеньев, 1881, с. 205–206].

Если надо было куда-то срочно ехать во время непогоды, то практиковали приемы метеорологической магии. Для улучшения погоды делали 40 зарубок на палке, вспоминая (считая) при этом 40 плешивых (лысых) стариков. После эту палку ставили против ветра либо вешали, чтобы она *«болталась — и ветер все равно стихнет»* [ПМА, Шурышкарский р-н, 2010]. Этот способ схож с вологодским поверьем, по которому зимние морозы можно было уменьшить, считав «сорок плешивых мужиков», и, вероятно, связан с особым отношением к лысине (плеши) и числу 40 в народной культуре [Володина, 2001, с. 11–12; Шабалина, 2006, с. 23–25]. Уменьшить или полностью остановить дождь можно было с помощью старого зазубренного топора, который поворачивали лезвием в сторону тучи: *«Если туча, то туча сразу раскалывается. Это я сам заметил. Только надо не острым поворачивать, а зубчиками»* [ПМА, Шурышкарский р-н, 2010]. Железо — кэрт, железные предметы, по традиционным представлениям коми, имели большую магическую и лечебную силу. Встречаются былички о том, что сильный ветер можно было утихомирить, бросив против него через левое плечо вывернутой рукой нож или топор; сильный ветер могли также «рубить» топором или косой [Уляшев, электрон. ресурс].

Если же в тихую погоду раньше собирались в путь на лодке с парусом — *городовушке*, то при помощи трехразового издавания специальных звуков можно было вызвать ветер [ПМА, Шурышкарский, Березовский р-н]. Этот способ применялся (и до сих пор используется) детьми для спасения от гнуса в безветренную погоду: *«Я не знаю, правда или нет, но я в это верю. Вот покос, зной, мошкара. И мы кричим: талэ, талэ, бабет кулэ — “Ветер, ветер, бабушка умерла”. И начинается ветер дуть. Ветерок, хоть немного, но будет. Так ветер звали»* [ПМА, Березовский р-н, 2012].

Метеорологические приметы коми были связаны с хозяйственной практикой, наблюдением за природой: *«У них очень много примет было. И по деревьям, и по птицам, и по речкам. По всему, даже о чем и не подумаешь. Выйдет, на улицу посмотрит: ой, через неделю вот то-то будет. Они на неделю даже могли вокруг посмотреть и знать, какая будет погода»* [ПМА, Березовский р-н, 2012]. На покосе по утренней росе определяли, будет или нет дождь: *«утром роса есть — дождя не будет, роса нет — дождь»* [ПМА, Шурышкарский р-н, 2010]. Приметой сильного ветра было красное небо; пургу предсказывал лай собак, круг вокруг луны; считалось, что лошадь не ложится в стойле к морозам, а если к копытам прилипает снег — *«как на каблуках идет — к холоду»* [Там же]. Ряд примет был связан с поведением птиц: гагара перед ясным днем гогочет, а перед дождливой и ненастной погодой стонет [Рочев, 1975, с. 22–23], ворон перед ненастьем сидит на сухой ветке, *«кричит по-своему, да еще и кланяется»*, кукушка кукует перед громом [ПМА, Шурышкарский р-н, 2011].

Были приметы и об успехе в сборе дикоросов. На Васильев день, 14 января, смотрели звезды: *«когда звездочки видать, говорят: нынче ягоды много будет»* [ПМА, Березовский р-н, 2012], дождливая весна предвещала урожай на кедровые шишки [ПМА, Шурышкарский р-н, 2010].

Существовали и предзнаменования кризисных ситуаций. Коми-ижемцы обращали внимание на собак. Считалось, что собака воет к смерти (*покойнику*) или пожару, при этом по направлению ее морды судили о той стороне, где будет гореть. А если собака лает или воет, подняв морду кверху, то пожар будет очень большой: *«Если вверх лают, считай, что с огнем будет всё. А если белая и черно-пестрая собака тихонько подвывают (у-у-у) — это всё»* [ПМА, Шурышкарский р-н, 2010].

Способами остановки пожара были молитвы, вынесение домашних икон, большой молебен, крестный ход. В с. Мужы бытует предание о неуправляемом лесном пожаре: *«Это было примерно 150 лет назад, еще матери мать рассказывала. В общем, три женщины поехали на гребях смолу делать. Когда они уехали, эти женщины-то, костер, видать, разводили, жарко было, и лес загорелся. Они оттуда давай быстрой бежать. На лодке уехали. Они испугались, потому что лес подступал к поселку. Зажиточные уже вещи свои, а что вещи тогда — стол, табуретки, одежда кака-то, переезжали на ту сторону. А поп собрал всех, кто мог, и по этой Тильтимке молитвой, молебеном пошли. 7 километров, вот. Дотуда дошли, видать, и начался дождь. И поп сказал — вы не закрывайтесь, у Бога просили что, Бог то и дал. Дак вот это, дождь погасил этот огонь, и Мужы спаслись. Вот так пожар был потушен. Крест тогда поставили»; «Пожар был до революции еще, за Ханты-Мужей чё-то сгорело, и туда, вверх пошёл. Это мать рассказывала. Потом крестным ходом икону взяли и туда пошли. Все бабушки туда пошли. А потом до креста стали доходить, и такой дождь начался.*

Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий у коми Западной Сибири

Ветер да дождь! После этого они и крест поставили. После пожара крест поставили. Тогда был вот такой крест, маленький. Как домик был сделан. И большой был — длинный». Похожий сюжет, датируемый серединой XX в., был записан от жителей с. Мужы О.В. Голубковой [2006, с. 102–103].

Для остановки пожара в селе выносили из домов иконы и молились. В с. Мужы рассказывали о таком случае: *«На берегу все балки горели — с иконой стояла Казанской (Казанская икона Божьей Матери), молитву читала: “Казанский Божьей Матерь, помоги пожар тушить! От души прошу тебя, помоги, ради Христа!” И помог, потухло»* [ПМА, Шурышкарский р-н, 2010].

У коми Нижнего Притоболья и таежного Прииртышья (территория юга Тюменской и Омской областей) природно-климатические условия (в зоне экстремального земледелия с колебанием сельскохозяйственных сроков) порождали ряд праздничных мероприятий, включающих в себя ритуалы христианских и языческих традиций (освящение полей и пастбищ), направленных на сохранение будущего урожая. Воспоминания о ритуальных действиях, связанных с вызыванием дождя, были зафиксированы у потомков коми-зырян, переселившихся из Вологодской губернии в Тарский и Ялуторовский уезды Тобольской губернии в середине XIX в.

Летом, в период неблагоприятных погодных условий, проводили обряды на вызывание или, реже, прекращение дождя. Основными участниками обхода, как правило, становились пожилые женщины: *«бабы» икону носили, «бабки ходили», «старухи соберутся»*. Как правило, комплексное мероприятие приурочивали к дате, выпадавшей на ближайший христианский праздник. Например, в Омской области — праздник Троица. Коми жители, проживающие в деревнях Кибер-Спасское и Спасское, крестный ход организовывали в соседнее село: *«если засуха была большая, на девяную пятницу пешком ходили в Воскресенку с иконами, потом шли на поля, где хлеб растет»* [ПМА, Калачинский р-н, 2008]; в д. Лагушина *«если дождя нет, то идут на поля с иконами»* [Там же]. Одной из особенностей ритуала у этой группы коми был обычай посещать кладбище: *«На Троицу, когда не было дождя, брали иконы, ведра с водой и шли на кладбище поливать могилы утопленников»* [Там же]. *«Чтоб дождь пошел, шли вечером на ночь на кладбище пешком, там пели молитвы и поливали могилки»* [Там же].

В с. Ивановка Тарского района Омской области молебны с просьбой о дожде проводили не только на Троицу, но и при необходимости в случае засухи. Для этого собирались женщины с иконами и шли на поле. Молитвы пели на всех полях, над посевом, среди деревни и на речке. В основном с молитвами обращались к Пресвятой Богородице, но пели и другие — *кто какие знал* [ПМА, Тарский р-н].

В несколько в другом виде этот обычай был записан в д. Имшагал: *«Долго не было дождя, и тогда мы пошли с подружкой на кладбище, выкопали там крест со старой могилки, привязали его к чурке и утопили в реке. Дождь пошел очень сильный, два-три дня шел беспрестанно, мы даже испугались и побежали из воды крест вытаскивать. Как вытащили, так дождь и стал стихать»* [ПМА, Тарский р-н, 2012].

У коми Нижнего Притоболья в случае засухи, когда по месяцу и более не было дождя, устраивали молебен и ходили с иконой по деревне: *«...молились — пока еще церковь была. А потом из колодца воду черпают и льют друг на дружку — и дождь идет. Шум в деревне. Лили ведрами. На покосе бочонки деревянные с водой. Что остается — льют друг на друга»* [ПМА, Ялковский р-н, 2004]. Обычно такой обход селения был приурочен к Петрову дню²: *«На Петрунь день ходили к крестам молиться возле Тобола. Сначала по всем улицам ходили, всю деревню обходили. Раньше в деревне во многих местах кресты стояли. На Петров день, кто побогаче, стол накрывали в ограде, попа приглашали»; «На Петров день к крестам иконы водили, там молитвы читали, чтоб дождь пошел»; «Бабы икону носили, чтоб дождь пошел, помолятся — обратно идут, и дождь пойдет, вот какая вера была»* [ПМА, Ялковский р-н, 2004; Юргинский р-н, 2007]. В современной традиции, чтобы прекратить засуху и вызвать дождь, в с. Ивановка Ялуторовского района во время празднования дня села (7 июля) участников и гостей праздника обрызгивают ветками с водой (рис.).

Когда долго не было дождя, говорили: *«Дай Бог дождишка, лентяям отдышка»*. У детей, уставших от работы, была забава «накликать дождь»: *«если на покосе грабли бросили зубьями вверх — к дождю, родители ругаются. Или если лягушку истопят, сожгут или убьют, то дождь будет»* [ПМА, Ялуторовский р-н, 2006]. Чтобы остановить дождь, *«кочергу на улицу выносили. На крыльцо ее положишь»* [ПМА, Тарский р-н, 2012]. Во время покоса надвигающуюся

² День святых первоверховных апостолов Петра и Павла, отмечается 12 июля.

тучу «держали вилами» [ПМА, Ялковский р-н]. Вилы использовали также для защиты от вихря, направляя их зубьями навстречу крутящейся воронке ветра: «Когда вихрь сильный идет, вихрь крутит вот, прошлый год даже это было, П.З. (имя и фамилия человека. — Н. Л.) пошел вилами навстречу. Когда вихрь поднимается и сено уносит через речку на ту сторону, тогда надо вилами навстречу или чем-то острым. Навстречу делали. Вот это и было у нас. Может, в душе и молились, кто его знает сейчас» [ПМА, Калачинский р-н, 2008].

Рис. Окропление водой участников праздника День села в с. Ивановка Ялуторовского района Тюменской области. 2014 г.

Существовали запреты и предостережения на совершение тех или иных действий во время работ по праздникам. Так, нами были записаны личные жизненные ситуации. Например, в с. Ивановка «муж, когда поехал сено убирать, наказал мне, чтоб я пол не мыла, иначе дождь пойдет, а у меня родственники должны были приехать, я и помыла крыльцо, и сразу тучи набежали» [ПМА, Ялуторовский р-н, 2006]. В день Кирики Улиты «нельзя ничего делать с сеном» [ПМА, Калачинский р-н, 2008]. «Поехал родственник в этот день сено вывозить. Было солнечно, и вдруг у самой уже деревни набежала туча, ударил гром и молния попала прямо в телегу с сеном. Все сгорело» [Там же]. Предписания старались строго соблюдать: «до Ильина дня нужно все успеть» [ПМА, Калачинский р-н, 2008]. «Бабушка говорила: Илья наделает гнилья» [Там же].

Долгосрочные приметы о погоде у земледельческих групп коми были связаны с определением количества будущих осадков, размеров урожая: «Вот как появится новая луна на Рождество, посмотри, луна как висит, если как бы немножко загибается, что можно ведро повесить с водой, значит, будут дожди. А если она прямо стоит, что некуда ведро повесить, значит, будет сухо, без дождей» [ПМА, Калачинский р-н]. Чтобы узнать погоду на следующий день, смотрели: солнце ясно садится — добрый день; солнце садится под тучи — будет дождь, а в Ильин день всегда дождь бывает [ПМА, Ялковский р-н].

Пожары в деревне были страшным бедствием. Одним из способов остановки пожара или изменения его направления у всех групп коми было бросание в огонь пасхальных яиц: «А яйца, крашенные луковой шелухой, пасхальные съедали, а одно ложили за икону. Когда пожар, его бросали» [ПМА, Тарский р-н, 2012]. Кроме этого, пожар обходили с иконами и молились. В с. Староалександровка (Ялковский р-н) во время лесного пожара пожилые женщины бросали в огонь пасхаль-

Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий у коми Западной Сибири

ные яйца и стояли с иконами возле кладбища, чтобы его отстоять. И в результате этого, по их мнению, ветер изменил направление и пожар отступил, хотя другие жители села объясняли остановку огня широкой бороздой, пропаханной трактором [ГМА, Яркоковский р-н, 2006].

Практика воздействия на погоду и стихийные бедствия у разных этноареальных групп коми имела свою специфику и была обусловлена хозяйственными потребностями и природно-географическими условиями. На территории Северного Зауралья у ижемских коми, основным занятием которых было оленеводство, использовались приемы влияния на ветер, дождь, профилактика снежных лавин. У земледельческих групп коми, расселенных в более южных районах в бассейне Тобола и Иртыша, применялись способы борьбы с засухой и вызывания дождя либо остановки затяжных осадков, отведения грозы, вихря. Ритуальные действия обычно проводили индивидуально, в случае сильных бедствий (пожара или засухи) у всех групп коми практиковалось коллективное воздействие. Основные приемы — заговоры, применение острых предметов, поливание могил утопленников, замачивание могильного креста, табуирование некоторых действий, а также молебны, крестные ходы, использование церковной атрибутики и др. В настоящее время метеорологическая магия у коми почти не практикуется, некоторые приемы вспоминаются как детские забавы, но сохраняются молитвенные прошения о предпочтительной погоде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арсеньев Ф.А.* Картины дальнего севера: Из охотничьих воспоминаний Ф.А. Арсеньева // Вологодский сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом под редакцией члена-секретаря Комитета Ф.А. Арсеньева. Т. 2. Вологда: Тип. Губерн. правления, 1881. С. 154–215.
- Володина Т.В.* Лысый и лысина в восточнославянской народной культуре // Живая старина. 2001. № 3. С. 11–12.
- Голева Т.Г.* «Дай, бог, дождь на наши поля»: Метеорологическая магия у коми-пермяков // УИВ. 2013. № 2 (39). С. 41–46.
- Голубкова О.В.* Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 101–111.
- Ермилов Н.Е.* Поездка на Печору: Путевые заметки. Архангельск: Губерн. тип., 1888. 95 с.
- Засодимский П.* В зырянском краю: (Путевые очерки). М.: Изд. кн. магазина торгового дома «С. Курнин и К^о», 1901. 52 с.
- Иваницкий Н.А.* Вологодская Печора: (Из путевых записок) // Вологод. губерн. ведомости. 1886. № 19. С. 7.
- Истомин К.В.* Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 202 с.
- Казакова Е.Д.* Две заметки о лексике народных верований // Живая старина. 2009. № 1. С. 22–26.
- Кандинский В.В.* Национальные божества (по современным верованиям): Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян // АРТ лад. 2000. № 1. С. 108–112.
- Конаков Н.Д.* Древний календарь: От периода лося до периода медведя // Родники пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 119–144.
- Конаков Н.Д.* Календарная символика уральского язычества: (Бинарный зооморфный код). Сыктывкар, 1990. 46 с. (Коми филиал АН СССР. Сер. препринтов «Науч. доклады»; Вып. 243).
- Конаков Н.Д.* Календарь народный // Коми-зыряне: Историко-этнографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 50–51.
- Конаков Н.Д.* Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996. 132 с.
- Конаков Н.Д.* Народная метеорология // Зырянский мир: Очерки о традиционной культуре коми народа. Изд. 2-е, испр. и доп. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 241–244.
- Кудряшова В.М.* Коми народные приметы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 192 с.
- Левкиевская Е.Е.* Вихрь // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 379–382.
- Лискевич Н.А.* Дорога в традиционной культуре коми Нижнего Приобья // Подорожник: Краевед. альманах / Сост. В. Белобородов. Тюмень: Мандр и К^а, 2012. С. 179–195.
- Любимова Г.В.* Способы борьбы с засухой в традиционной обрядности русских крестьян Западной Сибири // Гуманитар. науки в Сибири. 1997. № 3. С. 72–78.
- Любимова Г.В.* Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой: (На материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 207 с.
- Любимова Г.В.* Религиозно-магические практики русских крестьян Сибири в условиях стихийных бедствий // Гуманитар. науки в Сибири. 2013. № 3. С. 79–82.

Н.А. Лискевич, А.Х. Машарипова

- Матвеев А.К. От Пай-Хоя до Мугуджар: Названия уральских хребтов и гор. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 208 с.
- Плесовский Ф.В. Коми нӧдкывъяс: Коми народные загадки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1975. 112 с.
- Плесовский Ф.В. Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 208 с.
- Плотникова А.А. Ветер // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 357–361
- Попов К.А. Зыряне и зырянский край. Изв. императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1874. Т. XIII. Кн. 3. Вып. 2. 90 с.
- Рочев Ю.Г. Материалы обской фольклорной экспедиции 1974 года (январь — март) // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 173.
- Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Толстая С.М. Метеорология народная // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 248–252.
- Толстой Н.И. Еще раз о теме «тучи — говьяда, дождь — молоко» // Н.И. Толстой. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003а. С. 253–266.
- Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003б. 624 с.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Вызывание дождя в Полесье // Н.И. Толстой. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003а. С. 89–125.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Вызывание дождя у колодца // Н.И. Толстой. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003б. С. 75–88.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Гром и град в Полесье // Н.И. Толстой. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003в. С. 126–161.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Н.И. Толстой. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003г. С. 162–252.
- Уляшев О.И. Кӧрт // Традиционная культура народов европейского северо-востока России. Этнографическая электронная энциклопедия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.komi.com/FOLK/komi/433.htm>.
- Филиппова В.В. Фольклор народа коми. Сыктывкар, 2007. 220 с.
- Чемерчѣва А.А. Народная магия на Тамбовщине: остановка града // Живая старина. 2013. № 1. С. 23–26.
- Чернецов А.В. К изучению метеорологической магии // Материалы по истории и археологии России / Отв. ред. В.М. Буланкин. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. С. 349–358.
- Шабалина Е.В. Метеорологическая магия Вологодчины: сорок плешивых // Живая старина. 2006. № 4. С. 23–25.
- Шарапов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных коми // Христианство и язычество у народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 148–168.

Список информантов

Омская область

- Боганец Валентина Григорьевна, 1931 г.р., коми, с. Лагушина Калачинского р-на.
- Игнатова Нина Григорьевна, 1941 г.р., коми, д. Имшагал Тарского р-на.
- Каткова Лидия Ефимовна 1936 г.р., коми, д. Спасское Калачинского р-на.
- Карманова Анна Петровна, 1929 г.р., коми, с. Ивановка Тарского р-на.
- Некрасова Зинаида Сергеевна, 1934 г.р., коми, д. Кибер-Спасск Калачинского р-на.
- Подколзина (Неупокоева) Ольга Дмитриевна, 1968 г.р., коми, с. Лагушина Калачинского р-на.
- Юдина Раиса Егоровна, 1940 г.р., коми, д. Имшагал Тарского р-на.

Тюменская область

- Артеев Иосиф Васильевич, 1938 г.р., коми, с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
- Витязев Василий Георгиевич, коми, 1945 г.р., с. Горки Шурышкарского района ЯНАО.
- Вокуев Иван Николаевич, коми, 1948 г.р., с. Саранпауль Березовского района ХМАО — Югры.
- Катаева Галина Викторовна, 1968 г.р., русская, с. Ивановка Ялуторовского р-на.
- Кононова Анна Гавриловна, 1921 г.р., коми, с. Староалександровка Ярковского р-на.
- Кутькин Павел Тимофеевич, 1928 г.р., коми, с. Староалександровка Ярковского р-на.
- Никулина Анна Федоровна, 1916 г.р., коми, с. Староалександровка Ярковского р-на.
- Рокина Агния Егоровна, коми, 1944, с. Саранпауль Березовского района ХМАО — Югры.
- Рокина Александра Егоровна, коми, 1947 г.р., с. Саранпауль Березовского р-на ХМАО — Югры.
- Семьяшкин Борис Степанович, 1938 г.р., коми, с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
- Синягина Антонина Леонтьевна, 1929 г.р., коми, с. Юрга Юргинского р-на.
- Шешукова Мария Михайловна, 1935 г.р., коми, д. Большое Тихвино Ялуторовского р-на.
- Уляшева Анастасия Петровна, 1928 г.р., коми, с. Староалександровка Ярковского р-на.
- Уляшева Глафира Александровна, с. Староалександровка Ярковского р-на.

Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий у коми Западной Сибири

Уляшева Юлия Федоровна, 1926 г.р., коми, с. Староалександровка Ярковского р-на.
Филиппов Андрей Вячеславович, 1932 г.р., коми, с. Саранпауль Березовского р-на ХМАО — Югры.
Чупров Иван Иосифович, коми, 1938 г.р., с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.

Тюмень, ИПОС СО РАН
povod_n@mail.ru
esenewka@yandex.ru

The paper presents field materials describing practices of influencing weather and natural disasters with different ethnoareal Komi groups. On the territory of North Transurals the Izhma Komi, whose main occupation was reindeer breeding, used methods of influencing wind and rain, as well as prevention of avalanches. Agricultural Komi groups, inhabiting southern districts in the basins of Tobol and Irtysh, used methods of fighting with drought and triggering rain, or stopping lingering precipitation, withdrawing thunderstorm and whirlwind. Ritual actions were mainly conducted individually, while in cases of natural disasters (fire or drought) all Komi groups used to practice a collective attack. Basic methods included as follows: spells, using sharp objects, watering graves of drowned men, wetting a grave cross, tabooing certain actions, as well as using thanksgiving services, cross processions, church attributes, and others. At present, a meteorological magic with the Komi is almost out of practice, and certain methods come to mind only as children's games, though they are still keeping practice to pray for preferable weather.

Komi, meteorological magic, popular meteorology, calling rain, calling wind, stopping whirlwind, stopping fire.

ИОГАНН ЛОККЕНБЕРГ — ПОСЛЕДНИЙ ТОМСКИЙ ПАСТОР¹

И.В. Нам

Рассматривается история лютеранской общины Томска с момента ее институционального оформления во второй половине XIX столетия до конца 1920-х гг. На примере жизни пастора И.А. Локкенберга анализируется репрессивная политика Советского государства в отношении лютеранских пасторов в 1920-е гг., результатом которой стало полное уничтожение церковного лютеранства.

Советское государство, лютеранская община, кирха, пастор, религиозная политика, репрессии.

В современном мире, изобилующем этническими и религиозными противоречиями и конфликтами, со всей очевидностью проявляется взаимосвязь между национальными и религиозными чувствами и представлениями, с их нередко одними и теми же носителями. Национальные (этнические) отношения имеют религиозную составляющую, а государственная политика связана с регулированием межэтнических отношений. Особую актуальность эта проблема имеет для России. Одной из ее цивилизационных особенностей является исторически сложившийся полиэтничный и поликонфессиональный состав населения. Наряду с православием в России представлены традиционные христианские исповедания — католицизм и протестантизм и нехристианские религии — ислам, иудаизм, буддизм и др.

При рассмотрении взаимосвязи религиозного и этнического следует учитывать, что полного совпадения этих понятий нет. Даже в случае мононациональной религии (иудаизм у евреев, армяно-григорианская церковь у армян) немало представителей этих национальностей являются последователями других религий или неверующими. Речь может идти только о доминирующей, но не единственной для данной этнической группы религиозной традиции: для русских — православие, для татар — ислам, для бурят — буддизм. Российские немцы делятся на лютеран (большая часть), католиков, меннонитов, баптистов, пятидесятников и др.

Лютеранство — одно из старейших и наиболее крупных по численности направлений протестантизма в России. Его основатель Мартин Лютер вывесил свои «95 тезисов против индульгенций» на воротах Виттенбергского собора в 1517 г., а уже в 1579 г. московские немцы построили первую лютеранскую церковь в России. Особый интерес лютеранство представляет для этнологии в силу поставленных Лютером, наряду с другими, «национальных задач» — ведение богослужения на родном языке (в отличие от повсеместно употребляемого тогда в Западной Европе латинского языка) и «национальное» устройство церкви [Курило, 2002, с. 7]. В дореволюционной России лютеранство исповедовали представители многих национальностей: немцы, финны, шведы, латыши, эстонцы и др. В современной России во многих крупных городах появились лютеранские общины, большинство членов которых — русские люди.

Государственная политика в отношении «инородцев» и «иностранных вероисповеданий» в Российской империи, проводимая в духе просвещенного абсолютизма, смогла обеспечить межконфессиональный мир и сохранить этнокультурное разнообразие населяющих ее народов. Но нарастание системного кризиса в позднеимперской России диктовало необходимость глубоких политических преобразований, в том числе в церковной политике. Падение монархии сопровождалось поиском более совершенной национально-вероисповедной политики, предполагавшей углубление свободы вероисповеданий, но не отрицавшей духовное значение и культурную роль традиционных вероисповеданий. Ситуация радикально изменилась с установлением советской власти, политика которой сразу же приобрела антирелигиозный характер. Марксистская доктрина рассматривала религию как отсталую форму общественного сознания, которое неизбежно отомрет в бесклассовом коммунистическом обществе.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

На различных этапах развития российской/советской/российской историографии разные конфессии исследовались с разной степенью интенсивности. Слабо изучалось католическое и лютеранское присутствие в России, в особенности в советский период. Изучение евангелическо-лютеранской церкви осложнялось тем, что лютеранство было преимущественно исповеданием немцев, составлявших более трети российских лютеран. В советской историографии их история была закрытой темой в связи с особенностями государственной национальной политики и депортацией немцев в 1941 г. [Лиценбергер, 2003, с. 14]. Возросший с середины 1980-х гг. интерес к государственно-церковным отношениям в СССР имел результатом и обращение к судьбе лютеранства в России [Лиценбергер, 1999, 2003; Штрикер, 2000; Курило, 2002; Ключева, 2010; Нам, 2010; Савин, 2009; и др.] Однако наиболее тяжелый в истории лютеран Советской России период — рубеж 1920–1930-х гг. — остается малоисследованным.

В настоящей статье мы попытались частично восполнить этот пробел, рассматривая судьбу лютеранских общин Сибири в этот период на примере прихода церкви Св. Марии в Томске. В центре нашего исследования жизненный путь последнего томского пастора Иоганна Адольфовича Локкенберга (1870–1930). В основу исследования положены архивные материалы (ГАРФ, ГАТО, ИАЭ), часть из них опубликована [Курило, 2002, с. 305–307, 314–315, 331–336], и воспоминания епископа Т. Майера [2005].

В первые годы после революции, особенно в период нэпа, положение лютеранской церкви в Советской России было относительно свободным. Основной удар антирелигиозной пропаганды и политики в это время был направлен против православной церкви. Незнание русского языка значительной частью лютеран, особенно живущих в колониях, как и незнание языков лютеран — немецкого, латышского, эстонского — работниками политпросвета, затрудняли атеистическую пропаганду в их среде. Однако в конце 1920-х гг. положение лютеран резко ухудшилось. Осложнение международной обстановки и проведение в жизнь сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму имели следствием усиление антирелигиозной политики и репрессий по отношению к религиозным организациям, духовенству и верующим. Лютеране из-за их «иностранный» происхождения и специфического национального состава — немцы, финны, латыши и эстонцы — рассматривались как «пятая колонна» недружественных государств и потенциальные противники советской власти [История религий..., 2001, с. 332–334].

Перелом в отношениях советского государства и лютеранской церкви произошел в 1929 г. Начало новой антирелигиозной кампании было положено директивным письмом «О мерах по усилению антирелигиозной работы», разосланным в феврале 1929 г за подписью секретаря ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановича в партийные комитеты. Согласно этому письму религиозные организации объявлялись «единственной легально действующей контрреволюционной силой» [Лиценбергер, 1999, с. 230; Уйманов, 2012, с. 267] и поэтому подлежали уничтожению.

8 апреля 1929 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», которым вводился целый ряд ограничений на деятельность религиозных объединений. Одной из самых неприемлемых была статья 17, в соответствии с которой религиозным объединениям воспрещалось создавать кассы взаимопомощи и оказывать материальную поддержку своим членам, т.е. заниматься благотворительностью, что всегда было неотъемлемой частью лютеранских приходов [Русская, 1996, с. 250–261].

С принятием указанного постановления началось прямое вмешательство государства в дела церкви. В борьбу с религией включились все партийные, советские и профсоюзные организации. Активизировалась деятельность по изъятию у религиозных общин молитвенных зданий. Усилились преследования и репрессии в отношении верующих и духовенства. Лютеранские пасторы, деятельность которых раньше оценивалась ОГПУ как не выходящая «за пределы служения своему религиозному культу и стремления к улучшению своего материального положения», теперь были объявлены врагами Советского государства [Лиценбергер, 1999, с. 231]. Только за шесть месяцев 1929 г. было арестовано восемь лютеранских пасторов. Обвинения против них чаще всего фальсифицировались. Они обвинялись в антисоветской и контрреволюционной деятельности, в сущности, только за то, что исповедовали свои религиозные убеждения.

Свой крестный путь прошел в эти годы и пастор томского лютеранского прихода Иоганн Адольфович Локкенберг. О нем известно очень мало. Как можно заключить из материалов следственного дела, он родился в 1870 г. в д. Беркдорф Херсонской губернии в семье пастора «из онемеченных эстонцев» [Фоминых, 2006]. В 1888 г. закончил частную гимназию Кольмана в

г. Дерпте (Тарту). После этого поступил на богословский факультет Юрьевского университета, который окончил в 1894 г. [ИАЭ (ЕАА), д. 15175]. В 1896 г. был рукоположен в пасторы, служил в разных городах и странах, в том числе в Германии, которую вынужден был покинуть в 1912 г. из-за «несогласованности мышления с реформаторством». Он отказался подчиниться церковному начальству и не стал собирать с прихожан своей церкви средства на дом сестер милосердия, так как последние являлись приверженками кальвинизма. Впоследствии эти обстоятельства увольнения со службы в Германии не раз становились препятствием для поступления на службу в качестве пастора в России. В периоды, когда И.А. Локкенберг не служил пастором, он занимался научной деятельностью, преподавал немецкий и эстонский языки в детских учебных заведениях и давал частные уроки. В Томск И.А. Локкенберг приехал в марте 1924 г. по приглашению местных лютеран из Иркутска, где он недолгое время исполнял должность пастора. К обязанностям настоятеля томского лютеранского прихода он был допущен временно [Фоминых, 2006].

Лютеранская община в Томске, где закончил свой жизненный путь пастор И. Локкенберг, существовала с середины XVIII в. В 1864 г. на средства общины была построена кирха Святой Марии, которая стала центром духовной культуры и общественной жизни лютеран Томска. Община считалась немецкой, хотя среди ее членов были и шведы, и финны, и латыши, и эстонцы. В 1908 г. число прихожан достигало 5,5 тыс. чел., из них половину составляли немцы, другую половину — эстонцы и небольшая часть латышей [Памятная книжка..., 1908, с. 123–124].

Первые лютеранские пасторы Сибири были выходцами из Германии и Швеции. С открытием в 1802 г. Дерптского (Юрьевского) университета и единственного в империи лютеранского богословского факультета здесь началась систематическая подготовка лютеранского духовенства из россиян. В Сибирь направляли главным образом уроженцев Прибалтики, поскольку этническая пестрота лютеранского населения края требовала знаний, кроме немецкого, других языков — латышского, эстонского, финского и шведского. Лютеранские приходы в Сибири простирались на сотни и тысячи верст, поэтому служба пастора требовала большого мужества и самоотверженности. От пастора, умелой организации дела зависели уровень нравственности и постановка школьного дела в приходе. Первые лютеранские школы в Сибири возникали при церквях, и главным, а порой и единственным учителем в них был сам пастор.

Кандидат богословия при сдаче экзамена на право занятия места пастора в приходе, кроме испытаний по богословским наукам, проходил аттестацию по педагогике, особенно по методике начального обучения. Такая подготовка давала возможность привлекать пасторов для работы и в светские учебные заведения. Так, в середине XIX в. из-за отсутствия учителя немецкого языка в томской гимназии, где обучали европейским языкам — французскому и немецкому, на эту должность был приглашен дивизионный лютеранский проповедник А. Тецлав, который обслуживал военных в Барнауле и Томске. Совмещение им проповеднической и учительской деятельности в Томске стало одним из поводов временного переноса в 1851 г. официального местопребывания пастора из Барнаула в Томск. Окончательно резиденция пастора была переведена в Томск в 1889 г. [Черказянова, 2000, с. 59, 63] при пасторе Э.Ф. Бонвече (1887–1891 гг.)². С этого времени Томск становится центром лютеранского прихода Томск — Барнаул, включавшего Томскую губернию и Семипалатинскую область. В 1896 г. пастором Альфредом Келлером³ в Томске была открыта первая в Сибири официально зарегистрированная городская немецкая школа при церкви Святой Марии. С 1909 по 1914 г. томский приход возглавлял пастор А.Г. Леста⁴, а с 1914 по 1923 г. — пастор Л.Г. Гессе⁵.

В 1913 г. Московской консисторией евангелическо-лютеранской церкви была задумана реформа организации сибирских приходов. Число церковных округов планировалось увеличить с

² Бонвеч Э.Ф. родился в 1861 г. в Галке (Поволжье). В 1887–1891 гг. — пастор в Томске, в 1891–1902 г. — в Пятигорске, в 1922–1927 гг. — в Ростове, с 1927 г. — в Баку. С 1927 г. жил в Москве, многократно арестовывался [Лиценбергер, 1999, с. 337].

³ Келлер А.А. (1867–1951) — лютеранский пастор, родился в с. Нейфрейденталь близ Одессы, в 1892 г. окончил богословский факультет Дерптского университета. 23 января 1894 г. был назначен пастором прихода Томск — Барнаул. С 1904 по 1907 г. — пастор в Радомысле, с 1907 по 1910 г. — в Луганске, с 1910 по 1920 г. — в Новочеркасске, в 1921 г. эмигрировал в Швейцарию [ГАТО, ф. 126, оп. 1, д. 920, л. 2 об.–3; Лиценбергер, 1999, с. 357–358].

⁴ Леста Адальберт Густав (1869–1941). С 1896 по 1897 г. был пастором в Ягодной Поляне, в 1897–1904 — в Самаре, в 1904–1909 — в Тобольске, в 1914–1922 — во Владивостоке, в октябре 1922 г. эмигрировал в Германию. Умер в Мекленбурге [Лиценбергер, 1999, с. 363].

⁵ Гессе Леонард Густав (1856–1933). Родился в г. Сарате (Бессарабия). С 1884 по 1886 г. — пастор в приходе Томск — Барнаул, с 1886 по 1888 г. — в Галке, с 1888 по 1914 г. — в Пензе. Умер в Саратове [Лиценбергер, 1999, с. 347].

9 до 17. Церковный округ Томск должен был делиться на три прихода — Томск, Барнаул, Славгород [Майер, 2005, с. 39–42]. Но Первая мировая и Гражданская войны, революция перечеркнули эти планы.

Революция и Гражданская война привели к разрушению органов управления евангелическо-лютеранской церкви России. Лютеране Сибири оказались отрезанными от Генеральной консистории, располагавшейся в Петрограде, и Московской консистории, которой подчинялись сибирские приходы. В эти годы перед лютеранским духовенством встала задача восстановления церковной организации и урегулирования отношений с властью. С инициативой учреждения временной Сибирской евангелическо-лютеранской консистории с центром в Томске, которая могла бы обслуживать все лютеранские приходы, находившиеся на территории, подведомственной Всероссийскому правительству А.В. Колчака, выступил церковный совет кирхи Святой Марии в Томске. На должность президента предлагался председатель церковного совета А.Г. Гернгардт, управляющий делами «Всеобщей электрической компании» в Томске, а пастор прихода Томск — Барнаул Л.Г. Гессе выдвигался кандидатом в вице-президенты и генерал-суперинтенданты [Курило, 2002, с. 219].

Но на пути названного проекта неожиданно возникло препятствие со стороны латышей и эстонцев. В это время в Томске по инициативе Ф.П. Апсена, инспектора 2-го реального училища, образовался отдельный от немцев латышский приход — «первая в Сибири самостоятельная латышская религиозная община». Учитывая это, совет немецкой общины попытался привлечь к совместной работе в консистории по одному представителю латышской и эстонской колоний. Но латыши это предложение не приняли и выработали свой проект — «Положение о Временной ев.-лют. консистории», который получил поддержку и со стороны местных эстонцев. По этому проекту «Временная ев.-лют. консистория» создавалась как высшее «духовное учреждение» с правами «генеральной» консистории, которой подчинялись бы все евангелическо-лютеранские приходы на территории Омского правительства [Курило, 2002, с. 221–222].

В нашем распоряжении нет документов, характеризующих отношение Омска к этой инициативе церковного совета кирхи Св. Марии. Но есть документ (циркуляр департамента милиции управляющим губерниями и областями от 18 июля 1919 г.), свидетельствующий, что группирующиеся вокруг латышского лютеранского прихода в Томске люди пользовались полным доверием Омского правительства: «В эту организацию входят исключительно латыши-интеллигенты и люди с имущественным достатком и с благоустроенным хозяйством, как в городе, так и в деревнях. Считая себя проживающими оседло в России, эта группа латышей признает без всяких оговорок Всероссийское Временное правительство и готова следовать всем его требованиям...». Причина заключалась в том, что Омское правительство, позиционирующее себя как «всероссийское», в это время рассматривало вопрос об образовании Всероссийской лютеранской консистории при главном управлении по делам вероисповеданий, и проект томского латышского прихода, который в этом вопросе «охотно» пошел навстречу Омску, правительство Колчака устраивал в большей мере, чем немецкий проект [ГАРФ, л. 18–18 об.] В этой ситуации представляется сомнительным, чтобы Омск поддержал идею об образовании отдельной немецкой лютеранской консистории в Сибири.

В 1920-е гг. приход кирхи Св. Марии в Томске входил в лютеранскую церковь России, Всемирный лютеранский союз и подчинялся Высшему церковному совету евангелическо-лютеранских приходов в СССР [ГАТО, р-430, д. 10, л. 16–17]. В целом положение лютеранской церкви в Сибири было достаточно тяжелым. На состоянии общин негативно сказывался раскол в евангелическо-лютеранской церкви, вызванный деятельностью лютеранских «обновленцев» — «Свободной евангелическо-лютеранской и реформатской церковью конгрегационального положения». В Сибири раскол поддержали приходы Шенфельд и Подсосново Славгородского округа. Остро ощущалась нехватка пасторов, во всей Сибири было 5–6 служителей культа различного ранга (в целом в стране в 1924 г. насчитывалось 82 пастора по сравнению с 209 в 1918 г.) [Савин, 2009, с. 399].

После установления советской власти в Томске в 1920 г. кирха Св. Марии, как и церковные здания других конфессий, была национализирована и передана общине вместе с богослужебным имуществом в «бессрочное и бесплатное» пользование. Подписанный членами общины договор обязывал не допускать враждебных советской власти политических собраний, распространения книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против советской власти, произне-

сения антисоветских проповедей и совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти [ГАТО, р-430, д. 10. л. 3—4 об.]

По договору община брала на себя обязательство по оплате всех ремонтных работ здания кирхи в случае, если в них возникнет необходимость. Воспользовавшись этим пунктом, власти начали регулярно посещать храм под предлогом проверки его состояния. Результатом каждой проверки было составление акта с перечислением претензий к лютеранской общине и пастору. В ответ пастору приходилось давать «подписку» об исправлении недочетов. Количество претензий возрастало с каждой новой проверкой: разрушение крыльца, слабое отопление и, как следствие, отсыревшие стены, исчезновение тех или иных предметов из имущества церкви — подсвечников, покрывал или фисгармонии (как правило, они исчезали во время церковных служб) [ГАТО, р-430, д. 10, л. 34, 78, 80; д. 23, л. 7; Фоминых, 2006]. В 1927 г. пастору И.А. Локкенбергу пришлось отписываться в связи с вывозом за пределы храма так называемого путевого прибора, который представлял собой комплект церковной утвари, используемый при осуществлении церковных обрядов за пределами храма, в городах и селах, где проживали прихожане. Власти же настаивали, чтобы имущество церкви не выносилось за его пределы, что было само по себе абсурдным [Фоминых, 2006].

В условиях жесткого давления на церковь число прихожан, посещавших церковь, постоянно сокращалось. Описание лютеранской общины Томска в середине 1920-х гг. оставил епископ Теофил Майер, совершивший летом 1925 г. поездку в Сибирь по поручению Генерального синода⁶. «Мне кажется,— писал он,— что мы в Европе до сих пор не имеем правильного представления о том, в каком расцвете еще одно поколение тому назад находилось церковное дело в Томске. Община в Томске, кроме прекрасной церкви, имела также большой церковный дом. Здесь находились пасторат, школа и детский дом. Лишь немногие пасторы в Европейской России имели такую комфортабельную служебную квартиру, как пастор в Томске. Благоприятному внешнему положению общины соответствовало также ее внутреннее состояние. Известные представители науки от университета, деятельные купцы и ремесленники состязались в организации жизни общины. От всего этого остались лишь воспоминания. Община почти исчезла... Красивая церковь еще достаточно прочна, но требует некоторого ремонта, для чего община собрала 150 рублей и надеется получить еще от присоединения сельских общин...» [Майер, 2005, с. 108, 109].

Верующие боялись идти в церковь, опасаясь быть объявленными враждебными государству элементами. Положение в лютеранских приходах, сложившееся в результате ужесточения религиозной политики, было настолько тяжелым, что пасторы не видели смысла в продолжении деятельности общины. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует доклад пастора И. Локкенберга о деятельности церковного совета томской общины 29 октября 1929 г.: «Ввиду того, что население насчет веры терроризировано и упорно держится мнения, что за посещение церкви можно иметь неприятности (попасть в чистку и т.п.), собрания не посещаются. Поэтому и не стоит их собирать. Закон открыто запрещает приходу как таковому заботу о бедных, устройство кружков для всякого рода целей, расширяющих влияние религии, то отпадают все вопросы, которые могут разбираться. Также обстоит дело с церковным советом. Мы ограничиваемся дружескими разговорами. Раньше пастор имел право только тогда требовать от прихожан деньги для ремонта и строительства, если собрание прихожан его уполномочивало. Раз теперь церковь прихожанам больше не принадлежит, то я требую от имени государства, чтобы деньги платились для сохранности строения. Положение прихожан совершенно изменилось, раньше они уполномочивали меня, теперь я от них требую...» [ГАТО, р-430, д. 10, л. 56; Курило, 2002, с. 314—315].

На судьбе томской общины сказался и независимый характер пастора И.А. Локкенберга. Судя по сохранившимся архивным документам, он не принял советскую власть, чего не скрывал. Приведу лишь один факт, свидетельствующий об этом. В ответе на вопрос анкеты, которую должны были заполнить служители кирхи в 1925 г.: «Какой партии сочувствуете и почему?», он написал: **«Партии, которая преследует религию, я не сочувствую»** [ГАТО, р-430, д. 10, л. 11; Курило, 2002, с. 305]. Такую независимую позицию власти пастору не могли не припомнить в 1929 г., когда началась кампания массовых репрессий против священнослужителей. Ему было предъявлено обвинение в нарушении 17-й статьи постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля

⁶ Во время этой поездки епископ Т. Майер посетил все крупнейшие районы и города Сибири от Урала до Монголии (Омск, Новосибирск, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск) и все самые крупные лютеранские колонии.

1929 г., выразившемся в том, что пастор «скрыл» и хранил в кирхе библиотеку из книг религиозного содержания на немецком, французском, английском, эстонском языках, как отмечалось, «не относящихся к отправлению культовых потребностей». Книги эти свободно читались не только прихожанами, но и людьми, не являющимися членами лютеранской общины. В вину пастору было поставлено оказание помощи нуждающимся, что также запрещалось постановлением 1929 г., преподавание немецкого языка и высылка метрических выписок за границу [ГАТО, р-430, д. 4, л. 75; Курило, 2002, с. 315–316].

Сначала пастора лишили избирательных прав, а затем арестовали. В январе 1930 г. И.А. Локкенберга судили в народном суде четвертого участка Томска. На судебном следствии пастор не отрицал, что пересылал метрические записи за границу, признал и то, что не сдал книги, которые было приказано сдать. Одновременно он заявил: «...а в остальном я считаю, что поступал правильно. По нашему церковному закону я считаю себя в остальном невиновным». Приговор был относительно мягким — принудительные работы в течение шести месяцев и штраф в 100 руб. [ГАТО, р-430, д. 10, л. 71]. Но 4 декабря 1930 г. пастор был снова арестован. На этот раз он был доставлен в томский сектор ОГПУ.

Ужесточение антирелигиозной политики было связано с другими коммунистическими кампаниями — массовой коллективизацией и раскулачиванием. «Наступление на кулачество», провозглашенное ноябрьским пленумом ЦК ВКП (б) 1929 г., сопровождалось гонениями на священнослужителей, которые обвинялись в антиколхозной агитации. В качестве основного обвинения, теперь уже по 58-й статье, пастору была предъявлена агитация против колхозов, которую он якобы вел в д. Кайбинка, где жили переселенцы-латыши. На одном из допросов он заявил: «Кто руководит антисоветской работой в Кайбинке, я не знаю, а хотя бы и знаю, но не скажу как пастор. Я лично работы духовной от политической не всегда различаю, например, я одному крестьянину на его замечание, что ему плохо живется, говорил: “давно бы надо сделаться добровольно бедняком и если есть две коровы, одну подари государству и будешь спасен и придираться не будут”». Чем могло закончиться дело по 58-й статье, очевидно, но 11 января 1931 г. пастор умер в больнице при томском изоляторе от «общей слабости и упадка сердечной деятельности». Реабилитирован был И.А. Локкенберг 31 декабря 2002 г. [Фоминых, 2006].

Под предлогом слабого контроля общины за деятельностью пастора и «умышленного нарушения» положения о религиозных обществах, 18 марта 1930 г. договор с общиной был расторгнут [ГАТО, р-430, д. 10, л. 77, 80, 84 об.] При этом никаких жалоб со стороны прихожан не последовало. Все документы кирхи были переданы на баланс Томского окружного финансового отдела. Какой была их дальнейшая судьба, неизвестно. Для вывоза архива и библиотеки потребовалось несколько подвод. А сегодня в фондах Государственного архива Томской области хранятся лишь пять дел с метрическими записями кирхи Св. Марии за разные годы. Заодно с документами прихватили и два ковра, как «бесхозные», один из них принадлежал предыдущему пастору Л. Гессе, другой остался после отъезда в Латвию одного из членов общины [Фоминых, 2006].

Здание кирхи было передано сначала слесарным мастерским профсоюза печатников, затем — морсо-ягодному заводу. В 1936 г. храм снесли, кирпич пошел на строительство здания медицинского института [ГАТО, р-430, д. 10, л. 94, 95, 97]. Тем самым была поставлена точка в судьбе одной из старейших лютеранских общин Сибири и одного из красивейших храмов Томска.

Лютеранская община Томска и ее последний пастор И.А. Локкенберг разделили судьбу многих религиозных общин и священнослужителей, которые стали жертвами массовых репрессий против церкви, развернувшихся на рубеже 1920–1930-х гг. Особенно трагичными эти годы стали для лютеран. Всего за 20 лет советской власти, с 1917 по 1937 г., из 350 лютеранских пасторов в СССР были репрессированы около 130 чел., из них более 90 отбыли длительные сроки заключения в лагерях, 15 были расстреляны органами ГПУ, 22 умерли в заключении, 4 пропали без вести [Штрикер, 2000, с. 107]. Период с 1929 по 1938 г. стал временем тотального уничтожения обеих лютеранских церквей — Финской евангелическо-лютеранской церкви и Евангелическо-лютеранской церкви Советского Союза. Церковное лютеранство фактически прекратило существование. Процесс возрождения церковной лютеранской организации в СССР начался в 1950-х гг. с установлением дипломатических отношений с ФРГ и началом реабилитации репрессированных народов. Лютеранская община в Томске возобновила свою деятельность в 1956 г., сначала нелегально. В 1964 г. томским лютеранам было разрешено проводить собрания в молитвенном доме евангельских христиан-баптистов, в середине 1970-х гг. они приобрели дом для молит-

венных собраний. Большим событием в жизни лютеран Томска стало строительство новой кирхи с прежним названием — кирха Св. Марии, торжественное открытие и освящение которой было приурочено к российско-германскому саммиту, проходившему в Томске 26–27 апреля 2006 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 1а.
ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. Л. 2 об.–3: Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 10, 23.
ИАЭ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 15175 (ЕАА. Ф. 402. N. 2. S. 15175).
Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. Томск, 1908. С. 123–124.
Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М.: Библейско-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. 328 с.

Литература

- История религий в России. М.: Изд-во РАГС, 2001. 591 с.
Клюева В.П. Немцы Тюменской области: Сохранение национальной идентичности через религию (конец 1940-х — начало 1960-х гг.) // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 465–475.
Курило О. Лютеране в России: XVI–XX вв. Минск: Фонд «Литературное наследие», 2002. 400 с.
Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М.: Готика, 1999. 432 с.
Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.) Минск, 2003. 544 с.
Майер Т. В Сибирь: В служении Евангелическо-Лютеранской Церкви. М.: Готика, 2005. 176.
Нам И.В. Судьба лютеранской общины Томска в XX в. // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 484–496.
Савин А. Религиозная жизнь немцев Сибири в 1920-е годы // История и этнография немцев в Сибири. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 370–400.
Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 — 1941 г.). Томск: ТГУ, 2012. 564 с.
Штрикер Г. Лютеране в Сибири: Судьба религиозных общин в Сибири // Лютеране в Сибири. Омск: Изд-во ОмГТУ; Эрланген, 2000. С. 93–114.
Фоминых Е. В круге последнем // Том. новости. 2006. 27 апр.
Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. — 1938 г.). М., 2000. 307 с.

Томский государственный университет
namirina@bk.ru

The paper considers a history of Tomsk Lutheran community from the moment of its institutional formation in the second half of XIX century up to late 1920s. Basing on a life example of pastor J.A. Lokkenberg, subject to consideration being a repressive policy of the Soviet state regarding Lutheran pastors during 1920s, resulting in the total destruction of Lutheran church.

Soviet state, Lutheran community, Lutheran church, pastor, religious policy, repressions.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОИММУННЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ К УРБАНИЗИРОВАННЫМ УСЛОВИЯМ

Р.Ю. Федоров*, Т.А. Фишер**, С.А. Петров**

Статья посвящена изучению адаптационных возможностей детей коренных малочисленных народов Севера при смене традиционной среды жизнедеятельности в тундре на урбанизированные условия проживания. Эмпирической основой работы послужили материалы экспедиций, проведенных на территории Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, на основе которых были осуществлены исследования, рассматривающие в комплексной взаимосвязи социокультурные и психоиммунные аспекты адаптации детей лесных ненцев к условиям обучения в школе-интернате. Поддержана гипотеза о том, что социальные, психологические и физиологические адаптационные механизмы системы жизнеобеспечения индивида являются единым механизмом реагирования на изменения как эндо-, так и экзофакторов.

Коренные малочисленные народы Севера, лесные ненцы, комплексные антропологические исследования, социокультурная адаптация, психоиммунные процессы, этнопсихология, адаптационная мобильность, этнокультурные взаимодействия.

Механизмы адаптации коренных малочисленных народов Севера к урбанизированным условиям продолжают оставаться актуальной проблемой в современных гуманитарных исследованиях. Несмотря на то, что данная тема неоднократно становилась предметом научных исследований, поиск новых методологических подходов к ее изучению не теряет своего значения. В первую очередь это связано с тем, что данная проблематика невольно требует междисциплинарной интеграции. Интегрирующую роль в подобной конвергенции научных дисциплин играют комплексные антропологические исследования, рассматривающие в неразрывной связи социокультурные, этнокультурные и психофизиологические аспекты жизни представителей коренных народов Севера. Мы глубоко убеждены, что подобный подход наиболее продуктивен для адекватного понимания последствий для северных этносов различных изменений в условиях их существования, к примеру, таких как переход от кочевого к оседлому образу жизни, смена рациона питания и необходимость социализации в урбанизированных условиях, загрязнение окружающей среды и сокращение площади промысловых угодий, трансформация гендерных ролей и специфические факторы риска для здоровья подрастающих поколений, а также многие другие ключевые аспекты, от которых сегодня зависит дальнейшее выживание коренных народов Севера.

Несмотря на недостаток междисциплинарных исследований, в которых бы комплексно рассматривались обозначенные выше проблемы, следует отметить целый ряд оригинальных научных работ, в которых затрагивается чрезвычайно широкий спектр проявлений традиционной культуры и этносоциальных аспектов жизни лесных ненцев, включая проблемы их хозяйственно-культурной адаптации к изменениям условий проживания [Митусова, 1929; Вербов, 1936, 1939; Хомич, 1972, 1976; Васильев, 1973; Турутина, 2004; Попков, Тюгашев, 2006, 2007; Зенько, 2006; Волжанина, 2007, 2010; Карапетова, 2012; и др.]. Ряд монографий посвящен специфическим проблемам физического здоровья представителей коренных народов Севера, а также состоянию их генофонда [Манчук, Надточий, 2010; Здоровье коренного населения..., 2012; Коренное население..., 2005; и др.]. Значительного интереса заслуживают работы по проблемам социокультурной адаптации детей коренных малочисленных народов Севера к обучению в условиях школы-интерната [Лярская, 2003, 2006; Зимин, 2013; и др.]. Однако при большом количестве разносторонних исследований все же отсутствуют междисциплинарные работы, в которых в неразрывной связи учитывались бы медицинские, психологические и этнокультурные аспекты формирования подрастающих поколений коренных народов Севера. Мы считаем, что данный подход является ключевым для осознания путей сохранения северных народов и адаптации их жизнедеятельности к современным социально-экономическим условиям.

В качестве объекта настоящего исследования была выбрана группа харампуровских лесных ненцев, проживающих на территории Пуировского района Ямало-Ненецкого автономного округа. За последние десятилетия их образ жизни претерпел значительные изменения. С конца 1980-х гг. многие живущие здесь ненцы оказались без оленей и перешли от кочевого к полупоседлому и оседлому образу жизни, устраивая стационарные стойбища в тундре по берегам рек и занимаясь рыбной ловлей. До наступления школьного возраста дети лесных ненцев живут с родителями в чумах. Когда наступает период учебы в школе, они направляются в специализированный интернат, расположенный в д. Харампур. Резкий переход от традиционного образа жизни к проживанию в условиях школы-интерната нередко становится для детей серьезным стрессом. Поэтому основная задача исследования состояла в изучении механизмов адаптации детей лесных ненцев к урбанизированным условиям, включая оценку влияния социально-психологических факторов и этнокультурных особенностей на их социализацию и психоиммунный статус.

Следует отметить, что смысл, вкладываемый исследователями в понятие «урбанизированные условия», до сих пор остается полемичным. В одних случаях его склонны отождествлять исключительно с пространственными рамками городов, в других — с определенными стандартами городской жизни, которые могут присутствовать в любых типах поселений [Перцик, 1991, с. 125]. На территории Ямало-Ненецкого автономного округа школы-интернаты для обучения детей коренных народов Севера располагаются как в городах, так и в небольших поселках. Несмотря на различия в типах поселений, во всех подобных учреждениях присутствуют такие атрибуты урбанизированной жизни, как общественное питание, стационарное медицинское обслуживание, магазины, библиотеки, клубы, телевизоры, доступ к сети Интернет и т.д. Помимо этого, в отличие от традиционных семейных, родовых и общинных принципов передачи жизненно-важных навыков, характерных для жизни в тундре, в условиях школы-интерната обучение и воспитание детей осуществляется по единым образовательным стандартам. В рамках настоящего исследования, помимо периода обучения детей лесных ненцев в школе-интернате, нас также интересовало их отношение к перспективам дальнейшего проживания в условиях города или поселка, что нашло отражение в приведенных в статье результатах опросов. Эти обстоятельства обусловили выбор понятия «урбанизированные условия» в качестве обобщающего определения современных цивилизационных стандартов жизнедеятельности, которые можно противопоставить традиционному образу жизни ненцев в условиях тундры.

Современные исследования свидетельствуют о серьезных трансформациях психофизиологических особенностей детей коренных народов Севера. К примеру, среди учащихся школ-интернатов наблюдается сокращение роли образного мышления в творчестве. В связи с этим снижается активность правого полушария как одного из важных звеньев процесса адаптации к окружающей среде [Манчук, Надточий, 2010]. Вероятно, это связано с тем, что тип мышления закреплён в языке этнической группы, и он оказывает влияние на формирование образа мира этих народов. Воздействие билингвизма (владение двумя языками) на особенности образа мира объясняется правополушарной стратегией восприятия и переработки информации: из-за русификации уменьшается значение национального («правополушарного») языка, что приводит к снижению уровня самоидентификации, особенно среди индивидов, владеющих только русским («левополушарным») языком [Трутнева, 2004]. Также выявлены изменения показателей в иммунной и эндокринной системах, что свидетельствует о состоянии адаптивного напряжения и росте дезадаптационных изменений функциональных систем, связанных со сменой традиционного жизненного уклада и характера питания на их новые урбанизированные стандарты в условиях проживания в школе-интернате [Кондратович, 2002]. Подобный дисбаланс в системе жизнеобеспечения у детей коренных малочисленных народов Севера объясняется тем, что до школьного возраста они находятся в семьях со своими родителями, которые ведут традиционное хозяйство (оленоводство, рыболовство) в тундре, вдали от цивилизационных благ. Ребенку, попадающему в малоизвестную для него среду школы-интерната, необходимо адаптироваться к новым условиям. В свою очередь, детский организм находится в особо неустойчивом состоянии, когда, разлучаясь с родителями, приходится изменять привычный уклад жизни, питаться другой пищей, есть из другой посуды, спать в другой кровати, общаться с другими людьми и т.д. А любое внутреннее неблагополучие или внешний неблагоприятный фактор может с большей вероятностью привести к срыву (дезадаптации), т.е. развитию болезни. По статистике, именно среди детей подросткового и юношеского возраста отмечается аномально большое

количество психосоматических расстройств и случаев девиантного поведения, которые впоследствии мешают им стать полноценными членами общества [Коренное население..., 2005, с. 118–132]. Поэтому для представителей коренных народов Севера подобный переход из одной культурной среды в другую можно оценивать как критический период жизни, который нуждается в пристальном изучении.

Экспедиционные исследования, ставшие эмпирической основой подготовки данной статьи, проводились в течение 2014 г. на базе муниципального казенного общеобразовательного учреждения «Школа-интернат основного общего образования» деревни Харампур Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа. В ходе работы были обследованы 75 детей лесных ненцев. Группы распределились в соответствии с принятым возрастным делением [Практическая психология..., 2004]. В первую группу — «Дети младшего школьного возраста» вошли ученики начальных классов в возрасте от 7 до 10 лет (всего 31 ребенок). Этот возраст характеризует интенсивное интеллектуальное развитие, когда происходит интеллектуализация всех психических процессов, их осознание и произвольность. Вторую группу — «Дети младшего подросткового возраста» составили 25 детей от 11 до 13 лет. В этом возрасте младшие подростки уже не испытывают (в своем большинстве) трудностей, связанных с адаптацией к обучению в средней школе, с привыканием к новым учителям и более сложным программам обучения. В психическом развитии детей младшего подросткового возраста наблюдаются резкие качественные изменения. Эти изменения касаются разных сторон развития и проявляются в поведении рядом признаков, свидетельствующих о стремлении утвердить свою самостоятельность, независимость, личностную автономию. В третью группу — «Дети старшего подросткового возраста» входило 19 подростков в возрасте от 14 до 16 лет. Для данного возраста характерна повышенная значимость тесных эмоциональных контактов. Интенсивная социализация на фоне противопоставления себя взрослому обществу приводит к усилению негативных реакций и эмансипированного поведения со стороны старшеклассников. В результате для этой группы характерен целый комплекс специфических личностных проблем, который повышает их уровень тревожности.

Из этнографических подходов в исследовании были использованы методы включенного наблюдения, структурированного интервью и формального анкетирования. Специально для исследования авторами была разработана анкета «Осознание этнокультурной идентичности и адаптация к урбанизированным условиям», включающая в себя ряд вопросов, характеризующих отношение респондентов к традиционной культуре и жизни в урбанизированных условиях. Использование анкеты «Приписывание качеств» было направлено на выявление наиболее распространенных автостереотипов лесных ненцев, характеризующих их ценностные идеалы [Тесты и опросники].

Для изучения психологических особенностей учащихся школы-интерната использовался тест «Рисунок человека» [Венгер, 2003], который дает возможность оценить отношение субъекта к изображаемому персонажу, отражает проекцию восприятия ребенком значимой личности из его окружения, а также образа его идеального «Я».

Выявление иммунной недостаточности и частоты встречаемости заболеваний определялось скрининг-тестом, разработанным в Институте клинической иммунологии СО РАМН [Суховай, 1998].

Обобщение собранных в ходе исследования этнографических материалов дает возможность получить представление о проблемах адаптации лесных ненцев к урбанизированным условиям. Как правило, в образе жизни и мировоззрении детей к моменту поступления в интернат сформированы многие этнокультурные особенности, характерные для традиционной культуры их народа. Для начала попробуем обозначить их некоторые ключевые компоненты.

Большинство опрошенных нами учащихся считают своим родным языком ненецкий и отмечают, что в раннем детстве во время жизни в тундре он наиболее часто использовался в их семьях. Однако в условиях интерната основным языком общения и обучения становится русский. Во многом это связано с тем, что уровень владения ненецким языком у детей из разных семей варьируется (в поселках он ниже, чем в тундре), а также тем, что в интернате наряду с ненцами обучаются дети других национальностей, не знающие ненецкого языка.

Большой интерес представляют ответы учащихся интерната на вопросы, характеризующие корреляцию их этнокультурной идентичности и пространственной мобильности. Так, на вопрос: «Чем для вас является природа» — 86 % респондентов ответили — «домом» и только 6 % —

«чуждой средой, таящей опасности». При этом на вопрос: «Чем для вас является город» — 66 % ответили — «домом», а 26 % — «чуждой средой, таящей опасности». Данные ответы продемонстрировали тенденцию к амбивалентности предпочтений детей ненцев к жизни в природной и урбанизированной среде, при этом процент предпочтений традиционного жизненного уклада в тундре остается более высоким. Ответы на следующие вопросы отразили серьезные противоречия в идеальных и реальных предпочтениях учащихся интерната, связанных с выбором условий проживания. Так, на вопрос: «В каком месте вы бы мечтали жить?» — 50 % опрошенных указали национальные поселки и малые города, расположенные на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, 28 % назвали большие города (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень и др.) и лишь 6 % — кочевой образ жизни в тундре. При ответе на вопрос «Где ваша родина?» 40 % указали на национальные поселки и районный центр Тарко-Сале, 20 % решающее значение придали региональной идентичности (Ямал, Ямало-Ненецкий автономный округ, Пуровский район) и лишь 10 % опрошенных отметили, что их родиной является тундра. При уточнении этих данных был задан вопрос: «Хочется ли вам вернуться после учебы жить в родные места (тундру)?». Учащиеся начальных классов ответили на него положительно — 83,4 % (мальчики), 93,75 % (девочки). В среднем звене (младший подростковый возраст) ответ «да» прозвучал у 57,15 % мальчиков и 57,14 % девочек. А вот в старшем подростковом возрасте мнения разделились: 83,4 % мальчиков собираются вернуться в тундру, тогда как только 20 % девочек выразили это желание. Таким образом, ответы учащихся, полученные в ходе проведения формального анкетирования, а также структурированных интервью, демонстрируют выраженные гендерные различия в ценностных ориентациях подростков-ненцев, которые связаны с их представлениями об ожидаемых социальных ролях во взрослой жизни. Большинство опрошенных мальчиков отмечают, что после окончания учебы они хотели бы вернуться в тундру и продолжить заниматься теми видами традиционного хозяйствования (оленоводство, рыболовство, охота), которыми занимаются их родители. Среди девочек к старшим классам начинает преобладать установка на получение высшего образования и последующую жизнь в условиях города или поселка. При этом они отмечают заинтересованность в возможности брака с русскими или представителями других национальностей, связывая это с их большей социальной мобильностью в урбанизированных условиях. Подобные мировоззренческие установки в дальнейшем находят отражение в специфике семейной структуры лесных ненцев, о чем свидетельствуют исследования Е.А. Волжаниной [2010, с. 243], Е.В. Лярской [2010] и др.

В ходе экспедиции нами были исследованы отдельные вопросы, связанные с культурой питания лесных ненцев. Ее характерной особенностью является преобладание белково-липидного типа диеты, в котором значительную роль играет сыроедение. В частности, многие кочевые ненцы до сих пор употребляют в пищу сырую рыбу (строганину), сырое мясо и свежую кровь оленя. Подобный рацион на протяжении многих столетий служил важной составляющей механизма адаптации ненцев к природно-климатическим условиям тундры, позволяя им компенсировать нехватку жизненно важных витаминов и питательных веществ. В ходе анкетирования на вопрос: «Едите ли вы сырое мясо» — были получены следующие ответы. В первой возрастной группе на этот вопрос утвердительно ответили 83,4 % мальчиков и только 25,0 % девочек. Во второй группе: мальчики — 80,0 %, девочки — 57,1 %. В третьей группе: мальчики — 66,7 %, девочки — 70,0 %. На вопрос: «Едите ли вы сырую рыбу» — положительные ответы распределились следующим образом. В первой возрастной группе: мальчики — 75,0 %, девочки — 87,5 %. Во второй группе: мальчики — 66,7 %, девочки — 57,1 %. В третьей группе: мальчики — 50 %, девочки — 70 %. Данные ответы свидетельствуют, что национальные традиции питания играют большую роль в жизни детей лесных ненцев. Однако в условиях школы-интерната введение в рацион питания сырого мяса и рыбы становится невозможным из-за санитарно-эпидемиологических требований.

Для определения гастрономических предпочтений учащимся школы-интерната в возрасте от 9 до 16 лет был задан вопрос: «Какая еда вам больше нравится: приготовленная дома или в интернате?». На него 84 % респондентов ответили, что им больше нравится домашняя пища, и лишь 10 % опрошенных отметили, что предпочитают пищу, приготовленную в столовой интерната. Однако в ответ на следующий вопрос: «Ваше любимое блюдо?» — почти все учащиеся назвали блюда, включенные в рацион их школьного питания, такие как борщ, плов, каши, пельмени, мясные котлеты с картофельным пюре и т.д. С одной стороны, данная тенденция свидетельствует о приспособлении к новому рациону пищи на уровне предпочтений. С другой сторо-

ны, происходит «расшатывание» традиционной культуры питания, с которой закладываются другие установочные нормы в системе жизнеобеспечения, что, в свою очередь, может отражаться на состоянии здоровья детей. Чтобы подтвердить это предположение, в ходе экспедиций была исследована динамика частоты заболеваемости учащихся школы-интерната. Результаты исследования показали, что в младшем школьном возрасте (от 7 до 10 лет) процент встречаемости острых респираторных вирусных инфекций (ОРВИ) составил $75,0 \pm 1,56$, в младшем подростковом возрасте (от 11 до 13 лет) — $67,63 \pm 2,37$ и в старшем подростковом возрасте (от 14 до 16 лет) — $37,5 \pm 1,9$. Уровень герпетической инфекции у детей от 7 до 10 лет составил $35,7 \pm 1,3\%$, от 11 до 13 лет — $27,26 \pm 1,5\%$ и от 14 до 16 лет — $12,5 \pm 1,0\%$ (рис. 1).

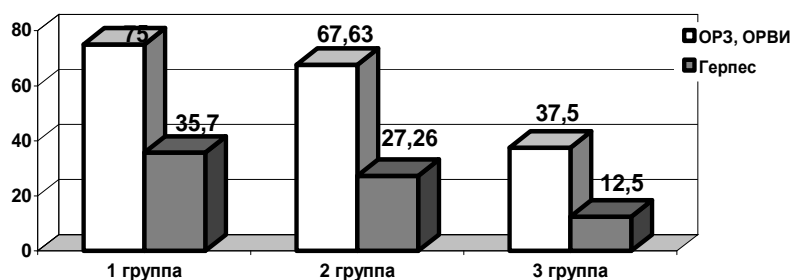

Рис. 1. Частота встречаемости заболеваний у учащихся школы-интерната.

Таким образом, у детей младшего школьного возраста наблюдается снижение защитных сил организма, которое, вероятнее всего, сопряжено с ослаблением клеточного звена иммунитета на фоне стресса, связанного с резким изменением образа жизни. У детей младшего подросткового возраста, успевших привыкнуть к условиям проживания в школе-интернате, наблюдается снижение простудных заболеваний и герпетической инфекции, но при этом увеличивается их затяжное течение. Можно предположить, что дети этой группы частично адаптировались к новым условиям, а изменение адаптационных процессов у них направлено на поддержание состояния равновесия организма (функциональных систем) с окружающей средой. Дети старшего подросткового возраста практически полностью адаптируются к условиям пребывания в школе-интернате. У них существенно снижается частота инфекционных и простудных заболеваний, что свидетельствует о качественных изменениях в состоянии иммунной системы.

Использование опросника «Приписывание качеств» позволило проследить ценностные предпочтения в самооценках, характеризующих разнообразные личностные качества лесных ненцев. Среди них на первое место вышли такие физические характеристики, как «сильные» (85 %), «выносливые» (57 %), и социальные качества: «трудолюбивые» (77 %), «серьезные» (72 %), «гордые» (65 %), «добрые» (60 %), «вежливые» (60 %), «дружелюбные» (55 %), «аккуратные» (55 %), «уверенные в себе» (52 %). Отмеченные респондентами качества характеризуют доминирование в самооценках таких ценностей традиционной культуры ненцев, как выносливость и трудолюбие, бережное отношение к природе и уважение общинных норм поведения. Среди отрицательных качеств лесных ненцев опрошенные чаще всего называли: «равнодушные к окружающим» (23 %), «агрессивные» (22 %), «жесткие» (15 %), «эгоистичные» (15 %), «озлобленные» (10 %), «злоупотребляющие алкоголем» (10 %), «ленивые» (10 %), «пассивные» (10 %). Особое значение хотелось бы придать ответам, характеризующим скрытность ненцев. Так, 32 % опрошенных назвали своих соплеменников подозрительными, 20 % — скрытными и 15 % — недоверчивыми.

Использование теста «Рисунок человека», в котором отражаются не только осознанные, но и бессознательные импульсы и переживания, позволило глубже понять психологические особенности учащихся интерната. Так, при изучении эмоциональной сферы уровень тревоги в первой группе (как у мальчиков, так и у девочек) определен $3,76 \pm 0,28$, во второй группе — $3,87 \pm 0,3$, а в третьей группе — $5,16 \pm 0,2$. Уровень агрессии отмечался только у мальчиков с нарастающей тенденцией к старшему подростковому возрасту ($0,25 \pm 0,17$; $1,4 \pm 0,33$; $2,16 \pm 0,65$) (рис. 2). Ее причины требуют отдельного изучения и, по всей видимости, связаны как с типичными психологическими проблемами этой половозрастной группы, так с рядом специфических социокультурных факторов. К последним можно отнести особенности совместного проживания детей в ин-

тернате, где младшие учащиеся оказываются подчас беззащитными перед агрессией и жестокостью со стороны старших.

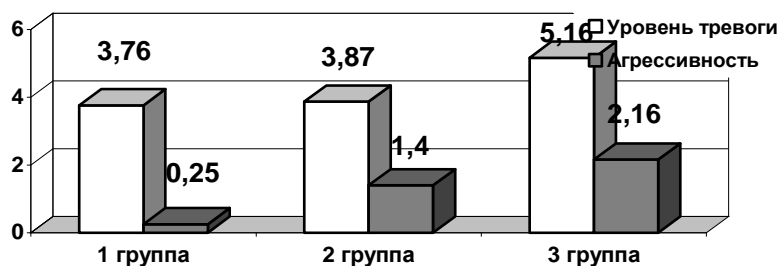

Рис. 2. Характеристика эмоционального состояния учащихся школы-интерната.

При выявлении религиозных предпочтений 46 % учащихся интерната ответили, что они верят в какие-либо высшие силы, причем большинство из них отметили традиционные верования. Однако, как правило, ненцы стремятся скрыть свои религиозные практики от представителей других национальностей. Еще одной характерной особенностью традиционной культуры ненцев являются установки на сокрытие от окружающих целого ряда эмоциональных реакций, открыто демонстрируемых в других культурах. Так, по рассказам информатора Валентины Хыльпяковны Айваседо, 1954 г.р., проживающей в д. Харампур, в ее семье считалось, что во время родов женщина не должна издавать криков, а в случае кончины близких родственников было не принято открыто демонстрировать скорбь и отчаяние. Этот и многие другие аналогичные рассказы свидетельствуют об интровертности психотипа лесных ненцев, во многом обусловленного нормами поведения. Это находит подтверждение при анализе теста «Рисунок человека». В младшем школьном возрасте признаки интровертности превышают экстравертные в 2,2 раза, а в младшем подростковом возрасте — уже в 5,6 раза, что обращает на себя внимание, несмотря на общее соответствие особенностям психики подростков. К старшему подростковому возрасту интровертность снижается до 1,3 раза. Наиболее вероятно, что все эти качества обеспечивают механизм поддержания ряда системообразующих национальных традиций в их неявном для внешнего наблюдателя, имплицитном состоянии.

Наличие в традиционной культуре ненцев своеобразных «тайных практик» довольно хорошо описано и изучено во многих этнографических исследованиях [Митусова, 1929; Хомич, 1976; Турутина, 2004; Зенько, 2006; и др.]. Поэтому ограничимся лишь некоторыми их примерами, наиболее часто фиксировавшимися во время устных бесед с учащимися интерната. В ненецкой семье при рождении ребенку дается национальное «настоящее имя», которое, как правило, известно только членам семьи или рода. При этом во время регистрации в ЗАГСе ребенку присваивается второе, «русское имя», которое впоследствии используется как основное для формальной идентификации человека во «внешнем социуме». В ходе интервью большинство учащихся интерната — лесных ненцев признались в наличии «национального имени», данного им при рождении, однако уклонились от того, чтобы его назвать. Основную причину этого ненцы связывают с тем, что, если их настоящее имя станет известно посторонним людям или недоброжелателям, они приобретут уязвимость по отношению к негативным магическим воздействиям, включая проклятия и сглаз. Данную этнопсихологическую особенность ненцев, связанную с «внешними» и «скрытыми» компонентами их традиционной культуры, важно учитывать в ходе разработки подходов к их социокультурной адаптации в урбанизированных условиях.

Результаты исследования показывают, что в настоящее время в культуре лесных ненцев традиционные и современные (урбанизационные) компоненты тесно переплетены между собой. В процессе инкультурации в дошкольном возрасте дети коренных малочисленных народов Севера перенимают от старших опыт традиционного образа жизни в тундре, а во время обучения в школе-интернате проходят социализацию, соответствующую стандартам жизни в условиях поселка. Это ставит их в непростую ситуацию «раздвоенности» мировоззрения. Известно, что современная социокультурная ситуация создает многообразие форм проявления индивидуальности, а также эмоциональных и поведенческих реакций у детей. Этому способствуют различные факторы, например появление новых коммуникативных технологий, трансформации трудовых ролей и норм поведения в семье и обществе и т.д. В случае лесных ненцев, прожи-

вающих на территории Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, можно проследить достаточно выраженную социокультурную дифференциацию между их отдельными представителями, ведущими традиционный кочевой и оседлый образ жизни. Помимо этих двух типов нередко можно встретить смешанный образ жизни, когда члены одной семьи проводят часть времени на стойбище в тундре, а часть в поселке. Для ненцев типична ситуация, когда молодые люди после учебы в интернате отправляются в город для получения образования и последующего поиска работы, но до конца не могут адаптироваться к урбанизированным условиям и возвращаются к кочевой жизни в тундре. При этом в рассказах информаторов разных возрастов можно часто встретить упоминания об их периодических «метаниях» между традиционным и урбанизационным жизненным укладом, о «раздвоенности» мироощущения, нередко приводящей к серьезным внутренним конфликтам и противоречиям.

Переход от жизни в тундре к проживанию в школе-интернате ведет к изменению адаптационно-защитных механизмов, предназначенных для поддержания гомеостатического баланса в организме. Благодаря способу комплексной оценки социокультурных и психоиммунных аспектов в ходе исследования были оценены адаптационные изменения у детей и подростков коренных малочисленных народов Севера на примере отдельной территориальной группы лесных ненцев. Установлено, что особенности их психического состояния обусловлены, с одной стороны, закономерностями возрастной нормы, с другой — резкой сменой социальных условий. Таким образом, дети лесных ненцев принимают свою этническую принадлежность и традиционную культуру, но в то же время значительная их часть не связывает свое будущее с традиционным образом жизни в тундре (в большей степени — девочки). Динамика заболеваемости учащихся интерната вирусными и простудными заболеваниями имеет свою специфику. Во-первых, на нее влияет общая ситуация нахождения большого количества детей в одном месте и увеличение частоты контактов с посторонними людьми. Вместе с тем можно проследить выраженную дифференциацию частоты заболеваемости у разных возрастных групп (особенно на протяжении первых четырех лет обучения в школе-интернате), которая является признаком дезадаптации иммунной системы. Отклонения в эмоциональной сфере (агрессивность, тревожность) можно рассматривать в качестве ответа на изменение социальных норм поведения. Следовательно, с одной стороны, такие механизмы адаптации помогают детям приспособливаться к переходу с одного образа жизни на другой в течение нескольких лет. С другой стороны, когда дети коренных малочисленных народов Севера привыкают к новым, урбанизированным условиям жизнедеятельности, традиционный образ жизни нередко утрачивает для них привлекательность. В свете этих проблем не теряет актуальность поиск новых путей оптимизации деятельности школ-интернатов, которые были бы направлены на адаптацию воспитательного и образовательного процесса к этнокультурным особенностям обучающихся в них детей. Несмотря на проводимую сегодня на территории Ямало-Ненецкого автономного округа апробацию экспериментальных кочевых школ, позволяющих осуществлять обучение детей без отрыва от их семей и традиционного образа жизни в тундре, доля стационарных школ-интернатов в обозримом будущем будет оставаться решающей [На Ямале...; Настоящее и будущее...]. Данная ситуация во многом связана с дисперсным характером расселения и миграциями многих семей кочевых ненцев, организационно-правовыми сложностями массового внедрения подобных учреждений, нехваткой педагогических кадров, обладающих специфическими навыками, а также довольно высоким процентом социально неблагополучных семей, дети которых нуждаются в материальном государственном обеспечении.

Если учитывать, что социальные, психологические и физиологические (в частности, иммунные) адаптационные механизмы системы жизнеобеспечения являются единым механизмом реагирования на изменения как эндо-, так и экзофакторов [Dotsenko et al., 2013; Suhovey et al., 2014], то наиболее вероятно, что неосознаваемые ресурсы психики изменяют работу и иммунной системы по тем же сценариям, которые мы наблюдаем в психике. Исходя из этого нам представляется наиболее перспективной и адекватной разработка в комплексном виде и практическое применение междисциплинарных исследовательских подходов, учитывающих связи социокультурных и психоиммунных аспектов в процессе адаптации представителей коренных малочисленных народов Севера к урбанизированным условиям жизнедеятельности. Их использование в первую очередь может быть направлено на обеспечение адаптационной мобильности, подразумевающей поиск наиболее безболезненных путей конверсии от одной формы жизненного уклада к другой, реализуемых в форме динамического баланса. При этом для предста-

вителей коренных народов Севера важно обеспечить свободу и доступность самостоятельного выбора между разными культурно-хозяйственными моделями жизнедеятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев В.И.* О генетической природе этнических компонентов лесных ненцев // ЭО. 1973. № 4. С. 106.
- Венгер А.Л.* Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 160 с.
- Вербов Г.Д.* Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 57–70.
- Вербов Г.Д.* Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. № 2. С. 43–65.
- Волжанина Е.А.* Лесные ненцы: Расселение и динамики численности в XX в., современная демографическая ситуация // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2. С. 142.
- Волжанина Е.А.* Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Здоровье* коренного населения Севера РФ: На грани веков и культур /А.И. Козлов и др. Пермь, 2012. 160 с.
- Зенько М.А.* Сибирские лесные ненцы: Историко-этнографические очерки. Екатеринбург: Баско, 2006. 272 с.
- Зимин А.В.* Исследование вопросов социализации школьников в общеобразовательных учреждениях на Крайнем Севере // Знание, понимание, умение. 2013. № 2. С. 284–287.
- Карапетова И.А.* Пуровские лесные ненцы: некоторые аспекты хозяйственно-культурной и социальной адаптации // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 1 (16). С. 92–101.
- Кондратович С.В.* Гигиеническая оценка иммунного и тиреоидного статуса детей коренных народностей Крайнего Севера (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 24 с.
- Коренное* население Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа: Демографические, генетические и медицинские аспекты / Отв. ред. Л.П. Осипова. Новосибирск: ART-AVENUE, 2005. 200 с.
- Лярская Е.В.* Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 309 с.
- Лярская Е.В.* «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках // Антропол. форум. 2006. № 5. С. 242–258.
- Лярская Е.В.* Женщины и тундра: Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропол. форум. 2010. № 13-online. С. 3–39.
- Манчук В.Т., Надточий Л.А.* Состояние и тенденция формирования здоровья коренного населения Севера и Сибири // Бюл. СО РАМН. 2010. Т. 30. № 3. С. 24–32.
- Митусова Р.П.* Год среди лесного народа // Вокруг света. 1929. № 14. С. 12–15.
- На Ямале* создана первая кочевая школа [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.finnougoria.ru/about/events/22410>.
- Настоящее и будущее* кочевого образования на Ямале обсудили в Салехарде [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.r89.ru/novosti/5379.php>.
- Перцик Е.Н.* География городов: (Геоурбанистика). М.: Высш. шк., 1991. 319 с.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. 376 с.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.
- Практическая* психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004. 592 с.
- Суховей Ю.Г.* Функциональное состояние иммунной системы при воспалительных заболеваниях часто и длительно болеющих лиц: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Новосибирск, 1998. 46 с.
- Тесты и опросники* для определения идентичности [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/Dialog-kultur-pr1.php?PrPage=Master>.
- Турутина П.Г.* Лесные ненцы: Сказания земли Пуровской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Гео, 2004. 112 с.
- Трутнева И.В.* Влияние билингвизма на формирование образа мира коренных народов Сахалина (на материале нивхов): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2004. 22 с.
- Хомич Л.В.* Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 199–214.
- Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 189 с.

Социокультурные и психоиммунные аспекты адаптации детей лесных ненцев...

Dotsenko E., Bogdanova M., Fisher T., Petrov S., Suhovey Y. Synchronization of immune and psychic systems associated with social stress // CBU international conference on integration and innovation in science and education. Prague, 7–14 April, 2013. P. 324–328.

Suhovey Yu.G., Koptuyug A.V., Petrov S.A., Dotsenko E.L., Fisher T.A. Psycho-immune Partnership in the Dynamic Responses of Living Systems // Intern. Journ. of Life Science and Medical Research. 2014. № 4. P. 57–70.

*Тюмень, ИКЗ СО РАН

r_fedorov@mail.ru

**Тюменский научный центр СО РАН

fitan72@mail.ru

tumiki@mail.ru

The article is devoted to studying an adaptation potential with children of indigenous ethnic minorities of the North under changing of their traditional environment in tundra into urbanized living conditions. The empirical basis of the paper is represented by materials of expeditions undertaken on the territory of Pur District, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, on which basis they realized investigations considering, in the integrated correlation, sociocultural and psycho-immune aspects of adapting children of forest Nenets to learning environment in boarding schools. The paper supports a hypothesis that social, psychological and physiological adaptation mechanisms in a life support system of an individual constitute a unified response mechanism to changes of both endo- and exo-factors.

Indigenous ethnic minorities of the North, forest Nenets, integrated anthropological investigations, sociocultural adaptation, psycho-immune processes, ethnopsychology, adaptation mobility, ethnocultural interactions.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДЕ ОБИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов, А.С. Афонин

Анализируются новые данные о природном окружении бакальского населения с привлечением материалов городища Ревда 2-1 и могильника Ревда 5 в Притоболье (юго-западный сектор Западной Сибири). Исследование показало, что в IV в. н.э. в Притоболье были распространены полуоткрытые ландшафты с массивами березовых лесов и разнотравными лугами. По-видимому, они еще несли следы кратковременных эпизодов остепнения, спорадически отмечаемых на рубеже эр. Приблизительно с V–VII вв. н.э. вектор природных процессов изменился — происходило постепенное изменение облика ландшафтов, выразившееся в развитии березово-сосновых лесов в Притоболье; дальнейшие трансформации, связанные с интенсификацией процессов заболачивания и появлением чистых сосновых лесов, отмечены начиная с VIII в. н.э. Эти изменения явились откликом растительности на уменьшение континентальности климата, а также сокращение частоты и продолжительности сухих эпизодов в Притоболье начиная с середины I тыс.

Конец раннего железного века, ранее средневековье, палинологический анализ палеоландшафты, юг Западной Сибири.

Введение

Большинство природных архивов в Западной Сибири и Зауралье исследованы и датированы недостаточно детально, поэтому субатлантический период голоцена обычно представлен в целом как время похолодания и увеличения увлажнения. Но для археологии по-прежнему остаются важными кратковременные изменения природных условий и их влияние на локальные условия обитания людей. Нехватка исходных данных о природных условиях в I тыс. н.э. и большая пространственная разобщенность этих данных усложняет реконструкцию природного окружения на рубеже раннего железного века и раннего средневековья.

1. С самого начала атлантического периода голоцена, приблизительно с VI в. до н.э., тенденция увеличения количества осадков наглядно проявилась в палинологических материалах природных архивов и культурных слоев в лесостепи Тоболо-Ишимья [Зах и др., 2008]. В это время поднялся уровень воды в реках, в долинах и на некоторых участках междуречий появляются массивы березовых лесов, колочные островки леса появились и в ранее безлесных степных районах. Эти изменения в ландшафтах сделали более доступными для использования в качестве пастбищ высокие террасы и просторы междуречий, слабо эксплуатируемые ранее. Возможно, становление экономики саргатского населения отчасти базировалось на активном вовлечении этих земель в хозяйственный оборот. Судя по всему, на рубеже эр общий фон природных условий нарушался неоднократно засухливыми интервалами; так, они отмечены во II в. до н.э. в пыльцевых данных саргатских культурных слоев в Притоболье [Матвеева, Рябогина 2003]. Палеорекострукции для степного Зауралья хоть и не показали значительных флуктуаций климата в широком интервале 600 л. до н.э. — 400 л. н.э., однако обозначили время максимального участия сухостепных компонентов спектра в I — начале II в. н.э. [Kalis, Stobbe, 2012; Stobbe, Kalis, 2012]. На материалах двух природных архивов в лесостепи Западной Сибири фиксируются подъемы кривой пыльцы полыни около 112 и 341 kal AD [Рябогина и др., 1999; Рябогина, Орлова, 2002], аналогичное увеличение доли степных биомов зафиксировано и точнее в Кулундинской степи около 145 kal AD [Rudaya et al., 2012]. Таким образом, в конце раннего железного века природная обстановка несла следы нескольких, по-видимому кратковременных, засушливых эпизодов, которые накладывались на общий региональный тренд похолодания субатлантического периода голоцена. Более поздние изменения климатических ус-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири».

Новые данные о среде обитания населения Зауралья в начале средневековья

ловий и облика ландшафтов при переходе к средневековью иллюстрированы пока только на материалах погребенной почвы могильника Устюг-1 и городища Усть-Утяк-1 [Кайдалов и др., 2011; Рябогина, Иванов, 2013] и, безусловно, требуют дальнейшей детализации, на которую и нацелена данная работа.

Район, материалы и методы

Основой для исследования стали почвенные отложения могильника Ревда 5 и городища Ревда 2-1, расположенных в Среднем Притоболье (Ялуторовский р-н Тюменской обл.) (рис. 1). Оба памятника приурочены к границе Ашлыкской провинции подтаежной подзоны и Исетско-Тобольской провинции лесостепной зоны Западной Сибири [Бакулин, Козин, 1996], в настоящее время доля лесов в этом районе нетипично высока для лесостепи. Крупные лесные массивы приурочены преимущественно к песчаным речным наносам вдоль хорошо дренированных III и IV террас правобережья Тобола. Они представлены чередованием подтаежных сосновых травяно-кустарничковых лесов и сосново-березовых травяных лесов, местами заболоченных, в сочетании с суходольными лугами и сельскохозяйственными землями [Растительный покров..., 1985]. Лесостепные осиново-березовые и березовые травяные леса встречаются отдельными большими массивами на террасах нижнего уровня. Луговые сообщества в окружении памятников — это в основном пойменные разнотравно-злаковые луга в сочетании с ивовыми зарослями, для повышенных участков характерны варианты остепненных разнотравно-злаковых лугов. Состав поверхностной пробы вполне адекватно отражает состав современной растительности, суммируя пыльцевую продукцию в этом районе (рис. 2). Так, проба дерна около могильника Ревда 5 (СПК IV) содержала 55 % пыльцы сосны обыкновенной и 31 % — березы, споры сфагновых мхов; среди пыльцы трав лидируют представители астровых и бобовых при незначительном участии разнотравья. Интерпретация этих данных, даже с поправкой на высокую пыльцевую продуктивность древесных растений, указывает на значительную долю лесов в этом районе, преимущественно сосновых.

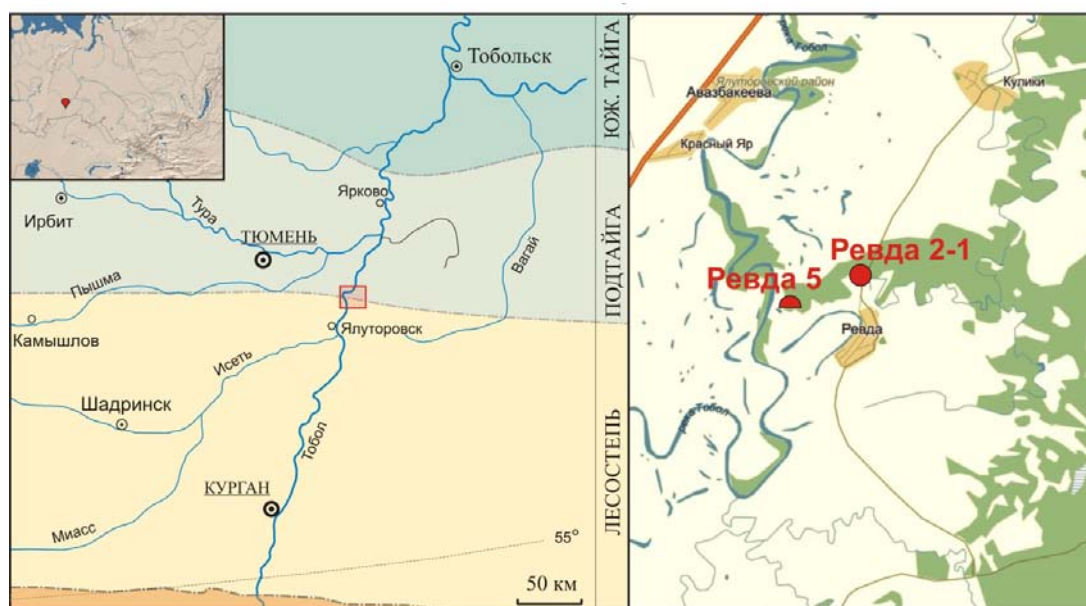

Рис. 1. Месторасположение могильника Ревда 5 и городища Ревда 2-1.

Материалы для спорово-пыльцевого исследования отобраны в 2013 и 2014 гг. в период раскопок указанных археологических памятников под руководством Н.П. Матвеевой.

Могильник Ревда 5 расположен в середине мыса коренной террасы правого берега р. Тобол. Исследованы пять курганных насыпей, площадка с поминальными комплексами и межкурганное пространство. Всего выявлено 13 грунтовых и подкурганых одиночных погребений в виде ингумаций и кремаций на стороне. Предметный комплекс захоронений относится к раннему этапу бакальской культуры, хронология его определена IV в. н.э. Кроме того, зафиксированы

остатки трех сезонных наземных жилищ баитовской культуры со впущенными в них погребениями раннего средневековья. Материал поселения содержит керамику иткульской и баитовской культур, датируется предварительно серединой I тыс. до н.э. [Матвеева, 2015а].

Для спорово-пыльцевого исследования отобраны пробы двух погребенных гумусированных горизонтов на центральной бровке кургана № 9². В почвенном профиле на глубине 0,47–0,39 м зафиксирован *нижний погребенный горизонт* темной серовато-коричневой уплотненной супеси, перекрытой выбросом из погребения. Вероятно, эти отложения заключают в себе культурный слой поселения раннего железного века и почву, формировавшуюся на нем до перекрытия ее могильным выбросом в IV в. н.э. Таким образом, о растительности средневекового времени свидетельствует самый верхний образец нижнего погребенного горизонта. После сооружения кургана его насыпь задерновалась и начался процесс почвообразования, следы которого зафиксированы на глубине 0,21–0,13 м в виде горизонта темно-серой супеси, перекрытой выбросом из грабительского хода. Таким образом, *верхний погребенный гумусовый горизонт* представляет собой почву, образовавшуюся на средневековом кургане от момента его сооружения (IV в. н.э.) приблизительно до XVII в. (времени активного бугрования) [Матвеев, 1991]. Рядом с курганом № 9 была отобрана поверхностная проба почвы, содержащая пыльцу и споры современного растительного фона.

Городище Ревда 2-1 расположено в 4 км от могильника Ревда 5 на краю террасы Тобола, в смешанном лесу. Это городище сезонного типа с кольцевой системой оборонительных сооружений, подпрямоугольными жилищами каркасно-столбовой конструкции с коридорообразными выходами. Предполагается, что данная площадка изначально была занята полукочевым бакальским населением, первый этап функционирования городища относится к V в. н.э. Пришедшее позже юдинское население переоборудовало оборонительную линию, расширив ее границы, обустроило городище новыми типами жилищ с коридорообразными выходами. Таким образом, в связи с отсутствием абсолютных датировок время существования городища Ревда 2-1 определено в широких пределах — от V до XII в. н.э. [Матвеева, Зеленков, 2015].

Два разреза для отбора проб включают отложения канавки и рва 1, накопившихся на разных этапах застройки городища.

Канавка шириной 0,75 м вырыта в материк на 0,24 м, она фиксировалась в северной и южной стенках раскопа. Анализ стратиграфии и планиграфии позволяет считать, что это углубление является следом вкапывания деревянного забора по периметру поселения на самом раннем этапе его существования. Из заполнения канавки на спорово-пыльцевой анализ отобраны две линзы коричнево-серой супеси (0,67–0,60 и 0,42–0,35 м), разделенные оплывом.

Ров 1 шириной 1,8–2 м углублен на 0,44 м в материк и перекрыт материковым выбросом в результате последующего строительства на самых поздних этапах функционирования городища. На спорово-пыльцевой анализ отобраны пробы гумусированной линзы темной-серой супеси (0,67–0,52 м), маркирующей заполнения рва и сформировавшейся на нем почвы. Таким образом, ров 1 являлся элементом следующей, но не последней фортификации на городище и, вероятно, связан с появлением носителей юдинской культуры в VII–VIII вв. К сожалению, не исследованы отложения самого позднего рва 2, сооруженного взамен рва 1 в финале юдинского этапа обитания городища, возможно после какого-то перерыва в функционировании поселка.

Пробоподготовка выполнена в соответствии с методическими рекомендациями по обработке песчано-глинистых пород [Методические рекомендации..., 1986] по стандартной щелочной методике Поста с применением сепарационного метода Гричука. Определение пыльцы и спор проводилось при рабочем увеличении $\times 400$, подсчет велся до 350 пыльцевых зерен древесных пород.

Результаты палинологического анализа

Несмотря на супесчаный состав почвенных образцов, палинологический материал из них оказался достаточно репрезентативным для анализа.

Могильник Ревда 5 (рис. 2)

Нижний погребенный горизонт по своему составу однороден (СПК I), он содержал 90–95 % пыльцы древесных пород, представленной исключительно березой. В группе пыльцы трав наиболее выражено участие полыни и астровых, при участии цикориевых, маревых и разнотравья. Участие споровых растений незначительно, они представлены в основном сфагновыми мхами и плау-

² Отбор проб и описание почвенного профиля выполнено сотрудником ИКЗ СО РАН А.И. Баженовым.

Новые данные о среде обитания населения Зауралья в начале средневековья

нами. Обращает на себя внимание постоянное присутствие клеток коры березы и иглы губок в нижней части горизонта, вероятно привнесенных сюда людьми на поселенческом этапе.

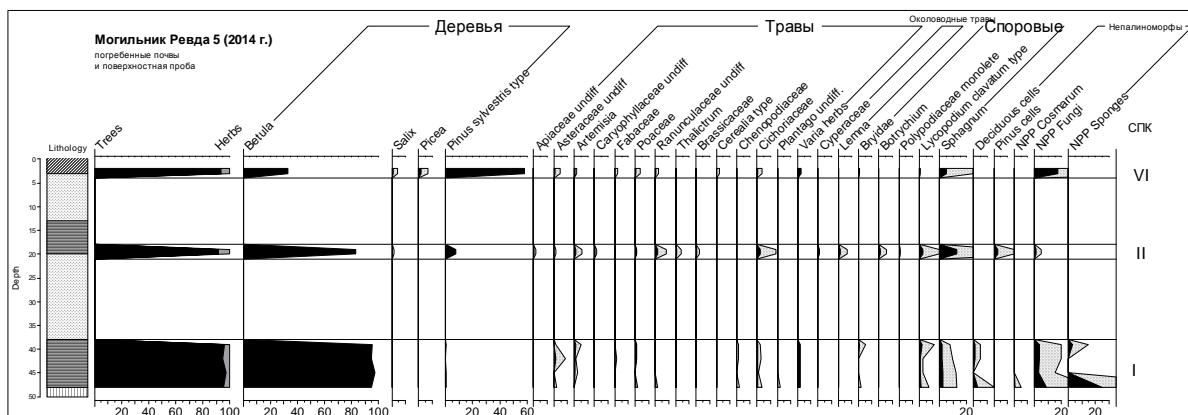

Рис. 2. Спорво-пыльцевой состав погребенных гумусовых горизонтов кургана 9 могильника Ревда 5 и поверхностной пробы.

Верхний погребенный горизонт могильника Ревда 5 (СПК II) также содержит в основном пыльцу древесных пород, преимущественно берез (83 %), хотя в небольшом количестве появляется пыльца сосны (8 %). Доля пыльцы трав не превышает 5 %, в их составе единично встречены те же компоненты, что и в нижнем горизонте, кроме пыльцы ряски, отмеченной впервые. Увеличение доли пыльцы цикориевых, вероятно, маркирует стадию первичного зарастания курганной насыпи. В составе споровой части спектра увеличивается доля сфагновых мхов.

Городище Ревда 2-1

Материалы спорво-пыльцевого анализа гумусированных линз в заполнении канавки (рис. 3) показывают, что нижняя и верхняя часть отложений различаются. В самом начале на стенках углубления канавки откладывались осадки (СПК II) с выраженным доминированием пыльцы березы (53–73 %) и большей долей трав (26–38 %), среди которых по обилию выделяется группа разнотравья и злаковых при участии полыни, маревых и лютиковых. Элементы сорной растительности диагностируются по присутствию пыльцы одуванчика и подорожника. Хорошо представлены споровые растения, в их составе преобладают плауны и папоротники. Достаточно часто встречаются клетки древесины и коры березы и сосны, вероятно от забора на начальном этапе обитания.

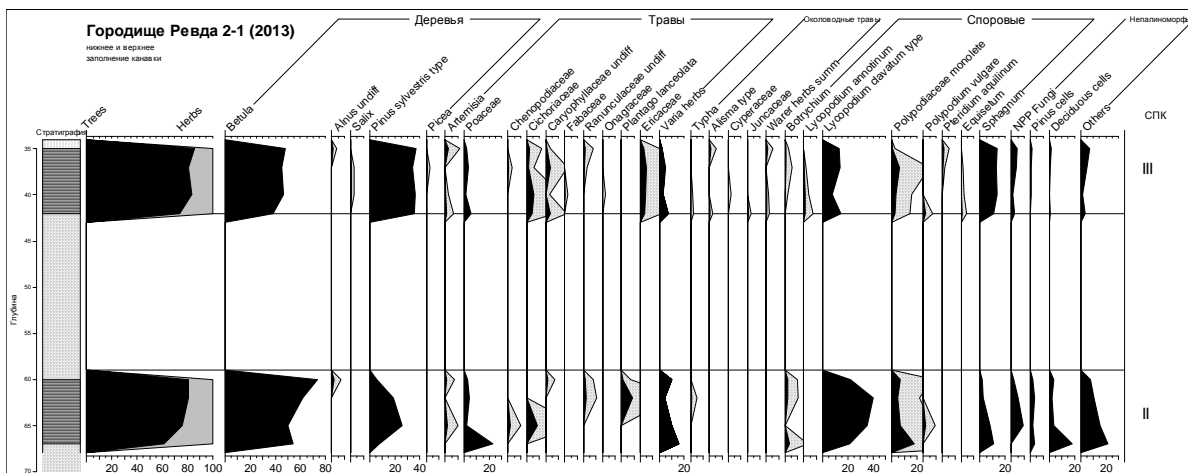

Рис. 3. Спорво-пыльцевой состав заполнения канавки на городище Ревда 2-1.

После запыла углубления оно было задерновано, впоследствии на более поздних этапах функционирования городища образовалась верхняя линза заполнения канавки. Палиноспектры этого уровня (СПК III) отличаются подъемом кривой сосны, появлением пыльцы ивы и ели на фоне сокращения доли пыльцы трав (14–25 %), среди которых обращает на себя внимание появление пыльцы околородных растений, гвоздичных и значительного количества вересковых кустарничков. В числе представителей сорных растений можно отметить обилие пыльцы подсемейства цикориевых и единичное участие пыльцы иван-чая. Изменения в составе споровых растений связаны с увеличением доли сфагновых мхов. Практически исчезают клетки древесины и коры древесных растений, это говорит о том, что новый строительный мусор сюда не попадал.

Заполнение *рва 1* характеризуется ярко выраженным доминированием древесной пыльцы (89–93 %), однако по соотношению основных компонентов оно не однородно. В нижней части отложений (СПК II) преобладает пыльца березы (77–81 %), а в верхних образцах (СПК III) береза и сосна занимают примерно равные доли палиноспектра, кроме того, мозаично отмечена пыльца ольхи и липы. Количество пыльцы трав не репрезентативно, но наибольших значений достигает пыльца иван-чая (3 %), пионерного растения, характерного для мест вырубок и пожаров. Другие растения, возможно связанные с антропогенным изменением растительности: чертополох, представители крестоцветных, зонтичных и цикориевых, отмечены единично. Пыльца гвоздичных, злаковых, лютиковых встречается в меньшем количестве во всех пробах, а вересковые и околородные — преимущественно в верхней части отложений. Среди споровых отмечены сфагновые мхи при участии плаунов и папоротников. Клетки коры сосны и березы встречены преимущественно в верхней части заполнения *рва*.

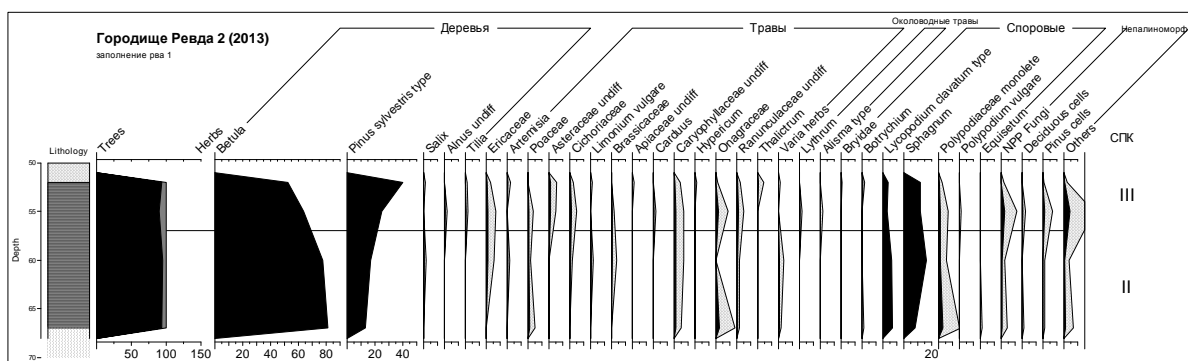

Рис. 4. Спорово-пыльцевой состав заполнения *рва 1* на городище Ревда 2-1.

Заключение

Позатипные изменения в спорово-пыльцевых данных систематизированы в таблице. Отслеживание изменений состава палиноданных практически в одной точке на нескольких хронологических срезах убеждает нас в объективном понимании основного палеоклиматического тренда, ставшего причиной преобразований растительности. Хотя мы отдаем себе отчет, что проанализированные данные и представленные выводы отражают преимущественно местную картину смены состава растительных сообществ и не могут быть однозначно экстраполированы на территорию всего Притоболья или Зауралья.

№ СПК на диаграммах	Относительная хронология и археологический контекст проб	Характеристика растительности
СПК IV	Современность; поверхностная проба	Сосновые и смешанные леса подтаежного облика, разнотравные луга
СПК III	VIII–? вв. н.э.; верхняя часть заполнения канавки и <i>рва 1</i> городища Ревда 2-1	Смешанные березово-сосновые леса подтаежного облика (редко ель, ольха, липа), низинные и верховые болота, разнотравные луга
СПК II	V–VII вв. н.э.; верхний погребенный горизонт могильника Ревда 5, нижняя часть заполнения канавки и <i>рва 1</i> городища Ревда 2-1	Березовые леса, появление участков смешанных сосново-березовых плауново-травяных лесов, разнотравные луга
СПК I	IV в. н.э.; нижний погребенный горизонт могильника Ревда 5	Березовые леса лесостепного облика в сочетании с лугово-степными сообществами

Новые данные о среде обитания населения Зауралья в начале средневековья

Таким образом, показана постепенная смена ландшафтного облика территории около исследованных археологических памятников с середины до конца I тыс. н.э. Наиболее древние отложения, соотносимые IV в. н.э., содержат спектры, отвечающие лесостепным условиям, но с обилием березовых лесов на правобережной террасе Тобола и участками луговых сообществ. Крайне низкие значения показателей пыльцы трав обусловлены тем, что уже в середине I тыс. н.э. терраса была покрыта лесом. Отчасти по этой причине представленные палинологические данные не могут дать объективной информации о доле открытых ландшафтов. Однако в сравнении с данными поверхностной пробы разнообразие таксонов пыльцы трав в погребенной почве могильника Ревда 5 указывает на существенную роль луговых и лугово-степных сообществ в растительности. В целом выводы по палинологическим данным СПК I в значительной степени коррелируются с материалами изучения погребенной почвы могильника Устюг-1 [Рябогина, Иванов, 2013], датированными в близком хронологическом интервале, IV–V вв. н.э. Повидимому, они еще несли следы кратковременных эпизодов остепнения, спорадически отмечаемых на рубеже эр и, возможно, ставших причиной постепенной деградации экономики и распада централизованной общности саргатского населения под влиянием гуннских вторжений в лесостепь [Matveeva, Ryabogina, 2014; Матвеева, 2015б].

Изменения, проявившиеся в отложениях, соотносимых с V–VII вв. н.э., указывают на улучшение условий для развития лесов: их древостой становится более сомкнутым, поэтому появляется покров плаунов и папоротников, вместо чистых березняков — участки сосново-березовых лесов. Эта тенденция продолжилась и позже; начиная с VIII в. н.э. смешанные леса уже определяли облик ландшафтов, кроме того, в редкой примеси отмечены ель, липа и ольха. С этого времени появляются палинологические индикаторы переувлажненных мест — болот низинного или верхового типа и переувлажненных лугов. В целом эти данные характеризуют появление ландшафтов, сходных с подтаежными, на фоне уменьшения континентальности климата, т.е. не напрямую из-за похолодания, а ввиду изменения баланса температур и осадков. Сложно сказать, прерывался ли этот тренд с началом малого термического оптимума в IX–XII вв., так как отложения *рва 2*, характеризующие это время, не попали в объектив нашего исследования.

В заключение хотелось бы отметить, что, по всей вероятности, носители бакальской и юдинской культур тяготели к лесным условиям обитания и сооружали могильник Ревда 5 и городище Ревда 2 непосредственно под покровом леса, на полянах или опушке. Установленный тренд в смене облика ландшафтов (расширение доли сосновых лесов) не связан с антропогенным влиянием, напротив, отмечено, что на поздних этапах функционирования городища люди активно использовали их древесину, о чем свидетельствует появление клеток коры *Pinaseae* и пыльцевых маркеров вырубок и/или пожаров. Ранее сосновые леса не были характерны для этой территории, поэтому маловероятно, что это сукцессия, связанная с восстановлением коренных лесов на месте вырубок или заменившая вторичные березняки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бакулин В.В., Козин В.В. География Тюменской области: Учеб. пособие. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. 103 с.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С. Природные условия лесостепного Притоболья в переходное время и средневековье (по материалам изучения городища Усть-Утяк 1) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 43–46.
- Матвеев А.В. Древнее золото «60-й параллели» // Природа. 1991. № 9. С. 35–41.
- Матвеева Н.П. Отчет Н.П. Матвеевой о проведении археологических раскопок могильника Ревда-5 в Ялуторовском районе Тюменской области в 2014 г. Тюмень, 2015а // Архив ИГИ ТГУ. 1/348.
- Матвеева Н.П. Субкультурные и суперстратные компоненты в культуре раннесредневекового населения западной части Западной Сибири // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015б. С. 155–158.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С. Ревда-2 — новый памятник средневекового населения Западной Сибири // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень, 2015. Вып. 7. С. 17–25.
- Матвеева Н.П., Рябогина Н.Е. Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке (по палинологическим данным) // Антропология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4. С. 30–35.

Методические рекомендации к технике обработки осадочных пород при спорово-пыльцевом анализе / М-во геологии СССР; Всесоюз. ордена Ленина науч.-исслед. геолог. ин-т им. А.П. Карпинского. Л., 1986. 77 с.

Растительный покров Западно-Сибирской равнины / И.С. Ильина, Е.И. Лапшина, Н.Н. Лавренко и др. Новосибирск: Наука, 1985. С. 148–163.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Реконструкция облика ландшафтов Притоболья в раннем средневековье (по результатам спорово-пыльцевого анализа погребенной почвы могильника Устюг-1) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 133–138.

Рябогина Н.Е., Орлова Л.А. Позднеголоценовый торфяник Гладиловский Рям, как индикатор изменения палеоэкологических условий Ишимской равнины // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 203–214.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменского Притоболья в голоцене // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф., посвященной 275-летию РАН. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 61–63.

Kalis A.J., Stobbe A. Archaeopalynological investigation in the Trans-Ural // Вестн. НГУ. Сер: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 297–303.

Matveeva N., Ryabogina N. The Impact of Climatic Fluctuation on Culture in the Finish of Early Iron Age and the Beginning of the Middle Ages in Trans-Urals // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, 10–14 Sept. 2014, Istanbul — Turkey: Abstracts of the oral and poster presentations/ Istanbul: Archaeology & Art Publications, 2014. P. 313–314.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Papin D., Frolova L. Mid-Late Holocene environmental history of Kulunda, southern Western Siberia: Vegetation, climate and humans // Quaternary Science Reviews. 48 (2012). P. 32–42.

Stobbe A., Kalis A.J. Archaeopalynological investigation in the Trans-Ural (Siberia): The vegetation history // eTopoi: Journ. for Ancient Studies. Spes. Vol. 3 (2012). P. 297–303.

Тюмень, ИПОС СО РАН
ryabogina@rambler.ru
ivasenic@rambler.ru

The article focuses attention on analysis of new data regarding natural environment of Bakalsky population, attracting palynological data from Revda-2-1 fortified settlement and Revda-5 burial place in the Low Tobol basin (south-west sector of West Siberia). The new materials showed that in IV c. A.D. in the Low Tobol basin subject to prevalence being semi-open landscapes with massifs of birch forests and grass meadows. Presumably, those still bore traces of short-term episodes of steppe expansion, sporadically indicated at the turn of the eras. Approximately from V–VII cc. A.D., a vector of natural processes was changed — with a gradual change in the landscapes' look, manifested in the development of birch and pine forests in the Low Tobol basin. Further transformations, connected with intensification of swamping processes and occurrence of clean pine forests, were indicated starting from VIII c. A.D. Those changes served the vegetation response to decreasing continentality, as well as to reduction of frequency and duration of dry episodes in the Low Tobol basin, starting from the middle of the first millennium.

The end of early Iron Age, early Middle Ages, palynological analysis, paleolandscapes, south of West Siberia.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу Е.И. Гололобова «Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930 гг.): Исторические корни современных экологических проблем»¹

В.Н. Адаев

Анализируется монография сургутского историка Е.И. Гололобова. Рецензент полагает, что автору удалось представить целостную картину региональной истории взаимодействия природы и человека, становления рационального природопользования и охраны окружающей среды в первой трети XX в. Сама книга является важной вехой в разработке нового направления отечественной науки — экологической истории.

Западная Сибирь, экологическая история, природопользование, природоохранная политика.

С автором книги, сургутским историком Евгением Ильичем Гололобовым, я познакомился лично около 10 лет назад, однако его научные публикации вызвали интерес существенно раньше — с конца 1990-х гг. Те первые статьи сразу обратили на себя внимание не только близкой мне экологической тематикой, но и своей основательностью, методологической новизной. Чувствовалось, что автор очень серьезно и поступательно занимается поднимаемой им проблемой, освещает ее разные и подчас неожиданные ракурсы, подбирает «ключи» к ее раскрытию. Между тем итоговые цели его научного проекта оказались значительно более масштабными, чем мне представлялось. Коллективными усилиями историков из разных краев нашей страны (в числе которых был и Е.И. Гололобов) развивалось новое для отечественной науки исследовательское направление — экологическая история.

Рассматриваемая монография действительно является лишь одним из звеньев в планомерно разрабатываемой Е.И. Гололобовым большой теме экологической истории нашего региона. Если останавливаться лишь на крупных работах, то ранее им были опубликованы тематический сборник документов по природопользованию и охране окружающей среды на Обь-Иртышском Севере [Природные ресурсы, 2005], а также учебное пособие по экологическому источниковедению в истории Сибири [Гололобов, 2005]. Исследователь неоднократно был организатором научных форумов, связанных с экологической историей сибирского Севера (интернет-конференция «Процессы адаптации у населения Севера Западной Сибири (источниковедческий и историографический анализ)», 2008 г.; научный семинар «Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований» в Сургуте, 2015 г.; и др.). В прошлом, 2014 г., он выступил одним из активных участников международной конференции в Елабуге «Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований», знаменовавшей собой окончательное оформление и презентацию данного научного направления в России. Не лишним будет добавить, что на этой конференции сам Е.И. Гололобов был упомянут профессором Казанского федерального университета А.М. Калимуллиним в числе «современных пионеров историко-экологического движения» [Калимуллин, 2014, с. 81]. Отметим, что и книга, оказавшаяся в поле нашего внимания, за шесть лет со времени выхода из печати пережила уже второе издание [2013]. Это, безусловно, свидетельствует о ее востребованности и о злободневности поднимаемых в ней проблем.

Обратимся непосредственно к предмету рассмотрения. Автор, как он пишет сам, представил комплексное монографическое исследование истории взаимодействия природы и человека

¹ Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): Исторические корни современных экологических проблем. 2-е изд., перераб. и доп. Ханты-Мансийск: Издат. дом «Новости Югры», 2013. 214 с.

на Обь-Иртышском Севере (с. 17–18²). В определенном смысле книга явилась откликом на призыв академика РАН Н.Н. Моисеева, в одном из своих выступлений подчеркнувшего настоятельную необходимость восполнения гуманитарной составляющей в научном изучении экологии (с. 19–20). О несомненной актуальности работы свидетельствует глубокая укорененность экологических проблем в прошлом: с первых десятилетий существования советской власти, и даже с более раннего времени, берет свои истоки та парадигма потребительского отношения к природным ресурсам, которая стала главенствующей в нашей стране во второй половине XX в. и далеко не изжила себя сегодня. Одновременно, именно в 1910–1930-е гг., было впервые создано региональное природоохранное законодательство. В книге подчеркнута несомненная высокая значимость природоохранных мероприятий советской власти, положительные тенденции изначально проводимой ей политики и наметившиеся реальные перспективы создания системы рационального природопользования, которым во многом не суждено было реализоваться.

Одной из главных характеристик рассматриваемого произведения является то, что во главу угла поставлена специфика региона. И если подходить к научной значимости исследования с позиции в хорошем смысле слова «местнических» интересов, то выраженный регионализм следует отнести к числу несомненных достоинств работы. Автор сам подчеркивает высокую важность индивидуального (регионального) подхода к представлению отечественной истории, а в более практическом отношении — к решению экологических проблем. Почерпнуть эту «почвенность», по его мнению, можно именно из традиционного опыта. По иронии судьбы, близкую по логике концепцию опоры на регионы (местный опыт и инициативу) пыталось реализовать в своей внутренней политике Советское государство как раз в те годы, что оказались в поле пристального внимания нашего автора.

Обозначенная с самого начала линия подачи материала — от общего к частному — последовательно проводится Е.И. Гололобовым через всю монографию и успешно реализуется сразу в нескольких проекциях. Так, первая глава книги начинается с общей панорамы этапов взаимодействия человека и природы в Обь-Иртышском регионе на всем историческом протяжении, а потом уже отдельно автор рассматривает отрезок времени с 1917 по 1930 г. Благодаря этому становится понятным значение данного этапа в экологической истории региона и весомо аргументируется выбор хронологических рамок исследования. Точно так же Е.И. Гололобов предваряет большинство рассматриваемых проблем их представлением на государственном уровне, а далее уже освещает региональную специфику, с привлечением большого количества частных и, что немаловажно, ярких примеров. Один из наиболее удачных ракурсов этого ряда — описание бюджетного дохода отдельных семей северных промысловиков в 1920-е гг., приведенное после сводки макропоказателей различных отраслей хозяйства населения Севера Западной Сибири (с. 52–53). С помощью большого количества цитирований оригинальных источников автору удается постоянно погружать читателя в атмосферу прошлых лет: реалии жизни простого человека, царившие настроения, волновавшие проблемы, специфику взаимоотношений людей и власти, музыку языка тех времен. Единственное замечание касается излишне частого обращения к эпизодам экологической истории Восточной Сибири, особенно в тех случаях, когда можно было без труда подобрать иллюстрации, относящиеся непосредственно к Обь-Иртышью (см., например, рассказы о варварском промысле копытных на с. 25–26).

Кратко останавливаясь на вводной части монографии, нельзя не упомянуть блестящий историографический очерк, где без лишнего формализма представлен качественный критический анализ основных исследований, связанных с изучаемой темой. Здесь же, во введении, дано авторское определение некоторых краеугольных научных понятий (в частности, «экологической политики»), четко обозначены и аргументированы методологические подходы к исследованию.

Отдельно необходимо отметить тщательную проработку источниковой базы, в том числе научной литературы и периодической печати 1920–1930-х гг. Кроме того, автором привлечено большое количество ценных архивных документов, как выявленных им самих, так и введенных в научный оборот другими исследователями (включая недавно рассекреченные документы, связанные с экологической проблематикой). К столь широкому и хорошо проанализированному кругу источников, быть может, стоило добавить немного больше этнографических работ, посвященных природопользованию народов Западной Сибири. Деловая документация и публикации в периодической печати не всегда во всей полноте отражали реалии хозяйственной практи-

---

² Здесь и далее указание страниц дано по первому изданию монографии [Гололобов, 2009].

ки северного населения. Например, при неоднократном обращении к вопросу о варварских приемах массового истребления животных в 1910–1930-е гг. автор упоминает в основном добычу копытных по насту, а также применение самоловов и перевесов. При этом из этнографии северных народов известно, что они в этот же период широко практиковали не менее губительные для местной фауны методы массового промысла — загонную охоту на песцов и битье линной водоплавающей птицы. Кроме того, более основательная опора на данные этнографии позволила бы избежать некоторых неточностей и недоговоренностей монографии, о чем будет сказано далее.

Немаловажным достоинством книги является наличие справочного аппарата, текст сопровождается большим количеством картографических материалов, графиков и таблиц. Значительное внимание было уделено оформлению работы: каждая глава предваряется иллюстрацией-коллажем и эпиграфом, названиям многих разделов книги автор постарался придать художественную выразительность: «Пасынки НЭПа», «Больше, чем средство передвижения» и др. К полиграфическим недостаткам первого издания монографии следует отнести невысокое качество печати и большое количество опечаток. Во втором издании многие опечатки и оплошности были исправлены, но был, к сожалению, несколько сокращен набор цветных иллюстраций.

Основная часть работы состоит из трех глав. В первой из них обозначены этапы экологической истории края, приведена характеристика особенностей природной среды Севера Западной Сибири, оценен потенциал ее главных ресурсов. Здесь же обобщена и проанализирована информация о стихийных бедствиях и катаклизмах на территории края. Особенно ценны для историков и этнографов сводные данные о хронологии и географии распространения лесных пожаров Сибири, в дополнение к которым опубликована карта ареалов, пострадавших от огня в 1915 г. Важной итоговой частью первого раздела главы является свод главных природно-географических факторов, оказывающих непосредственное влияние на хозяйство сибирского населения. Большой интерес вызывает второй раздел главы, где Е.И. Гололобовым реализована оригинальная реконструкция географического образа Обь-Иртышского Севера — сложной совокупности символов, знаков и представлений, в которых выразилась квинтэссенция данного региона для людей 1910–1930-х гг. Этот успешный, на мой взгляд, опыт наглядно демонстрирует широкий диапазон исследовательских подходов и научных интересов автора, его умение органично сочетать в единой структуре разные по стилистике компоненты текста.

Глава вторая открывается с рассмотрения взглядов научного сообщества на перспективы использования природных ресурсов региона. Далее прослежены дореволюционные предпосылки природоохранной политики и первые шаги советской власти на этом пути. Нужно отметить как достоинство работы, что автор подробно проанализировал не только природоохранное законодательство, но и общественное обсуждение нормотворческих инициатив в периодической печати, а также документы и переписку исполнительных органов власти. Это позволило в итоге сделать объективное заключение о реализации нормативных актов, установить круг основных концепций и идей, определявших содержание социального диалога по экологическим вопросам. В то же время посвященная природоохранному законодательству часть главы достаточно объемна (37 страниц) и сложна для восприятия, так как разработка нормативных документов подана не в строгом хронологическом порядке, а по отдельным хозяйственным отраслям. Такой подход вполне оправдан содержанием и поставленными задачами, но, возможно, было бы лучше изначально объяснить логику изложения данного материала и даже выделить в тексте тематические рубрики: «охрана лесов», «регулирование охотничьего промысла», «землеустройство» и т.д.

В главе хорошо представлен важный вклад общественных, и в частности краеведческих, организаций 1920-х гг. в формирование природоохранной политики. Логичным продолжением регионального ракурса исследования было бы достойное раскрытие роли личности в экологической истории Обь-Иртышья 1910–1930-х гг., тем более что этот небольшой круг специалистов, приложивших немалые усилия к делу рационализации природопользования в крае, так или иначе постоянно упоминается в цитатах автора: В.В. Васильев, А.А. Дунин-Горкавич, В.К. Евладов, С.А. Куклин. К сожалению, данному интереснейшему аспекту не было уделено специального внимания в книге.

В третьей главе последовательно проанализированы состояние основных отраслей северного хозяйства, их эффективность и рациональность, экономические и экологические параметры, а также система организации и историческая динамика развития. Чрезвычайно ярко и ин-

формативно, с обилием конкретных примеров, автором освещены ухудшение экономического состояния северной рыболовецкой отрасли в 1920-е гг., разнообразные проблемы, с которыми сталкивались в повседневности охотники Обь-Иртышья. Раскрыты такие аспекты, как несправедливость формирования цен и условий закупки промысловой продукции, недостаток качественных и эффективных орудий промысла, высокий уровень экономической задолженности населения. Один из интереснейших фактов, отмеченных автором в советской документации по заготовке пушнины,— отсутствие у значительного числа промыслового населения стимула к повышению добычи ради увеличения собственной наживы. Следствием этого была парадоксальная ситуация: рост цены на пушнину приводил к снижению числа добываемого зверя (с. 175–176). В ходе проведенного автором анализа были выделены важные, ключевые параметры местной системы природопользования первой трети XX в.

По содержанию главы необходимо высказать несколько критических замечаний. Некоторые качественные оценки природной среды Обь-Иртышья отличаются излишней прямолинейностью. Таковы, например, указания на неблагоприятность природных условий для оленей на территории Сургутского района к северу от Оби (с. 142, 187) и одновременно — на «благоприятные возможности для развития животноводства» (т.е. содержания лошадей, крупного и мелкого рогатого скота) на Обь-Иртышском Севере (с. 145). Данные утверждения без дополнительных комментариев выглядят по меньшей мере очень спорными.

Целый ряд вопросов вызывает таблица 9 (с. 141), посвященная занятиям промыслового населения на 1929 г. Она, скорее всего, без всякой редакции была перенесена из публикации М.И. Когана [1931]. Вместе с тем заглавие ее рубрики «Хозяйства, занятые промыслами» явно не соответствует содержанию, так как включает графы «оленоводство», «полеводство, животноводство и огородничество». Следовало либо отметить данную несогласованность в материалах источника, либо исправить название рубрики на более точное — например, «Виды занятий промысловых хозяйств». Довольно странными выглядят в этой таблице и крайне высокие показатели занятия северного промыслового населения «полеводством, животноводством и огородничеством» — от 57,4 % для Обдорского района (!) до 81,8 % для Кондинского. Причем, как понятно из таблицы, животноводство подразумевало содержание отнюдь не оленей, а животных, типичных для крестьянского хозяйства. В табличные данные явно закралась ошибка, и чуть далее в тексте главы Е.И. Гололобов сам указывает, что в Кондинском районе «земледелие и скотоводство были развиты незначительно» (с. 142). Тем не менее высокие процентные показатели упомянутой графы таблицы остались без комментариев. Этот недочет остался, к сожалению, неисправленным и во втором издании книги, и он тем более досаден, что является единственным в своем роде: автор продемонстрировал на протяжении всего исследования серьезный критический подход к использованным источникам.

Итоговые выводы исследования, резюмированные в заключении, прямо соответствуют поставленным задачам, и главным результатом проведенной работы можно считать представление целостной картины истории взаимодействия природы и человека, становления рационального природопользования и охраны окружающей среды в первой трети XX в.

Из оставшихся неосвещенными частных замечаний по тексту всей монографии можно указать на следующие небольшие неточности³: Демьянский заказник ошибочно указан как заповедник (с. 120); апеллируя к мнению современных этнографов по поводу благоприятного баланса взаимодействия человека с природной средой, автор ссылается на работу биологов Е.Е. Сыроечковского и Ф.Р. Штильмарка (с. 121); в тексте противопоставляются орудия лова рыбы — сети и режевки (с. 149), тогда как последние являются разновидностью сетей; туруханский поселок Янов стан записан как Яков стан (с. 170). Еще раз подчеркну, что от начала до конца исследования Е.И. Гололобовым выдержан педантичный анализ источников, о чем свидетельствуют постоянные авторские комментарии и суждения относительно объективности цитируемой информации. Тем не менее изредка, видимо следуя по инерции языку источника, автор допускает погрешности в терминологии: например, в списке промысловой фауны сибирской тайги у него присутствуют такие объекты, как «бобер» (вместо «бобр»), «кидус» (без пометки, что это гибрид соболя и куницы, ошибочно относившийся в прошлом к самостоятельному виду) (с. 38); как некий особый тип заповедных объектов коренного населения Сибири выделены «богатырские места» (с. 120–121) — на деле природоохранной функцией у народов Севера обладает широ-

³ Приводятся лишь те ошибки, которые остались неисправленными во втором издании книги.

Рецензия на книгу Е.И. Гололобова...

кий круг почитаемых ими священных территорий, а особенность «богатырских» состоит лишь в свойственном духу-хозяину места облике.

В заключение хочется акцентировать внимание на общих положительных чертах монографии. В целом работе Е.И. Гололобова присущи строгая логика, стройная последовательность и выдержанный научный стиль изложения материала, корректная терминология и проработанная методологическая база исследования. Наконец, необходимо особо отметить, что рассмотренное монографическое исследование отличается полнотой и разнообразием приемов раскрытия темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гололобов Е.И. История Сибири: Экологическое источниковедение Северо-Западной Сибири (конец XIX — начало XX в.): Учеб. пособие. Сургут: РИО СурГПИ, 2005. 121 с.

Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): Исторические корни современных экологических проблем. Ханты-Мансийск: Ред-изд. отдел БУ «Ин-т развития образования», 2009. 224 с.

Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): Исторические корни современных экологических проблем. 2-е изд., перераб. и доп. Ханты-Мансийск: Издат. дом «Новости Югры», 2013. 214 с.

Калимуллин А.М. Природопользование, промышленность, экология: Пересекающиеся истории // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований: Материалы междунар. науч. конф. Елабуга: Изд-во Елабуж. ин-та КФУ, 2014. С. 69–85.

Коган М.И. Советская Азия как пушнопромысловый район. М.: Сов. Азия, 1931. 68 с.

Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929): Сб. док. / Сост. сб., коммент., сл. терминов, географ. и имен. указ. Е.И. Гололобов. Новосибирск, 2005. 290 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

Subject to analysis being a monograph by a Surgut historian Ye.I. Gololobov. The reviewer supposes that the author has managed to represent an entire picture of the regional history regarding the interaction between man and nature, as well as the formation of rational nature management and environmental protection in the first third of XX c. The book itself stays an important landmark in the development of a new direction in the domestic science — an ecological history.

West Siberia, ecological history, nature management, environmental policy.

Рецензия на книгу: Шмидт В.А. В свете личного знания чрезвычайной истины / Темплинг В.Я., Никулина Н.А.: Сост., вступ. слово и коммент.¹

А.В. Барыкин

Представлена рецензия на двухтомное издание источников личного происхождения, отражающих биографию, жизненные взгляды и творчество В.А. Шмидта — религиозного провинциального мыслителя. Документы показывают его отношение к эпохальным событиям XX в., полемику с официально принятыми доктринами и протест идеологическим тенденциям того времени, отстаивание незыблемых этических принципов, религиозно-нравственных основ поведения, метафизических представлений. Публикация сопровождается обстоятельной вступительной статьей и научными комментариями и имеет большое значение для изучения истории российских немцев, индивидуальных стратегий поведения верующих в условиях тотального антирелигиозного режима.

Российские немцы, В.А. Шмидт, советская идеология, религиозная этика, научный атеизм, переписка, автобиография, индивидуальный протест

История XX столетия наполнена многими трагическими событиями, которые оставили глубокие следы не только в памяти отдельных людей, но и в судьбах целых народов: революции, войны, репрессии, депортации, преследования за веру и убеждения, ограничения в правах и т.п. Несмотря на то, что сохранилось немало документальных свидетельств об этих событиях, каждая новая публикация вызывает живой интерес, а данная — еще и уникальна. Уникальность рецензируемого издания определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, тем, что в нем увидели свет ценные документы из семейного архива, принадлежащие перу Вольдемара Александровича Шмидта — мыслителя по призванию, немного писателя и поэта, убежденного и неутомимого борца за свободу вероисповедания. Широкий диапазон документов: литературные произведения разных жанров, этико-религиозные сочинения, автобиографии и переписка — раскрывает необычайно глубокий внутренний мир человека, чей жизненный путь обнимает уникальное время. В сознательном возрасте он был свидетелем эпохальных событий — социалистических преобразований, репрессий, войны, депортации, послевоенных реформ, крушения Советского государства. Во-вторых, жизненный путь В.А. Шмидта, прорисовываемый автобиографиями и многочисленными биографическими вкраплениями в другие тексты, представляет собой очень редкий вариант индивидуальной стратегии поведения рядового советского человека, рискнувшего публично высказать несогласие с официальными взглядами и практиками. Будучи человеком верующим, Вольдемар Александрович не мог смириться с навязыванием научно-атеистического мировоззрения обществу и особенно подрастающим поколениям. В-третьих, данная публикация имеет значение и для изучения истории российских немцев в Тюменской области, которая пока еще не имеет богатой историографической традиции. Единственная монография Е. Эйхельберга уже давно стала библиографической редкостью, немногочисленные статьи по истории лютеранской церкви в регионе, о пребывании военнопленных и некоторым другим темам рассредоточены по малотиражным и недоступным рядовому читателю изданиям [Эйхельберг, 1999; Темплинг 2000, 2004, 2005, 2009].

Следует отметить, что это не первая публикация произведений ишимского мыслителя. Первое, инициативное издание в авторской редакции и под таким же названием было осуществлено в 2005–2006 гг. мизерным тиражом в 50 и 30 экз. и поэтому осталось незамеченным. Жизни и творчеству В.А. Шмидта было посвящено несколько небольших статей [Марикова, 2008; Темплинг, 2012, 2013; Никулина, Темплинг, 2014]. Однако рецензируемый сборник не является копией или даже вариантом первой публикации. Это совершенно самостоятельное, зна-

¹ Шмидт В.А. В свете личного знания чрезвычайной истины / Темплинг В.Я., Никулина Н.А.: Сост., вступ. слово, коммент. Кн. I: Идея. Метод. Жизнь в идее. Делание. Тюмень: Мандр и К, 2015. 416 с.; Шмидт В.А. В свете личного знания чрезвычайной истины / Темплинг В.Я., Никулина Н.А.: Сост., вступ. слово, коммент. Кн. II: Делание. Переписка. Тюмень: Мандр и К, 2015. 320 с.

Рецензия на книгу: Шмидт В.А. В свете личного знания чрезвычайной истины...

чительно дополненное документами из обширного рукописного наследия В.А. Шмидта, систематизированное и структурированное издание со всеми элементами, присущими научным публикациям. Сложность структуры обусловлена целью составителей полнообъемно представить «жизнетворчество» В.А. Шмидта, его универсальный культурный опыт, объединивший разные дискурсивные практики; по этой причине «разножанровые» материалы включены в общие «разделы-концепты», значимые для мировоззренческой и творческой позиции автора. Всего в сборнике пять разделов-концептов: «Идея», «Метод», «Жизнь в идее», «Делание» и «Переписка». Первые три раздела и часть четвертого помещены в первой книге, основной объем второй занимают «Переписка» и часть раздела «Делание».

Открывается сборник разделом «Идея», в котором центральное место занимает главный труд всей жизни Вольдемара Александровича «Законодательство любви» — своеобразный программный документ, в свернутом виде содержащий основные принципы, руководствуясь которыми, как полагал автор, человечество в целом и каждый человек в отдельности смогли бы если и не построить идеальное общество на земле, то организовать жизнь таким образом, чтобы быть достойными перехода в иное бытие. Более 30 лет автор совершенствовал «Законодательство», в основании которого лежат законы формальной логики, три «категорических императива общественной жизни» и цикл этических заповедей, сформулированных на основе и в духе библейского декалога. Об эволюции центрального сочинения автор повествует в довольно обширном предисловии, об этом свидетельствует и комментарий в стихах этических заповедей «Законодательства». Все дальнейшее повествование по существу является разворачиванием обоснования и доказательства правомочности этих законов и характеристикой «метода», с помощью которого можно познать окружающий мир и вести нравственно безукоризненный образ жизни — тот идеал, к которому стремился сам В.А. Шмидт. Свой метод, еще нуждающийся в осмыслении, он назвал «рассудительным познанием средствами лексики».

Третий раздел — «Жизнь в идее» — по мысли составителей призван раскрыть многогранность творческого потенциала автора и то влияние, которое оказали события лета 1945 г. на его личность и дальнейший жизненный путь. В этой части опубликованы стихи разных лет, басни, обширное поэтическое произведение «Монолог в аду, или Рассуждения и замыслы пленного дьявола», притча, размышления автора над высказываниями великих людей. Уникальными являются автобиографии В.А. Шмидта, кои представлены в двух вариантах, один из них создан в необычном формате автоинтервью. Кроме детских воспоминаний о близких, о событиях личной жизни автобиографии наполнены размышлениями о смысле жизни, о путях спасения души. Следует отметить, что биографические инклюзивы встречаются во многих произведениях автора. Но экскурсии в события своей жизни не являются самоцелью, как и все прочие тексты, они подчинены единой цели — просвещению и наставлению читателей. О чем ярко свидетельствуют тексты, помещенные в разделе «Делание».

Центральное место во второй книге, безусловно, занимает переписка В.А. Шмидта. Здесь почти нет писем личного характера. Из 79 писем только одно адресовано родственникам, четыре письма — другим частным лицам, все же остальные направлялись в различные официальные инстанции или общественным деятелям. В хронологическом диапазоне переписка охватывает период со второй половины 1950-х по начало 2000-х гг. (крайние даты 20 ноября 1956 — 30 марта 2008). Впечатляет разнообразие адресатов. Это и первые лица государства Н. Булганин, К. Ворошилов, Н. Хрущев, Л. Брежнев, и редакции центральных газет («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Neues Leben», «Советская Россия», «Учительская газета»); из региональных печатных органов — «Ишимская правда» и «Омская правда». Письма из Ишима направлялись и в адреса Академии наук СССР, Академии медицинских наук, Института Маркса — Энгельса — Ленина, Союза писателей СССР и др. При всем разнообразии адресатов содержание писем также было подчинено одной цели — В.А. Шмидт пытался исходя из своего понимания содержания термина «наука», следуя строгим законам формальной логики, доказать неправомочность существования такого понятия, как «научный атеизм». Он горячо протестовал против навязывания атеистического мировоззрения, особенно детям. Поводом для писем служили газетные статьи и небольшие заметки, выступления чиновников по радио, интервью государственных лидеров, литературные произведения и даже школьные задания для детей. При этом религиозность автора никогда не была воинственной и он не считал возможным навязывать свои убеждения другим, в том числе собственным детям. Вера В.А. Шмидта, хотя и основывается на мистическом откровении, тем не менее лишена мистицизма, в ее основе рациона-

лизм, опирающийся на строго выверенные понятия, логически обоснованные непротиворечивые рассуждения. Любое логическое несоответствие в любом тексте вызывало у автора острую реакцию. В таком случае авторитетов он не признавал и прямо писал об этом и министру, и академику, и университетскому профессору, и советскому Эзопу — С.В. Михалкову. Критике подвергались в том числе и некоторые места Священного Писания (как в русском, так и в немецком переводах). Возвращение Шмидта в религию — яркий пример неэффективности политики государства в этой сфере. Несмотря на колоссальные усилия, направленные на борьбу с церковью и религиозностью, справиться с «пережитком прошлого» Советскому государству так и не удалось. Как бы ни хотелось советским идеологам увидеть в простом народе — пролетариате или беднейшем крестьянстве — носителей светлого будущего, на самом деле все они «родом из прошлого» и воспитывались в духе традиционных представлений и ценностей. Поэтому наивная идея о формировании новой советской общности, например, в условиях строительства советских городов на пустом месте, не имевшем исторической памяти, с треском разрушалась действительностью — и здесь религиозные практики возрождались, и никакими ухищрениями вроде «красных крестин» или «красной пасхи» искоренить их не удавалось.

Стоит сказать, что некоторые философские рассуждения, статьи и даже письма действительно представляют исследовательский интерес; что же касается литературно-художественного творчества (лирические откровения, басни), наивного, в большинстве случаев лишённого эстетической ценности, но подкупающего своей искренностью, оно значимо в отношении дидактической и просветительской функции, образной «иллюстрации» мировоззренческих идей.

Произведения В.А. Шмидта любопытны не только в плане его рассуждений о незыблемых этических принципах, религиозно-нравственных основах поведения, метафизических представлений, но и как свидетельства эпохи, документы, в которых автор открыто выражает свое отношение к происходящим событиям, полемизирует с официально принятыми доктринами, отстаивая право открывшейся ему «чрезвычайной» истины.

Несомненную ценность книге придают обстоятельная вступительная статья и научные комментарии. Органично выглядит трехчастная структура вступительного слова, в котором представлены краткая биография автора, изложены логика построения сборника и принципы, принятые составителями при публикации текстов. Составители оправданно сосредоточили внимание на характеристике творческого наследия В.А. Шмидта, лишь слегка коснувшись его биографии. В этом видится глубокий смысл и отражается главная особенность творчества автора, насквозь пронизанного личным жизненным опытом. Шмидт — не вполне писатель, не вполне художник слова, его мало интересуют красота и необычность метафор, ритмический рисунок стихотворного текста. Являясь носителем сокровенного знания, открыв для себя путь, который по его убеждению, вел к спасению души, в центр своего мировоззрения он поставил бога и вел образ жизни, соответствующий этическим нормам христианства, и все свои размышления подтверждал примерами из личного опыта. Именно поэтому все его произведения насыщены фактами биографии. Обладая спасительным, но глубоко личным знанием, он пытался поделиться им с другими людьми.

Авторы вступительной статьи обосновывают включение в данное издание сомнительных с литературной точки зрения стихотворных комментариев к «Законодательству любви», центральному труду всей жизни автора, которые отсутствуют в первой, прижизненной публикации произведений Шмидта, «контекстом их интерпретации», в них отражается жизнь, живой опыт людей. Авторами особо отмечается дидактичность произведений и всего стиля письма В.А. Шмидта. Страстным призывом к спасению, указанием пути к нему, разъяснениями он продолжает традиции эпохи просвещения. В статье также кратко характеризуются как группы произведений, например басни, притча, стихотворения, автобиографии, письма, так и отдельные сочинения. Разумеется, ограниченные объемы вступительного слова позволили авторам дать только самую общую характеристику творчества В.А. Шмидта. В критическом осмыслении, по-видимому, нуждается и «метод познания мира» мыслителя, основанный на лексическом богатстве языка.

Завершается вступительная статья изложением основных принципов, которыми руководствовались составители при подготовке публикации, и краткой характеристикой неопубликованных рукописей, хранящихся в семейном архиве.

Отдельной оценки достойны и научные комментарии. Они весьма разнообразны по характеру и включают в себя элементы археографического конвоя, краткие биографические справки, литературоведческие и исторические комментарии, временами приобретающие форму развер-

Рецензия на книгу: Шмидт В.А. В свете личного знания чрезвычайной истины...

нутых размышлений. Важным для изучения творчества и размышлений автора представляется и публикация в комментариях вариантов некоторых текстов. Присутствие перекрестных ссылок позволяет читателям оперативно ориентироваться в отношении повторяющихся фактов и размышлений, увидеть их в различных контекстах, в которые они были помещены автором.

В целом следует сказать, что при подготовке издания составителями была проделана колоссальная работа, в результате которой широкой научной общественности представлен оригинальный мыслитель, глубоко верующий человек, бесстрашный, но не безрассудный борец за свободу вероисповедания, очевидно, один из уникальных представителей советского поколения, отличавший и отделявший вековую человеческую мечту о высшем справедливом обществе от той модели, что воплощалась в Советском государстве. Представляется, что более детальное изучение идей В.А. Шмидта, его произведений, тактики поведения, выборов и решений, принимаемых в разных жизненных ситуациях, позволивших ему преодолеть все преграды и опасности, подстерегавшие разного рода несогласных со стороны советской системы, и стать свидетелем ее распада, имеет большое значение для воссоздания некоторых особенностей реальной картины социальных взаимоотношений в советском обществе. Перед нами своеобразный пример индивидуального, внутреннего протеста системе, который, вероятно, еще предстоит исследовать и понять.

Думается, что издание станет заметным событием культурной жизни нашего региона и будет с интересом воспринято не только научной общественностью, но и массовым читателем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Марилова Л. «Я человеком стал как есть» // Сиб. богатство. 2008. № 4. С. 56–59.

Никулина Н.А., Темплинг В.Я. Писательство как служение «истине чрезвычайной»: (Опыт конструирования творческой биографии писателя из сибирской провинции) // XXII Лотмановские чтения (Москва, 23–24 декабря 2014). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=2633286>.

Темплинг В.Я. Военнопленные Второй мировой войны в Тюмени // Ежегод. ТюмОКМ 1999. Тюмень, 2000. С. 102–112.

Темплинг В.Я. Лютеранская церковь в Тобольской губернии (XVIII–XIX вв.) // Aus Sibirien — 2004: Науч.-информ. сб. Тюмень, 2004. С. 74–76.

Темплинг В.Я. Линия судьбы: (О привлечении советских немцев к работе с военнопленными) // Aus Sibirien — 2005 // Электронная библиотека «Путь в Сибирь» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/templing-v.ya.-tyumen-rossiya-sudby-o>.

Темплинг В.Я. «Сон смешного человека» Вольдемара Шмидта: (Случай как поворотный момент в жизненном пути) // Креативная экономика и социальная инновация. 2012. № 2 (3). С. 152–157.

Темплинг В.Я. Один на один с атеизмом: (Дон Кихот от религии Вольдемар Шмидт и его «личное знание чрезвычайной истины») // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Человек и религия» (Минск, 14–16 марта 2013) / Под. ред. С.Г. Карасевой, С.И. Шатравского. Минск, 2013. С. 189–194.

Эйхельберг Е.А. Немцы Тюменской области: Прошлое и настоящее. Тюмень: Вектор Бук, 1999. 152 с.

Тюменский государственный институт культуры
kafedra_skd@mail.ru

Subject to presentation being a review of a two-volume edition containing sources of personal origin, reflecting a biography, life creed and creative work of V.A. Schmidt — a religious provincial thinker. The documents show his attitude to epoch-making events of XX c., debating with officially accepted doctrines, protesting against ideological tendencies of that time, defending immutable ethical principles, religious and ethical behaviour foundations and metaphysical notions. The publication is accompanied by a detailed introductory article and scientific comments. It is of great importance for studying history of the Russian Germans and individual strategies of believers' behaviour under a total antireligious regime.

Russian Germans, V.A. Schmidt, Soviet ideology, religious ethics, scientific atheism, correspondence, autobiography, individual protest.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**);

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют переведенные на английский язык:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— аннотацию, написанную качественным английским языком (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии, сборника в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984d, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертековской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГАУ НСО НПУ НСО — Государственное автономное учреждение Новосибирской области «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
ГУТО ГАТ — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА АН СССР (РАН) — Институт археологии АН СССР (РАН)
ИА НАН — Институт археологии Национальной академии наук
ИАЭ — Исторический архив Эстонии
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛО ИА АН СССР — Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НОКМ — Новосибирский областной краеведческий музей
ПМА — Полевые материалы автора
ПНИЛ ЦАИ УрФУ — Проблемная научно-исследовательская лаборатория Центра археологических исследований Уральского федерального университета
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ
СО АН СССР (РАН) — Сибирское отделение АН СССР (РАН)
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТКНС УрО РАН — Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ТюмОКМ — Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я. Словцова
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО АН СССР (РАН) — Уральское отделение АН СССР (РАН)
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЭО — Этнографическое обозрение
ЮАО — Южный берег оз. Андреевского

Электронный журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (30)

2015

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 30.09.2015.
Уч.-изд. л. 21,9.

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.